

КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Литературный ежегодник

Орган творческого объединения писателей Коломны

ИЗДАЁТСЯ КОМИТЕТОМ ПО КУЛЬТУРЕ КОЛОМЕНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА

ВЫХОДИТ С 1997 ГОДА

2021

ВЫПУСК
ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГЛАВНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

**НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ (1821-1878)**
СМЕРТИ4

ПЕРВАЯ КОЛОНКА

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД.....7

ПРОЗА

ВЛАДИМИР КРУПИН
ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ. Повесть..... 15

НИКОЛАЙ БРЕДИХИН
ДИКАРКА. Рассказ.....47

СЕРГЕЙ МУРАШЕВ
В ОЖИДАНИИ ТЕПЛА. Рассказ67

ВЯЧЕСЛАВ КОРОЛЁВ
ЛЕЙТЕНАНТ И ЗОСЯ. Рассказ.....79

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ
СТАРОЕ ЗЕРКАЛО. Рассказ83

ИННА ГОФФ
РИСУНОК КАРАНДАШОМ. Рассказ.89

ПОЭЗИЯ

РОМАН СЛАВАЦКИЙ	
КРИПТА	95
ВЛАДИМИР КОСТРОВ	
НЕ ОСУЖДАЙТЕ БЕДНОГО ПОЭТА	109
ЕВГЕНИЙ ЮШИН	
ДАЙТЕ РОДИНОЙ НАДЫШАТЬСЯ	117
МИХАИЛ КУКУЛЕВИЧ	
ПИТЕРСКИЕ СТРАНИЦЫ.....	127
ОЛЕГ КОЧЕТКОВ	
МЫ СЕБЕ ЕЩЁ ДОРОГИ.....	135
АНДРЕЙ ШАЦКОВ	
ПОД КРЕСТОАНДРЕЕВСКИМ СТЯГОМ.....	141
НАДЕЖДА ЛИСОГОРСКАЯ	
ДОЖДИ ЗАМУЧИЛИ ИЮНЬ.....	145
АНДРЕЙ КОРОВИН	
ВЕТРЕННЫЕ ПЕЙЗАЖИ.....	153
МИХАИЛ БОЛДЫРЕВ	
СЕДЯЯ ЛИРИКА.....	161
ЕВГЕНИЙ ЗАХАРЧЕНКО	
ВСТРЕЧИ-ПРОВОДЫ.....	167
КСЕНИЯ НАГАЙЦЕВА	
СТРЕМИТЕЛЬНАЯ СИЛА ПОВОРОТА.....	171
МИХАИЛ ПРОХОРОВ	
СОЛНЦЕВОРОТ	175
СЕРГЕЙ КАЗНАЧЕЕВ	
«ВДЫХАЯ ЧАБРЕЦ, ЗВЕРОБОЙ...»	183
АНАТОЛИЙ КУЛАГИН	
«МУЧИТ ТАЙНА КАЖДОГО СВОЯ»	191
ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ	
КОВЧЕГ	207

БЕСЕДЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

ВОСХОЖДЕНИЕ К ДОСТОЕВСКОМУ

БЫЛА ВОЙНА

РОДИМАЯ СТОРОНА

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

ЯВЛЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО 217

ГЕОРГИЙ ПРОХОРОВ

ДОСТОЕВСКИЙ И РЁСКИН 233

СЕРГЕЙ ПРОХОРОВ

ДАРОВОЕ В ПРЕДАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ..... 241

ЕВГЕНИЙ ЛОМАКО

КОЛОМНА ПРИФРОНТОВАЯ. Очерк 247

ВЯЧЕСЛАВ АРТЁМОВ

СЛОВО О МАРШАЛЕ ЖУКОВЕ. Поэма.... 259

СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ

РАНЕНИЕ СТАРОГО
ВОЛЬФГАНГА. Рассказ..... 271

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ

НА БЛЕДНОЙ ДОРОГЕ. Рассказ..... 285

НИСОН ВАТНИК

МНОГОЛИКИЙ ГЕРБ КОЛОМНЫ.
ОБРАЗЦЫ И ПРИМЕНЕНИЕ
ВО ВРЕМЕНА ИМПЕРИИ..... 293

ТАТЬЯНА ЗАЛАТА

ПЯТЬ БРАТЬЕВ ОЗЕРОВЫХ..... 313

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

ГОЛУТВИНСКИЕ ИСТОРИИ..... 323

АЛЕКСАНДР САХАРОВ

КОЛОМЕНСКАЯ ЗАГАДКА
НИКОЛАЯ КРАСНОВА 343

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

(1821-1878)

СМЕРТИ

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнём мучений
Сгорает в пламени страстей.

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела;

Когда внушеньям духа злого,
Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нём нет святого,
И много, много грешных дум.

Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови
И в чёрном рубище порока
Меня на небо не зови!

Не приходи тогда накинуть
Оков тяжёлых на меня:
Мне будет жалко мир покинуть,
И робко небо встречу я...

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях, и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный,
Безгрешен сердцем и душой,
И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увlech не в силах за собою;

Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу — смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдёт...

ПОЧЁТНОЕ ЗВАНИЕ

Решением секретариата Союза писателей России от 16 марта 2021 года, за заслуги перед отечественной культурой, русской литературой, за сохранение единого литературного пространства России Почётное звание «Литературный город России» присвоено городу Коломна Московской области.

Решение секретариата было оглашено на заседании Литературной гостиной «Парк культуры» СП России, посвящённой Всемирному дню поэзии.

Писатели России поздравляют своих коллег, проживающих в подмосковной Коломне, в том числе и с высокой оценкой их личного творческого труда!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД

Первая колонка

Четверть века... Не только для любого из нас, но и для всей страны — срок заметный. Достаточно вспомнить, «чему свидетели мы были», начиная с 1997 года! Некогда великая империя агонизировала, а компания «странных» провинциальных сочинителей вместо того, чтобы взять тележку и отправиться на рынок торговать турецким товаром, решила выпускать... литературный альманах!

Вы и представить себе не можете, любезный читатель, сколько насмешек и ехидных замечаний пришлось выслушать тогда нам по этому поводу!

До сих пор не могу понять, что заставило тогда взяться за это, казалось бы, безнадежное дело. Может быть, то, что ровно тридцать лет назад я приехал в Коломну и очень быстро превратился... в коломенца. Есть что-то в здешнем воздухе, что делает чужаков «своими в доску». И как тут не помянуть добрым словом моих новых друзей и коллег? А среди них первое место занял, конечно же, писатель *Валерий Королёв*, который ввёл меня в здешний литературный мир.

Грустный парадокс: Королёва не стало совсем незадолго до того, как мне и собратьям по литературному цеху пришла в голову мысль об издании «Коломенского альманаха»... Но на протяжении многих лет его повести и рассказы определяли характер и стиль нашей прозы.

Каким-то чудом удалось собрать средства на первый выпуск альманаха. Сейчас он издаётся в Коломне, а начало его состоялось в столице, в издательстве «Советский спорт». Именно там нам тогда помогли сформировать внешний

образ книги, использовав фотографию *Юрия Колесникова*: Маринкина башня и птица, вылетевшая из её бойницы... Самый известный коломенский миф... И, словно вдохновляясь им, книга отправилась в волшебный полёт во времени и пространстве.

Со второго номера на много-много лет альманах приютил журнал «Москва», помогая нам создавать красивые, умные, содержательные тома, наполненные произведениями талантливых авторов.

Честно говоря, мы не осмеливались думать о продолжении. Но профессор *К.Г. Петросов*, выступая на презентации альманаха в Доме Озерова, сопровождал литературоведческий обзор сборника неожиданным и категорическим утверждением: необходимо продолжить начатое дело!

Раз уж зашла речь о Константине Григорьевиче, то надо вспомнить и его, и тех, кто вместе с ним оказал огромную помощь в становлении сборника. К.Г. Петросов заново открыл историю удивительного литературного сообщества Черкизова и Старков. Благодаря ему были заново явлены полузабытые имена талантливых поэтов — *Веры Меркурьевой* и *Александра Кочеткова*, стало особенно близким для коломенцев наследие *Анны Ахматовой* и *Сергея Шервинского*. Константин Григорьевич отыскал и привёл в альманах многих авторов. И на первых порах помогал нам формировать раздел «Поэзия». Помню, когда мы обсуждали идею альманаха, он сказал:

— У вас всё получится.

В значительной степени с его лёгкой руки в круг наших друзей вошёл и *Александр Петрович Ауэр* — ведущий исследователь творчества *Пильняка*. А значит, и Пильняк вернулся в Коломну! И не просто как большой писатель, но и как неотъемлемая часть огромного духовного явления.

Профессор *В.А. Викторovich* недавно опубликовал в «Библиотечке «Коломенского альманаха» монографию «Коломенский текст». И вряд ли у кого получится раскрыть это понятие лучше, чем это сделал Владимир Александрович. Ясно, что основу литературного образа «Душа Города» заложили три имени: *Лажечников, Гиляров-Платонов, Пильняк*. Именно они превратили пространство Старого Города в фантастический миф, населили его улицы и дома теньями литературных героев. Это — сердцевина «коломенского текста». Но если охватить мысленным взором его общий объём, то во всём величии предстаёт громадность этого духовного явления. Начинаешь понимать скрытую логику нашего культурного процесса, взаимосвязь ныне живущих творцов с их предками, ведь удивительное облако художественных образов и смыслов, которое филологи именуют «*Коломенским текстом*» или «Душой города», таится во многовековой истории Коломны.

Существует устная летопись, мощный пласт народных преданий, часть которых собрана *Н.Д. Иванчиным-Писаревым* в его «*Прогулке по древнему Коломенскому уезду*», которую мы недавно опубликовали вновь. Потом они отразятся в прозе и Гилярова, и Пильняка.

Но были ещё тексты летописей и археологические сокровища. И конечно же, славная «*Задонищина*» и другие памятники средневековой коломенской литературы.

Надо отметить, что самый ярчайший портрет Коломны середины XVIII века создал *о. Павел Алеппский*. Одного этого уже достаточно, чтобы с достоинством войти в историю русской литературы.

Но ведь был ещё «Ос്മнадцатый век»! Историки: солидный *Миллер* и великий *Карамзин*, знаменитый просветитель и насмешливый журналист Новиков — все они внесли свой вклад, свои страницы в «коломенский текст».

На рубеже XVIII–XIX веков коломенцы касаются, если так можно выразиться, «вселенского текста». Из коломенской Духовной семинарии вышли выдающиеся духовные деятели. Это великий иерарх, небесный покровитель Коломны святитель *Филарет*, благодаря которому появился русский перевод *Священного Писания*. Он сам участвовал в этом грандиозном деле, переложив на современный язык таинственное *Евангелие от Иоанна*. А однокашник и собрат Московского и Коломенского владыки *Моисей, экзарх Грузии*, перевёл *Евангелие от Луки*. Поразительный факт! Россия во второй половине XIX века заново открыла для себя Писание, и коломенцы, как справедливо заметил поэт, историк, литературовед *Роман Славяцкий*, имели к этому самое непосредственное отношение! Странно, что мы почти ничего не знаем об этом деянии, хотя его значение в культурной жизни Руси невозможно переоценить.

Что говорить о Лажечникове и Гилярове! Они определили художественный образ Коломны на всё XIX столетие. Их тексты (особенно — Лажечникова) сыграли ключевую роль в развитии «Коломенского альманаха». Из номера в номер переходит раздел «Мир Лажечникова», где публикуется и творческое наследие писателя, и научные материалы, ему посвящённые.

Мало кто знает, что в родстве с Гиляровыми был великий драматург *А.Н. Островский*. Его московские пьесы отмечены коломенским колоритом, что не удивительно. Он бывал в нашем крае, встречался с близкими, собирал местный фольклор...

А многие ли знают, что в Коломенском уезде, пусть и недолго, побывал *Гоголь*? И многие ли сегодня помнят *Д.В. Григоровича*, имя которого гремело в позапрошлом веке и рассказы которого связаны с окрестностями города? Кстати, именно Григорович открыл России *Достоевского*. А сам Фёдор Михайлович неоднократно бывал в Коломне проездом в Зарайскую землю — в любимое имение *Даровое*.

Не коломенский ли воздух шептал им всем нужные слова, навевал сюжеты, дарил мощь пера и страсть сочинительства, рождал образы, заставлял обращаться взором к всегда неожиданному, расцвеченному изумительными красками коломенскому небу с его Господином?

И все эти полузабытые истории вновь воскресли в нашей памяти и нашли достойное место на страницах коломенского ежегодника.

Так сложилось, что уже с первых номеров материалы стали точно сами собой укладываться по рубрикам.

«Духовная нива»... Под таким заголовком не раз публиковались в альманахе очерки по истории коломенских святынь. Наши иконы — и средневековые, и современные — воспроизведены в прекрасных цветных вкладках.

«Родимая сторона», «Наше наследие», «Беседы о литературе». Здесь концентрируются самые, может быть, выигрышные произведения: краеведческие материалы, исследования, посвящённые Прошлому.

И тут хотелось бы поразмышлять о той стороне нашей литературной жизни, которая до сих пор отчасти остаётся «в тени». Дело в том, что

«коломенский текст» материален! Он может воплощаться и действительно воплощается в конкретные вещи.

Разве сам «Коломенский альманах», все эти двадцать пять номеров, не стал частью этого текста? На его страницах наши современники встречаются с образами Прошлого. А литературные музеи города, тот же Дом Лажечникова, или музеи, посвящённые воспетой Лажечниковым и Пильняком коломенской пастиле? Экспозиции, посвящённые Пильняку, Королёву, Александру Кирсанову, мемориальный зал в «Шервинской школе», повествующий о поэтах *«Черкизовского круга»*, *«Ахматовская тропа»* — уникальный туристический маршрут по Старой Коломне — всё это зримо и осязаемо является культурным достоянием города.

А грандиозный проект *«Коломенский Арбат»*, возникший благодаря творческому подвигу краеведа и сподвижника *Аркадия Арзуманова*? Он превратил наш старинный Посад в настоящий музей под открытым небом! Десятки мемориальных досок и текстов стали своего рода мраморным «этикетажем» для здешних улиц; прежде немые дома заговорили! Немалую роль в реализации этого проекта сыграл Роман Славацкий, да и многие другие участники альманаха внесли свою лепту в оживление Арбата. Получается, что Старая Коломна и её живой литературный образ неразрывно связаны, они вместе развиваются, проникая друг в друга!

Но «коломенский текст» имеет и живописное воплощение. Он отразился в исторических картинах и портретах заслуженного художника России *Геннадия Сорогина*, в пейзажах народного художника, академика живописи *Михаила Абакумова*. Невозможно перечислить всех мастеров, чьи полотна украсили страницы альманаха! Хотя особое слово нужно сказать об ушедшем от нас в прошлом году *Евгении Гринине*. На протяжении нескольких лет Евгений помогал поддерживать на достойном уровне художественный образ ежегодника. Воспроизведённая на корешке обложки *«Батыева печать»* — древний символ города — это его работа...

На страницах нашего альманаха вы увидите чудесные заставки, обрамляющие каждый раздел волшебным узорчатым кружевом. Это графика *Василины Королёвой*. Дочь нашего вдохновителя и друга Валерия Королёва, она продолжает талант отца, но в другой ипостаси. Например, в тех же изумительных заставках, наполненных жизнью, воздухом и красотой.

Поэзия и живопись таинственно связаны между собой... Достаточно вспомнить великолепные графические циклы Василины Королёвой к поэтическим книгам Романа Славацкого («Ковёр», «Амфора»). С этим же стихотворцем сотрудничал коломенский живописец *Павел Зеленецкий*. А совсем недавно Роман и коломенский художник *Владислав Татарinov* издали уникальный альбом — *«Итальянские этюды»*. На 24 пейзажа Влада были написаны Славацким 24 прекрасных сонета.

Внимательный читатель, наверно, давно обратил внимание, что раздел «Поэзия» всегда открывается со стихов Романа Славацкого — это дань большому коломенскому поэту. Его роль в современной культурной жизни Коломны трудно переоценить. Благодаря ему Коломна стала своего рода «столицей» русского сонета. Роман Вадимович возглавил коломенское отделение Международного научно-творческого семинара *«Школа Сонета»*. Именно Роман Славацкий стал создателем новой формы этого

старинного канона — «коломенского сонета». Вокруг нашего города объединяются десятки и десятки авторов, работающих в жанре, который насчитывает уже 800 лет. Новый канон получил широкую известность на просторах Русского мира. Десятки авторов сочиняют стихи в этом стиле — от Челябинска и Красноярска до Риги. В 2020-м у нас прошёл Всероссийский открытый конкурс «Хвала Сонету!», в котором приняло участие более сотни авторов из России и Зарубежья (в том числе из Белоруссии, Казахстана, Израиля). Итоги конкурса были подведены в августе на торжественной встрече, на которую собрались делегации из Москвы, Подмосковья, Нижнего Новгорода. Тогда же состоялась презентация изданного в столице сборника *«Коломенский сонет»*.

Разумеется, коломенское поэтическое движение, имеющее долгую историю, не исчерпывается одним автором или направлением. И сегодня поэтическую летопись продолжают наши талантливые современники. Вспоминается мощь *Олега Кочеткова*, проникновенный лиризм *Татьяны Башкировой*, тонкое письмо *Михаила Мещерякова*, ирония *Евгения Кирсанова*. Да разве всех перечислишь! На смену «старикам» приходит новое поколение, например, *Ксения Нагайцева* и *Наталья Красюкова*. И уже есть совсем молодые поэты — та же *Марта Ломако*.

Поэзия — кислород литературы. Именно стихи наполняют особенной жизнью пространство «Коломенского альманаха».

И ещё — Память. Мы снова и снова обращаемся к своим духовным предкам, публикуем на своих страницах незаслуженно подзабытые тексты, воскрешаем воспоминания.

В XX веке в Коломенском крае подолгу жили или бывали в гостях *С. Шервинский, А. Ахматова, А. Кочетков, С. Есенин, Б. Пастернак, А. Куприн, А. Чаянов, А.Н. Толстой, М. Цветаева, Н. Заболоцкий* и многие другие мастера слова. И каждый из них внёс в таинственные свитки «коломенского текста» свои строки — неповторимый отпечаток своей личности.

Я уже говорил о традиции здешних преданий. Для одного из наших земляков это особенно характерно. Грандиозный образ мифической Коломны создал автор первого советского романа *«Голый год»*, первый руководитель Всероссийского Союза писателей (до 1929 г.) Борис Пильняк. Романы *«Машины и волки»*, *«Волга впадает в Каспийское море»* стали коломенской классикой. В 1938 году Пильняк пал жертвой незаконных репрессий. Но память о нём бережно сохраняется. Регулярно проходят Пильняковские чтения, на которые съезжаются учёные-филологи не только из России, но также из дальнего Зарубежья. В 2020 году состоялись уже *Десятые Пильняковские чтения*. Сохранился и Дом Пильняка.

«Коломенский альманах» не только погружён в историю — он стал неотъемлемой частью современности. В 2007 году Коломну провозгласили *столицей Всероссийского Дня славянской письменности и культуры*. Свидетельством этого грандиозного праздника стал памятник святым просветителям *Кириллу и Мефодию*, установленный в эти дни на Соборной площади Коломенского кремля. Не случайно мы поместили фотографию этой скульптуры на страницах ежегодника. Пусть историки, взглянув на снимок через несколько десятков лет, вспомнят о знаменательном празднике!

Благодаря альманаху в городе появилось и активно работает Творческое объединение профессиональных писателей Коломны. Ежемесячно наше «братство» собирается в Усадьбе Лажечникова, чтобы обсудить литературные новости, обменяться творческими планами. В этих встречах принимают участие не только коломенцы, но и коллеги по Творческому объединению из Москвы и Подмосковья.

Читатель, который регулярно встречается с ежегодником, легко заметит, что мы не замыкаемся в узких рамках своего города. Под обложкой сборника находится место и прославленным российским литераторам, и авторам из самых разных уголков необъятной России. В юбилейном номере, в частности, публикуется повесть «живого классика» отечественной словесности — *Владимира Крупина*.

Вот уже лет двадцать, как в Коломне продолжается настоящий «издательский бум». Каждый год в городе выходит не менее десятка новых книг поэзии и прозы, проводятся литературные презентации в культурных центрах и библиотеках.

Ежегодно в Коломенском кремле проходит *Поэтический марафон*, на котором несколько часов подряд литераторы, артисты, любители поэзии читают стихи классиков и современников.

Коломна стала региональным центром, привлекая к сотрудничеству коллег из соседних районов: *Воскресенска, Озёр, Луховиц, Зарайска*. Последний особенно характерен, учитывая огромную помощь, которую коломенский ГСГУ оказывает возрождению имени Достоевских — Дарового.

12

В Интернете ведётся портал «Коломенский текст» — электронная библиотека, собрание художественных, исторических, литературоведческих произведений, посвящённых Коломне. Публикуется серия книг «Коломенский текст» (вышел в свет уже четвёртый выпуск).

За минувшие двадцать пять лет литературная жизнь Коломны разительно изменилась. Сонная провинция, в которой огонёк настоящей культуры еле теплился, превратился в духовный центр, наполненный неисчислимыми сокровищами! И редколлегии, и авторскому коллективу «Коломенского альманаха» есть чем гордиться, потому что наши труды сыграли в нынешнем культурном расцвете города ведущую роль.

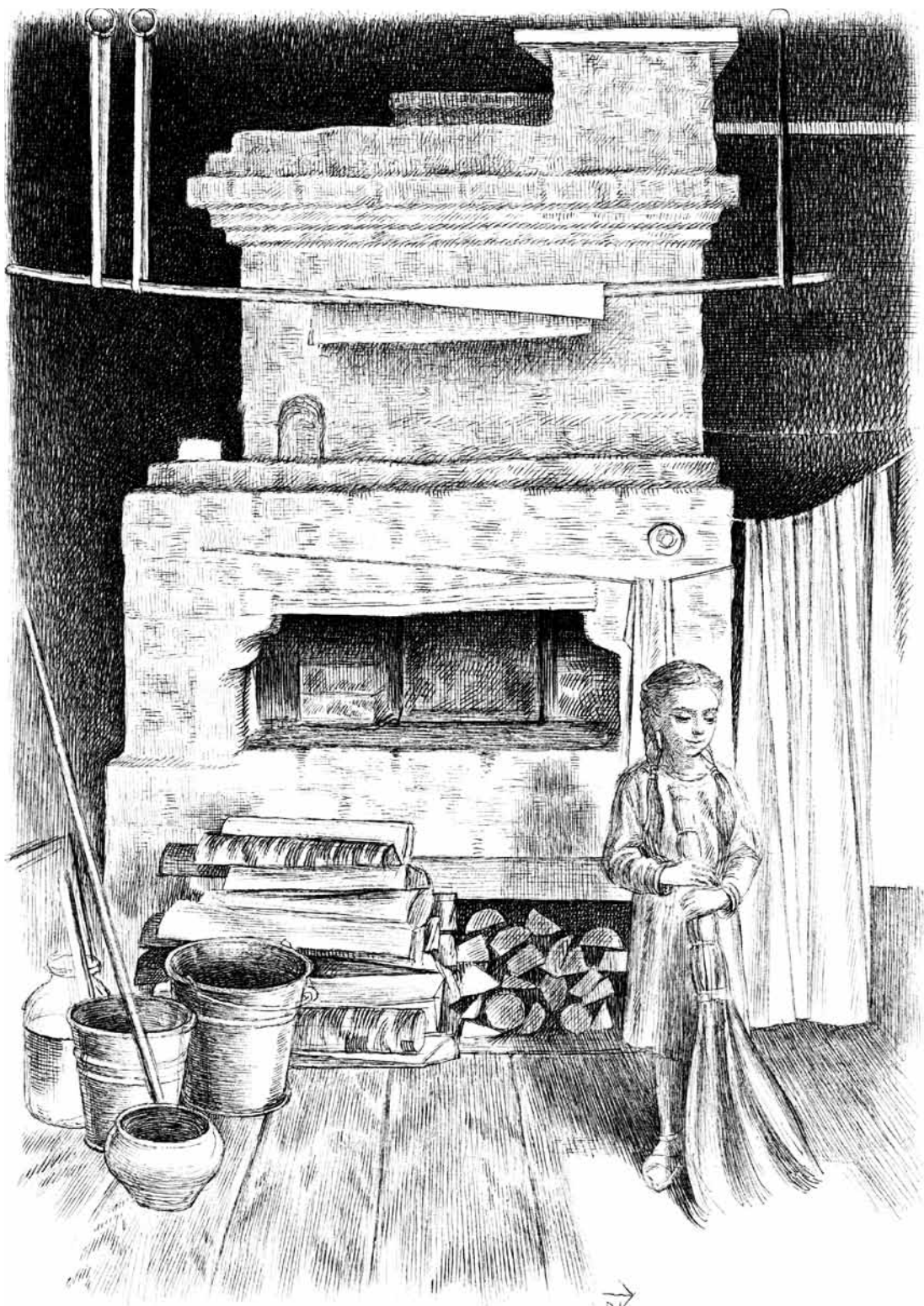
То, что завоёвано за четверть века ценою громадных бескорыстных и самоотверженных усилий, навсегда останется нашей славой. Потому что Искусство — не исчезает!

Виктор МЕЛЬНИКОВ,
главный редактор «Коломенского альманаха»

Проза

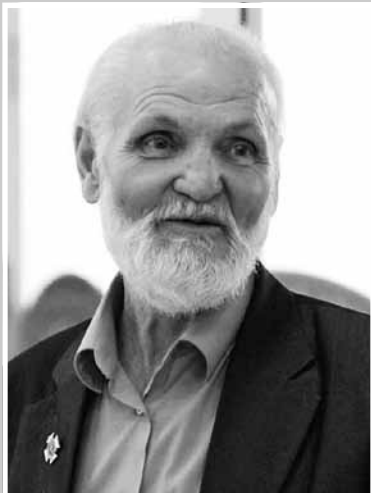

Графика Василины Королёвой

ВК

ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ

Владимир Николаевич Крупин — известный прозаик и публицист. Родился в 1941 году в селе Кильмезь Кировской области. Окончил Московский областной пединститут в 1967 году. Живёт в Москве. Первую книгу выпустил в 1974 году, но широкое внимание привлёк к себе в 1980-м повестью «Живая вода». Блестящее художественное мастерство, виртуозное владение стилем, социально-философская острота произведений позволяют назвать В.Н. Крупина одним из лучших современных писателей. Миссию русского художника он видит в том, чтобы бороться «за воскрешение России... за чистоту и святость Православия». В 1990-92 годах — главный редактор журнала «Москва». Сопредседатель Союза писателей России. Первый лауреат Патриаршей литературной премии. Жил в Коломне в 1978, 1980 и 1984 годах.

Повесть

Станислав Юрьевич Куняев, главный редактор журнала «Наш современник», сотрудник журнала Вячеслав Морозов и я, грешный, летели в низовья Печоры ловить рыбу. В низовьях, значит, поближе к Ледовитому океану, подальше от Москвы. Летели долго, почти два часа. Если учесть, что до этого мы больше суток ехали на поезде, то надо себе представить, в какую даль мы забрались. Да ещё, добавлю, на завтра, с утра, надо было лететь на вертолёт на рыбную «хариусную» реку. Нас сопровождала Галина Васильевна, писательница, тоже редактор журнала писателей Севера.

Багажный отсек самолёта был забит сумками и коробками. Коробки, некоторые очень тяжелые, содержали в себе продовольствие нашей экспедиции. Оставлю в секрете имена благодетелей, организовавших для нас такое счастье жизни, скажу только, что летел я с радостью и ожиданием: никогда не был в этих местах. Да даже и вырваться из Москвы, ещё тёплой, душевной, светливой, и прилететь в белый холод и одиночество — это ли не подарок судьбы.

— Ты сможешь переночевать у костра в тундре? — спрашивал Стас. — Без палатки. — Стас, в отличие от меня, рыбак всю жизнь страстный.

— А зачем?

— Я попрошу забросить поглуше, подальше. У меня спальник есть, тебе мешок найдут. Сможешь у костра ночевать?

— Я же вятский, Стас. Прижмёт, и ночью. Но если есть какая избушка,

зачем мешок? А вообще, и рыба-то зачем? Вон нам сколько еды загрузили, самолёт еле взлетел. Поживем в тундре, поедем и обратно.

— Да, — говорил Стас, — по бороде ты — Лев Толстой, а по уму мужик простой. Да, столько коробок. Так я ещё не рыбачил, с такими наворотами.

— Спасибо тебе, что я по уму мужик, а не Лев Толстой. Был бы по его уму, гневно бы писал: «Это насильственное вырывание живого существа из естественной среды обитания, это так называемое рыболовство есть не что иное, как варварство так называемых интеллигентов, использование ими физического и технического превосходства...»

— ... над хладнокровными, — закончил за меня и за Толстого Стас. — Рыба не умирает, а засыпает, рыба, пусть не вся — постная пища. Охотиться, да, другое дело. У него кровь охолодела, значит, и другим нельзя.

— Как писали в тогдашних пародиях: «Молоко лакал босой, обожравшись колбасой», — вспомнил я.

Бортпроводница, женщина в годах, проносила по проходу конфетки двух сортов: карамель и леденцы. Мы подсластились.

— Стас, — сказал я, так как всю жизнь преподаю, то не могу оставить мысль незавершенной. О Толстом. Вот опять его авторитет взвинчивают, неспроста же. Это же снова поощрение антиправославной струи. Визжат: церковь отлучила. Кто его отлучал, кроме него самого? Сам отошёл от церкви, отбежал с криком проклятий: не надо мне причастия, не надо отпевать, не ставьте мне креста! Это же всё его завещания и слова. Для любого в церкви, для любого оставлено покаяние. Священник к нему приехал из Оптиной, мог бы причастить, пособоровать, не пустили, да и сам не захотел. Бог его простит. Разбойник первым вошёл со Христом в рай, разбойник. А Толстой хуже разбойника, продолжает убивать. Я в Туле недавно был, там аж кафедра педагогического мастерства Толстого. «Евангелие» его печатают, ужас! У нас Личутин додумался, называет Толстого пятым евангелистом.

— Может, он себя шестым считает? — засмеялся Стас. — Я с ним на Мегре рыбачил, на Мезени, вроде тебя, ничего не понимает в рыбалке.

— Гадость какая, — сказал я про карамель, — изжогу схвачу, и выплюнуть некуда. А, бывало, летишь на «боинге»...

— Воду несут, — утешил Стас.

— Так вот, у нас и вся литература делится не на цветных и белых, не на традиционалистов и консерваторов, не на русских и евреев, а на тех, кто идет или за Толстым, или за Достоевским. Вспомни их смерти, труды последних десятилетий...

— Напиши для нас статью, — сказал Стас. Он передал мне пластмассовый стаканчик с водой.

— Понял, — ответил я, запил сладкую гадость карамели, засунул стаканчик в карман спинки переднего кресла и стал смотреть на облака, и уже про себя, подчиняясь профессии, подумал фразу: «И теперь, когда он всё чаще, сидя в кресле самолёта и пересекая часовые пояса, смотрел на облака сверху, он всё реже вспоминал себя самого, мальчишку, лежащего на зелёной земле и смотрящего на облака снизу вверх. Их разделяли облака и тучи, которые измерялись не толщиной, а десятилетиями...».

— Смотри, — обратил моё внимание Стас, — смотри, Галина Васильевна — это же машина. Как взлетели, открыла папку и работает. Я тоже

набрал всякого чтения, а! Единственное, что люблю читать по своей воле — письма читателей. Мы их печатаем. Это лучшее, пожалуй, из всего.

— Ещё бы, — поддел я, — в них сильно тебя хвалят.

— А ты последний роман Проханова читал? Прочитай. Он набирает обороты, — перевел Стас на прозу.

— Он их всю жизнь набирает, он же авиационный закончил.

— А Морозов дрыхнет, — оглянулся Стас, — очень нужный для журнала человек. Знает всех, и все его знают. Вдобавок его полюбила то ли жена миллионера, то ли сама миллионерша, журнал завален коньяками и закусками. Никакой Сорос, никакой «Новый мир» так не снабжает.

Объявили о снижении. В рваных мохнатых провалах серых туч начало трясти. Зашелкнули ремни.

— Раз в Магадан летели, — вспомнил я, — отец Ярослав Шипов, тогда ещё не отец, он был у вас в редколлегии, тоже летел. Над Таймыром так стало валять и покидывать, что ой-ёй. А это был «Ил-86»-й. В ямы хлопались, чуть не до земли. В Магадан прилетели трезвёхоньки.

Под облаками оказалось низкое ржавое пространство с факелами нефтяных вышек. Сели.

— Вот Россия, — восхищенно сказал Стас, — сколько ехали, как от Москвы до Кишинёва, да летели, как от Москвы до Тбилиси, вот и попробуй совладай с нами.

— Уже перестают мечтать. Уже начинают копать иначе.

Нас встречали. Юноши в униформе ловко таскали ящики и коробки в иностранную машину, в которую сели и мы. Понеслись по бетонным плитам. Сопровождающий молчал. Подкатили к какому-то сооружению из стекла, пластмассы и рифлёного белого железа. Отъехали в сторону ворот, предварительно попищав и помигав. У здания нас встречал высокий мужчина в камуфляжной форме, в высоких ботинках, представился Юрой, сказал, что летит завтра с нами. Сопровождающий спросил, выгружать ли багаж или завтра прямо грузить в вертолёт.

— Возьмём что-то для ужина, — решил Стас, — остальное в вертолёт.

— Ужин готов, — сказал Юра.

— Тогда в вертолёт.

Сопровождающий отъехал, Юра повёл нас внутрь. Там тоже все были в униформах, с телефончиками. Нас снабдили карточками, объяснили, что мы занесены в компьютер, что по этим карточкам нам будут тут и двери открываться, и всё остальное тоже по карточкам: ужин, завтрак, сауны, всякие миллиарды, а также открывание комнаты отдыха и включение телевизора.

— Ну от этого всего мы карточку избавим, — сказал Стас и, решительно называя Юру на ты, спросил: — Юра, скажи честно, тебя приставили и велели вернуть писателей из тундры живыми или ты всё-таки не робот, а хотя бы рыбак?

— Ловлю иногда, — отвечал Юра. — Завтра карабин захвачу. Там, в общем-то, и медведи, и рыси. А у медведя начальная скорость девяносто километров, убежать от него невозможно.

Мы на немножко разошлись в указанные каждому номера и пошли на ужин. Коридоры были безжизненны, как на космической станции.

— Тут мы, Юра, без тебя заблудимся.

— Нет, такое исключено. Везде контрольные блоки, приложите контрольную карточку, вам ответят.

Двери открывались бесшумно и мягко, но только после прикладывания карточки к панельке около ручки. И вход в столовую был по карточкам. В столовой всё сверкало ещё сильнее, резкий белый бесцветный свет непонятно откуда заполнял пространство с лакированными столами, никелированными прилавками, отделявшими кухню от зала. Но изнутри вышли не роботы, а живые женщины. Выбор блюд был обилен. Названное нами было протянута нам с улыбками, но без слов.

— Всё, — сказал Стас, — не будет рыбалки. Рыбалка — это когда рюкзаки свалишь в груды, потом сапоги перепутаешь, потом обязательно чего-то забудешь. Юра, а предусмотрены рыбные снасти?

— Конечно, — отвечал Юра.

— Стас, — сказал я, — извини моё занудство, я в самолёте не договорил о двух путях писателей, можно?

— Изобрази.

— Всем же даётся талант, тем, кто пишет. Талант обязательно от Бога. А использование таланта по двум путям, по Толстому, от Бога к сатане, и по Достоевскому: от сатаны к Богу. Так?

— Не будет рыбалки, — повторил Стас.

Молчаливая Галина Васильевна подала голос:

— Почему не будет, будет. Надо Петрпавлу молиться. У нас, с детства помню, молились не Петру и Павлу, а слитно: Петрпавлу, как одному человеку.

Слава, вполне освоюсь, ходил за разными добавками и нам приносил.

— Здесь инвестиции «Лукойла» или «Славнефти»? — спросил он Юру. Юра даже вздрогнул и умоляюще поглядел на Стаса:

— Меня просили... не поддерживать разговоров о нефти.

— А вдруг ты, Слава, шпион? — сказал я. — Помню, в Японии мы узнали, что есть заводы, где совсем нет людей. Интересно же! Мы попросили сводить нас, где там! Решили, что мы экономическая разведка. Нет, Слава, давай о литературе.

— Ни за что! — воскликнул Стас. — О другом! Ты можешь о другом?

— Могу, но о чем? О женщинах поздно, о гробах рано. О нефти нельзя, о погоде смешно. Давай о рыбалке.

— Нельзя, нельзя, — торопливо сказал Стас. — Из суеверия нельзя.

— Но в классическом смысле можно, я думаю. Например, о налеме Гоголя, которого ловят в поместье Петра Петровича Петуха, и о налеме у Лескова, которого привязывают на верёвку, чтоб у него от огорчения росла печень, ибо архиерей, его ждут, любит налимью печень.

Стас с ужасом посмотрел на меня:

— Пропала рыбалка, — и рукой махнул, и кофе пить не стал.

Я все-таки зашёл к нему перед сном. Он был ещё мрачнее, чем на ужине.

— С расстройства закурил — голос: просим курить в специально отведенных для этого местах. Во как! Пошёл в смотровую, там и роботы смотрят телевизор. Смотрят дрянь невозможную, рекламу смотрят. Молча смотрят! Хоть бы переключили. В другой другие смотрят новости, смотрят тупо и — молча. Ты понял, мы в капиталистическом раю. Вот так будет жить пять процентов, слава Богу, мы не в этих процентах. Здесь, ты понял, нефть, тут зарботки, тут за место держатся, тут кружку пива не смеют

выпить. Тут, я думаю, разрешение на рождение ребёнка спрашивают. А эти кнопки везде, ну бля, так и согресишь.

Звонил телефон. Юра напомнил, что завтрак в шесть и сразу вылетаем.

— Тут какой хариус? — спросил Стас. — Зеленоватый, черный? — Ответ Юры, видимо, устроил Стаса, он ещё уточнил: — Скорее, посветлей? А круглый? Ладно. Да не надо будить, не проспим. — Стас положил трубку. — Ещё не хватало, чтоб будили световым и звуковым сигналом. Ну, попали. Будто кино о звёздных войнах. А как уснуть? Нет, так не рыбачат.

— А как рыбачат?

— На Мезень езжу, на теплоходе поднимаюсь. Теплоход, куда всех штрафников списывают. На камень налетели, шпонку сорвали, надо по этому случаю сто грамм принять. Гвоздь забили, поехали. А тут? За место дрожат. Там Вася-турбинист уходит в запой, и все знают: Вася в запое. Тут этому Васе не выжить, хотя он турбинист лучший на северах. Ну жизнь — за место трястись. Нет, по-русски надо всегда иметь в запасе фразу: ну вас на хрен с вашими заработками.

В дверь постучали, вошли люди в униформе с пакетами, сообщили, что здесь одежда для рыбалки и что если кому-то она мала или велика, то надо сказать, заменят. Ушли.

— Всё, — сказал Стас. — Уже и любить русских писателей разучились. — Он стал разбирать пакеты. В них были отличные серые куртки, ватные брюки, сапоги-бахилы. — Наверное, уже в реке дежурят подводники, рыбу будут на крючок цеплять.

— Скорее, она уже где-то в коробках.

— Кстати, — сказал Стас, — надо с утра проверить. Если есть рыба, оставить, кому-то отдать. Примета такая — с рыбой на рыбалку не ездят.

Быстро наступила и мгновенно прошла северная ночь. Я даже не понял, выпался ли я, будто кто толкнул вполшестого. Негромко шумел кондиционер. Стукнулся к Стасу, к Галине Васильевне. Спал один Слава. Мгновенно, по-военному, вскочил. Вооружились карточками, пошли по пластмассовым коридорам, столовую нашли по запаху. Запах, по крайней мере, был не синтетический, пахло кофе.

— Хороший у вас кофе? — вспомнил я шутку. — Отвечают: хороший, всю ночь варили.

Стас заметил у автоматических дверей в столовую объявление: «Выносить из обеденного зала посуду, ножи и вилки запрещается». Радостно показал на него и сказал:

— Не все ещё потеряно. Ещё, может, и выживем.

После завтрака облачились в принесённые костюмы. Сапоги решили обуть в вертолёте. У выхода встретил Юра, вручил каждому схему места, куда летим. Тут Печора, тут Уса, тут будем мы. Река Макариха. Очень рыбная. На плече у Юры висел большой ружейный чехол. Он объяснил, что это для защиты, на всякий случай.

— Мы не разбежимся, — успокоил его Стас. — А ты, — велел он мне, — вообще от костра не отходи, а пойдешь куда, делай зарубки.

— Как скажешь, барин, — отвечал я.

Подошла машина. Открыли багажник. Помня вчерашнее предупреждение Стаса, я осмотрел коробки и в самом деле на одной увидел надпись «Рыба». Сказал Стасу.

— Оставим, — решил он. — Нет, отдадим сопровождающему. Нет, вертолётчикам. Да, им. Не забудь отдать.

— До слёз обидно, — подчинился я приказу.

— Там плёса, перекааты, вода чистая, холодная, самое то, — говорил Юра. Мы таскать не успевали. Утки есть, гуси. Я и дробь взял. Там вагончик, топоры, пила. Керосин, фонари, постели...

— Баня? — догадался Слава.

— Есть такое намерение. В следующий раз прилетите, будет.

Тронулись. Стас закричал:

— А соль, соль, рыбу солить. Стоп, вон магазин. Слав, килограмма... три. Если есть, покрупнее.

Слава живой ногой сбегал в магазин и вернулся с пятью пачками соли.

— Это сказка, — говорил Стас. — Чего бы ещё пожелать?

— Спальники на всякий случай, — показал Юра на свертки в углу.

Приехали на аэродром. Сразу зарулили в вертолётный угол. Мы уже не удивлялись, что вновь возникли люди в униформе и все аккуратно перегрузили. Подъехала заправочная машина. Мы забрались внутрь. На полу стояло приспособление для кипячения чая: паяльная лампа с изогнутой трубой. Стас только головой покрутил.

— Может, там ещё и женщины будут?

— Может, мне не лететь? — спросила Галина Васильевна.

— Да тут они все на батарейках, — сказал я. — Такое ощущение выхолащивности, одни роботы. — Подходят, спрашивают, есть ли что для стирки.

Слава, как-то хитро улыбающийся, вступил в разговор:

— Нет, не на батарейках. Галина Васильевна, извините, можно рассказать анекдот, который я услышал рано утром, полчаса назад, от коридорных?

— Уши затыкать?

— Нет, он без ничего, вполне цензурный, рассказывать? Они же и рассказали: «Собрались женщины и девушки на собрание, девушки налево, женщины направо. А одна мечется туда-сюда, туда-сюда. «Ты чего мечешься? — Ой, не знаю, к кому пристать, я проститутка. — «Проститутка? В президиум!». Так что они не на батарейках.

— А ты их чем отблагодарил, какими историями?

Слава заулыбался, жмурясь.

— Да уж он-то найдет, чем дамское сердце шевельнуть, — заметил Стас.

— Ждать будут, — сообщил Слава. — Они же здесь, хоть и коридорные, но не как на материке, не в годах, молодые.

— Какие бы ни были, — высказался Стас, — но ни одна самого захудалого хариуса не стоит. Я шемаханскую царицу на пескаря не променяю. Ну, скоро ли, скоро ли полетим? Обратно, если не поймаю, полетите без меня.

Отвлекая Стаса от навязчивой для него «рыбной» темы, я спросил всех:

— Ну и где же мы ночевали? Как назвать?

— Те же бараки, — ответила Галина Васильевна, — только пластмассовые.

— Пятизвездочная гостиница особого режима и с усиленным питанием, — оценил Слава.

— Загон для демократов, — охарактеризовал Стас. — Чтоб они всегда так жили — без неба и зелени. При сплошном электричестве.

— Да, — вспомнил Юра, — вот в этом пакете перчатки и шарфы.

Стас только крикнул. Юра, укрепляя знакомство, решил рассказать свою историю. Рыбацкую. Я её слышал и раньше, она из породы кочующих. О том, как удачливый рыбак, а любвеобильные мужички, говоря супругам, что идут на рыбалку, ночевали у подруг, а у рыбака покупали рыбу, а чаще отдавали натурой. Вот мужичок по пьянке проболтался, похвалился веселой жизнью. Далее могут быть варианты.

Галина Васильевна рассказала, как они руками поймали налима, пропустили через мясорубку печень, потом...

Тут взревел и завелся мотор. Вертолёт затрясло. Заправочная машина оказывается, уже отъехала. Нас долго трясло на одном месте, потом вертолёт стал как бы перетаптываться от нетерпения. Реву мотора откликалась крупная дрожь корпуса. С бетонных рифленых плит сдуло мокроту, вертолёт подрыгал к дорожке, взревел, поднатужился, но осел. Снова взревел, отчаянно цепляясь за воздух, покарабкался вверх, покрутился на месте, набычился, наклонясь в сторону полёта, и вдруг бодро понесся над пасмурной погодой. На ветровом стекле у лётчиков туда-сюда ездили дворники, как в машине. За окнами пошёл снег, внизу поднимались и опалили волны серого дождя. Неслись под нами желтые озёра, камни, пустые сизые болота.

— Буровая, — крикнул Юра, показывая на большой факел огня.

Земля под нами была изъезжена вездеходами, расчерчена квадратами просек. Иногда мелькали перелески жиденьких елей, тонких сосенок, жёлтых чахлых берёзок.

— Радуга, радуга, — крикнул Слава.

С его стороны увиделась, а вскоре и с нашей обозначилась сияющая дуга. Мы будто в неё впряглись и тащили на себе пространство. Пятна солнца ходили по бледной зелени и пропадали на желтизне болот. Юра возбужденно показывал тёмные пятна на озёрах, это были стаи уток.

Туман и пар начала предзимнего дня Заполярья стелились над гигантскими крестами границ делянок. Радуга исчезла, пространство поехало под нами назад. Горизонт вдаль был грозно-серым, темнеющим. Редкие светлые проёмы казались отражением бесчисленных озёр, похожих на запятые, точки, овалы.

Из кабины вышел лётчик, показал вниз, крикнул:

— Ваша река! Макариха. Дальше Уса, Печора.

Макариха кидалась туда и сюда, будто искала счастье в этих строгих ландшафтах. Опять восстала и напряглась радуга, уже перед нами, будто ставя преграду движению.

Юра расчехлял ружье, звонко соединял части, щёлкнул курками, загнал в магазин обойму патронов.

— Всё очень серьёзно, — крикнул я на ухо Стасу.

— Рыбная, рыбная река, — весело говорил Стас. — Ах, перекатики, отмели, дно чистейшее.

Резко пошли вниз, в клочья тумана, которые отбеливало солнце. Понеслись совсем низко, даже кочки на болотах были видны. Я вспомнил о коробке с рыбой, подгрёб её, сорвал картонку с крышки. Сверху лежал список. Я и без очков прочел: «Икра осетровых — 10 б., икра паюсная — 5б., спинка теши, балык, семга, филе трески, крабы — 3 б., креветки — 3 б...» Дальше читать не смог.

— Стас! — сунул я список.

Стас глянул на него, на меня, вздохнул глубоко и серьёзно и велел:

— Всё равно отдай. Примета. Рыбаки суеверны.

Юра толкнул, показывая в иллюминатор. Мы увидели зелёный вагончик. Деревья внизу било ветром от винтов. Сели. Но моторы не выключались.

— Чтoб в болоте не застрять, — крикнул Юра.

Он выпрыгнул и стал принимать груз. Я оттащил коробку с рыбными деликатесами командиру в кабину:

— Сувенир, — крикнул я. — Уже наловили.

— Точно вышли! — довольно крикнул он. — Тумана боялись.

И всё так мгновенно мелькнуло: выгрузка, мы выскочили под ветер, сели у вещей, сжались, вертолёт взревел, нас вжало в кочки, он вертикально поднялся, качнулся и лёг на обратный курс. По колено в кочках, в мокроте болота мы потащили ящики к вагону. Пришлось ходить трижды. За работой я даже не заметил, насколько стало тихо. На кочках синели ожерелья блестящих бусинок, голубика.

— Поедим? — спросил я.

— Мы рыбачить прилетели, — напомнил Стас, — рыбачить. А ягоды ты можешь и в своей Вятке собирать.

— Там и рыбы полно, — обиделся я за свою родину.

— Что ж не приучился?

— Инструктора не было. Вот тебя дождался, сегодня приучусь. Но может, поедем вначале?

Видно было, Стас рвался к реке. Но поесть разрешил. Мы стали вскрывать коробки, и через две минуты моя горечь по случаю отлёта ящика с рыбными деликатесами превратилась в изумление, ибо в коробках было не только всё, чего желудок пожелает, но гораздо больше. Описывать ли их содержимое? Нет, не надо, наши читатели — люди бедные, и сам я питаюсь, как они. Но вот выпал случай.

Уже редела паяльная лампа, вдувая огненную струю в трубу под огромным черным чайником, вот и он закипел, вот и Слава уже тащил на выбор десять сортов чаю и пять разновидностей кофе, уже поставили перед Галиной Васильевной огромную коробку, полную шоколадных наборов и конфет россыпью, уже я резал разные колбасы и ветчины, Стас только головой крутил, вникая в этикетки сыров, приправ, соусов, вглядываясь в стеклянные и железные банки разносолов, овощей, солёных и маринованных. Фруктов, включая виноград, бананы, финики, тоже было изрядно. Отдельно находилось всё для ухи: картофель, морковь, лук и так далее. В нескольких ящиках, потяжелей остальных, что-то звякало и брякало. Вскрыли и их: пиво многих сортов, и наше, и не наше, с горлышками в серебряной фольге и без фольги. Остальных напитков было на три, даже писательские, свадьбы.

— Вот, Юра, — сказал я, — как писатели рыбачат.

Стас распорядился всякие вермишели, макароны, крупы сразу отдать Юре.

— На зиму вам. И половину спиртного.

— Полопается.

— Что, бывает и ниже сорока? — наивно спросил я.

— Гораздо.

— Именно, — спохватился я, — Вятка южнее на полторы тысячи километров, и то там часто ниже сорока. Это в Калуге зимы не бывает.

Стас оставил мою поддевку без ответа.

— Придется выпивать. Юра, начинай с пятизвездочных, Галя, глуши кагоры и шампанское, и всё, что есть грузинского, молдавского, венгерского.

— Тут и болгарское есть, — обнаружил Слава.

— Да, уничтожить всё: все от нас отвернулись. Выпить за их здоровье.

— И за наше терпение, — продолжил я.

— Я рыбачить пойду. — Галина Васильевна решительно и ловко собирала спиннинг.

Зашевелились и все остальные. Слава запел приятным баритоном:

— Здесь в океан бежит Печо-ора,

Здесь всюду ледяные горы...

Над нами закаркал ворон, Стас обозвал: — Сглазит, зараза.

— Триста лет ему, — сообщил Юра. — Он вверху охраняет наше место, песок — внизу. Песец, конечно, дербанит запасы, но зато мышей нет. — Юра тоже снаряжался, рассовывал по многочисленным карманам камуфляжной куртки патроны, прицепил нож, повесил на грудь бинокль. — Далеко от меня не отходите, я всегда буду рядом, на расстоянии голоса.

— Вот я ещё и подконвойный, — высказался Стас.

— Медведь близко, — оправдываясь, сказал Юра. — У него начальная скорость...

— Да, да, — сказал Стас, — под сто. Спринтер и то рвёт только тридцать восемь километров.

Пошли. Долго тащились через ельник, багульник, заросли рододендрона, через то, что в Сибири называют стлаником, а как в просторечье, сказать не могу.

С высокого берега открылась извивистая Макариха.

— Вон остров, — показывает Юра, — там пережат, там...

— Разберёмся, — перебил Стас. — Слав, зацепишь блесну, спиннинг береги, тяни за леску, блесны не жалко.

Мы спустились к воде. Стас учил уже меня:

— Рыба любит воду, обогащённую кислородом, его больше там, где вода бурлит, бьётся, на перекате. В начале его и в середине.

Остановились. Стас начал снаряжать спиннинг и для меня. Продевал в кольца на длинном составном бамбуке леску.

— Англичане, хитрые собаки, раньше нас изобрели. Совсем слепой, без очков не вижу. Так вот затягиваем, тут без зубов не обойтись, ножом дурак отрежет, надо отгрызать. Показываю заброс.

Пошёл дождь.

— Отлично, — сказал Стас. — Рыбак должен быть мокрый, простуженный, сопливый, но! Но удачливый. — Стас легонько качнул прут спиннинга за спину, легонько мотнул его вперёд и вверх, блесна свистнула и полетела на другую сторону, упала в метре от берега. — Теперь подтягиваем и мотаем. Леска должна быть упруга, как грудь, не подумай чего, как грудь солдата, стоящего в строю при команде смирно. Слав, полсотни метров туда, ты (мне) полсотни сюда. Я определюсь сам. А Галя где?

— Уже ловит, — сообщил Юра.

— Всё! Иду! Даю вам по запасной блесне, это заветные. Эта ржавая, но хариус такие любит. Думает: не я первый. Ну! — Стас вздохнул и пощупал пульс. — Сто сорок, не меньше. Если хариус сорвётся, у меня будет микроинфаркт. Морозов! Бросай чуть по течению, гляди за блесной, как за любимым голубем, который понёс почту. Всё, ухожу! «Как ждёт любовник молодой минуты верного свиданья!» — это о рыбалке. Свидетели в любви не нужны.

Я забросил. Блесна ткнулась у берега. Но потом дело пошло. Ещё пару раз бросил и подтянул. Вот блесну кто-то схватил. Сердце мое застучало. Я потащил и вытянул заиленный сучок. И ещё раз колотилось сердце, когда попался сучок побольше. Я говорил рыбе: «Рыба, новичкам же везёт, везёт неопитам, дуракам, в конце концов, везёт. На любое согласен, только поймайся». Но хариус был явно не дурак. Я зашёл подальше, чтобы пере-свистывать блесну через всю реку. Нет, ничего. В тишине поскрипывала катушка, да зябли ноги в резине. Зашёл выше колен, замёрзли колени.

Подошёл Юра. Оказывается, ходил на озеро. Переживая за нас, он рассказывал, что именно здесь они не успевали таскать.

— Всех и вытаскали. А как там у Стаса, у Славы?

— У всех то же самое.

Известие это меня утешило. Я выкарабкался на берег, стараясь согреть онемевшие ноги. Прокарабкался сквозь прибрежный цеплястый кустарник. Увидел недалеко Морозова, пошёл к нему. Он оглянулся.

— Поделись опытом, Слав. Как ты их заманиваешь?

— Я им говорю: «Я — Куняев, я — Куняев». Рыба должна идти на это имя.

— Думаю, Слава, у рыбы сегодня рыбный день, а блесна железная. Лучше давай думать, как начальника к вагончику выманить.

— О, нет, лучше не трогать.

— А я отловился. Можно, я тебе удочку оставлю?

Я положил спиннинг возле большой пластиковой сумки, видимо, взятой для рыбы, и пошёл по реке. Так тихо было, так умиротворенно. Нельшно сеялся дождь, окроплял зеленые и желтые мхи, капельки осиянно серебрились от слабого солнца. Наклонялся и ел влажную, пропитанную водой голубику. Скоро руки стали чернильными.

И вот, казалось бы, в такой благодатной равнинной, параллельной небу, местности и мысли должны были приходить благодатные, умиротворенные, но нет же. Местность другая, но я-то всё тот же, ту же свою голову привез, другой не приставишь. А в голове всё то же, чем она жила, чем наполнилась до поездки и чем будет занята после возвращения. Прокручивались в памяти дела, которые не сделал, не доделал или сделал не так, как надо, мелькали лица знакомых, вспоминались свои невыполненные обязательства. Я даже встряхивал головой, прямо как конь, отгоняющий гнуса, но мысли были поназойливее любых насекомых.

— До чего же хорошо, — сказал я вслух. — Правда, берёзки? За что ж вас так обидели, обозвали карликовыми? Вы настоящие, только вам тут трудно. — Я наломал с берёзки крохотный букетик, придумал, что это венчик для кукольной баньки.

Тишина была полная. Даже услышал слабый шум от взмахов крыльев пролетающих уток. Три. Летели в сторону реки. То есть, в сторону Юры. Я напрягся, ожидая выстрела. Нет, миновали утки Юрину зенитку. Снова,

как рано утром, встала радуга. По начинавшемуся закату я сообразил, где север, где юг. Радуга родилась и выросла на востоке. Тучи посветлели, поредели и вознеслись. Времени три пополудни. А кажется, вечность здесь. Будто давным-давно был вертолёт, рев мотора, выброс на болотные кочки, а всего три часа дня. Нет, тут хватило бы недели, чтобы голова проветрилась от московской закрутки. А у костра ещё быстрее проветривается. Надо только Стаса вытащить, спасти его надо, ведь заколеет.

Вернулся к реке, пробрался мимо того места, где рыбачил, по направлению, в котором ушел Стас. И вскоре его увидел. Он бросал и бросал блесну. Бросал на диво, я бы сказал, по-олимпийски. И видел только рыбалку. Поворачивался в разные стороны. Я не смел его окликать. Вот он повернулся в мою сторону. Сейчас заметит. Нет, бесполезно. Даже, думаю, если б подошел к нему медведь, которым стращал Юра, Стас бы и его не заметил.

Да, но ведь он всё время в ледяной воде, в резиновых бахилах-бродниках, это какой ревматизм можно схватить. Стас же нужен Отечеству, России. Спасать! То есть, вытаскивать из воды. Но как? Ну, хотя бы заставить его выпить немного для повышения температуры внутри тела.

Живой ногой, размышляя о тайне рыбацкой страсти, я пошел к вагончику. Тайна эта, думал я, в соединении трех стихий: воды, земли и воздуха, плюс природа человека. Рыба живёт в другой, непонятной нам жизни, и надо хитростью извлечь её из неё. Именно хитростью. Как же назвать эти бесчисленные приспособления, причём очень дорогие, для ловли?

Юра, который был всюду, вдруг возник, пошёл со мной и стал рассказывать, как он недавно подбил селезня, как от него не улетала утка, подбил и её дробью-нулёвкой, потом ждал, когда ветром пригонит уток к берегу. Четыре часа ждал. Ходил по берегу, сапоги-болотники откатаны. Я иду, они: скрип-скрип. Вдруг слышу, рябчики отвечают, посвистывают. Я дальше ходить. Полетели. Ещё их снял.

— Летели три штуки утки, видел?

— Далек.

— Ну и хорошо, пусть живут. У нас же полным-полно всего.

— Так-то так, — сказал Юра. — Но свежее мясо рябчика или уточки, это... Мы берем глину, обмазываем тушку. Даже перья не выщипываем, сами отстанут, только потрошим. Облепим глиной, обмажем — и в угли. Разламываешь потом черепки, оттуда пар, запах такой!

— Буду Стаса вытаскивать, — доложил я Юре. — А ты Галину Васильевну и Славу. Тем более тебе пора пиво пить.

— Да я уж выпил одну.

— Одну! При твоей комплекции тебе надо далеко не одну.

— Не клюёт, вода высока, — повинился Юра, будто был виноват, что мы прилетели сюда после больших дождей. Я уже сказал Станиславу Юрьевичу.

— А он?

— Говорит: ночевать буду в воде.

Я взял всё необходимое для согревания и вернулся к реке.

— Стас, — сказал я решительно, — выходи! Умоляю, заклинаю, уговариваю. Ты не мальчик. Это когда мы с тобой пятнадцать лет назад купались в Байкале, на Ольхоне, уже и тогда, помнишь, Распутин нам говорил: «Вы что, в ваши годы, в такое время».

— О! — воскликнул Стас, — вот чего я не сделал. Не сделал, не совершил ритуального купания в реке. Он бросил спиннинг на песок и стал раздеваться.

По-моему, даже прибрежные кусты от страха съёжились. Солнце скрылось за тучей. Стас раздевался. Я тоже начал раздеваться. Я всё ещё надеялся, что Стас шутит. Вот он дойдёт до рубахи, засмеётся и оденется обратно. Нет, уже дошел до майки, расстегивает ремень.

— Обожди, молитвы почитаю, — попросил я.

— Да, да, читай.

Я перекрестился, прочёл «Отче наш», «Богородицу», тропарь святителю Николаю, перекрестил воду. Пока я стаскивал тяжёлые бахилы, Стас резко вошёл в реку, зашёл подальше и окупнулся.

— Выходи, — закричал я, содрогаясь от сочувствия к нему и от страха за себя. Я ступил с берега в жидкий лед полярной реки, обжигая ноги по колено, забрёл и оглянулся. Стас на глазах краснел всем телом и кричал:

— Не вздумай купаться, окупнись и выскакивай.

Что я и сделал. Шлепнулся и окунулся с головой. Выбежал из воды, Стас протянул мне мою рубаху.

— Скорее надевай.

— Вначале штаны, — сказал я трясась. — Штаны. У нас бы, если начал одеваться сверху, осмеяли бы. Дом же не с крыши строят.

Мы оба чувствовали, что жар купания пробирает с головы до ног.

— Быстро, быстро, быстро, — говорил Стас, — как казаки в Париже.

26 Представь, что бежишь от женщины.

— Муж не вовремя приехал?

— Нет, от поклонницы.

— Это у поэтов, у прозаиков таких страстей нет.

— Да, раз я даже одной восторженной написал: «О, мне б поклонницу глухонемую!» Но и у прозаиков есть, забыл, что ли, как с Распутиным, вечер на троих был в Рязани, в театре был. Тебе же записка пришла.

— А-а, — вспомнил я, продолжая трястись и одеваться. — Так это с твоей же подачи. По очереди отвечали на вопросы, Валя к микрофону пошёл, мы вопросы разбираем, сотни записок, ценили нас, Станислав Юрьевич, ценили. Ты же спросил: у тебя есть хоть одна личная записка? Нет, говорю, всё проблемы и проблемы. А тут тебе к микрофону, ты и заявил: «Спрашиваю Владимира Николаевича, получил ли он хоть одно признание в любви? Нет, говорит, всё проблемы и проблемы». Тут уж меня какая-то и пожалела. Ты же вырвал признание для меня.

— Н-ну! — решительно сказал полностью одевшийся Стас. — Побросаю ещё в согретую воду. А ты походи, походи по берегу. Грейся.

Редкое, но ласковое солнце показалось и порадовало блеском воды, свечением жёлтого песка, сиянием низкого прохладного неба. Стас, чтобы не слепило глаза, повернулся к солнцу спиной и взмахнул спиннингом. Я пошел в лесотундру.

Да, так называлась учебником географии такая местность: мелкие низкие берёзки, мхи-беломошники, просто мхи, болота, кочки, редкие худые ёлки, бурые пятна болот, холод и дождь. Весной здесь океан до самого океана, летом тут живьём сжирает гнус, но до чего же здесь хорошо. Это для нас, тут другим не климат.

Вернулся к реке. Стас всё так же равномерно кидал блесну. Она пересвистывала реку наискосок, потом, влекомая катушкой за леску, приближалась к рыбаку и вновь посылалась за счастьем.

— Стас, я тебе не мешаю?

— Ты что, я уж соскучился.

— Хариус же чуткий.

— Так мы же не о нём говорим, а на литературу ему плевать. Да и на нас тоже. А уж блесна какая, сам бы съел, игнорирует, гад.

— Оставьте сети, ловцами человек сделает вас.

— Это у Замятина, по-моему, есть такой рассказ «Ловцы человек».

— Но он не о литературе. А из меня даже тундра литературу не выветривает.

— Ещё бы! Тут надо две недели хотя бы прожить. Мы с Личутиным десять дней на Мегре ловили, и все десять дней о литературе.

— С Володей не скучно. Энергичный классик. Только вот ещё как его «Раскол» осилить. Хотя, я знаю, есть у него совершенно преданные поклонники. Я Володю люблю, мне вообще его хочется защищать, жалеть, он же дитя в чистом виде. Обязательно всем гадостей наговорит. Помню, они собирались втроем: он, Абрамов, Белов. Спорят так, что искры летят. К ним Горышин подойдет, они ему все по пояс. Ему командуют: «Немедленно сядь». Он и сидя их на голову выше. Я с Володей в давние годы пьянствовал, он улыбается: «Так бы тебе башку и оттяпал». На дискуссии по историческому роману на меня обиделся жутко. Да и Сегень тоже, и Проскурин. Балашов только не обижался. Я назвал историческую прозу фантастикой из прошлого. Что он, Личутин, с магнитофоном за царем бегал, за патриархом? Ещё и пишут: «Занося ногу в стремя любимого дончака, Великий князь думал...», во, уже и мысли читают покойников.

— Он у меня печку утопил на Мегре, — вспомнил Стас. — Мне печку сварили, она килограммов тридцать. Говорю Володе: «Спрячь на том берегу». Он повез и утопил.

— Но вообще-то, слава Богу, крестился, а то была в нём гремучая смесь язычества и старообрядства.

— А вот она, а вот она! — заговорил Стас, вздергивая дугу спиннинга, — а, зацеп, — он потянул сильнее, но не сорвал блесну, леска выдержала, выволок сучок. Освободил блесну, забросил. — Так можно инфаркт получить. — Он крутил ручку катушки и говорил: — Знаешь, ты можешь обо мне что угодно написать, что угодно рассказать, выдумать, что я бабник, пьяница, лгун, но сказать или написать, что я плохой рыбак, ты не имеешь права.

— Никогда! — торжественно сказал я. — Вылезай! Я всем скажу, что ты поймал огромную рыбу. Вылезай, ты не должен погибнуть. Знаешь, как я напишу? «И уже когда он окончательно погибал и замерзал в этой неласковой приполярной предзимней реке, она схватила. «Рыба, — взмолился он, — не уходи, рыба, я тебя так долго ждал. Я больше суток ехал на поезде, летел два часа на самолёте, потом на вертолёте, шёл пешком, проваливаясь в болото. Рыба, не уходи!» Какая она громадная, он понял, когда она прошла под обрывом, тень её заслоняла свет маленькому стаду хайрюсенков. Она сорвалась, но уже на отмели, и тогда он кинулся на неё, охватил руками, чувствуя, как бьётся под ним и подбрасывает его

её прекрасное мокрое тело». Так напишу я, и пусть остальные рыбаки-писатели застрелятся.

— Очень литературно, — сказал Стас. — Никто не поверит и не застрелится. Надо ловить.

— Хотя бы выпей немножко.

— Да, надо. — Стас положил спиннинг на песок острова и побрел ко мне через протоку. В одном месте было глубоко, он даже зачерпнул через высокие бродни. Огорченно охнул.

Я разложил на траве помидоры, сыр, срезок колбасы, шоколадку, налил, протянул:

— Звоните, вельможный пан, шо без салфетки, бо в Парижах нэ бували.

Стас выпил, стащил с мокрой ноги сапог, размотал портянки, выжал, перекрутил и встряхнул шерстяной носок. Я полил на красную ступню водки.

— Растирай. Слушай: вот читает хохол лозунг на заборе: «Бей жидов — спасай Россию», — и говорит: «Дуже гарный призыв, но цель погана». Знаешь, где прочитал? В «Московском комсомольце».

— Шуткуют, любят шутковать. Но всегда как-то испуганно, на всякий случай. Всё равно же не дома, чувствуют же. Вот почему евреи в политике и экономике, даже старательные, бесперспективны для России: для них она — эта страна. Он работает и подсознательно думает: прапрадед тут не жил, и внук отсюда намыливается, для кого напрягаться?

— Ну что? — произнёс он, вглядываясь в переливы течения. — Хоть бы одна плеснула. — Юра говорит: время неудачное, дожди прошли.

— Ну да, не до еды, когда у тебя с крыши течёт или наводнение.

— Посиди ещё, погрейся. — Я бросил в воду кусочек хлеба. — Прикорм. Наводнения у меня не было, пожары были. В девяносто втором у меня вся квартира выгорела. Рукописи мои горят. Тогда у меня всё сошло: и пожар, и до этого спазм сосудов головы, прямо в кабинете упал, и глаза посадил за два года до плюс трёх. Тогда я и привел Бородина, протащил его через секретариат, посадил его на своё место.

— Не жалеешь, что отдал журнал?

— Иногда очень. Когда читаю слабые номера. Но с другой стороны, где же шедевров набраться? Жаль — журнал стал культурологическим.

— А как ты это понимаешь?

— Ну, например, «Новый мир» печатает что-то неизвестное о Пастернаке, оправдывает его, что не он виновен в судьбе, допустим, Ивинской. «Москва» печатает неизвестное о Клюеве. А это уже удел диссертаций и Ученых записок. Также вязнут в Солженицыне. Ох, я очень не рад, что много попахал-таки на него.

— А я! — воскликнул Стас, обуываясь. — Два ли, три ли года печатал чуть не по полному номеру, то ли «Август семнадцатого», то ли март. Напечатать это можно, прочесть — подвиг. Он бы вместе с премией выдавал медаль тем, кто прочел его «Колесо».

— Бушин прочёл, думаю.

— Бушин всё читает.

— Да, вспомнил я, — когда рукопись «Тихого Дона» нашлась, Солженицына спрашивают, как он теперь это откомментирует. Он говорит: «Теперь это неактуально». А гадить, значит, на Шолохова было актуально?

Тут, Стасик, историческая параллель с Толстым. Толстому мешал жить Шекспир, Солженицыну — Шолохов.

Стас обулся и снова побрёл на остров, на свою рыбацкую вахту.

— Скажи честно, — попросил я, — я тебе не мешаю? Ведь это же из-за меня не клюет. Хариус думает: а этому-то, на берегу, чего нужно? Да, не родился я ни рыбаком, ни охотником. Пойти Славку проверить и Галину Васильевну, живы ли?

— Я прямо вздрагиваю, — сказал Стас, производя классический, метров на двадцать пять, заброс. — У меня жена Галина Васильевна.

— Она ездит с тобой на рыбалки?

— Пробовал брать, бесполезно. Как ты, сидит на берегу и...

— ...и канючит: пойдём домой, вылезай из воды, заболеешь.

— Примерно.

— Хорошо, я больше ни слова о рыбалке, я о литературе. Всё никак не выветрится. Мне тем более хочется выговориться. Подумай сам, я одинок, «словно в степи сосна». Тут я у девочки, кажется, из Пензы, прочел стих: «Я как луна: она бледна, и я бледна, она бедна, и я бедна, она одна, и я одна».

— Терпи, брат, — сказал Стас, — терпи. Утешайся тем, что одиночество — признак силы. — Стас менял блесну на более мелкую и яркую.

— Буду знать, — поблагодарил я. — Кончено, терпеть напраслину хорошо для спасения, для смирения, а дети, а внуки, а та же жена? Это же не еврейская жена, для которой муж — гений, а русская. Русской жене за мужа страдать хочется, но по-крупному, по-декабристски, а сказать лишний раз: ты молодец, не дожدهшься от них. Ты получал подметные письма?

— Сколько угодно.

— Конечно, я тоже получал. Но противнее того, рассылал кто-то письма от имени жены. Членам редколлегии. Будто она, жена, за меня страдает. И Михайлову, и Ланшикову, даже старику Леонову не постыдились послать. Я к нему ездил, уговаривал остаться в редколлегии. Остался. Потом я сам к нему свежие номера возил. Разговаривали много. Но только я подумаю что-то записать, он тут же: не надо.

— У меня Галя, когда я после университета работал в Тайшете, приехала ко мне. Горожанка, в деревне не жила. Холод, печка дымит. На радио работала. Утром, до гимна, далеко до работы, уходила. Так было славно. Натоплю к вечеру, сидим, она поёт. Я подпеваю, она поправляет.

— А Серёжка в Сибири родился?

— Нет, в Москве. — Стас всё взмахивал спиннингом, всё поддегивал, подводя блесну.

— Ты говоришь, одиночество — признак силы? Вряд ли. Но то, что оно великое благо, точно. Я же в Москве уж куда как был отверженным. Стихи писал: «В этой Москве серокаменной одинок, как гармошка в метро». Но дорога в церковь в таком случае короче: там я нужен, там братья и сестры, там спасение. А всё остальное — такая тщета.

— Да-а, — протянул я, делая из согнутых ветвей ивы сидение себе, и уселся. — Жизнь прошла, а будто вчера начинали. Мы же подпирали впереди идущих. То есть, лучше сказать: не впереди, а старших. Ещё Си-монова помню, говорит мне: я за вами слежу. Очень эпохальная фраза. Твардовского помню...

— У нас, что, вечер воспоминаний?

— Я в том отношении, что они к нам ревниво приглядывались. И правильно. Мы пришли не о рыбалке, как Паустовский писать, да и дядя Степа мог быть кем угодно, не только русским. То есть, мы предыдущих обштопали по силе любви к России и национальной культуре.

— Они не всегда могли.

— Да, это их как-то оправдывает. А вот за ними идущих уже ничто не оправдывает: говори во всю силу, спасай Россию, продирайся к Святой Руси. Нет. Всё хохмочки, всё выдрючивания. Конечно, до уровня Плевелина и Муриной не опускаются, но и..., но и но, так сказать. Прочтешь какого сорокалетнего: дай позвоню, дай человеку доброе слово скажу. И чего-то не собрался позвонить. А через три дня уже, чего читал — помню, а для чего читал, не понимаю. К чему такие выкрутасы? А ведь могут. Тот же Дёгтев, писать через ё.

— Дёгтев? — переспросил Стас, — никакого нравственного чувства. В Евсеенко вцепился, чего ради?

— Так что отсюда вывод: они нам не конкуренты — зелен виноград. А секрет я знаю в чём. И знал. И не хотел говорить. А сейчас можно. Они пишут пластмассово, потому что шпарят на компьютерах. Докажу мысль примером: почему сейчас очень сильны русские певцы и русские молодые художники? Не задумывался? Они работают всё тем же инструментом, что и во все века: голос, холст, кисть, краски, а писатели не пишут от руки — связь головы, сердца с бумагой через руку и ручку прервана, кровь через клавиатуру не течёт. Может, ещё оживут, но вряд ли, отравлены всякими принтерами, сайтами, интернетами, картриджами...

— А-а, знаешь, — поддел Стас. — Словарный запас?

— Словарный запас. Нет, мне соперники только собратья по поколению.

— Должен же я поймать! — воскликнул Стас. — Ещё сегодня до вечера и завтра весь день до вертолёта. — Всё-таки он вылез на сухое.

— А если ляжет туман, непогода, Юра говорит, то можем надолго застрять.

— Ещё лучше, — сказал Стас. — Вот тогда уж точно поймаю. И ты начнёшь тоже ловить. Поневоле. Всё подъедем. Да-а, хорошо бы туман. Ты в Москву рвёшься?

— Обижает, начальник. Чего туда рваться? Москва за день сжирает всё, что накопишь за месяц в тайге. Разувайся. Надо снова ноги растереть.

— Обожди, закурю. — Стас мокрыми трясущимися руками нашарил в кармане пачку мягких сигарет, долго тыркал колёсиком зажигалки. — Почти не курю, только на редколлегии и с расстройства. Да, в Москву неохота. А ты заметил, как демократы радостно выли, обсуждая проект перенесения столицы РСФСР тогдашней в Свердловск или ещё куда. Хрен вот им, Москва — русская. Я это особенно ощутил в августе 91-го, когда заявили из Моссовета с предписанием передать им здание нашего дома на Комсомольском. Хари, одна другой чернее. Я это предписание у них на глазах порвал и швырнул. Русские писатели — главные в русской столице.

— На следующий день Пленум, последний Пленум большого союза. Евтушенко, Черниченко, Оскоцкий нагнали в ЦДЛ всякого сброда, насовали им каких-то мандатов и голосовали за изгнание из секретариата русских

писателей, вспомнил и я. — Я тоже записался выступать, а Бондарев, Романов, другие уходят, Бондарев мне гневно кричит: «Вы с ними?». Я говорю: «Выступлю и уйду». Потом я отвез заявление о своём выходе из секретариата.

— Да, а я к Евтушенко пришёл, говорю: «Женя, ты понимаешь, что вы делаете? С кем ты остаёшься?» А он потом, негодай, написал: «Ко мне прибежал трясущийся от страха Куняев», я — трясущийся?

— Сейчас ты от холода трясешься.

— Уже не трясусь. Рука отойдёт в плече, ещё спущусь.

— А ноги?

— Терпимо. Посидим ещё. Хорошо?

Слабый, как шепот, дождик окропил нас, и опять тихо и доверчиво стало пригревать солнышко. Пролетели утки, слышно было, как за поворотом они плюхнулись в воду.

— Не знаю, что на меня нахлынуло, — сказал я Стасу, но только хочется перед тобой выговориться. А перед кем ещё? К батюшке с нашими дразгами не пойдешь, странны и дики ему наши проблемы. И правильно! Чем склоками заниматься, молились бы. Василиса Егоровна у Пушкина дала рецепт счастливой жизни: сидели бы дома, да Богу бы молились. А Белинский её глупой бабой обозвал.

— У нас на первом курсе в МГУ Бонди на первой лекции спрашивает: «Как думаете, патриот Пугачев?» Мы кричим: «Патриот!» — «А капитан Миронов патриот?» Мы, немного растерянно: «Патриот». — «Так почему же патриот патриота повесил?» — Стас, кряхтя, повернулся и лег на живот: — ПомНИ спину. Пониже лопаток. Сильней, сильней.

— Жалко же.

— Ничего, ничего, полезно, дави, о! Отлично. — Стас опять сел. А чего ты хотел выговориться?

— Да вот как-то хотя бы в твоих глазах не выглядеть изменником русского дела. Легко ли, кто только на меня собак не вешал. Выступил на встрече с Горбачёвым, никто выступления не прочёл, кроме перевернутого изложения, и напустились, свои же, Глушкова особенно. У тебя качество бойцовское: сразу отвечаешь, если что, и по морде. Я забыл, ты Рассадину или Коротичу дал пощёчину?

— Неважно. Нет, я Глушковой долго не отвечал, как с бабой связываться. Потом пришлось. Тому же Евтуху.

— Вот. А я даже не смог, хоть и возмущался, написать о том, как Вознесенский издевался на целую полосу «Литературки» над крестом. В день Крестовоздвиженья. Чего-то вякнул против ширпотреба и пластмассы Окуджавы и Галича. Окуджава тут же, в «Свидании с Бонапартом», пишет: «Плоское лицо тупого вятича». Я же был на том заседании парткома, когда его была персоналка за провоз порнографии. Далеко вперёд смотрел основатель арбатской религии, знал, что порнографию Говорухин узаконит. Я и тогда смолчал. Тогда, — я невольно засмеялся, вспомнив, — ещё Солоухина, тоже коммуниста, обсуждали за публикацию рассказа «Похороны Степаниды Ивановны» в Америке. Его бы выперли, ясно же из кого состоял партком, но тогда надо и Окуджаву выкидывать. Дали по строгачу. Тогда-то Солоухин и сказал знаменитую фразу, выходя из парткома в ресторан, это в десяти метрах: «Оставили в рядах». Потом мы с ним в один день заявления о выходе из рядов отвезли. Главным образом,

от нераскаяния коммунистов в гонениях на церковь. Я тогда его рассказ печатал о Войкове-царевнице. И до сих пор метро «Войковская». Вот как за своих держатся. Мы с Солоухиным в Риме сидели, он повёл в кафе, где Гоголь любил сидеть. Я официанту по-немецки внушил, что зер грессише руссише шрифштеллер. Как не слупить с большого русского писателя, тем более помнят, что вся Европа построена на русское золото. Потом идём мимо Пантеона. «Владимир Алексеевич, давайте зайдём, Рафаэль похоронен, от любви умер». — «Да ну, — говорит, — чего заходить. Ну умер и умер, и вечная память. Ну, мрамор, ну голубки. Нет, брат, наша могилка должна быть на родине, на сельском кладбище». Так и напрогножил себе. А я потом к Рафаэлю забегал. Действительно, мрамор и голубки... Чего, все-таки полезешь? — Спросил я, видя, как Стас зашевелился.

— Не знаю, ещё покурю.

— А я ещё поговорю... Вообще, за евреями интересно наблюдать. У них несколько приёмов обработки. Дать понять, что всё тебе будет — и деньги, и имя, только вот подтянись к культуре, иными словами, перестань быть русским. «Ах, какая у Розы Самойловны племянница, как ей ваши рассказы нравятся».

— А ещё их бабы почему-то всегда говорят: давай уедем, давай уедем.

— А вся культура — черный квадрат да музыка Шнитке. Казалось бы, ну и пяльтесь вы в черный квадрат, нет, им надо, чтоб все в него пялились, тут же амбивалентность, а сосна Шишкина, ну что сосна? И писатель как начинает выдрючиваться, это писатель, тут начинаются о нём рассуждения, амбивалентность в нём, а вот северно-сибирское, да ещё с местными словами — это уже косность, отсталость, культуры мало. А признаться, что русского языка не знают — это ни в жизнь. Гениев делают моментально, лауреатов. Кому сейчас нужен Рыбаков с его «Детьми»? А ведь классик. Да что мы тут о них! Как от каждого не отойдут до смертного часа соблазны, так и от России. Напустят очередных бесов, вроде битлов...

— Да уж.

— А и сами мы всё время предаем Россию. Что её сердце? Православие. Вроде не издеваемся напрямую над крестом, а как Аввакум на него ополчался, обзывал польским крыжом, давай петь осанну Аввакуму, в книги вставлять, памятники ставить. А в церковь пойти, тут всё мешает. Миша Петров говорит: чего я пойду к священнику, я помню, как он в обком комсомола бегал. Курбатов в «Известиях» славит иконописца Зинова, который причащался с католиками. Демократы от восторга премию дают Зинову, он её отдаёт кому? Конечно, раскольнику необновленцу Кочеткову. Юра Сергеев очень скромно говорит: по моим книгам учатся, как по Евангелию. И всё люди вроде неплохие.

— Но смотри, — заметил Стас, — вроде пошли писатели во Всемирный русский собор, а потом откачнулись. Политики нахлынули. Может, Ганичев, как зам у Святейшего видит какие-то перспективы в Соборе, а я посидел-посидел на заседаниях, думаю, в церковь я один хожу, вне коллектива, соборным сознанием обладаю, всё, что говорится, я знаю, чего время терять?

— Согласен, но вопросы-то важные ставятся. Например, о языке. Хотя, — я невесело усмехнулся, — слушают нас прежде всего враги русские. Ах, вы за язык переживаете? Вот вам, вырежем преподавание рус-

ского языка в старших классах. Литературы захотели для народа, вырежем и литературу — до одного часа в неделю. Экзамен выкинем устный по литературе, сочинение заменим изложением. И окончательно будете недоумков плодить. Ох, Стас, и я не хочу больше ни на какие пленумы ездить. Бесплезно. Ни от какой не от гордыни, а уже просто времени жалко. Выступать всегда есть кому, полный зал говорунов, рвутся. Я сунулся выступить в Орле, Ленинграде, Омске, освистали. Больше не хочу. Как будто я от себя говорил, я благодаря преподаванию в Академии хоть за какой-то краешек истины ухватился, вот, думаю, с братьями поделюсь. Какой там, Гусев прямо из зала кричит: «Прекрати считать себя всех умнее!» А разве это мой ум напомнить слова батюшки Иоанна Кронштадтского о Толстом? Корчим из себя творцов, а Творец — един Господь. Всех судим, а как можно судить раньше Божьего суда? То есть, можно подумать, что и я сейчас сужу, но как говорит знакомый батюшка: не в осуждение говорю, а в рассуждение. А от себя я давным-давно ничего не говорю.

— Я на темы религии избегаю писать, — заметил Стас.

— И правильно. Вон Кузнецов идет по пути воцерковления, очень хорошо, но это же длиннющий путь, тут не перескочишь, это годы, а он сразу всех оповещает. И столько прямого язычества в его работах о детстве и юности Спасителя, столько искушений.

Над нами копились темнеющие облака, но над горизонтом, куда потихоньку ползло тёмно-жёлтое солнышко, было свободно. Опять пролетели, уже обратно, утки. Тоже три.

— Юра не видел, а то бы на ужин съели.

— У нас еды на два сезона. Да, Стас, заездил я тебя своими разговорами.

— Я всё время внутри них живу. Куда денешься. Да, все мы... — Стас не договорил. — Он встал, потоптался. — Ну что, побросать ещё?

— Ни за что! — решительно заявил я. — Плохо тебе тут? голодный ты? К костру, к прекрасному ужину, к тёплому ночлегу, к сиянию полярных звёзд. Лучше поймай какое четверостишие. Пойдём! Ты же видишь какое у реки имя — Макариха. А кто такая Макариха? Это, конечно, тёща какого-то рыбака. И не клюёт на Макарихе, и петляет она, бегаёт туда-сюда, то мель, то омут, чистая Макариха. Бабья река. Наверное, у Галины Васильевны дела получше.

— Этого я не переживу, — сказал Стас. — Хорошо, ещё по пути спущу, раз десять брошу. Только давай, из суеверия, о рыбе не говорить.

— Вспомни Пушкина: «Имеющий истинную веру свободен от предрассудков».

— К рыбе это не относится.

Мы пошли по направлению к вагончику, то продираясь сквозь упругие заросли карликовых берёзок, то прыгая по кочкам и срываясь в мокрое пространство между них. Я продолжал зудеть:

— Была же в русском движении эпоха Лобанова, Кожинова, Ланщикова. Палиевского ждали каждое слово. Семанов писал. А Михайлов Олег. О Державине, Суворове, про одесситов. Тут их Селезнев укрепил. Так вот я к тому, что все они — христиане, но только умственные. И это честная позиция. Да, не хожу в церковь, духовника нет, но понимаю и свидетельствую, что без Православия России не быть. Слушай, а чего Палиевский не пишет? То есть пишет, но уж так мало. Я недавно прочёл его книжку

«Шолохов и Булгаков» — чудо! Но уже читал раньше, он в книгу собрал. А в «Нашем современнике» нет и нет его.

— Ленив! — воскликнул Стас. — Ленив! Говорю: «Петя, пиши, все буду печатать», — нет, не несёт.

— Есть рассказ, как Петелин схватил его, стал душисть, спрашивать, когда будешь писать. Палиевский вырывается и кричит: «Я для вас думаю». Это, кстати, очень точно. Не пишет, а полное ощущение его постоянного присутствия. Другой в неделю по три статьи шпарит, а всё на ветер. — Тут я как-то неадекватно засмеялся, Стас даже оглянулся, ладно ли со мной. — Умирает один писатель, шепчет своё последнее желание. Чтобы, говорит, обо мне Бондаренко ничего не писал.

— Почему? — спросил Стас.

— Не успел объяснить, умер.

— Сейчас выдумал? — спросил Стас.

— Разве плохо?

— Ничего меня сейчас не веселит, — вздохнул Стас. — Действительно, Макариха. Так же вот мужик рыбачил-рыбачил, измучился, плюнул и говорит реке: ну, ты чистая Макариха. Вредная. Ну чего в такой реке не быть? Чистая, перекатистая, летом тучи корма над водой. Ох, не видел ты, как хариус кормится. — Стас решительно встал: — К костру! Но иди первый: если Галя поймала, дашь знак, я от позора уйду в тундру. Принесёшь мне чего-нибудь поесть и телогрейку. Да, лучше спальник.

— Ты серьёзно, что ли? — я даже запнулся о кочку.

— Серьёзно. Быть рядом с рыбой, которую не поймал, это... это морально тяжело.

— А бросить нас на ночь — аморально.

Стас закричал:

— Давай лучше о литературе. Никогда я ещё так не рыбачил.

— Давай о пень-клубе, — предложил я, — как раз проходим около погибающего от времени пенька. Мы с тобой два дерева, остальные пни, как пели мы в юности. Смотрел передачу о них? Давно же я их никого не видел. Битов весь седой...

— Мы тоже не раскудрявились.

— Естественно. Но мы хоть без бабочек, мы хотя бы спасителей из себя не воображаем, гуманистов. Оказывается, они «не расстреливали несчастных по темницам», оказывается, им то, что в Чечне, не нравится. Там у них всех почестнее показался мне Юз Алешковский. Я с ним у Владимова познакомился. Правда, как-то коробило, что непрерывно матерился. Как Астафьев, только ещё грязнее. Так вот, Алешковский, по крайней мере, честно говорит: «Я пришел выпить и закусить на халяву пен-клуба». Недавно Глеб Горбовский в интервью о Битове говорит: «Пишет какую-то невнятину, а как хорошо когда-то писал. «Аптекарский остров», например». Добавлю и «Афродиту». А вот уже в «Уроках Армении» меня царапнуло, когда он приводит слова Сарьяна: «Я понимаю, откуда армяне, понимаю, откуда евреи. Но откуда русские?»

— Неужели и Славка поймал? — спросил Стас с тоской. — Застрелюсь. Иди вперёд.

По еле заметной тропинке в низком и тонком, но частом ельнике я вышел к вагончику. Около него пылал костер, внутри вагончика то-

пилаась огромная круглая печка. Громко каркал ворон. Слава, не видя ещё меня, пел: «Ах, проводница, принеси мне крепкий чай. Я так давно не пил плохого чаю. Ах, проводница, постели-ка мне постель, я так давно не спал в чужой постели...»

— Гитару не взяли, — сказал он, завидя меня. — Это шепиловская железнодорожная».

— Ещё бы и гитару, — сказал я тоном старшего брата. — Это уж был б совсем туризм. Ну, поймал золотую рыбку?

— Не только не поймал, но и блесну оторвал. А Станислав Юрьевич? Ещё ловит?

— А Галина Васильевна?

— За ней Юра пошёл.

— Чай заваривал?

— Первое дело. Тут нам его пять сортов положили, выбирайте. Кофе трёх видов, какао.

— Значит, не поймал, — сказал я громко. — И рыбу мы всю отдали вертолётчикам. На рыбалке и без рыбы. Пойду за начальником.

Но Стас уже сам шёл навстречу. Разделся, заменил мокрые брюки, сменил рубашку, переобулся в сухие ботинки. Всё молча. Угрюмо проговорил: — Блокнот есть у тебя? Запишешь мои последние слова. Когда сочинию. — А пока не сочинил, отвлекись на тему ловцов человеческих душ. Возрази и поддержи вот в чём: литературный фонд я понимаю, Академию словесности, пусть даже изящной, понимаю. Хотя это, конечно, уступка тщеславию. Но пусть. Премии же множатся, лауреатов уже больше, чем писателей, но и это можно понять. А союз писателей? Создан был явно идеологической мыслью сплочения во имя прославления гегемона, так ведь? Сейчас его лихорадит, это естественно. Вроде хорошо ездить, проводить пленумы, секретариаты, круглые столы, со сцены вещать. Все же умные. А толку ноль целых и очень много нолей сотых. Охват умов минимален. Говорим единомышленникам, никого не обращаем в нашу веру. Сегодня в ЦДЛ полный зал на Карташову, на кого ещё? А завтра и сто раз после завтра полные залы на скалозубство шифриных, хазановых, задворновых. Конечно, приходится вспомнить, что если из сотни русских один останется верен России, то она не пропадёт. Отсюда слова: остатние люди. Но есть ли они? Повсеместно пьянство как общая забастовка и ответ на реформы, наркомания как средство уйти от ужасов бытия, пропаганда разврата как заработка, пропаганда разврата как развлечения, пропаганда наглости как предприимчивости, всюду иудейское поклонение змеиному шелесту доллара, заменившему золотого тельца... есть от чего уныть. Но так же всегда было.

— Нет, нет, — возразил Стас, — так впервые. Впервые государственная машина работает против государства, вот что.

— Тем более, значит, не здесь наша жизнь, — ухватился я за спасительную мысль. — Наша жизнь в Святой Руси, есть же она. Но, конечно, и земную нельзя отдавать. Только, если уподоблять Россию храму, то вспомним Иоанна Златоустого: «Не храм освящает собравшихся, а собравшиеся освящают храм». Вот и представим, кто собрался. Вот тут и продохнись, и протолкнись к алтарю. Не пустят. Одна надежда на вознесение, на бестелесность, на то, что ненавистники России провалятся в преисподнюю. Россия — дом Пресвятой Богородицы, разве не очищает хозяйка свой дом

к празднику, так и Россию Божия мать к пришествию Сына очистит и украсит.

Вернулся Юра. Огромный, с огромным ружьём, в сапогах сорок последнего размера, он действовал успокаивающе: с таким не пропадём.

— Уток пожалел? — спросил я.

— Далеко. Я ходил, медведя с лёжки спугнул. И следы куниц, подбирали за ним объедки. Надо будет зимой завалить.

— Жалко же.

— Мясо сладкое, — Юра даже зажмурился. — Сваришь, поешь, можно босиком на снег идти, жар распирает.

— Ну, что наша рыбачка Галя? — спросил Стас.

— Пусто. Говорит, сама придёт.

— Нет, надо спасать, надо вытаскивать. — Идём, — позвал он меня, — идём скорее, а то ещё поймают.

По знакомой тропинке спустились к реке, свернули к месту, где ловила Галина Васильевна. Она стояла в воде, в ватных брюках, высоких сапогах, меховой куртке с капюшоном и всё бросала и бросала.

— У неё катушка плохо работает, — присмотрелся Стас. — Но смотри какое упорство. Это северный вариант скифской бабы. — Галя, — кричал он, — пошли, мы и на тебя наловили.

Галина Васильевна горестно поглядела на нас, покорно вышла из реки и стала разбирать спиннинг.

— Ничего мы не поймали, Галина Васильевна, — честно сказал я.

— Всё из-за него, — указал на меня Стас. — Не хотел уху готовить, заговор знает, отвел рыбку, такой он вятч московский.

— Я себя, конечно, виню в неулове, виню и прощения прошу. Но что бы, Стас, чтоб я не захотел уху готовить, это ты меня очень сильно обидел. Это надо было долго думать, как меня обидеть. Уху! Готовить! На костре! В лесотундре! Да ради этого можно было и пешком сюда приползти. Знаете, как бы я её готовил? По дороге расскажу. В воду бы вначале немножко брусничника, целую картошку, целую, также покрошить морковь. Чуть позднее целые головки лука. Это всё разварится и исчезнет в единой консистенции рыбной юшки. Остальные компоненты, ингредиенты, так сказать комплекующие, идут строго по ранжиру. Ни в чем не перебрать! Лаврушка агрессивна, укроп тоже. Поварить и выкинуть. И вообще бульон держать чистым. Перец горошком, молотый на столе каждому по вкусу. Соль после кипения — крупная, грубого помола, но досаливать уже мелкой перед подачей. Далее: рыба. Если бы, кроме хариуса, было поймано ещё что-то, нечто плавающее, то покрошить, поварить и выкинуть. Картошку режем соломкой, можно, кстати, опять же чуть-чуть, сыпануть гречки, и вермишели — паутинки. Очищенный и вымытый хариус, крупный, режем, бережно опускаем и варим до побеления. И хотя говорят: мясо не довари, рыбу перевари — это заблуждение. От того, что всюду, кроме русского Севера, вода заражённая, рыбу варят дольше обычного. Но радиацию в кипятке не уничтожишь, а вкус от переварки уходит. Жабры, на всякий случай, всё-таки выбрасываем, а лёгкие и печень, почки варим, запуская их позднее собственно рыбьего туловища. На стол подаётся в общем котле, ставится в середину. Ужин продолжается три часа. Ночью его участники ещё прикладываются к котлу, а утром в нём совершенно дивное зрелище заливной рыбы. Можно не разогреть.

— Ты так долго издевался надо мной, — сказал Стас, — я так смиренно терпел издевательство, что считай все свои обиды заглаженными.

— Да! — воскликнул я. — Ещё же надо чесночинку положить где-то на середине варки, а лук, накрошив помельче, запустить ближе к концу её. Всё. Нет! Если есть зелень, её лучше, нарезав, подать на тарелке для индивидуального потрафления вкусу. Если не среда, не пятница, не пост, в воду запускается сливочное, желательно отечественное, желательно топлёное, масло. Оно смягчает вкус и уменьшает выкипание из воды полезных калорий. Полезных особенно в нашем возрасте.

Стас сплюнул, махнул рукой и закурил. Мы уже пришли. Галина Васильевна поднялась в вагончик, а нам Юра предложил выстрелить из его фузеи по банкам, укрепленным на ветках ели. Мы выстрелили. Оба попали. Юра хвалил нас, но что хвалить: банки были такие маленькие, а ружье такое большое, что они слетели с веток от страха.

Жалея рыбаков (Слава тоже ничего не поймал), Юра сказал:

— Да, сейчас бы на червяка, но с червяками проблема. Везут иногда из отпуска с материка. Тут червей нет.

— Как в Израиле, — вспомнил я свою поездку. — Там земля искусственная для посадок.

— И рыбу не ловят?

— Зачем? У них всё есть.

— А счастья нет, — сказал Стас, — Вот сейчас опять победят палестинцев и опять будут жить, трясясь от страха.

— К нам побегут. Примем, — сказала я. — Судьба такая — всех жалеть. Почва готова, атмосфера проевреена. А и в самом деле, вот давай рассуждать, как же не жалеть евреев. Тут они тоже не дома, значит, им надо доказывать, что они хорошие, что их юмор, например, чаплинский — это образец юмора. Что напаскудить и сбежать незаметно — это смешно. Сзади забежать и пнуть — смешно, торт размазать по лицу — смешно, и так далее. Надо доказывать, что смысл жизни в деньгах, чинах и известности, а не в спасении души. Тяжело же. Но Россия доверчива и проста. И это очень христианские чувства — доверчивость особенно. Сидят бабы, разговаривают: Сережка на еврейке женился, далеко пойдёт. То есть, как говаривали ранее в номенклатуре, «еврейская жена не роскошь, а средство передвижения». У вятского политика Кострикова-Кирова жена была Маркус, два класса образования, возглавляла демонстрацию проституток, и ничего, муж продвигался. Но вернёмся к Сереже. Ведь на еврейке этой мог жениться и русский Саша, и тоже бы далеко пошёл. То есть? То есть, способности к продвижению есть в любом русском мужчине, но не любой продвигается.

— Ладно, — прервал я сам себя. — Завтра голыми руками поймал. Как Костя Скворцов в Средиземном море, был там с Карповым, на Ближнем востоке, увидел на отмели кефаль, огромную, говорит, прыгнул, выбросил на берег. А Карпов не уберег. Пожалел, говорит, выпустил.

— Сейчас все рыбаки на Пленум поехали, — вспомнил Стас.

— А вот скажите мне, это надо? — спросил Слава. — Вот эти Пленумы, выезды? Или это только сплошной фуршет?

— В конце концов, и это неплохо. Редко же стали видеться. Если ещё в делегации Роберт Балакшин и Небольсин, да Бобров, то и совсем хорошо. Но ты посмотри на демократов. Мы собираемся реже их раз

в десять, вот им-то уже и сказать нечего, одна пьянка. У нас мыслители будь здоров, ты слушал Володина, Лощица, Лобанова, Кожинова, Кара-Мурзу, Мяло? А Распутин, Белов? Найди у демократов такого хоть одного. Бакланов приехал в Тарханы выступает: «Я счастлив быть на месте, где родился Лермонтов». Вот уровень. Хорошо, Парпара спас положение, за ним выступал: «Поклон вам от Москвы, подарившей миру великого поэта». Конечно, часто и так бывает, что соберёмся и сидим якобы за круглым столом и говорим друг другу о том, какие мы умные. Потом это ум в никуда. Вот так, например, о русской идее, целых два дня сидели, стенографистки стенограммы правили, и ничего не вышло.

— А какая русская идея? — спросил вдруг Юра, оказывается, внимательно слушавший рассказы о писательской жизни.

— Все та же: православие, самодержавие, народность. Сейчас, конечно, только православие, оно же и народность, если б ещё плюс сильная власть, жили бы.

Слава, ненадолго прыгнувший в вагончик, тут же показался в дверях с заранее приготовленным подносом, роль которого играла широченная, уставленная едой и питьём доска, и, как пишут в романах, не без некоторой доли торжественности. Водрузил его на широкий пенёк.

— Прошу! О, нырнуть бы в холодное пиво и тонуть в нём, тонуть в нём, тонуть! Прошу! Домашний свежий самогон, как много дум наводит он. Галина Васильевна, перепрыгнем через тост, сразу за женщин!

— Идея идеей, — мрачно сказал Стас, принимая от Славы пластмассовую походную емкость, — а ужин без рыбы.

— Ну, хоть вертолётчики поедят, — утешил я. — За ночь вода спадёт, вроде закат на ясно показывает.

— Да где — спадёт. Пока с верховьев скатится.

Но потихоньку, по ходу ужина, настроение у Стаса начало подниматься. Он сидел у костра в шерстяных носках, в сухом свитере. Юра все поглядывал на нас с тревогой и, наконец, высказал её причину:

— Не надо было купаться, это может закончиться чревато.

Стас неожиданно стал рассказывать о том, как ему на Мегре доверили собаку, Музгара.

— Витька Кулаков. Никому не верил, мне поверил. Я ему запчасти для «Бурана» из Рыбинска возил. Собаку мне доверил — высший знак отличия. Музгар у меня в ногах спал. Пришел за мной вертолёт, уже Мегра замерзла. Собаку не берут. Ни в какую. Заплакал, оставил. А Музгар выжил. Но жена Витьки меня за мужика считать перестала. «Что ж ты, — говорит, — за мужик. Надо было Музгара пристрелить, а шкуру ободрать на шапку». Собака была! Глухарей брал, белку облаивал. Раз даже: рыбачу, слышу лай, выносятся лось прямо на меня. Гнал лося под выстрел. Меня Витька повёл ель на воду стаскивать, он ель для лодки подвалил. Центнера четыре. Говорит: вдвоём тащим, а отец тащил в одиночку. А там был, я ещё застал, Ваня Рыбаков. Поднимет у избы угол и кепку подсунет.

— А чего ты про собаку вспомнил?

— Сегодня вроде какая-то собака пробежала?

Юра торопливо придвинул к себе ружьё.

— Собака вряд ли, рысь — вполне. Вот то, что купались вы, это не надо бы, — опять повторил он, — это может продлиться чревато.

Ужин наш у костра продолжался долго. На десерт, на чай и кофе поднялись в вагончик, так как сильно холодел к ночи воздух. В вагончике была другая крайность — Юра так натопил огромную чугунную печь, что градусов было, наверное, под сорок. Вместе с тем Юра берёт тепло, не говорил нам, чтоб мы закрывали дверь, но сам вскакивал и закрывал каждый раз, когда кто-то выходил и входил. Вскоре притерпелись и к теплу, разделись до рубашек. Даже было приятно после целого дня хождения в тяжелых бахилах, ватных штанах и ватниках. Пошли разговоры. Юра принялся уничтожать пиво, выливая его сквозь себя на землю, у других тоже проявились свои склонности. Словом вечер получился незабываемым. Даже и песни попели. В них всё время ввергал Слава. Он допел до конца песню о Печоре. Вот она:

Где в океан бежит Печора,
Там всюду ледяные горы,
Там стужа люта в декабре,
Нехо-о, ох нехорошо зимой в тундре.

Припев:
Ой-ла-ли-ла, бежит олень,
Ой ла-ли-ла, лежит тюлень.
Там нету клуба, нету сцены,
Там люди холодны, как стены,
Ой ла-ли-ла, худое дело,
Где ж будем ставить мы «Отелло».

Припев и финал:
Ой-ла-ли-ла, бежит олень,
Ой ла-ли-ла, лежит тюлень.
Ой ла-ли-ла, гибнет человек:
Пришлите де-е, пришлите денег на побег.

Оказывается, это была песня лагерных артистов.

— Нас вообще многому блатняги учили, — сказал Стас. — «А легавые в то время на облаву идут... Двадцать пуль ему вдогонку, пять застряло в груди». Именно в груди, а не в спине. «Молодая комсомолка жулика хоронит». Это тебе не окуджавская «привычно пальцы тонкие соскользнули», слово подобрал змеиное, «соскользнули к кобуре». А вторая струя была советские песни, я плакал, когда пел «Летят перелетные птицы... Не нужен нам берег турецкий, чужая земля не нужна», плакал. «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех».

— А я плакал над «Враги сожгли родную хату», вспомнил я. — «На груди его светилась медаль за город Будапешт». За счёт России спасён и Будапешт, и вся Европа, она очень благодарна.

Вступила и немногословная Галина Васильевна:

— Я в детстве пела русские песни, особенно «Ой да ты, калинушка».

Конечно, мы с чувством исполнили «Калинушку». Петь можно было очень громко, на многие сотни километров никого. Только ворон слушал нас, да песцы, да ещё не залегший в берлогу медведь.

— А ещё одна струя в нас вливалась, — сказал Стас, — это классика. Это когда учился в университете.

— Да, — подхватил и я, — я заметил, что мы, приехавшие в Москву, и относились к ней с большей любовью, чем москвичи, и вскоре знали её лучше. Все театры, все выставки, консерватория, зал Чайковского, и везде успевали, ещё и работали.

Слава проникновенно и негромко запел:

— «Ой да командир майор, Богу молится, Богу молится, всем жить хочется».

— А зэковскую патриотическую знаете? — спросил Стас. — «Вот я стою на стреме, держу в руке наган, и вот ко мне подходит неизвестный мне граждан...?»

— Знаем, — ответил я. — «Советская малина собралась на совет, советская малина врагу сказала нет». Не выдал он за жемчугу стакан «заводов советских план». А все равно, собаки, посадили. «С тех пор его по тюрьмам я не видал нигде». Сейчас за копейки всё выдадут. Молдова для НАТО все военные секреты выворачивает.

Спели мы и «При лужке, лужке», и «Лучину» и даже поднялись до воспоминаний о первых стихах. «Кого люблю и с кем вожуся, не твоё дело, Дуся», — так, четко и с достоинством, писал в восемь лет Станислав Юрьевич. Вспоминали ушедших от нас, много говорили о Георгии Васильевиче Свиридове, о Шукшине, Глебе Горышине, Рубцове. И о живых, конечно, говорили.

Юра тем временем, считая, что наши входы и выходы остудили вагончик, снова расшуровал печку. Пламя гудело, добавляя свои отблески к свету керосиновой лампы. Около начала трубы металл покраснел, как в кузнице. Мы просили больше не подкладывать.

Слава и Юра, как люди помоложе, покарабкались на второй этаж сколоченных из грубых досок тюремных нар. То есть, похожих на тюремные. Мы легли внизу. Там и то было невыносимо жарко. Каково им было наверху! Между тем Слава храпел так молодецки, что Стас проговорит экспромт:

«Как если б вся Вселенная храпела,
так спит спецназ, вернувшись после дела».

Видимо, слово «спецназ» мгновенно разбудило Славу, и он оживленно заговорил:

— Спецназ, альпинизм, горячие точки выработали во мне два правила: в группе нет слабых, но есть тот, кто слабее тебя. И второе: жизнь товарища всегда дороже твоей.

— Да! — неожиданно сказал Стас, казалось, уже засыпающий: — Вот чего не забыть в журнале, но это надо кому-то статью заказать, о репрессиях в крестьянстве. Репрессии были, но кто же дал пять миллионов студентов в города, миллионы рабочих и миллионы солдат? Дети Арбата? Слав, больше не храпи. Слышь, Морозов?

— Буду петь, — отвечал Слава, но армянскую. — И в самом деле запел:

В одном клеткам попугай сидит,
В другом клеткам ему мат плачит.
Она ему любит, она ему мат,
Она ему хочет абанимат.

Та-ши, ту-ши, та-ши, ту-ши, милый попугай,
Та-ши, ту-ши, та-ши, ту-ши, пирвет пердавай.
Как у нас, у Ереван, ест озеро Севан,
Он не боле-мен, чем Тихий океан,
Там живет окун, рыба и сазан...

Галина Васильевна засмеялась. Значит, тоже не спала.

— Бывшие белогвардейцы в Америке, — сказал Стас, — поют песню: «Там вдали, за рекой», особенно нажимая на строчки: «Вдруг вдали у реки засверкали штыки, это белогвардейские цепи».

— Костров такое стихотворение написал: «Там вдали, за рекой». Очень хорошее, — сообщил я в жаркую темноту.

— Да, он рыбак, — одобрил Стас.

Я забылся. Сколько спал, скорее всего мало, так как жара была африканская. Уже во сне все с себя сбросил, все равно задыхался. Накинул телогрейку, покарабкался к выходу. Надёрнул чьи-то сапоги. Вывалился в холод тундры. Холод показался вначале целительной прохладой.

— Далеко не отходите, — услышал я голос Юры.

Да, охрана у нас была круглосуточная. Все-таки я отошёл подальше. Луны не было, но хватало света от звезд. Я впервые видел так высоко под самый купол вознесённую Большую медведицу. А Полярная звезда была вообще на самом верху, у меня даже голова закружилась, пока я её разглядел. Вспомнил, что жители севера называют Полярную звезду кол-звездой. Красиво объясняют, что это кол, к которому привязаны все звездные стада. Ещё думал, что, конечно, ближе к югу, на экваторе особенно, земля кружится быстрее, мы медленнее, от того меньше суедемся. Ручка ковша Медведицы ощутимо шла по звёздному циферблату, как стрелка. Только шла вправо, против часовой стрелки. Когда вышел следующий раз, ковш вовсе повернулся, только Полярная звезда спокойно стояла в зените. Увидел слабые белесые взмывания света в небе, это были предвестники северного сияния.

Под утро, снова поднятый жарой, снова вышел охладиться и подышать, и увидел воистину дивное зрелище — на моих глазах на траве, на кочках, на дровах возникал иней. Да, сколько ни живи, а всегда что-то видишь в первый раз. Иней возникал из ничего, казалось изнутри предметов, кочки будто седили от горя или старости, нижние еловые ветки, наоборот, прихорашивались, будто под венец, трава по краям тропинки выбелилась, и по тропинке захотелось идти. А поднял голову — ощутимо ощутил движение неба. Показалось, что именно оно, а не звёзды, кружило нас под звёздами.

Выполз из вагончика Слава. Красный, мокрый. Расшевелил костер. Вдруг решительно схватил спиннинг и прямо-таки убежал к реке.

Я ещё немного поваялся в духоте вагончика. Вскоре встали все. Юра звал к чаю. Галина Васильевна резала стельки из картонных коробок. Стас заметно нервничал.

— Ну, — говорил он, — торопливо отхлебывая из кружки и обжигаясь крепчайшим чаем, — ну, пошёл. Проверь меня через два, нет, через три. Навестишь. Ну! Тихо, ни слова! — Он рывком встал, проверил заправку карманов, вооружился спиннингом и тоже ушёл.

Пошли и мы с Галиной Васильевной. Юра не дал нам участвовать в уборке стола и вагончика.

Иней ещё оставался в лесочке и под обрывом. Река как запотевшее лезвие, лежала в белых берегах. Вдруг мы услышали, кто-то поет. Конечно, Слава. Пошли быстрее. Да. Он. Слава пел во всё горло:

— Кончен сезон без единого труп-па...

— Галина Васильевна, он поймал. Поймал! — уверенно сказал я, убыстряя шаг.

— Как же он поймал? — нервно спрашивала Галина Васильевна, — он так кричит. Хариус — рыба очень чуткая, осторожная.

— А может, и любопытная? Думает, кто это так кричит?

Мы подошли к рыбаку. Да. Да, у его ног в прозрачном пакете, наполненном водой, билась темная рыба. Галина Васильевна посоветовала не продлевать ей жизнь, вылить воду.

— Нет, этот плеск...

— Тебя вдохновляет.

— Да.

Галина Васильевна пошла вниз по течению, я же обнаружил, что явился на свидание с Макарихой безоружный, пришёл без спиннинга.

— Вот это рыбак, — восхитился я собой, — ещё одно подтверждение приближения старости. Конечно, рассеянность — признак людей углубленных, охваченных одной идеей...

— И это хорошо, дорогие товарища, и всё Политбюро вас поддержит, — сказал Слава точь-в-точь голосом Брежнева.

— Хорошо-то, хорошо, но не для рыбалки. Да, Слава, если Станислав не поймает, тебе не жить. В журнале.

— Я скажу, что вы поймали.

— Мне же тоже где-то надо печататься.

— Станислав Юрьевич до такой степени мщения не опустится.

— Да, как редактор, а как рыбак? Слава, ты чего так рано вскочил, миллионерша приснилась?

— Это легенда. Позвала удача.

— Слав, — попросил я, — видеть счастливого человека радостно, и хочется идти по его следам. Дай я побросаю. Здесь же. Хариус твой не сирота, может, и мой тут пасётся.

Слава уступил спиннинг, отошёл повыше, взяв с собой пакет с хариусом. Предсмертные всплески хариуса подвигали на песни Славу.

— Оп-па, да оп-па, жареные раки!

Приходите, девки, к нам в старые бараки.

А также и другие из его неиссякаемого репертуара. Вчерашнюю, о тундре, он тоже спел, но уже строчку «нехорошо зимой в тундре», он пел: «Мне хорошо всегда в тундре».

Нет, Макариха оказалась хозяйкой скупой, седых рыбаков не любящей. Побросал я, побросал, потаскал придонной травки, замерз, конечно, забредая в воду, и позвал Славу. Слава с присвистом запузыривал блесну, волок её обратно, когда зацепляло, и в этих случаях кричал:

— Ат-ты! Вот она, лапочка, пошла, пошла, пошла!

Галину Васильевну эти крики явно не радовали, она отошла подальше. У неё, вдобавок ко всему, сломалась окончательно катушка, и она, отмотав метров пятнадцать лески, стала бросать блесну прямо из рук.

Подошел Юра и, нагоняя страху и оправдывая свои функции нашей охраны, сообщил, что снова видел свежую медвежью лежку, свежий помёт и следы песка.

— Вначале думал — росомаха, тут они тоже есть, нет, медведь. Рыбу лапой ловит на перекате, на берег выбрасывает, песок за ним подъедает.

— Может, мне на перекат встать, руками ловить? — спросил я.

Вдруг, прямо при нас, Галина Васильевна поймала. Да такого крепенького хариуса, такого большенького. Прямо у ног клонул. Видно было, она очень рада. Самое интересное, она вскоре снова вытащила.

— Прямо согрелась, — сказала она. — А вы что? Давайте, я вам привяжу блесну к леске.

Стал ловить и я. Раскручивал, как в детстве прашу, блесну за леску, кидал её подальше по течению, потом подтягивал. Думаю, что если бы хариуса поймал только Слава, я бы переживал меньше то, что я не поймал. Но женщина поймала, вот в чем штука. Женщина, понимаешь, облавливает. Тут в мужчине просыпается первобытное чувство реванша. Я бросал и бросал. Руки покраснелись, заколодели, ноги ооченели. Я пытался внутри шевелить пальцами, но не знаю, шевелились ли они. Уж как только я не умолял рыбу. «Я не браконьер, — говорил я рыбе, — ни сетями, ни наметом не промышляю, химией не травлю, в порочащих связях не замечен, дети крещёные, с женой венчан, родину люблю, с врагами её борюсь». Плохо, значит, борюсь, раз мне родина даже рыбки единственной не выделит из недр.

Изредка я слышал песни Морозова, его подбадривающие крики о том, что сорвался килограмма на три, что щука морду высунула, но и эти крики, уже ооченев, не стал слышать. Так же упорно бросала Галина Васильевна. Вот она вытащила ещё одного, забурлившего на всю округу хариуса.

Но как клонул мой хариус, как я его потащил, я совершенно не понимаю. Он тюкнул, я потащил, подтащил поближе и даже замер от восхищения, такой он был прекрасный. Хариус, дав мне на себя полюбоваться секунды полторы, сорвался и ушел. Но все равно то, что он был, он клонул, то, что рыба все-таки меня за человека считает, это придало мне силы ловить ещё и ещё. Уже ноги мои были сплошными ледышками, когда леску рвануло, и рвануло серьезно. Я думал, за камень зацепило, и не стал сильно дергать, чтоб блесну не сорвать, а потянул, но потянул сильно и неостановимо, ибо вода метрах в пяти закипела, и оледеневшие ладони судорожно сжались и волокли леску. Я побежал даже от рыбы, будто пугаясь ее, но тем самым её тащил на берег.

Да, это был хариус! Меньше, чем у Славы и Галины Васильевна, но это был мой хариус. То есть, не мой, Макарихин и даже не Макарихин, а Божье достояние, но я его поймал. Хариус тускнел на глазах, бился хвостом и головой о камешки, и было его очень жалко. Вот он только что так быстро, изгибисто носился в чистых водах, и вот ему нечем дышать.

То есть, я нарыбачился. На ооченевших ногах я пошагал, как истукан, вдоль по берегу. Конечно, я был рад, конечно, и меня согревала удача, но я чувствовал, что уже никогда не заражусь страстью к рыбалке. Поздно. Это не голодное детство, когда ловили, чтобы хоть что-то поесть. Не дай Бог, чтоб вернулась такая ловля.

Я попробовал побежать, куда там, даже идти было тяжело. Я пошёл в том направлении, куда ушёл Стас. А ушёл он далёконько. Но, по край-

ней мере, у меня хоть ноги стали чуть-чуть отходить, оживать. Заболели ступни и пальцы, но это была боль живого организма.

Стас первым увидел меня.

— Говори, — велел он.

— Стас, ужасно быть вестником несчастья.

— Галя поймала, — сразу догадался он.

— Не только.

— И Славка?

— Даже я, Стас. Прости, пожалуйста.

Он помолчал, методично скрипя ручкой катушки, и спросил:

— Ты в армии наколки делал?

— Нет.

— А вообще делали?

— Было.

— Вернемся к вагончику, выколешь мне на груди: «Нет в жизни счастья».

— Счастья нет, Стас, а артрозы всякие, радикулиты, — всё это есть.

— Это плата за страсть. Всё! — Стас снова засвистнул блесну в Макариху. Да, посчитай себестоимость пойманных хариусов. Поезд, самолёт, вертолёт, коробки. Зачем? Есть его не сможешь от почтения. Иди. Ты должен выжить: ты последний, кто видел меня в этой жизни. Скажи на редколлегии, что даже легче бороться с теми, кто считает себя гениальным, чем со своими привычками.

— Добавлять: с дурными?

— Это уже можешь от себя?

Я побрел к вагончику. Мелкая изморозь висела в воздухе. Птиц не было слышно. Возник Юра, человек с ружьём.

— Перед отъездом надо будет по ворону стрельнуть. Ну, не в него, а рядом, мимо. Только чтобы испугать. А то привык, лезет, ведь пристрелят. Я его зрителем называю.

— Назови Мельником.

— Да, может быть, повезёте в Москву рога?

— Чего? — спросил я с ужасом.

— Рога. Лосиные. Над диваном повесить.

— Юр, предложи Славе. Стаса спроси. Мне не надо. И вообще, в Москве рогов хватает.

— Красивые, — сказал Юра, отходя, спеша проверить остальных членов группы.

У вагончика весёлый Слава воскликнул:

— То ж воно у мэнэ е. Спросите, шо?

— Шо?

— Та ж сало.

— Де ж ты раньше був? Ну что ж, отлично. Беги к Станиславу, вытаскивай из воды, сообщщи, что сало е, горилка е, гарно время настае. Только, Слав, он уже знает, что ты поймал.

— Не пойду. Юра сказал?

— Я. С гордостью за молодое поколение. Есть на кого Россию бросить. Вы приходите на посты: Сегень, Артемов, Дорошенко, Козлов. Дерзайте. Удача с вами.

Мы стали готовиться к отлёту. Наготовили дров тем, кто прилетит после нас, прибрали в вагончике, около. Еду подвесили под потолок. Стеклянные банки пришлось везти обратно, тут завтра-послезавтра будут морозы.

Прибежал Юра, беспокойно поглядывая на небо. Если так стремительно будет портиться погода, можем застрять.

Пришла и Галина Васильевна. Так измучилась, что помогаем стащить куртку, сапоги. Сами за Стасом не пошли, послали Юру. Юра тоже боится. Советуем посмотреть издали. Юра ушёл и быстро вернулся.

— Думаю, что он даже точно поймал.

Но вот вернулся и Стас. Да, он поймал. И поймал очень крупных, ядрёных хариусов. Молча уселся у костра.

— Ну вот, — бодро стал я подводить итоги, — всё промыслительно. Слава как самый молодой и нетерпеливый поймал первым, я как совершенно не рыбак поймал одну. Галина Васильевна как женщина поймала количественно больше всех. Ну, а Станислав Юрьевич как начальник поймал и много, и качественно. Но как повар спрашиваю: мне готовить уху?

— Нет, нет, не успеем, — говорит Юра. — Вертак сейчас должен прийти. Если не погода, то придут минута в минуту. На северах только так и можно выжить — на честности и доверии.

— Тогда засолю. — Я стал потрошить хариусов и засыпать их крупной солью.

— Да, — сказала уже отогревшаяся Галина Васильевна. — У нас мужчины на собрании бояться выступить, а в одиночку на медведя пойдут.

— В Москве наоборот, — Стас тоже оживал. — Особенно в нынешнем составе Думы — выступать все смелые, а вот их надо проверять, вывозить сюда и ставить против медведя.

От такой перспективы даже невозмутимый Юра засмеялся. И тут же отошел от костра слушать небо, как он выразился. Вернулся, сказал, что надо развести костёр на открытом месте.

Туман становился всё серьезнее. Мы перетаскали рюкзаки и коробки ближе к месту высадки, перетащили горящие головни и дрова. Костёр загорелся, но это уже не был костёр для чая, для обогрева, это был сигнальный костер.

— Вертак! — кричал Юра. — Так кричат, наверное: «Земля!» — матросы, когда уже не чают её увидеть.

И опять всё произошло моментально: вертолёт резко завис, даже круга делать не стал, снизился, как будто упал не до конца, мотор ревел над нами, мы под сшибающим с ног ветром погрузили вещи и заскочили внутрь. Вертолёт наклонился, качнулся и взревел. Понеслась под нами тончающая, худеющая от разлуки Макариха, мигнул и погас огонёчек костра, вагончик, крохотный и сиротский, отдался, вот пошли незнакомые места. Вскоре всё было закрыто серо-молочным туманом. Командир, вышедший к нам, кричал:

— Ещё бы минут десять, и не нашли бы. Нас не выпускали. Только уже сам, командир назвал фамилию, — вмешался, говорит: писателей надо спасать.

Белесая мгла за иллюминаторами была, как тёмная вода, мы в неё нырнули и будто понеслись над дном, которое не видели, но которое должно было быть.

— А, может, и не надо было, — кричал на ухо Стас.

— Чего?

— Писателей спасать.

— Нет, надо. Тут, давай, доведём до символа. Россия спасает русских писателей, писатели спасают Россию. Надо же Россию спасать.

— Спасем, — отвечал Стас, — к четвергу.

— К четвергу? — кричал я в ответ. — Очень хорошо. Как раз Вознесение в четверг. Так что день недели спасения России известен, а о годе пока умолчим.

Слава, лёжа животом на вещах, пытался снять виднеющийся под нами слабый факел нефтяной вышки. Будто там, внизу, сидели при копилке.

Вскоре мы вернулись к своим пластмассовым баракам. Отдохнувший, за два дня пиджак, истосковавшийся по хозяину, бодро прыгнул на плечи. Но вначале я долго отмывал руки, видя, как под напором какого-то синтетического средства смывается с ладоней голубая кровь тундры — сок голубики.

В столовой, где снова надо было приставлять к электронике наши карточки, со мной вышел казус: карточку я приставил, а в следующие две секунды не прошёл, замешкался. Турникет щёлкнул и вновь замигал красным сигналом. Изнутри выскочил плешивый и в галстук иностранец и, горячо жестикулируя, объяснил, что я уже свой завтрак скушал: у него в компьютере я значусь как поевший. Я махнул рукой, но пошла женщина в белом халате и повела меня через кухню. То есть, и на электронику нашлась управа. Я спросил её, может быть, тут есть бедные, кому мы могли бы отдать остатки, и очень приличные, продуктов. Но она сказала, что у них всё есть. Всем они обеспечены и ни в чём не нуждаются.

— Но вы же пойдёте домой, домашних накормить.

— У них тоже всё есть.

— Всем бы так, — пожелал я с чувством.

— А знаете, — решила вдруг она. — Давайте, мы в детдом отдадим.

То есть, в этом раю, значит, были и сироты.

Оба со Стасом мы кашляли и температурили. Галина Васильевна потчевала нас таблетками разной конфигурации.

— Не переживайте, — говорили мы ей, — надо же чем-то платить за радость.

— Но не здоровьем, — отвечала она.

И опять мы летели на самолёте. Перелетали за два часа из нулевой температуры в плюс три. Протряслись сквозь облака, вышли к солнцу. От иллюминатора ощутимо грело. Радуга на прощанье показалась, но уже сзади, оставаясь на северах. Бежала по облакам золотая рыбка — солнечный зайчик.

— Писатели, — говорил я Стасу, но уже не кричал, как в вертолёте, — русские писатели должны заниматься только одним — воцерковлением людей. Только этим.

Стас чихнул.

— Всё правильно говоришь.

— Но как они будут воцерковлять, сами невоцерковлённые? — Уже и я чихнул. — Это все равно, что курящий говорит о вреде курения, пьющий сообщает, что пить вредно.

— Хотя понимает.

— И вообще, пока мы сильно напоминаем пьющих врачей, которые лечат алкоголизм.

Мы чихнули враз. Самолёт пошел на снижение. Золотая рыбка отстала, осталась жить на облаках, плавать в солнечном сиянии.

ДИКАРКА

В мир выскользнув, душа летит любя,
Как девочка, что плачет и смеётся,
Ребячась, с первым встречным жизнь губя.

Данте Алигьери

Николай Васильевич Бредихин родился в селе Сукмановка Жердевского района Тамбовской области. С 1949 года живёт в Коломне. В 1972 году окончил факультет иностранных языков Коломенского педагогического института (ныне ГСГУ). Много лет был внештатным корреспондентом в газете «Коломенская правда».

Автор двух десятков книг (романы, повести, эссе, рассказы). Член Союза писателей России. Награждён литературными медалями: имени И.И. Лажечникова, имени И.А. Бунина, имени А.И. Куприна. Член редколлегии «Коломенского альманаха».

Рассказ

1

Какая встреча! Я едва узнала его — парня, после разрыва с которым в своё время чуть руки на себя не наложила. Дима Кочнёв, конечно, кто же ещё? С всклокоченными волосами, дешёвым парфюмом, без малейшего намёка на то, что его когда-нибудь касалась рука VIP-стилиста. С ребятами из своего ансамбля, в котором не сохранилось и половины прежнего состава.

Вот только куда девались его прежние высокомерие, любование собой, интересно? Он посматривал в мою сторону испуганно, заискивающе, весь заготовленный текст, как видно, разом вылетел из головы. Передача снималась не в прямом эфире, но ступор главного героя мне был совершенно ни к чему. Время в нашем бизнесе не просто деньги: гораздо важнее «пустые кадры», где ты проваливаешься, теряешь темп. Или просто я сама плохо подготовилась сегодня? Казалось, ясность была полная: люди проплатили кусочек моего телешоу, чтобы просчитать реакцию зрителей — стоит ли вкладываться в одну из бесчисленных рок-групп, бабочек-однодневок, которая всё же смогла привлечь к себе пусть небольшое, но внимание на таком значительном мероприятии, как мегафестиваль «Нашествие».

Димка, или Димон, как ребята ещё иногда его называли, не сомневался,

что судьба-индейка сыграла с ним на редкость злую шутку; он понимал, что второго такого шанса выбиться у него может и не быть, а уж я не упущу возможности утопить его. Шесть лет мытарств по свадьбам, ресторанам, фестивалям, сейшенам — любим, даже самым незначительным, площадкам, где только можно было засветиться; съёмные квартиры в отдалённых, «спальных» районах; ветер в карманах: мы с ним сбежали из родного города в Москву практически одновременно. И что теперь?

«Придуток, — мысленно ругала я его в сердцах, — ну помоги мне! Я заинтересована в успехе съёмок сегодняшней передачи не меньше, а даже больше, чем ты сам».

Заминка длилась всего несколько секунд, но я «поплыла». Ребят тщательно проинструктировали перед началом, «второй эшелон» дышал в спину. Редактор в любой момент мог вмешаться, но пока лишь молча наблюдал за происходящим со своего насеста. Однако я не обольщалась: за минуту не управлюсь — будет замена. Ну а дальше — либо вообще придётся без Димона обойтись, либо отложить разговор с ним на потом и вживлять текст, делая по мере сил и возможностей вставки в уже имеющуюся канву.

Штопор, ступор. Я чуть ли не за шиворот выволокла своего бывшего «сердечного друга» со съёмочной площадки.

— Ты что делаешь, Дим, — зло прошипела я. — Приди в себя. Может, тебе подзатыльников надавать, чтобы туман из башки вытрясти? Все тексты забыл, и что? Там у тебя планшет на коленях, со зрением плохо? Или меня испугался? Мы же с тобой земляки! Делай всё как надо, и я вас вытащу. Причём не только сегодня. Не подведи меня! Слышишь? Не подведи!

— Хорошо, я понял. — Лицо Кочнёва, бледное, как мел, немного порозовело. — Я в норме, могу возвращаться обратно?

— Так-то лучше, — с облегчением вздохнула я. — Ребят своих тоже встряхни: сидят, как суслики, лапки перед собой свесили.

— Порядок, — кивнула я оператору, — можно начинать.

Дальше, слава богу, дело пошло, как по маслу. Таланты из провинции, целая очередь, пара популярных артистов, которых надо было пропустить как можно скорее, чтобы обошлись дешевле. Массовка маленькая, но центровая: с плакатами, кричалками, кадры с большой добавим при окончательном монтаже. Стратегической задачей было сориентировать молодёжь, что не всё столь уж плохо в нашей стране, судьба каждому даёт шанс, просто надо вкалывать на полную катушку и свой звёздный час не упустить. Да и новыми кумирами разбавить один и тот же буквально осточертевший всем музыкальный бомонд не мешало бы. Я не знаю, почему зрители так охотно ловятся на заведомую ложь, чернуху, скандалы и особенно мордобой. Есть у нас даже термин такой: оручество. Чем больше злости, оскорблений, шума-гама, тем больше успех.

К счастью, я вела обыкновенное музыкальное телешоу — мне было легче. А пока зарабатывала как можно больше материала, так называемые «дрова», чтобы потом было из чего выбирать.

О «Нашествии», как обычно, можно было рассказывать долго, сочно: переполненные бесплатные электрички, периодически возникавшие зато-

ры при входе на площадку; полиция, которая с трудом сдерживала особо нетерпеливых фанатов, а порой уносила их буквально на руках в свои УАЗики. Но этот год был особенный. Незатихавшие не просто дожди, а ливни практически все три дня фестиваля; почва, превратившаяся в болото: без высоких резиновых сапог, плащей-дождевиков делать здесь было нечего. Холод собачий: температура максимум 10 градусов, и это июль месяц! Ничто не спасало, что говорить о тех, кто приехал на «мега-праздник» с детьми? Но при всём при том, как обычно, невиданный энтузиазм: 200 тысяч зрителей, горячая поддержка, невзирая ни на что, любимым группам. Особенно тяжело было ночью в разнокалиберных палатках. Обычно мы тоже ставили рядом какой-нибудь вигвамчик: и с народом пообщаться, и свежий воздух как-никак, но на сей раз предпочитали отсиживаться в автобусе, буквально валясь с ног после сумасшедшего рабочего дня в этом крошечном аду.

Для тех, кто не знает, немного пробежусь по анналам. Появилось сие чудо в 1999 году в знаменитой Горбушке, ДК им. Горбунова, по инициативе станции «Наше радио», на следующий год уже проводилось на открытой площадке: ипподром города Раменское, буквально в часе езды от Москвы. Популярность шоу росла, как на дрожжах, и уже в 2002 году количество зрителей впервые превысило 180 тысяч человек. Но в 2003-м из-за теракта в Тушино на фестивале «Крылья» праздник чуть было не приказал долго жить. Начались скитания, и только в 2009-м фестиваль окончательно закрепился в посёлке Большое Завидово Тверской области. Однако тут, конечно, и в самом деле история. Что до меня конкретно, то я сидела на этой теме всего лишь два года. Когда я пришла на канал сразу после окончания института, у ребят был лишь наспех свёрстаный проект — я переделала его в корне, уже под свой вкус. Слава богу, опыта мне было не занимать, я крутилась среди музыкантов родного города с тринадцати лет. Так родилось телешоу «Рок навсегда» (среди профессионалов «Rock forever») и я, его ведущая.

График работы в студии был сумасшедший: с 11.00 до 23.00. Отпуска могли за пять-десять лет накапливаться, да и выходные таковыми можно было назвать лишь условно. Между тем я подозревала, что Кочнёв поджидает меня на выходе: наверняка хочет поговорить со мной. Поэтому и поплелась к редактору, КБ — Константину Борисовичу, или среди своих Кощей Бессмертновичу. За что его так прозвали? Ну, это опять ещё до меня было. Хотя попали в яблочко. Во-первых, тощий, длинный, как жердь; во-вторых, побил все рекорды пребывания на нашем канале (обычно долго на одном месте у нас никто не задерживается, но Кощей — мужик особенный: и выкладывается как никто, и конкурентов своих давит буквально в зародыше).

Конечно, огребла я по полной программе за ту свою злополучную заминку, но отпроситься всё-таки удалось.

Димка и в самом деле топтался в сторонке. Заметив меня, он тут же двинулся навстречу.

— Привет!

— Привет!

— Сказать по правде, я думал, ты забыла меня: теперь такая важная птица!

— Да какая важная, — усмехнулась я. — Хилый канальчик, даже не «Пятница!» Ты-то как?

— Пока никакого просвета, — вздохнул Димон. — Не мне тебе объяснять, как бывает: приходишь на прослушивание, но, чтобы всю группу взяли — сказка, сон. Просто объявляют: ты и ты. Кто-то отказывается, другие делают нам ручкой. Так лучших всех и переманили, благо Калифорния выручает, поставляет талантливых ребят из нашего города.

— Калифорния? — удивилась я. — Он ещё при делах? А я думала, старички все уже разбежались.

— Да нет, там, в Щурово, в одном ДК они обосновались, ещё — в местной филармонии. Как ни странно, на их концерты народу полно ходит, причём не только старая гвардия, молодёжи тоже хватает. Но у них в основном поп-рок, я-то свой выбор давно уже сделал.

Он засуетился.

— Слушай, а может, тут кафешка какая-нибудь есть поблизости? Я приглашаю. С ума сойти встреча!

«А денег хватит счёт оплатить?» — подумала я, но озвучивать свою мысль не стала. Зачем унижать человека? Сама в случае чего заплачу.

Кафешка в это время обычно набивалась до отказа, наши здесь либо в обед, либо поздно вечером появлялись, а в остальное время кого только не было, просто сборная солянка какая-то, в том числе фанаты, которые надеялись кого-нибудь из знаменитостей зацепить. Даже ко мне пара девчонок тут же подбежала за автографом.

Чему я удивилась — так это радости, даже счастью, которые буквально захлестнули меня. Былые чувства ничуть не притупились, вспыхнули вдруг с новой силой. Более того, я поняла, что мечтала о подобной встрече все последние шесть лет, и не просто мечтала, а усиленно к ней готовилась. Боже мой, свершилось: я победила! Несмотря на то, что Димка без церемоний вышвырнул меня в один отнюдь не прекрасный день вон, причём не только из своей жизни, но и из нашего ансамбля. Мы с ним были неразлучны ещё со школы, даже праздники встречали вместе. Родители были в курсе; никто не сомневался в том, что рано или поздно мы поженимся, и в первую очередь мы сами. Просто решили, что надо сначала на ноги встать, хоть как-то где-нибудь зацепиться. Или по меньшей мере закончить институт. А пока подрабатывали где только могли: на танцах, свадьбах, корпоративных вечеринках. Наверное, так всё и свершилось бы само собой, если бы не проклятая Рио-Рита. Я сама была не ахти какая солистка, но всё же на порядок выше, чем она. Однако глаз у девчонки был намётанный — моментально разглядела слабинку в нашей спайке: интим мы решили отложить на потом, родители воспитали меня в строгости, да и не интересно было бы до свадьбы. А вот Ритуля сразу взяла моего любимого на абордаж: и вида не подавала, что у неё на уме, но на ближайшей же вечеринке затащила его в постель. Димку с катушек и сорвало. При расставании он был груб со мной, у меня буквально всё померкло в глазах. Помнится, я похудела тогда аж на пять килограммов, ходила сама не своя. Мне казалось, что все вокруг смеются надо мной, показывают на меня пальцем. Не знаю, чем дело закончилось бы, если бы не Майя, моя

лучшая подруга. Видя, что я в двух шагах от дурдома, она порекомендовала мне обратиться к психологу, Кистенёву Геннадию Игоревичу, который её в своё время вроде как из совершенно безнадежной, затяжной депрессии вытащил. И даже пообещала договориться, чтобы он меня принял — народу к нему было выше головы. Я целую неделю отнекивалась, пока не поняла, что надо использовать любой, даже самый ничтожный шанс...

Я как бы раздвоилась, существовала одновременно в двух измерениях: невеселые воспоминания, печальный вброс из прошлого и неудержимая эйфория, в которой я не уставала купаться сейчас. Димка, мой Димка! Действительно мой, на этот раз я не сдамся без боя. Пусть он женат, пусть даже дети появились. Кого жалеть? Ритку эту? Не дожждётся! Не пощажу! Кочнёв что-то канючил, жаловался на судьбу, а я только об одном мечтала: каким-то образом завлечь его на свою съёмную квартиру, ну а дальше... Я уже не та сопливая девчонка, какой была когда-то: слава богу, мне в этом году 24 стукнуло.

Хотя, конечно, я понимала, что лучше бы денёк-другой подождать, поэтому даже обрадовалась, когда Димыч спросил меня:

— Ну что ты решила? Придётся?

Куда? Зачем? В своём раздразе я определённо что-то важное пропустила. Поэтому ответила наугад:

— Конечно. Но если можно, конкретнее.

«Сердечный друг» взглянул на меня с недоумением, но тут же сориентировался: конкретнее так конкретнее.

— Площадка не бог весть какая: клуб какой-то дышащей на ладан фабрички. Три ансамбля, мы познакомились совсем недавно, на фестивале, решили организовать концерт вместе, свести воедино наших фанатов. Обзвонили кучу народа — думаю, зал будет полный. Послезавтра в 18:00. Ты одна будешь?

Я всё поняла. Что ж, дело святое, надо помочь парню, а заодно сам собой решится вопрос: появится повод пригласить его потом к себе в гости.

— Попытаюсь уговорить редактора, чтобы дал оператора в помощь, если не разрешит, приглашу пару-тройку знакомых журналистов, может, даже кого-нибудь из скаутов, ну тех, кто на подхвате у продюсерских центров крутится. Что-нибудь придумаю, не сомневайся. Считай, мы обо всём договорились.

Я понимала: Димка сгорал от нетерпения — то ли к жене удрать под крылышко, то ли с ребятами радостной новостью поделиться.

— Ладно, ты иди, — сказала я, — а мне ещё пару-тройку звонков надо сделать, потом вернусь обратно в студию, меня только на час отпустили. Рабочий день у нас чуть ли не до полуночи. О счёте не беспокойся, у меня здесь карточка льготная, сама расплачусь.

Соврала, конечно.

Димка сбежал окрылённый, а я решила, почему бы мне не поужинать заодно? Тем более что надо было подумать и о том, как мне выполнить те неподъёмные обязательства, которые я на себя взяла, а заодно наметить план действий по «экспроприации экспропрированного». Справедливость во всех случаях должна была восторжествовать.

Взаимоотношения с психологом у нас как-то сразу не сложились, пошли наперекосьяк: я пришла к нему с явным предубеждением, смотрела чуть ли не с ненавистью, удивляясь, в чём состояла помощь Майи? Талончик, медицинская карта, да ещё песочные часы, которые Кистенёв поставил, сразу огорошив меня:

— Не обижайтесь, времени на приём у нас даётся максимум пятнадцать минут — постарайтесь уложиться, пожалуйста.

Сестра, крупная женщина, по возрасту немного за тридцать, вообще занималась какой-то писаниной, в мою сторону даже не посмотрела. Но деваться некуда было, и я в общих чертах нарисовала свою, довольно мрачную на мой взгляд, картину.

Видя, что продолжать в том же духе я могу долго, постепенно входя в раж, врач-грач вынужден был прервать меня.

— Хорошо, Яна, давайте определимся сразу: помимо психолога, к которому вы сейчас обратились, существуют ещё другие специалисты: психотерапевт, психоаналитик, психиатр. Разница состоит в том, что психолог, то есть я в данном случае, работает со здоровыми людьми: он не может ни курс лечения назначить, ни даже таблетки какие-нибудь прописать. Только поговорить, дать дельный совет, если удастся — помочь выйти из затруднительного жизненного положения. Определитесь сразу: вам нужно лечение или достаточен такой вариант?

Я еле сдержалась, но всё-таки выдавила из себя:

— Я здорова, никакие таблетки мне не нужны.

«Генаша» кивнул.

— Хорошо. Тогда давайте проанализируем ситуацию. Вам кажется, что всё дело в вашем бывшем возлюбленном, но я считаю: у вас нет никакого права называть его предателем. Вам не приходило в голову, что причина может быть в вас самой? Парня вашего можно понять: он легкомыслен, но современен. Можно добавить сюда ещё массу поклонниц, которые у него наверняка имеются, а с ними и кучу соблазнов. Вы же воспитаны совсем по-другому: в строгости, принципиальности, с обострённым чувством справедливости, вам трудно объективно отнестись к такому человеку — какой-никакой, но всё-таки творческой личности. Я уже не говорю о том, чтобы его удержать. Ваши родители, случайно, не военные?

Я разозлилась не на шутку.

— Да, меня так воспитали. И чем вам, интересно, военные не угодили? Мои родители прожили вместе почти тридцать лет, и у отца никогда даже в мыслях не возникало сходить налево. В чём конкретно было моё упущение? Я должна была под своего парня лечь? Но Димка не такой, вы его не знаете, даже видеть не видели, как вы можете о нём так рассуждать? Мы с ним вместе решили: до свадьбы «ни-ни»! Вместе, понятно вам? И что, после этого он, по-вашему, не предатель?

Маэстро пожал плечами.

— Значит, со свадьбой слишком протянули. Надо было раньше пожениться. Хотя... может, вам и повезло: измену после было бы гораздо труднее перенести.

Я была на грани истерики, вскочила со стула. «Геннадий Игоревич» вовремя угадал моё состояние и протянул мне клочок бумаги.

— Всё, на сегодня ваше время истекло. Если надумаете, приходите снова, а нет — просто верните талон в регистратуру. Там его кому-нибудь другому отдадут.

Сказать, что я была разочарована своим визитом к Кистенёву, означало ничего не сказать. Я была в ярости, пылала возмущением. Разумеется, не удержалась от того, чтобы не выплеснуть свои эмоции Майе: больше просто некому было. Та не знала, что мне ответить, так как не имела никакой другой информации помимо моей, но пообещала всё исправить.

Во время второй встречи, на которой, по уговору, мне выделили достаточно времени, чтобы разобраться в проблеме, сестра проявила тактичность и куда-то удалилась, оставив нас с Генашей наедине. Но что-то мне не везло в последнее время: в самом начале приёма в кабинет неожиданно ворвалась какая-то сумасшедшая баба (как впоследствии выяснилось, жена Геннадия Игоревича) и начала с ходу выяснять с ним отношения. В итоге визит свёлся к сцене дикой ревности, когда разбушевавшаяся «мадам» попыталась прогнать меня из кабинета, а я проявила неожиданное упорство и наотрез отказалась её прихоти подчиниться. Моё поведение привело мегеру в бешенство, и всю свою злость она перенаправила на меня, набросившись с кулаками.

— Ага, так это ты, гадина, и есть? Вот с кем мой кобель, оказывается, шуры-муры здесь крутит! Ну, я тебе сейчас глаза-то выцарапаю!

Я с трудом успела увернуться, но долго не продержалась бы, силы были слишком не равны. Спасла меня медсестра: она обхватила истеричку сзади, так и держала её, отчаянно сопротивляющуюся, пока по звонку не пришла другая сестра, из процедурной, и всадила ревнивице успокоительный укол.

Лекарство помогло, и разгневанную донельзя фурию подоспевшие охранники выдворили под локотки сначала из кабинета, затем и вовсе из поликлиники. Естественно, мне было уже не до приёма, я охотно уступила своё время следующей пациентке. Кистенёв отнёсся к моему решению с пониманием, сам проявляя олимпийское спокойствие: наблюдать подобные срывы ему, как видно, было не впервой.

Когда я уже направлялась к трамвайной остановке, меня окликнули. Я обернулась и увидела медсестру, которая курила в сторонке, тщательно затаившись от посторонних глаз. На неё инцидент тоже не произвёл никакого впечатления, она даже мне улыбнулась:

— Ну, что, Януль, очень испугалась? Меня, кстати, Галиной зовут. Теперь поняла, что неправильно вела себя? Тебя попросили выйти — нужно было на время удалиться, ситуация рассосалась бы сама собой. Как ты поняла, это жена нашего знаменитого доктора. Безумно ревнивая, совершенно ненормальная, но и мама у неё заведующая отделением, да и хитрости, умению из любого положения выкручиваться ей не занимать. Сколько уже на неё пациентки заявлений писали — всё как с гуся вода: плакать будет потом, на бабскую долю, любовь свою проклятую жаловаться, мужа своего костерить последними словами, в ногах у человека валяться: ну как после этого не пожалеть её, не «войти в положение»? С тобой потом то же

самое было бы. Но помани моё слово, найдёт всё-таки когда-нибудь коса на камень, выгонят нашего Геннадия Игоревича рано или поздно от нас с бимбером. Его уже и в стационар от неё переводили, и в платную клинику человек пытался сбежать — всё бесполезно. Но ты не переживай, я всё устрою. Как бы то ни было, в нашем городе лучшего специалиста тебе всё равно не найти, а сама ты не выкарабкаешься: уже совсем на взводе. Я знаю, что говорю, глаз у меня намётанный. Подумай — как тебе такой вариант? Завтра у меня день рождения. Мы уже решили: после приёма отметим его для разогрева в процедурном кабинете, затем в кафешку какую-нибудь завалимся. Вас с Геннадием я на полчаса в нашем кабинете закрою. Ну а дальше видно будет. Если понадобится стационар, тоже не проблема. Но ситуация у тебя, хоть и затяжная, но не запущенная, потихонечку выкарабкаешься, главное — сразу правильный курс выработать. Мужики ведь разные бывают, но нашей сестре (почему — не знаю) непременно либо козлы, либо кобели попадают. Взять моего хотя бы: знаю ведь, что гуляет, а меня зашпынял совсем — слишком, мол, ты полная. Вот скажи, Янка, — что, я и в самом деле толстуха?

Я не покривила душой, ответив:

— Скорее крупная. Просто кость такая. У меня у мамы под стать твоей фигура, но я не в неё. А потом — как говорится, на вкус и цвет... Я где-то читала, у нас, в России, менталитет такой — в процентном соотношении полные женщины мужчинам больше нравятся. Но, опять же, если не перебор.

— Вот-вот, и я говорю, — обрадовалась Галина. — Но если мужик и козёл, и кобель одновременно, разве ему что-нибудь докажешь? Я вот даже курить опять начала, хотя знаю: такие вещи печально могут закончиться.

Я не стала ничего говорить Майе, когда она позвонила. Сказала, что сеанс прошёл нормально, как надо, и я теперь в надёжных руках. И в самом деле, в Галине я не сомневалась: если уж она сказала, что лучше Генаша никого в городе не сыскать, значит так оно и было. Главное, что я из первых двух визитов усвоила, — я здорова. То есть, мне нужна помощь, а не лечение. А значит, никаких кушеток, таблеток, а уж тем более стационаров.

Дальше — будем выход искать.

Галина слово своё сдержала, мы с Кистенёвом остались наедине. Он тяжело вздохнул, стараясь не встречаться со мной взглядом:

— Ну, прежде всего, хочу принести извинения за хамское поведение моей супруги. Она не всегда такая была. Просто неудачная беременность, от которой вовремя надо было избавиться. Мы понадеялись на лучший вариант. Чуда не произошло: выкидыш, сильный стресс, а потом не выдержала щитовидка. И опять же, если бы к хорошему врачу в стационар положить, положение могло и выправиться. Но и врач не простой — психиатр, и стационар — обыкновенная дурка. Наш медицинский мирок маленький, клейма ставят потом на всю жизнь. Вот так я и живу: гормоны пьёт человек — разлюли-малина, решит: всё, вылечилась! — мочало, начинная сначала. Но давайте лучше к вашим проблемам обратимся. Я в своей

практике стараюсь соблюдать принцип постепенности. Первый разговор в голове уложится — снова беседуем, дальше — больше. Так, глядишь, до выхода и добираемся. Вместе. Один я бессилен. В прошлый раз я предложил вам обойтись без всякой терапии, что вы решили?

— Пришла к выводу, что тут не болезнь, даже не нервный срыв, просто неприятная и неожиданная жизненная ситуация, к которой я, к сожалению, оказалась неподготовленной.

Я чувствовала, что Генаша моим ответом не удовлетворён, но всё-таки кивнул одобрительно.

— Хорошо, то есть вы согласны со мной, что находитесь сейчас в тупике, из которого вам нужно выбраться, и формула «Время — лучший лекарь» здесь не только не действенна, а даже вредна?

Я поняла, что за меня взялись основательно и нужно либо подчиняться, либо сопротивляться, но что-то делать: не плакаться и сопли не распускать. Да, меня намеренно злили. Вынуждали высунуться из норы, в которой я затаилась.

— Согласна, — ответила я, понимая, что мне нужно теперь выверять каждое своё слово.

Кистенёв посмотрел на меня изучающе, встречный поток с моей стороны едва виден был, но дело тем не менее сдвинулось с мёртвой точки.

— Ну вот и ладошки, попытаемся сделать ещё шагочок. Понимаете ли вы, что единственно верного выхода мы с вами сразу найти не сможем? Если бы он был, вы бы просто-напросто ко мне не обратились?

Я молча кивнула. Что мне ещё оставалось?

И — Прекрасно! Какие варианты предлагаете вы сами?

Я пожала плечами в полной растерянности, то есть оказалась совершенно не подготовленной к подобному ходу развития событий.

Кистенёв не скрыл, что разочарован.

— Как я понял, своих подходящих случаю вариантов у вас нет, — вздохнул он. — Жаль. Я ведь вас совсем не знаю.

— Как выяснилось, сама себя я знаю ещё хуже, — горько проговорила я. — Так что давайте лучше вас для начала послушаем.

Генаша задумался, затем вскинул голову.

— Что ж, будем экспериментировать. Мои варианты: первый — осознать, что бывший возлюбленный вам не пара, и заняться поисками человека, созвучного вам во всём, но понимая при этом, что такой поиск или ожидание (скорее всего, ожидание) могут растянуться надолго. Но даже если такой человек и найдётся, не факт, что вы полюбите его. Второй: поставить на любовь и терпеливо ждать, когда ваш милый вернётся. Естественно, простить его и никогда впоследствии не напоминать о случившемся. Третий: отказаться от себя прежней, даже на некоторое время от своих родителей, бросить тот институт, в котором вы сейчас учитесь, уехать в Москву, выбрать новую специальность, то есть кардинально изменить свою жизнь. Подумайте, потом снова придёте ко мне. Примите также на веру, что процесс предстоит очень долгий и мы с вами только в самом начале пути, но наберёмся терпения и будем работать. Девчата очень просили за вас, так что можете быть уверены: дело я обязательно доведу до конца.

Тут как раз подросла Галина.

— Ребята! Ваш лимит на сегодня исчерпан. Пойдёмте к нам, чайку с тортиком отведаете: сама испекла.

Я была слишком переполнена впечатлениями — надеюсь, Галочка правильно истолковала тогда мой отказ.

Вернувшись домой, я внимательно проанализировала те советы, которые получила. Переменить свою жизнь? Какая глупость! Искать другого человека? И сколько? До морковкиного заговенья? Ждать возвращения Димона и простить его? Пожалуй, тут единственный вариант. Но вот, чтобы никогда не напоминать ему потом — дудки! Предатель — он и есть предатель!

Мы ещё несколько раз встречались с Кистенёвым, однако прежнего взаимопонимания не получалось; напоследок я вообще наговорила ему кучу гадостей, на том мы и расстались. С Галиной, наоборот, я во всём нашла общий язык, у нас с ней вошло в привычку ходить вместе в бассейн, а иногда даже и в баню.

Ну а когда подошло время вступительных экзаменов в вузах, я, неожиданно для себя и своих родителей, забрала документы из местного Гуманитарного университета и поехала поступать в Москву в РГУ имени А.Н. Косыгина на факультет тележурналистики.

3

С оператором не получилось, конечно: Кошей сразу раскусил, в чём дело, и даже пальчиком мне погрозил, однако гаджетов, самых разнообразных, сейчас пруд пруди — вполне можно было самим отснять пару эпизодов и вставить их потом в ещё не свёрстанный материал.

Давненько я не была на сейшенах. Ребята выкладывались по полной программе, но главное — наполняемость зала. А она была на высоте. С большим удивлением я встретила среди фанатов Сашу Калифорния. Прозвали его так за то, что он был помещан на группе «Eagles» («Орлы»), а любимой песней всех времён и народов считал «Отель «Калифорния»».

— А что? — усмехнулся он в ответ на мой вопрос, как он здесь очутился. — Надо помогать землякам. Как без этого? Я из Коломны сегодня кучу народа привёз, в том числе новую группу. Талантливые ребята, советую к ним присмотреться.

— Ну а как тебе Кочнёв? — поинтересовалась я. — Хочу раскрутить его успех на «Нашествии».

— Господи, «Нашествие», нашла тему для беседы! Помойка — она и есть. Ну а Дима... Могло у него, конечно, что-то получиться, а теперь... Замешкался парень на старте, не успел вовремя себя найти. Да и ребят лучших у него давно переманили. Я ему, конечно, помогаю по мере сил и возможностей, но топка есть топка. Добавь сюда ещё амбиции непомерные: до сих пор не поймёт, что фронтмена ударного из него не получится, хоть тресни, надо ставку на кого-нибудь другого сделать, а самому оставаться в тени — руководителем. Ладно, как ты сама-то? Кстати, не поверишь: ни одной твоей передачи не пропускаю. Да и не только я — полгорода в эти дни от телевизора не оторвать.

Как ни странно, меня тут все знали; я даже не подозревала, что настолько популярна. Просили автографы, рассыпались в комплиментах по поводу той или иной передачи, приглашали потанцевать, умоляли сняться вместе на селфи, однако к бочке мёда непременно найдётся ложка дёгтя: когда группа Димона закончила выступление, он тут же подбежал ко мне, чтобы узнать впечатление. Конечно, самые лестные эпитеты я сыпала, как из мешка. Но настоящий шок меня ждал впереди. Дима подвёл ко мне невзрачную девчонку, в которой я с трудом узнала Лизу Ивашкину (когда-то я училась с ней в одной школе).

— Знакомься: моя жена, — сказал он с гордостью, — да ты её помнишь, наверное: Лиза.

Что можно было сказать? Я сразу поняла: одно дело — Рио-Рита. и совсем другое — жалкая букашка, на которую в школе внимания никто не обращал и которая с тех пор мало чем изменилась. А Лиза, наоборот, была в полном восторге от нашей встречи: познакомиться с такой знаменитостью! Тут же начала рассказывать, какой замечательный муж Кочнёв, какая у них прекрасная дочка и что они планируют в самое ближайшее время завести ещё одного отпрыска. Я тут же представила себе, как моя «соперница» крутится на кухне в затёртом халатике, играет с такой же невзрачной пигалицей с косичками. Всё моё воодушевление как рукой сняло. Ладно, Ритка — хищница, циничная, беспардонная стерва, которую я до сих пор люто ненавидела, и эта соплюшка — обидеть её было всё равно, что ударить ребёнка. Нет, как тут можно было рассуждать о мести, справедливости? Разрушить такую семью, посягнуть на светлую душу — кем я смогла бы потом себя чувствовать, как дальше жить? На подобных обломках счастье всё равно не построишь.

Мне ничего не хотелось больше, как поскорее убраться отсюда и затаяться в своей квартирке. Придя домой, даже не переодевшись, я бросилась на кровать и от отчаяния буквально завывала.

«Господи, — ругала я себя, — ну надо же быть такой душой! Всего-то и требовалось от меня: набраться терпения, подождать, когда мой любимый сам приползёт и попросит у меня прощения. Мой Димка! Ритка во всех случаях ушла бы, наверняка через какое-то время возненавидела бы его, стала обзывать бездарью, неудачником. Таким стервам не любовь нужна, а праздник. Если ты не добытчик, зачем и кому ты вообще нужен? Ты просто не мужик».

Меня буквально разрывала на части мысль: «А ведь я могла быть сейчас счастлива!»

4

Боль и на следующий день не отпустила, всё валилось из рук: и белый свет стал вдруг не мил, и отвращение появилось к совсем недавно столь обожаемой мной работе.

Надо было куда-то направить свою ярость, найти козла отпущения — кто мог больше подходить для этого, чем Кистенёв? И в самом деле, кто ещё? Вот козёл так козёл! Ну, он мне за всё ответит! Три варианта выхода! Хватило бы и одного: набраться терпения! Вот только надо было посто-

янно держать своего любимого в поле зрения, не пропустить момент его разрыва с Рио-Ритой. Однако, что толку было сожалеть о том, что могло быть когда-то? Надо думать, что делать сейчас. И вот тут, как ни странно, без «козла» мне и в самом деле никак нельзя было обойтись. Всего-то и надо было попросить у КБ (Константина Борисовича) неделю в счёт тех двух отпусков, ни один из которых я так до сих пор и не удостоилась чести отгулять.

Но сначала нужно было связаться с Майей, узнать у неё что да как. Подружка моя успела за то время, что мы с ней не виделись, успешно выйти замуж, была безмерно счастлива, беременна уже вторым ребёнком. Попеняла мне, что я зазналась, совсем о её существовании забыла, но внятно ответить на вопрос, где теперь искать Генашу, так и не смогла. Но конечно, дала клятвенное обещание в самое ближайшее время навести о нём справки.

По опыту я знала, что «ближайшее время» у Майи могло растянуться надолго, а в меня будто бес вселился. Телефон Галины не отвечал: по всей вероятности, либо смартфон сменила, либо сим-карту поменяла, и я поплелась к Кощею. КБ сначала буквально в бешенство пришёл, он даже предупредил меня, что я могу в результате своих фокусов потерять работу, но, видя, что никакие угрозы на меня не действуют из-за моей полной невменяемости, всё-таки подписал заявление.

В первую очередь я, конечно, созвонилась с мамой. Та была безмерно мне рада, ну а вечером вообще собралась вся родня. Мамуля даже Майю с мужем и детьми пригласила, как-никак лучшая подруга! Разумеется, всеобщее восхищение и сожаление о том, что я в родной обители такой редкий гость. Ну и, естественно, «моя лучшая подруга» так ничего пока и не узнала о Кистенёве, отложив решение вопроса на потом, а тут я как снег на голову свалилась. Но я и виду не подавала, что раздражена, от души повеселилась с родными и близкими, а рано утром поплелась в поликлинику, которая, к счастью, находилась всего в десяти минутах ходьбы от нашего дома.

Галина работала во вторую смену, но моя столь узнаваемая мордашка делала своё дело, и новые необходимые мне координаты через довольно короткий промежуток времени оказались у меня в кармане. Подумав, я решила обойтись без церемоний: явиться без предварительного звонка прямо домой к моей так и не закрепившейся приятельнице.

Галина почему-то переехала жить в посёлок Радужный, и это меня насторожило. Конечно, я сильно рисковала, хотя и автобусы были достаточно комфортабельные и ходили регулярно, но всё-таки не ближний свет, могла бы и прогуляться напрасно, но, к счастью, моя очаровательная «сестричка» оказалась на месте: решила навести порядок в своей однокомнатной клетушке. Она посмотрела на меня так, как будто увидела привидение, но довольно быстро пришла в себя.

— Кто бы мог подумать — Дикарка! Явление Христа народу, — изумлённо покачала головой она и, поняв, что с генеральной уборкой на сегодня ничего не получится, убрала тряпки и швабру в кладовку, повесила халат на плечики и переделалась в лёгкое нарядное платьице.

— Почему Дикарка? — первым делом спросила я.

Галина поняла, что сболтнула лишнее.

— Ну так мы с Генкой тебя прозвали, — смущённо ответила она. — Вроде как дикая ты совсем, не хочешь жить по сложившимся нормам, законам, во всём ищешь истину, справедливость. Отсюда постоянный конфликт с обществом, с окружающими, прогрессирующая изоляция от подруг, знакомых. Чем-то на жену Кистенёва похожа, но по-своему сдвинутая. Мы вообще всех пациентов для удобства различали с ним по их сущностям. Ну, вроде как архетипы Карла Юнга, но они у него слишком заумные.

Хищник (Хищница) — человек, который всегда и во всём ставит во главу угла только себя. Пытается окружающих подчинить своей воле, извлечь из них максимальную выгоду. Не останавливается ни перед чем в достижении поставленной цели.

Жертва. Прирождённая мазохистка, часто влюбляется, постоянно разочаровывается. Над ней издеваются, пользуются ею, как хотят. Натешившись, безжалостно отбрасывают в сторону. Жизнь ничему не учит её: каждый раз всё повторяется с чистого листа по трафарету. У опытных ловеласов, мошенников, домашних тиранов, извергов глаз на таких женщин наметанный, вцепляются, как вампиры, и нервы мотают потом, кровь пьют до бесконечности.

Плакса. Типичная меланхоличка, постоянно в депрессиях, всё ей плохо, малейшая неудача повергает в отчаяние.

33 несчастья. С такими людьми постоянно происходят какие-нибудь происшествия: то руку или ногу сломают, то кошелек у них своруют, то пожар, то наводнение; в семье кто-то пьёт, работу теряет. И знаешь, хочешь верь, хочешь не верь, но это заразно. Ни в коем случае нельзя пытаться им помочь. Стоит только попасть в их орбиту — сама устанешь от всяческих бед отбиваться.

Я помолчала какое-то время, затем бесстрастно, без всякой заинтересованности, констатировала очевидный факт:

— Я вижу, у тебя перемены? Что, развелась с мужем?

Галина вздохнула.

— Ну, я бы, конечно, ещё потерпела, но он сам настоял. Подал заявление сразу на развод и раздел имущества, хорошо хоть дочку к себе не переманил. Пришлось вот сюда, на другой конец города, перебраться. Лишь бы не в коммуналку. Весь этот трёп насчёт лишнего веса, моей инертности в сексе оказался лишь предлогом, чтобы переключиться на девчонку помоложе — без мозгов, но со связями. Так что на личном фронте пока полный штиль. О тебе не спрашиваю: и так видно, что в шоколаде, вот только не пойму, зачем я могла нашей знаменитой, по местным масштабам, «теледиве» понадобиться?

Мне не хотелось примешивать зависть к нашим отношениям, и я обрисовала в общих чертах, что не так уж и сладко живётся в нашем то ли раю, то ли гадюшнике «звёздочкам» моего ранга.

Галина, как ни странно, ничуть моим откровениям не удивилась.

— Да, что делать, видимо, весь мир так устроен: одним всё, другим лишь объедки с барского стола. У нас, в медицине, приблизительно то же самое. Как, чайку попьёшь с тортиком?

— С удовольствием! — согласилась я. Раз угощают, с чего бы вдруг отказываться?

Галина, пока накрывала на стол, заметно потеплела в отношениях.

— Так и не излечилась от своей страсти? — с усмешкой спросила она. — Как бы ты ни прибеднялась сейчас, не верю. Шесть лет крутиться на таком уровне — наверняка могла ведь и замуж удачно выскочить, и папика богатенького завести. Совсем другая жизнь началась бы.

— Да, ты права, не излечилась, сдвинута до сих пор, — со вздохом ответила я, уничтожая торт без зазрения совести.

— Не знаю даже, чем тебе помочь, — задумчиво проговорила «сестричка». — Тебе ведь Кистенёв нужен, я правильно поняла?

— Он самый, — понуро опустив голову, подтвердила я.

Ну а дальше начался не слишком весёлый разговор о том, как одна дура-жена своей безумной ревностью настолько испортила имидж талантливого врачу, надежде российской психологии, что никто, даже в самых зашудалых частных клиниках не захотел с ним связываться — до сих пор так нигде больше и не практикует. В довершение ко всему, Мадам, чтобы привлечь к себе внимание мужа и показать ему, что она ещё обаятельна и привлекательна, стала изменять Генаше с кем ни попадя. Этого Кистенёв, разумеется, уже не смог перенести. Подал на развод — неизвестно даже, где теперь обитает: в какой-то коммуналке, чуть ли не в бараке. Ни с кем не знается, вроде как занимается научной деятельностью, хочет кандидатскую диссертацию защитить, а на самом деле, скорее всего, давно уже спился с горя.

— Позвони мне завтра ближе к обеду, на работе я его без труда по всем каналам пробью.

Когда я уже собралась уходить, дверь в квартиру открылась и в неё вошла милая смазливая девчонка. Она с любопытством оглядела меня и во весь рот улыбнулась:

— А я вас знаю. Но поверить глазам не могу: неужели сама Яна Косова, ведущая программы «Рок навсегда»? Не пропускаю ни одной вашей передачи.

Галина отвела взгляд в сторону и покачала головой.

— А вот и ещё одно «божье наказание» на мою голову. Как раз в этом году школу заканчивает. Поможешь пристроить куда-нибудь?

— Да запросто! — охотно отозвалась я. — Проводишь до остановки, Лерчик?

Девчонка была на седьмом небе от счастья. Господи, как же она напоминала меня в молодости. Даже в школу, как я, пайнкой ходила, но зато вечером, в тесной компании, отрывалась на дискотеках города по полной программе. Мне так легко было с ней разговаривать, столько я почерпнула для себя интересной и полезной информации, что уже через пять минут поняла: за шесть лет в моём родном городе ничего не изменилось!

К Кистенёву я добралась только вечером. Тоже решила явиться без предупреждения, нисколько не сомневаясь, что, сообщив мне его координаты, Галина тут же позвонила Генаше, предупредила о моём предполагающемся визите. Так что встретил он меня буднично, ничуть не удивившись.

— А, Яна, — кивнул он. — Давненько не виделись. Проходи.

— Да, это я, Дикарка. Здравствуй, Геннадий Игоревич!

И на эту фразу он особо не отреагировал, даже переход на «ты» его не очень удивил. Удивилась я. Однокомнатная квартирка в пригороде Щурово, районе, прямо противоположном по месту расположения тому, в котором я только что побывала. Конечно, не зачуханная хибара, но женским духом здесь и не пахло. В обстановке — предельный минимализм: голые стены, даже не оклеенные обоями, просто покрашенные; старый раскладывающийся диван, ничем не застеленный. Скрипучие деревянные полы, такая же хлипкая деревянная входная дверь. Ни одного горшка с цветами ни на полках, ни на подоконнике. Но при этом чистота, из окна вид на реку, да и по воздуху чувствовалось, что рядом сосновый бор и квартиру регулярно проветривают. Сам хозяин гладко выбритый, в стареньком спортивном костюме. Ещё кресло напротив дивана, скорее всего принесённое с помойки, но отреставрированное. Естественно, насколько хватило способностей.

Когда-то весь пригород здесь базировался вокруг огромного цементного завода; несмотря на высоченную трубу, прозванную в народе «Наташа», его продукцией — характерной серой пылью — были щедро усыпаны все окрестности. Никаких развлечений, разумеется, за исключением хиленького Дворца культуры, — в общем, тоска смертная. Потом пришли немцы, завезли новое оборудование, снесли легендарную трубу, заботясь об экологической обстановке, навели во всём порядок, не говоря уже о зарплате и социальной инфраструктуре. Не ахти что, конечно, но тем не менее полный контраст с посёлком Галины, где когда-то располагался научно-исследовательский институт техники полива и по тем временам жили его работники вполне сносно, а сейчас дома обветшали, никому ни до чего дела нет.

Генаша даже и не подумал предложить мне чаю. Уселся на диване и уставился на меня своим колючим острым взглядом.

— Чем обязан столь высокопоставленному визиту? — наконец сухо поинтересовался он.

Я молча прошла на кухню, ожидая увидеть там по меньшей мере батарею пустых бутылок, но ничего подобного: так же свежо, чисто убрано. Газовая плита, правда допотопная, но такими «раритетами» в моём родном городе никого не удивишь.

Что ж, хозяин вполне в форме, с ним можно общаться — большего мне нечего было и желать.

— Нужна помощь, — коротко ответила я, усаживаясь в кресло напротив.

— В чём конкретно? — По всему чувствовалось, что Кистень не испытывает особой радости по поводу моего прихода, но и враждебности в его голосе не наблюдалось.

— Из трёх вариантов, которые ты мне в прошлый раз посоветовал, я выбрала не тот, что нужно, и, соответственно, зашла в тупик.

Тут я не выдержала, сорвалась, высказала этому бездушному роботу всё, что я о нём думаю, но сначала ту боль излила, которую я в последние несколько дней испытала. Никогда не слышали такое выражение: «сухие слёзы»? Впрочем, сухими они были недолго: в конце концов я разревелась так, что не помог и носовой платок.

— Всё? — когда я выдохлась и затихла, уточнил Генаша хладнокровно. — И только-то? А теперь скажи, Янчик: имело ли смысл для такого умопомрачительно красочного «портрета в слезах и соплях» столь упорно меня разыскивать? Что, не могла сама элементарно простенькую задачу решить? Кстати, тебе повезло, что ты вообще меня сегодня застала. У нас в Коломне, как ты сама понимаешь, любая работа мне с некоторых пор заказана — приютила одна частная клиника в Москве. Там, в своём кабинете, я частенько и остаюсь ночевать. Вот думаю вообще порвать пуповину: купить или снять квартиру в столице. Поэтому устройством своим здесь особо не утруждаюсь. — Он помолчал немного, затем продолжил: — Итак, на один твой безмолвный вопрос я, надеюсь, ответил? Что дальше? Не спился, как тебе, возможно, напели: пустых бутылок на кухне ты не обнаружила. Наоборот, даже защитил наконец кандидатскую диссертацию. На докторскую пока не замахиваюсь: нужны связи, практика, наработанный материал. Совсем другой, не провинциальный уровень.

Я развела руками:

— Ответ исчерпывающий, осталось прояснить только один момент: как тебе удалось от жены своей бывшей отделаться? Насколько я понимаю, развод для таких одержимых не помеха.

— Ну, это просто, — довольно усмехнулся Кистенёв. — Сводил как-то её на приём к знакомому психиатру, затем пригрозил: станет и дальше меня преследовать — сдам в соответствующую клинику, вылезать из неё потом не будет. Как ни странно, подействовало. Ещё она к тому времени так увлеклась своими изменами, что меняла мужиков, как перчатки. Преобразилась и внутренне, и внешне, сейчас вся в поисках достойного мужа, который бы холил, лелеял её, а заодно и на достаточно высоком уровне содержал. А уж потом ни-ни, станет солидной дамой, возможно, даже займётся благотворительностью. И ты знаешь, я нисколько не сомневаюсь, что она добьётся своего. С её-то напором! Однако нам давно пора вернуться к существу вопроса, за решением которого ты приехала. Как, созрела для серьёзного разбора полётов?

Я кивнула.

— Да.

Кистенёв облегчённо вздохнул.

— Во-первых, хочу особо отметить: тут был твой собственный выбор, несправедливо меня за него упрекать. Не верю, чтобы тебе удалось пройти сквозь шпицрутены, которые на твою долю там, в Москве, выпали, такой, «как тебя воспитали». Наверняка многим пришлось пожертвовать, чтобы достичь намеченной цели. Так какой смысл был столь истоиво шесть лет назад за усвоенные принципы держаться? Ты сожалеешь, что был гораздо более короткий и верный путь, которым ты не воспользовалась. Ой ли? А ты уверена, что именно тебя твой милый выбрал бы после ухода Рио-Риты? Да, у тебя были принципы, а у этой сопливой крошки, о которой ты мне рассказывала, никаких других установок не имелось в наличии: только безграничная отвага — ради любви она была готова на всё в отношениях со своим избранником. Но вот сейчас картина в корне поменялась: твой любимый приполз к тебе на коленях, весь в твоей власти. Причём, заметь, не я — ты сама

в том своём выборе оказалась права. Единственная, но роковая твоя ошибка — истово стараясь забыть своего возлюбленного, ты слишком надолго упустила его из виду. А всего-то и надо было сделать короче поводов.

Я задумалась на какое-то время, затем решительно тряхнула своей бестолковой головушкой:

— Ладно, допустим, ты прав: я победила. Но что дальше? Попытаться вырвать, буквально зубами, с кровью, у нашей «соплячки» единственную радость в жизни? Лишить отца ребёнка, в котором он наверняка души не чает? Мы сотрясаем попусту воздух уже второй час, но только сейчас подобралась к цели моего приезда. Да, я королева ринга, но на сей раз жизнь загнала меня в угол — я в полном тупике.

Что тут началось!

— Господи, да ты как была Дикаркой, так и осталась, ничуть не изменилось! — даже прокричал в сердцах в какой-то момент выяснения наших отношений Кистень.

Мы с ним спорили до хрипоты, перебирая все возможности, которые только могли заслуживать хоть какого-то внимания.

— Вернуться к мамочке с папочкой, очиститься от столичной скверны, восстановить в себе ту прежнюю, которой я была когда-то. Как тебе такое? — выдвинула я в запальчивости, на мой взгляд, самый убийственный вариант.

Тут Кистень вообще зашёлся от хохота.

— Браво, брависсимо, мне остаётся только рукоплескать. Всего лишь один вопрос на засыпку: где ты здесь найдёшь работу по специальности, Януль? Веришь «ящику» о каком-то мифическом российском рае? Про Москву не спорю, но в нашем достославном городишке феноменальная безработица: уборщицей и то никуда не устроишься. Так что забудь!

В конце концов, мы остановились на двух версиях: оставить всё, как есть, только вычистить из сердца остатки прежней любви и заняться, наконец, устройением своей личной жизни. Или, как альтернатива, вновь отказаться от себя нынешней, выбрать третью, окончательную судьбу.

С тем я и уезжала в Москву. Собрала сумку с вещами, попрощалась с родными и поехала на вокзал. В ожидании электрички решила даже позвонить начальству и сказать, что недели оказалось многовато, я просто жажду немедленно вернуться на любимую работу. Однако неожиданно для себя набрала совсем другой номер.

— Прости, но остался один нерешённый вопрос. Я тут, на вокзале. Можно, я сейчас подъеду? Возьму такси для скорости.

Генаша замялся, в конце концов пробормотал смущённо:

— Слушай, я был бы рад, конечно, но есть проблема: я с одним человечком договорился встретиться. Как ты считаешь, должна быть даже у самого заштатного психолога личная жизнь?

Однако я не сдавалась, напирала, как танк:

— Делов-то! Ну, придёт на часок попозже твоя краля. Что изменится? Только секс угарнее будет.

— Да она из города должна приехать. Наша первая встреча, — пытался убедить меня Кистень, — с местными я давно не связываюсь, сама должна понимать почему.

— Ничего, — не сдавалась я, наглости моей не было предела. — Пусть погуляет часок до автобуса по магазинам. Здесь, в Голутвине, их пруд пруди. Купит себе в подарок какую-нибудь безделушку — я оплачу.

— Да я сам достаточно кредитоспособен, как-нибудь без спонсоров обойдусь, — со злостью согласился наконец Геннадий Игоревич. — Ладно, что с тобой поделаешь? Только пулей! Иначе ждать не буду, встречать свою ненаглядную к автобусу пойду!

5

Конечно, я нарвалась на скандал. Как могло быть иначе? Возможно, даже специально выжидала, не торопилась с выбором такси. Но, так или иначе, цель была достигнута: «ненаглядную» я увидела. Не бог весть что, конечно, но, как видно, наш Генаша долго неприступную крепость осаждал, прежде чем она открыла ворота. Впрочем, открыла ли? Скорее всего, ещё не успела. И вдруг такой облом, причём сразу для двоих: я на пороге.

— Ах вон оно как, и кто же тут к нам пришёл! — буквально взорвалась «неприступная». — Не знала я, что вы такой кобель, Геннадий Игоревич! Что же вы так опростоволосились — сразу двум девушкам свидание назначили!

Ну, эта песня нам обоим была хорошо знакома, я с одного раза сумела выучить. Слава богу, по крайней мере, на меня не бросились с кулаками. Да и ситуация была другая: кто я? В сущности, такая же невинная жертва!

Генаша долго сидел молча после ухода своей пассии. Ничего удивительного: такой вечер ему испортили!

— Ладно, не расстраивайся ты так, — подлила я масла в огонь, — могу компенсировать потерю, но один-единственный раз в жизни, без продолжения.

— Да иди ты! — не на шутку разозлился Кистень. — Тоже мне, дама-благодетельница!

Я покачала головой: зря он так, как раз в тот момент я не шутила, мне любой ценой нужно было добиться намеченной цели. Потом ведь локти будет кусать, да без толку!

— Ну так что там у тебя? — проговорил Генаша, немного успокоившись. — Опять какой-нибудь таракан в голове зашевелился?

— Нет, все «прусаки» и «кукарачи» от меня давно к твоей «старушке» перебежали. Влюбились в неё, наверное. У меня к тебе чисто деловое предложение. На мой взгляд, очень заманчивое. Ты продаёшь свою хибару здесь и переезжаешь в Москву. Мы заключаем фиктивный брак, но о том, что он липовый, будем знать только мы с тобой, в жизни должны быть всё время на виду, поддерживать видимость идеальной пары. Срок — два года. Я использую все свои связи и даже личное обаяние (заметь!), чтобы помочь тебе сделать научную карьеру, ты разберёшься в моих проблемах и наладишь мою личную жизнь.

Сама я не в состоянии этого сделать: никак не выберусь из житейских дебрей, слишком много времени отнимает работа. Да и положение женщины в нашей стране тебе прекрасно известно: просто выйти в свет, показаться там одной совершенно нереально. Я всё продумала. Снимем две квартиры в одном подъезде, но на разных этажах. Одну для меня, но она будет считаться как бы нашей общей, там мы будем принимать гостей, отмечать всякие памятные даты. Вторую приспособим под твой кабинет: в нём ты будешь сочинять свои конгениальные статейки и принимать пациенток, нескончаемый поток которых я тебе обеспечу. Никакого интима между нами, естественно. С прежней передачей я распрощаюсь, получу заочно второе высшее образование, уже в сфере психологии и психотерапии, и организую новое шоу, что-нибудь из разряда «Психология семейной жизни» или «На грани развода». Ну и как тебе мой план?

Кистенёв сидел, подумал, но больше для вида, затем разнёс в пух и прах мои умопомрачительные нагромождения:

— Хорошо, слушал я тебя долго, внимательно, теперь подведём итог. В двух словах: начала ты за здоровье, а кончила за упокой. Переезд в Москву? Давно планировал, практически созрел для столь важного шага. Объединиться с тобой на тех условиях, что ты предложила, — замечательный вариант. Срок тоже вполне реален. Прежняя работа буквально сжирала всё твоё время, высасывала жизненные соки? На помойку истории! Не представляю, на каких условиях ты в своём шоу-бизнесе останешься, чтобы иметь кучу свободного времени и в то же время достаточно часто мелькать на экране, но тебе видней. Дальше начинается далёкая от научной фантастика. Чтобы тебе переучиться в солидном вузе на психолога, нужно три с половиной года. Причём немислимой пахоты. За это время ты растеряешь все прежние связи, не обзаведёшься новыми, залезешь в фантастические долги и всё равно будешь считаться специалистом второго сорта, поскольку основа в нашем деле — это добротное медицинское образование. В интернете ты можешь найти кучу предложений «перековать» тебя за полтора года, а то и вообще за несколько месяцев, но там уже вообще полная халтура.

Я сидела некоторое время буквально с разинутым ртом и не могла вымолвить ни слова. А что сказать? На редкость мощный удар, буквально камня на камне не оставивший от моих планов.

Но я была уже не той размазнёй, как когда-то. Собрала последние силы и беспечно махнула в ответ ладошкой.

— Прости, не знала таких тонкостей. Во всех случаях ты прав: при подобном раскладе вариант с учёбой полностью отпадает. А в остальном... всегда можно что-нибудь придумать. Итак, хотя бы в общих чертах, ты принимаешь моё предложение?

Кистенёв ещё раз прокрутил в голове все «за» и «против» и со вздохом кивнул.

— Хорошо, я согласен. Насчёт телешоу тоже.

Новая жизнь... Я уезжала «в растрёпанных чувствах». Собственно, никаких трёх вариантов на сей раз у меня не было. Мы просто пытались создать видимость выбора, а на самом деле его не было и в помине.

БРЕДИХИНУ — 75!

Есть не только видимая Коломна. Кому-то ведомы ещё и потаённые исторические тропки, переплетения людских судеб, открытые далеко не всем. А Николай Васильевич Бредихин относится к числу особенных мастеров, которые не только обладают неким внутренним зрением. Он способен передать свои видения в художественной форме, в захватывающей и фантастичной прозе.

Дорогой Николай Васильевич! Пусть золотая нить твоих открытий и прозрений продолжается! Пусть воплощается она в увлекательных новеллах и романах! Мы знаем, что ещё не раз твои произведения украсят страницы «Коломенского альманаха». А порукой тому — наша многолетняя дружба, проверенная временем!

Коллектив редакции

Сергей Анатольевич Мурашев родился в 1979 году в Архангельске. С младенчества жил в деревне Малая Липовка Архангельской области. На родине выпустил сборник рассказов «Маленькая книжка». Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Двина» и других.

Победитель конкурса «Долгие вёрсты войны, светлые строки победы», посвящённого 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Победитель II Славянского литературного форума «Золотой витязь» в номинации «Дебют», проза. Награждён дипломом V Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» в 2014 году.

Член Союза писателей России. Живёт в Коломне.

Рассказ

В ОЖИДАНИИ ТЕПЛА

Морозы в этом году на Рождество стояли страшные: под сорок и больше. Обычно в Крещение самые сильные морозы, а в этом году — на Рождество. А, может, и на Крещение будут. Хотя обещали, что потеплеет. Кто его знает? — до Крещения ещё дожить надо.

Ирина Ивановна топила обе печи по два раза в день. Толку от этого было мало. К вечеру, правда, удавалось поднять столбик термометра до восемнадцати градусов. Уже это казалось победой. И каждый раз радовало. Ирина Ивановна не сразу находила термометр на стенке под часами. Термометр сливался с голубенькими выцветшими обоями. Ирина Ивановна подходила ближе и даже вела пальцем по шкале, чтобы не ошибиться. Потом поднимала глаза: девять вечера. Перекрестившись, она выключала свет и ложилась.

К утру всё тепло из дома выносило и термометр показывал пять, а то и три градуса. Поэтому цветы на подоконниках держать нельзя, и все они были составлены ближе к печке на стол, горшок к горшку, словно жались один к другому, чтобы не замёрзнуть. Сама Ирина Ивановна спала в закутке за занавеской, когда-то специально оборудованном для матери, на той же самой кровати. И каждый зимний день жалела, что когда-то не поставила вместо плиты русскую печку с лежанкой, хотя мама просила.

Дом был щитовой и, наверно, поэтому такой холодный. Боялся он и ветра,

и морозов. Ирине Ивановне с мужем достался уже не новым. Всё обещали дать квартиру сначала в одном строящемся двухэтажном доме, потом во втором, но так и не дали.

В морозы Ирина Ивановна долго не решалась вылезти из-под одеял. А самое главное, боялась угадать мимо валенок, специально поставленных около кровати. Оступишься или зацепишься за одеяло — и коснёшься босой ногой пола, а там и вторая нога обязательно на пол шлёпнется. Ступни обожжёт — пол ледяной, ещё когда жив был муж, то забирался под дом и говорил, что уже весь подполлок выгнил. И ковра стелить нельзя, под ним собирается изморозь, а потом плесень.

Спала Ирина Ивановна в одежде, и только ступни босые, чтоб отдохнули. Поэтому, сунув ноги в валенки, она сразу бежала к печи, на ходу включив свет. За окнами с толсто намёрзшим льдом только рассветает, хотя уже к девяти. В доме так холодно, что кажется, что ты на улице, а там за окнами тёплая изба. Печь уже вся выстыла, и сменные валенки на её плите только что не холодные. Но Ирина Ивановна всё-таки надела их, а те, прикроватные, поставила на приступок около плиты. Дрова принесены ещё с вечера и лучины нащипано. Дрова в этом году не берёзовые, не жаркие. Ирина Ивановна затопила печку и долго не закрывала дверку — всё грелась. Вообще чугунная плита накаляется быстро и сразу отдаёт свой сухой жар. Ирине Ивановне всё хотелось сесть прямо на плиту и погреться, чтоб прокалило всю внутри. Стояла и не отходила от печи, как приклеенная.

Наконец она решилась: поменяла валенки на тёплые, приятно согревшие ноги, надела подкладку от пальто, меховую жилетку, мужнин тулуп и выскочила на улицу. Вчера на морозе лопнуло, когда она его выносила и чистила снегом, пластиковое ведро-горшок, которое сильно выручало её зимой. И вот теперь приходилось ходить в холодный туалет.

Когда протопилась вторая печь, а Ирина Ивановна позавтракала горячей отварной картошкой, в доме как будто стало вполне сносно. С окон закапало, и даже захотелось дремать. Но сегодня было не до того. Ирина Ивановна достала белые узкие валенки с вышивкой по голенищам и поставила их к печи, чтоб нагрелись. Валенки эти привезла в подарок сестра, выгуливались они только в особых случаях.

Вспомнив младшую сестру, которая жила в Архангельске, Ирина Ивановна словно проснулась во второй раз. Она быстро прошла к большому ящику цветного телевизора, купленного по случаю давным-давно. Сверху на нём стояло четыре больших миски. Ирина Ивановна внимательно осмотрела каждую, глядя чуть с боку и пригнувшись.

— Вот какой холодец получился! — сказала громко.

Голос у неё оказался неожиданно звонким и тонким. Она даже сама удивилась этому голосу, поэтому сказала ещё:

— Мама так учила варить. И желатина я не добавляла. Даже есть захотелось от запаха.

На каждую миску она крышкой положила тарелку и закрепила скотчем. Три таких «контейнера» составила один на другой, переложив пластами белой медицинской ваты. И снова скрутила скотчем. Потом осторожно снизу надела на свою пирамиду пакет, на него второй для укрепления. Подумала немного и сунула туда же оставшуюся миску. Попробовала на вес: «Тяжеленько». Но ничего не поделаешь.

Ей почему-то вдруг показалось, что на улице оттепель. Она даже поскребла ногтем в верхнем углу окна, чтоб посмотреть, но ничего не получилось — не оттаяло, да и не оттаёт.

Надела длинное вязаное платье, кофточку с пуговицами. Но в морозы много не пофорсишь. Пришлось снова надеть подкладку от пальто и мужнин тулуп. В этом тулупе руки плохо гнулись, словно они замёрзли. Ощущение было неприятным, и Ирина Ивановна передёрнула плечами, чтобы избавиться от него. Перед зеркалом причесала волосы, густо намазала лицо детским кремом «Морозко» и так ловко перемотала голову платком и шарфом, что остались видны только глаза. Сверху на этот ком натянула большую шерстяную шапку. Когда поменяла валенки, почувствовала, как сильно они нагрелись, и даже испугалась — не испортились ли они от жаркой печки. Стала неловко поднимать то одну, то другую ногу, рассматривая их. С валенками всё было хорошо. Она перекрестилась на иконы, а уже после надела шубницы и взяла пакет. Снова почувствовала, какой он тяжёлый. Вздохнула, выключила свет и вышла.

Она ошиблась или, вернее, обманулась в том, что на улице потеплеет. Холод стоял собачий. Она поняла это, уже когда приставляла палку и навешивала замок. Замок давно замёрз и цеплялся для виду.

Все местные машины стояли несколько дней на приколе, и никто не ездил по деревне. Если кому-то надо было в город — вызывали такси. Но два дня назад приехавшее такси заглохло, что-то там перехватило. Машина несколько часов стояла прямо на дороге, а водитель отсиживался у Крехалевых, так как легко был одет и не мог уйти пешком. Теперь такси в деревню ехали только за тройную плату, и то, если попросишь.

Ирина Ивановна решила пойти пешком. Первые полкилометра она всё думала вернуться, но потом пообвыклась. Долго спасали нагретые на печке валенки, но вот и их стало как будто прохватывать, стало казаться, что идёшь босиком. «Это кровь плохая — не греет», — подумала Ирина Ивановна. Раньше по молодости у неё была любимая поговорка: «Не сапоги греют ноги, а ноги сапоги». Тогда она часто, не дожидаясь автобуса, бегала пешком в городскую школу, где работала. Просто так, чтоб прийти пораньше, от избытка энергии. А вот теперь шесть километров до города даются нелегко. Сильно мешал пакет: рука, отягощённая им, затекала. Поэтому постоянно приходилось перекладывать свою ношу из одной руки в другую. Чтобы согреться, старалась чаще перебирать ногами. А вокруг никого. С одной стороны — лес, с другой — зарастающие поля. Снег блестит, искрится. Над лесом висит солнце, а с боков его на расстоянии радужные полоски. Под ногами накатанный снег дороги громко скрипит, и кажется Ирине Ивановне, что она идёт по огромному музыкальному инструменту, который будит тишину вокруг. А радужные полоски, исходящие от солнца, — это нарисованные звуки — так их рисуют в детских книжках.

Когда показалась деревня Стругово, плавно перетекающая в город, Ирина Ивановна широко улыбнулась и почувствовала, что платок на лице чуть заостенел. Она представила себя со стороны. Весь платок в белой изморози и шапка тоже. «Ну, ведьма, чистая ведьма!» Смеяться в открытую она боялась, чтобы глубоко не вдохнуть холодного воздуха, и мелко затряслась. Вдруг почувствовала, что сильно замёрзла. И последние метры

до Стругово дались особенно тяжело. Казалось, что мороз вот-вот обнимет так сильно, что ноги не смогут двигаться. Чувствовалось, как мороз студит кровь, пробирается внутрь тела и хочет остановить сердце. Одно радовало Ирину Ивановну, что дом её знакомой, Натальи, был первым в деревне, сразу после таблички, по правую руку.

Стучаться, конечно, не стучалась, когда открыла дверь в жилую избу, угадала в ватное одеяло, повешенное для тепла, и запуталась в нём.

Отдёрнула одеяло Наталья. И первым делом закричала от испуга.

— Это я, это я, — едва слышно повторила несколько раз Ирина Ивановна. Видимо, холод в самый последний момент всё-таки перехватил дыхание.

— Ну, ты даёшь, женщина!

Наталья всегда называла Ирину Ивановну женщиной, и ей это нравилось. А сейчас это слово показалось самым нежным и тёплым. Даже на глазах появились слёзы.

— Ну, ты даёшь! — Наталья стала разматывать, раскутывать Ирину Ивановну, и вот из страшного огромного существа, наполовину запудренного спереди белой изморозью, появилась худенькая женщина в вязаном платье.

— Пойдём, пойдём к печке.

Её посадили к стенке горячей печки, на ноги надели тёплые валенки, в руки вставили чашку чая. И сразу как-то отлегло, тело расслабилось, как-то обмякло. Ирина Ивановна вспомнила из школьной программы, что человек на семьдесят пять процентов состоит из воды. И подумала, что внутри неё эта вода замёрзла, а вот теперь оттаивает.

У Натальи в доме намного теплее, чем у Ирины Ивановны. Несмотря на это, хозяйка в валенках, тёплых рейтузах и кофте. Наталья чуть моложе Ирины Ивановны, полненькая, всегда румяная, с чёрными густыми волосами до плеч.

В комнате очень чисто и уютно. Но Ирине Ивановне кажется, что слишком много мебели. Два дивана — один большой, другой маленький. Кресло, стул с высокой спинкой, полированный стол у окна. Два тёмных немного мрачных шкафа по дальней стенке. В одном — книги, во втором — посуда. Кажется Ирине Ивановне, как эти шкафы были поставлены тут, так и стоят, и ничего внутри их никогда не меняется.

Около телевизора красуется небольшая искусственная ёлочка. Огоньки гирлянд лениво перебегают среди игрушек, меняют цвет.

— Поставила уже? — тихо спросила Ирина Ивановна.

— А то как же! Новый год уже прошёл. Тебя под ёлочкой ещё подарочек ждёт.

— А я вот не поставила. Хотела к Рождеству принести, но не смогла. На Старый новый год поставлю.

— Дело хозяйское. Иди-ка, женщина, приляг.

Ирина Ивановна отдала пустую чашку Наталье. И так это получилось ловко, словно она её не отдала, а просто выпустила из рук, и чашка сама улетела куда-то. Потом Ирина Ивановна послушно прошла к дивану и прилегла бочком...

Проснулась она часа в два. На улице, за обросшими льдом стёклами окон, голубоватый свет — скоро будет темнеть.

Ирина Ивановна откинула одеяло, которым была прикрыта, и вскочила.
— А я думаю, ты у меня того, заболела, — Наталья сидела в кресле напротив и читала газету, в очках. Она даже не отстранила газету, разговаривая с подругой.

— Кушать будешь?

Ирина Ивановна не знала, что ответить.

— Короче, сейчас поешь безо всяких разговоров, — Наталья взяла её за руку и отвела на кухню за маленький аккуратный столик, на который поставила тарелку горячей гречневой каши и чашку чая. Ирина Ивановна перекрестилась и покорно начала есть. Наталья подсунула ей под руку кусок хлеба с маслом. Ирина Ивановна осторожно отодвинула его. Она уставилась в тарелку и старалась не смотреть на Наталью. Знала, что та стоит и надменно смотрит на неё. На самом деле, совсем не надменно, а оценивающе.

— Таки вызывать? — спросила Наталья, когда гостья справилась с едой и отказалась от добавки.

К Ирине Ивановне после каши, после сладкого чая вернулись силы, их стало даже как будто больше, чем с утра.

— Мне бабушка говорила: «В церковь только пешком!» — сказала она задорно и заулыбалась.

Наталья осталась серьёзной.

— Значит так. Пойдёшь в церковь, поставишь свечку куда следует, пять штук, бери потолок.

Ирина Ивановна взяла протянутые деньги и сразу отнесла их в прихожую, сунула в карман тулупа. В кармане нашёлся крем «Морозко». Он был замёрзший в ледышку (так и не оттаял за несколько часов). Видимо, у Натальи всё-таки не очень тепло. Зато и холодцу ничего не будет. Она стала искать глазами свой пакет, но его нигде не было. «Выпал из руки на улице» — прижала ладонки к щекам и почувствовала, что кожа на лице чуть воспалённая. Сразу представила себя со стороны: бежевое платье, чуть темнее кофточка и лицо красное, как у алкоголика, пылает.

— Чего, холодец свой потеряла? В рюкзаке он, я его уже в коробку уложила. Рюкзак на спину закинешь и будешь двумя руками махать, так не замёрзнешь.

Около стенки стоял рюкзак, на котором было написано: «SUPER KID». Ирина Ивановна улыбнулась подруге за заботу. Та тоже улыбнулась ей в ответ. И вдруг спросила:

— Может, всё-таки не пойдёшь?

Улыбка с лица Ирины Ивановны сошла. Идти совсем не хотелось. Вернее, выходить на мороз. Это один раз хорошо и не так страшно. А второй, когда уже лицо нащипано, чуть болит, совсем не хочется. Но Ирина Ивановна потянулась за подкладкой от пальто. С помощью Натальи она оделась и закуталась. Напоследок, когда уже вышла, услышала Натальино: «Скорей двери закрывай!»

На улице темно, а мороз как будто стал ещё крепче, как будто даже снег скрипит как-то зло. Скрип раздражает. Ещё и ветер встречный подул. Хотя по городу идти легче: светят кое-где фонари и окна домов, встречаются прохожие. С каждым из них чувствуешь кровную связь только потому, что он тоже вышел на улицу и мёрзнет.

Ирина Ивановна зашла в первый же небольшой магазинчик, чтобы погреться. Продавщица никак не отреагировала на её появление и за все десять минут, пока Ирина Ивановна грелась, не сказала ей ни слова. Продавщица была в тёплой кофте, под которую, наверно, что-то ещё надето. В магазине совсем не чувствовалось рождественского сочельника. Зато следующий магазин весь был изукрашен. По стенам бегали огни нескольких гирлянд, была развешана мишура, на прилавке стояла серебряная ёлочка.

— Что для вас?

— Тепла.

— Ну да, — сказала продавщица и сунула руки в карманы безрукавной суконки, надетой поверх формы.

Ирина Ивановна сняла рюкзак и осторожно положила на пол. Без ноши куда как легче. Она вспомнила, что за всю дорогу с ней никто не поздоровался, а ведь она была учительницей и её знает полгорода. Ладно, она не узнала: зрение, да и ребята были маленькие, теперь уже взрослые. Почему не здороваются? И тут она спохватилась, вспомнила, что вся укутана, умотана так, что даже самые близкие люди не узнают в таком наряде, самая настоящая ряженая. Она засмеялась.

— Что для вас? — снова спросила продавщица.

Ирина Ивановна помедлила немного и ответила:

— Тепла.

Продавщица отвернулась от неё.

Ирина Ивановна замерла, не зная, что предпринять. Внутри всё сжалось — на улицу совсем не хотелось. Помогли ребята, зашедшие в магазин гурьбой. Одеты ребята были на удивление легко. Они шумно стали выбирать бомбочки и хлопушки, советуясь с продавщицей. Та как будто даже расцвела.

Когда ребята ушли, стало неловко стоять просто так. Ирина Ивановна прошла туда-обратно. Сделала вид, что рассматривает товар. И вдруг ей стало противно от этого. Она, качнувшись, надела рюкзак и, оттого, что чуть подвернулась нога, неловко вышла на улицу. До храма оставался последний магазин. Она поймала себя на той мысли, что меряет расстояние не метрами, а магазинами.

В окне маленького магазинчика, на который она надеялась, не горел свет. Ирина Ивановна испугалась: «Может, уже девять часов давно и служба началась». На двери магазина висело объявление: «С сегодняшнего дня магазин не работает по выходным дням и православным праздникам».

Пришлось пойти быстрее, чтоб не замёрзнуть. На площади поставлена высокая немного кривая ёлка. Гирлянды из-за экономии не горели. Около ёлки возились ребята. Рядом стоял мужчина в шапке-ушанке с козырьком. Уши шапки были подняты кверху. «Как ему не холодно?» — подумала Ирина Ивановна. И мужчина словно прочитал мысли и опустил уши. Когда Ирина Ивановна обернулась, то ей показалось, что он даже верёвочки завязал.

Храм стоял среди деревьев, покрытых инеем. Весь он был словно вычерчен на тёмном фоне неба, так как за ним и сбоку светились фонари учреждений. Настоящий великан. Основной храм, конечно, не натопишь, да там и печек нет, службы в нём идут только летом. Зато есть маленький предельчик, тёплый и уютный.

Несмотря на холод, Ирина Ивановна перекрестилась, правда, прямо в шубнице. Быстро просеменила по летнему храму и буквально ворвалась в тёплый. На пороге её встретила Леночка, которая сегодня в свою очередь стояла за свечной лавкой и присматривала за печкой.

— Куда?! — строго спросила она.

— Как куда? В храм пришла, на службу, — развела руками Ирина Ивановна.

Леночка сразу успокоилась:

— Так это вы, Ирина Ивановна?

— А то кто же?

Остановленная на пороге, Ирина Ивановна вспомнила о холодце, вернулась в холодный храм и поставила рюкзак в уголок.

Уже раздеваясь, спросила:

— А что, не пустила бы, если бы не я была?

Лена быстро перекрестилась и, не ответив ничего, ушла в лавку.

— Не очень пока тепло.

— Топлю печку, Ирина Ивановна, скоро нагреет.

Храм был празднично украшен. На аналои и клирос была натянута белоснежная ткань, на крючках, держащих лампы, красовались белые банты, на главных иконах — белые полотенца. С двух сторон царских врат, прямо перед солеей, высились две ёлки. Без всяких украшательств, без «снега», насыщенно зелёные. Слово сейчас лето, а не зима. Одна ёлка стояла в холодном углу. Эта уже вся в игрушках, покупных и самодельных, редкий дождик на ней едва заметно пошевеливается от движения воздуха. Над южными и северными вратами, над царскими — сплетённые еловые и сосновые веточки, украшенные белыми ленточками и цветами. На центральном аналое, над иконой Рождества Иисуса Христа устроен символический вертеп из еловых лап. Ирина Ивановна перекрестилась три раза, заглянула внутрь, как в пещеру, и поцеловала икону. Около вертепа особенно сильно пахло ёлкой.

Что-то стало поддёргивать всё тело, то ли от холода, то ли от усталости. Ирина Ивановна прошла к печке, прислонилась к ней спиной. Тепло побежало по телу, и как будто полегчало. Но через несколько минут её разморило и стало совсем нехорошо. Лицо горело. Она даже притронулась ко лбу тыльной стороной ладони, словно могла померить температуру. Лене про недомогание ничего не сказала:

— Я пойду в закутке погреюсь.

— Конечно, конечно.

Ирина Ивановна обернулась на Лену, та даже не смотрела в её сторону, что-то подсчитывая на листке бумаге, низко наклонившись к прилавку сама и наклонив настольную лампу.

Ирина Ивановна пробралась в запечье, села на дрова и прижалась к небелёному здесь и даже неоштукатуренному тёплому кирпичному боку. Через какое-то время стало даже жарко. Но не было ни желания, ни сил, чтобы отодвинуться. Голова её отяжелела, стала такой тяжёлой, что продавила печную стенку. Посыпались кирпичи. Ирина Ивановна повалилась в пролом, внутрь печки, в самую жару. Падая, стукнулась обо что-то. Вокруг шум, гам, треск. Но это не шум, это люди вокруг, а она — маленькая девочка в белом платочке. Люди высокие, но для неё

оставили свободное место, и она в кружке. Вдруг батюшка поманил её пальцем: «Иди, мол, сюда». Она оглянулась на кого-то. И вот уже в алтаре оказалась. А батюшка снова пальцем манит, потому что говорить нельзя, потому что причастие. Батюшка по мягким коврам неслышно подошёл сам. Он погладил её по голове один раз, второй. Ладонь тёплая, даже горячая и пахнет ладаном. Успокоенная, она не заметила, как в её руках оказалась чаша со Святыми Дарами. Внутри у Ирины Ивановны что-то сжалось, она задрожала, как содрогаются при кашле. Чаша тяжёлая, и она обязательно бы её уронила. Но священник держал её руки, присев на корточки. Потом усадил её на стульчик рядом с внутренней стороной иконостаса, да так, что к створке открытых царских врат прижались колени. Вдруг из чаши свет. Такой клубочек светится, а потом всё ярче и ярче. И уже, наверно, прихожане его видят, но ничего не знают, откуда он. А свет заполнил собой всё вокруг, и Ирина Ивановна проснулась.

Она всё так и сидела в запечье на дровах. Кирпичи прокалились, и Ирина Ивановна удивилась, что не обожглась. Она растёрла ладонями потное нагретое лицо, подумала, что, наверно, оно ещё краснее, чем было. Вдруг услышала, что уже поют. Она хотела вскочить, но не смогла — ноги и спина затекли. Ирина Ивановна опёрлась о поленья, которые поехали под рукой. С трудом поднялась. Спина и ноги разгибались медленно, словно суставы заржавели. К людям вышла прихрамывая, стараясь скрыть это. Народу в храме немного. Несколько женщин в тёплых горнолыжных комбинезонах, поверх которых надеты юбки. У самых входных дверей прижался к стенке лупоглазый Серёжа, её бывший ученик. Высокий, но тощий, с покатыми плечами. Двадцать лет парню, а кругленькое личико всё ещё по-детски удивлённое. Пальто на Серёже короткое, в правой руке держит ушанку и всё смотрит, смотрит.

Уже шла литургия. Ирине Ивановне стало невыносимо горько, что всё проспала. И она со слезами бухнулась на колени. После первого поклона остановилась. Перестала реветь и, чтоб не привлекать внимания, стала совершать поклоны хладнокровно. Ей никто не мешал. Она вспомнила весь сегодняшний день, разговор с Натальей. И почему отказалась от такси: из-за гордыни? — сама, мол, пойду. Скажут: «Денег жалко». А, может, жалко? Может, жалко!?

Вспомнив Наталью, Ирина Ивановна купила на её деньги свечи и поставила их за подругу. Потом купила свечей для себя, самых дорогих, сунула сотню в ящик для пожертвований. К ней подошли женщины, обняли, поздравили с праздником. Кто-то молча отряхнул с левого бока красную кирпичную крошку и мусор от дров. Екатерина, староста, участливо спросила:

— Болеете, Ирина Ивановна?

Она вспомнила, что в храме у неё как будто поднялась температура, а теперь всё было нормально, и ответила:

— Болею.

Батюшка исповедовал её по «Отче наш».

— Из-за морозов попозже приехали? — понимающе кивнул он.

Она снова заплакала и грехи, записанные ровным почерком, под цифрами, читала всхлипывая.

От причастия, наконец, полегчало, и она стала лучше понимать, что происходит.

После небольшой проповеди батюшка заговорил про неё. И всё хорошее, хорошее. Её, как бывшую старосту, много сделавшую для прихода, наградили архиерейской грамотой. Батюшка сказал, что на недавнее собрание, на котором Ирину Ивановну освободил от должности, грамота не поспела и вот пришла сейчас.

Ирина Ивановна считала себя недостойной всего этого, но, когда взяла в руки грамоту и букет цветов, неожиданных в такую холодину, стало очень радостно. Она ничего не смогла сказать и только поклонилась. Ноги её подгибались от переполняющей радости, поэтому сразу села на скамейку. Женщины уже накрывали на стол для трапезы. Она вспомнила про холодец и даже почувствовала, как засияло её лицо от того, что она может отблагодарить всех вкусным.

Дрожь в ногах прошла. Она положила грамоту, достала из шкафа вазу, опустила в неё цветы и поставила рядом с иконой Рождества. Долго стояла в закутке, где располагался гардероб, и улыбалась чему-то. Она забыла кто она и где, забыла, что пришла сюда, чтобы надеть тулуп и выйти в холодный храм. За перегородкой, в кухонке, разговаривали. Она стала прислушиваться, всё так же улыбаясь, но ничего не могла разобрать. Потом голоса стали громче — видимо, люди подошли совсем близко. Лена рассказывала, что на Пасху ездила к родителям в Тулу. И там кто-то в местный храм на трапезу принёс мясо. Замерев, Ирина Ивановна повторила про себя: «Там на трапезу в храм мясо принесли. Представляешь?»

Она глянула в сторону входной двери. Серёжа, нахлобучив ушанку, выходил. Ирина Ивановна догнала его в холодном храме и схватила за руку:

— Серёжа, стой.

— Что, Ирина Ивановна? — хотя лицо и осталось детским, голос был баском.

— Вот! — вытащила она из рюкзака свой пакет с холодцом. — Это холодец, очень хороший. Помнишь, я такой на школьные вечера приносила?

Серёжа стоял и не шевелился.

— Возьми, возьми! Ради Христа возьми. Только никому не говори. В храм мяса нельзя, не позорь меня, возьми. Спаси ты меня, — она сунула пакет ему в руки.

И он взял. Но, видимо, не ожидал, что в нём такая тяжесть — чуть не выронил.

— Спасибо!

Ирина Ивановна вернулась в храм и сразу к печке — греться. Она даже хотела уйти в своё запечье, чтоб не садиться за стол, но не успела. Батюшка прочитал молитвы перед едой.

Тут же её позвали в несколько голосов:

— Ирина Ивановна!

— Ирина Ивановна, идите сюда.

— Ко мне за стол.

Всех остановила Екатерина:

— Посадим в центр. Садитесь рядом с батюшкой.

— Без Ирины Ивановны и Рождество не Рождество.

— Ирина Ивановна наше всё, — пошутил батюшка. — Это столп, на котором всё держится.

И пришлось пройти боком между лавкой и столом, стараясь не задеть тарелки с едой.

От запаха всех этих бутербродов и салатов почему-то подташнивало. Но было очень хорошо с близкими людьми. Она уже давно считала всех прихожан только близкими людьми.

За столом шутили, оживлённо разговаривали. Батюшка весело рассказывал о сегодняшней службе, как бы между делом указывая на ошибки хора. Немного поев, Ирина Ивановна поняла, что сил у неё больше ни на что нет. Все их она потратила на пост, на дорогу до храма и молитву во время службы. Ужас наводила та мысль, что надо возвращаться домой, снова по морозу, в ночи, и, может быть, без единой остановки. Она знала, что любой из сидящих за столом, если она попросит, будет рад приютить её. Если попросит, вызовет такси. Но она почему-то подумала, что не надо. Когда прочли благодарственную молитву и стали расходиться, Ирина Ивановна, присев с краю стола, спросила, надо ли помочь с уборкой. Женщины на неё только руками замахали.

На открытом крыльце храма стоял Серёжа и курил. Заметив Ирину Ивановну, он быстро спрятал сигарету куда-то в кулак, а, может, и в карман.

— Ирина Ивановна, — выпучил он глаза особенно сильно, — пойдёмте к нам ночевать, вам ведь далеко до деревни. Мама звала.

— Спасибо, Серёженька, мне надо домой, печи топить, а то всё там замёрзнет.

— Утром пойдёте, — он подумал немного. Изо рта у него шёл пар, словно он всё ещё курил. — А мороз-то спал, так что, может, ничего, не выступит.

— Как спал? — ахнула Ирина Ивановна. Даже сквозь намотанный на лицо платок вырвалось облачко пара.

— Пятнадцать градусов уже. Всё показывало на это. Может, завтра затает. Пойдёмте к нам, Ирина Ивановна. Ради Христа, — добавил он как-то механически. — Мама звала.

— Ну, если пятнадцать градусов, — засмеялась она от чего-то, — дом не промёрзнет. Пойдём.

Серёжа взял у своей учительницы большую грамоту в рамке, сунул под мышку, и они пошли. На улице, и правда, потеплело. Снег поскрипывает, но уже не так резко и жёстко, и на небе не видно звёзд. Вообще, после больших морозов пятнадцать градусов кажутся настоящей оттепелью. Ирина Ивановна стянула с лица платок. Вспомнила, что забыла в холодном храме рюкзак, но возвращаться не хотелось. На лицо упали первые после холодов снежинки.

Серёжа жил недалеко от храма в старом деревянном многоквартирном доме. Приземистом и неприглядном. В подъезде пол как будто немного под углом, уходит вниз. И кажется, чтоходишь в подземелье. Видимо, что-то просело. Пахнет одновременно собачиной и кошатиной, и септиком. Ирина Ивановна даже остановилась, так ейшибануло в нос. Серёжа не обратил на этот запах никакого внимания. Он уверенно с серьёзным лицом поднимался по исшарканной лестнице с частыми ступеньками на второй этаж. Грамоту теперь держал обеими руками перед собой. Ирина

Ивановна пошла вслед за ним. Если бы не лампочка на площадке второго этажа, то подниматься попросту было бы сложно.

В квартире ничего не изменилось. Ирина Ивановна была здесь лет десять назад по школьным делам. Те же обои, тот же неумело крашенный пол, подновляемый иногда, на стене в прихожей вырезанная из журнала фотография какого-то певца.

Когда Ирина Ивановна сняла верхнюю одежду, из кухни в длинный коридор выглянула мать Серёжи Марина.

— Здравствуй, Ирина Ивановна! — сказала она весело. — Прямо в валенках проходи! У нас не больно-то.

Чёрные короткие волосы, вязаная кофта непонятного цвета, переходящего от жёлтого в голубой. На ногах обтягивающие джинсы. Сколько помнит Ирина Ивановна Марину, она всегда носила джинсы и дома, и на улице. Бёдра у неё узкие, а сама таким шариком и чуть-чуть сутулится.

— Ну, Ирина Ивановна, твой холодец — чистый камень, так замёрз. Я уж его резала, резала. Но уж когда этот камешек в рот положила, да он растаял, так словно до седьмого неба поднялась. Чай будешь?

Ирина Ивановна помотала головой. После поста она и так переела на трапезе, и было нехорошо. Да ещё в носу стоял этот запах из подъезда.

— Ну, тогда давай спать. Серёга, отведи к Паше. Ты, Ирина Ивановна, не смотри, что я такая бодрая, я только со смены.

Серёжа молча проводил её в детскую, постоял немного и ушёл. В свете, который проникал в открытую дверь из кухни, Ирина Ивановна сразу увидела Пашу. Он спал на маленьком топчанчике, глаза его были закрыты, но казалось, что он смотрит прямо на неё и хочет сказать что-то доброе. Ирина Ивановна знала, что у Марины четверо детей, разброс по возрасту довольно большой, и Паша младший.

В комнате уютно, даже в полумраке заметно, что недавно здесь сделан ремонт. Ирине Ивановне приготовили подростковую, но вполне подходящую для неё кровать. Рядом стоял включённый обогреватель. Постельное бельё хорошо пахло. Было видно, что его долго сушили на улице на морозе. Ирина Ивановна разделась и легла. На кухне приглушённо разговаривали. Она вспомнила, что сказала Марина про холодец. Засыпая, всё представляла, что у неё во рту камешком мясное мороженое, которое постепенно тает.

ВЛАДИМИРУ КРУПИНУ

*Да, в нашенском краю — особый воздух!
Когда теплом весны раскрыты дни,
звучат они — живой крупинской прозой
простою и прозрачной, как родник.*

*И тут, между Москвою и Коломной,
где вечен электричек перестук,
задержишься — и смотришь, удивлённый,
какой простор и таинство вокруг!*

*И подмосковных роц густые стены
вдруг распахнутся Русскою Вселенной!*

*Среди березняков её и сосен
Судьба цветное кружево плетёт...
И мир, и эти восемьдесят вёсен
грохочут снова, словно ледоход!*

Роман Славацкий

Славный уроженец Вятского края, Владимир Крупин по праву может называться «живым классиком». Его художественная и документальная проза, словно живую водою кропит пространство современной русской речи. Его труды на ниве журналистики и православного просвещения снискали автору заслуженное признание.

«Коломенский альманах» горд тем, что может назвать Крупина своим другом. Его произведения не раз украшали страницы нашего ежегодника, а сам он не единожды бывал и подолгу жил на гостеприимной Коломенской земле.

Дорогой Владимир Николаевич! Поздравляем с 80-летием! Пусть Всещедрый Господь укрепит Ваши силы духовные и телесные, продлит Ваш век и подаст во всех трудах Ваших благое поспешение на пользу Святой Руси! Будьте счастливы и нас не забывайте!

Коллектив редакции

Вячеслав Михайлович Королёв — полковник в отставке, кандидат военных наук. Родился в Коломне в победном 1945 году. По окончании Военной инженерной радиотехнической академии более 30 лет служил в Вооружённых силах, где прошёл путь от инженера-испытателя до заместителя начальника научно-исследовательского испытательного полигона Министерства обороны по научной и испытательной работе. После увольнения из Вооружённых сил был ведущим конструктором оборонного КБ. С 2002 года по настоящее время работает в обособленном подразделении страховой компании «РЕСО-Гарантия» в Коломне.

Член Российского союза писателей. Живёт в деревне Горностаево городского округа Коломна.

Рассказ

ЛЕЙТЕНАНТ И ЗОСЯ

Лето 1968 года близилось к исходу, завершался и первый офицерский отпуск. Вчерашний курсант, а ныне молодой лейтенант Борька Шарапов волоком вытащил в тамбур чемодан с домашними пожитками — родня тщательно отбирала для него все необходимое в самостоятельной жизни: ложки, вилки, кастрюли, харчи на первое время, мало ли что...

Снова вернулся в свое купе, вытащил огромный узел с упакованным в него обмундированием: синее одеяло, две шинели, два кителя, брюки, сапоги, шапка, фуражки, портянки.

Следом за ним с керосиновым фонарем в руке вышла белокурая проводница:

— Стоим здесь одну минуту, не мешкай, я на всякий случай фонарем подам сигнал машинисту, чтобы задержал отправление. А то придется вещи на ходу выкидывать, — добавила она.

Борька вытаращил на нее глаза, отметил про себя: «Симпатичная, однако... Чего я всю ночь проспал на полке? Нужно было бы познакомиться», — пожалел он.

— Как зовут-то тебя, лейтенант? — спросила проводница.

— Шарапов я, — приободрился было Борька...

Заскрипели тормоза, поезд плавно остановился, проводница открыла дверь и первая спрыгнула на землю. Борька спрыгнул вслед за ней и кое-как стащил свои вещи, отыскал в темноте теплую ладонь проводницы. Та сжала крепко одной рукой Борькины пальцы, а второй рукой закачала фонарем машинисту: постой, мол...

Тусклые фонари на полустанке дополняла огромная луна, висящая над макушками деревьев. Борька опустил голову — лучики бликов исходили и от начищенных до блеска хромовых сапог лейтенанта...

— Как же ты один здесь жить будешь, Шарапов? — прервала молчание проводница.

— Не знаю я... — прошептал Борька и поднял голову.

— Красивый ты, лейтенант.

Взгляды их пересеклись на мгновение, машинист дал протяжный гудок, поезд медленно тронулся на Брест...

Борька огляделся. Напротив заметил движение в светящемся окне, зашел на огонек. Дежурный железнодорожник преклонных лет, смешивая русскую, польскую и белорусскую речь, все сначала выпросил внимательно, а затем начал по телефону рассказывать кому-то, что приехал «красноармеец — пан офицер» и ищет свою часть. Потом велел Борьке прилечь на топчан, утром за ним должна приехать машина с «ракетной точки».

Не спалось... Последний раз он уютился на таком же топчане месяца три назад, находясь в гарнизонном карауле. Но тогда он засыпал мгновенно, как только начиналась его отдыхающая смена. Сейчас же короткая беседа с проводницей и ее пронзительный вопрос о будущей жизни крепко засели в голове. Так и ворочался остаток ночи...

Утром вышел на улицу, солнце медленно поднималось из-за сплошной стены густого леса. Поодаль от железнодорожной магистрали отходила в лес малозаметная линия. На опушке леса виднелось сплошное синее поле цветущего дикого люпина. Легкий ветерок слегка колыхнул цветы, и, словно по морю, волна покатила вдоль наклонившихся берез.

— Белоруссия! — с нежностью произнес Борька. Он сам выбирал это место службы. Спросил у железнодорожника: — В какой хоть стороне моя часть?

— Смотри вон туда — там недалеко Брест. А за этим лесом граница с Польшей. В лесу твоя часть, километров шесть отсюда, — ответил железнодорожник. И добавил: — Рядом с нашей деревней, за молоком будешь к нам ходить, а мы в вашу автолавку за хлебом.

Борька плохо соображал, зачем ему ходить за молоком — командиры обеспечивали прежде сытное и добротное питание по курсантской норме...

— Вот и Зося едет, — услышал он от железнодорожника.

Из леса выкатила подвода с двумя людьми. Приблизились... Девушка спрыгнула ловко на землю, подхватила с собой рюкзак. Спросила:

— Дядь Николай, поезд на Барановичи еще не приходил?

Железнодорожник улыбнулся ей:

— Стася, по тебе можно часы сверять. Успела вовремя!

На подводе осталась женщина лет сорока. Она была в голубом платье. А поверх надета стеганая телогрейка, в таких он видел белорусских партизан в кино про войну. Заметив, что молодой военный внимательно рассматривает ее, пояснила:

— По утрам уже прохладно в лесу стало.

На ногах резиновые калоши и теплые носки. Борька перевел взгляд на лицо — правильные черты восхитили его: «Как актриса», — подумал он.

Железнодорожник предложил:

— Зося, подвези пана офицера до части, тебе там недалеко будет. А то когда еще военные машину пришлют за ним.

Борька заволок вещи на подводу... Зося легонько пристукнула вожжами лошадь — тронулись в путь...

— Служить будешь здесь? — нарушила молчание Зося.

— Пока не знаю, но говорят, здесь моя часть, — ответил Борька.

— А какой номер? — настойчиво спросила Зося.

— Не запомнил, — соврал он. В училище его научили никому не говорить номер части — военная тайна...

— 92500, небось? — допытывалась Зося. — Значит, довезу тогда... — и продолжила: — Откуда в наши края пожаловал? Наверное, из Москвы?

— Нет, я из-под Горького сам. Там мой дом, мои родители там живут, — пояснил Борька. А ваши края я выбрал сам — учился в училище на отлично и имел право выбирать место службы. Зовут меня Борис Шарапов...

— А я Зося. Правильно выбрал, у нас и люди хорошие, и невеста тебе найдется, — одобрительно кивнула она. — Я здесь родилась. Наша деревня под Польшей до войны была. Мама моя прислуживала в доме у богатого пана, а я вроде как незаконнорожденная дочь их. В войну маму забрали на работу в Германию, и я осталась с бабушкой. Вот уже как двадцать лет работаю в колхозе, — с некоторой досадой закончила рассказ Зося.

А потом, как бы вспомнив, добавила:

— Замужем не была, но дочь родилась. Стася у меня на ткачиху училась, теперь в Барановичах работает, изредка приезжает на выходные. Скучаю без нее...

Борьке хотелось подремать, и он прикрыл глаза. Его воображение нарисовало картину любви красивой молодой домработницы и богатого польского помещика. Вот откуда у Зоси такие тонкие и благородные черты лица, сделал вывод он, борясь с дремотой.

— Тпру, стой, — и повозка остановилась.

Борька открыл глаза. Рядом увидел небольшой, выбеленный известью домик. Любопытно ему стало, каков домик внутри, как обустроено хозяйство. Все-таки другая республика, другой народ, да еще польская деревня.

Зося поняла это и предложила:

— Зайдите в хату, молоком парным сейчас напою, когда еще в часть свою попадешь? — засутилась она.

Подошли к домику.

«Дверь с высоким порогом, — отметил про себя Борька. — Тепло берегут...»

Замка на дверях не было, даже места для него не было. Понятно, что дверь никогда не запиралась, значит, не было необходимости...

Зося толкнула коленкой дверь и пропустила Борьку вперед. Тот смело шагнул в дом и оступился... Нога искала опору в виде дощатого пола, но таковой не было. Полы в доме были земляными... Посреди дома стояла большая печь, к ней прислонился стол. За печью виднелись две небольшие дощатые кровати. Над столом на проводах висела одна лампочка на весь дом. Зося пояснила:

— Вот год назад нам от военной части провели провода, теперь свет есть... А то с лампой жили, — и предложила: — Давайте завтракать.

— Неудобно как-то, — ответил Борька.

— Давай-давай, у меня бульба с вечера сварена, агурки в бочке есть, молоко утрешнее парное еще не остыло... — не унималась гостеприимная хозяйка.

Сдался Борька... Утомленный дорогой и бессонной ночью, разомлел он после завтрака.

— Поди приляг, я кровать застелю. Вздремни часок, часть твоя спит еще... — снова засуетилась Зося.

Борька снял хромовые сапоги, разматал портянки. Ноги благодарно вытянулись на жесткой дощатой кровати... Сон наступил почти мгновенно...

Разбудил его мерный звук и плеск воды. Чуть приоткрыв глаз, он увидел, как в дальнем углу дома, поставив на деревянную скамью железное корыто, Зося, наклонившись, заткнув подол платья за пояс, стирает его портянки. Сполоснув их в корыте, она ловко трет ими о гофру стиральной доски. Трр... трр... чвак... чвак...

Взгляд задержался на оголенных ее ногах. Стройные и сильные, они маняще белели на фоне серой, невзрачной стены. Страстное желание овладело им.

Как быть? Что делать? В этом смысле у него не было никакого опыта. Жизнь в казарме, редкие увольнительные в город, робкие ухаживания за девчонками не доходили до чего-то серьезного. А в отпуске сплошная работа, нужно было помочь родителям со строительством дома. Не до гулянок было...

82

Борька заворочался на кровати, одеяло медленно скользнуло на пол. Зося на цыпочках осторожно подошла, чтобы поправить одеяло. Но что это?

На нее с мольбой смотрели широко открытые глаза Борьки. Он протянул ей руку навстречу, обнял за талию. Зося не сопротивилась. Тогда Борька вскочил, как бывало по команде старшины: «Пятая батарея — подъем!».

Мигом в сторону полетели голубое платье, нехитрое сельское белье Зоси.

— Не торопись, пан офицер, — прошептала она и начала нежно гладить и целовать его. — Молодой ты еще, ничего не понимаешь, — повторяла она, продолжая любовное действо.

Борька услужливо делал все так, как она хотела...

— Ты моя первая в жизни женщина, — только и сумел вымолвить он, обессиленный...

В дверь осторожно постучали. Борька очнулся от пережитого, мигом вскочил и высунул растрепанную голову на улицу. За дверью увидел офицера с красной повязкой на рукаве: «Дежурный по части».

— Вы лейтенант Шарапов? — грозно спросил он.

— Да, — извиняющимся голосом ответил Борька.

— Мы вас давно ищем. Вас ждет командир дивизиона подполковник Омельченко...

Все, сладкий сон закончился так неожиданно и сурово. А ему так хотелось продолжения, он еще ничего не понял...

СТАРОЕ ЗЕРКАЛО

Владимир Дмитриевич Пронский родился в городе Пронске Рязанской области. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором.

Автор 8 романов, таких как «Провинция слёз», «Племя сирот», «Три круга любви», «Казачья Засека», повестей «Мягкая зима», «Свобода прежде всего», «Воспоминания о розах» и многих других. Романы, повести, рассказы публиковались во многих российских изданиях, таких как журналы «Молодая гвардия», «Подъём», «Север», «Берега», «Странник», «Наш современник», «Москва». В «Коломенском альманахе» — это пятая публикация автора.

Лауреат премии имени А. С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова, премии Союза писателей России «Слово-2018» и других.

Секретарь Союза писателей России.

Рассказ

Четыре года минуло, как Васильевна попала в больницу с инсультом. Ещё тогда врачи обнадежили, да и сама верила, что со временем полегче станет, чтобы хотя бы до умыльальника самой добираться. Но месяц шёл за месяцем, а улучшения не намечалось. Уж сколько надежд растаяло, сколько было дум передумано, но как сразу не смогла встать на ноги, так и по сей день приходилось мириться с болезнью. А ведь как хотелось бы в церковь сходить или к родственникам в деревню съездить, или хотя бы до лавочки у подъезда добраться. Пять минут побыть на вольном воздухе. Больше и не надо — чего зря людям глаза мозолить. Но и минутки она не была на улице за четыре года. Только и знала, что творится там, через своё зеркало.

Улочка у них тихая, без магазинов, и за все эти годы Васильевна изучила прохожих, потому что все они жили в одном с нею доме. Когда-то она знала всех жильцов по именам, потому что вместе с ними работала в одном вагонном депо, но потом ровесники подобрались, а молодых разве упомнишь... Зато знала кто пойдёт, когда, с кем — весь тротуар, как на ладони. И не беда, что всё виделось отрывочно, не до конца, но и это занятие отвлекло от тяжёлых мыслей, от сознания своей беспомощности и, чего скрывать, ненужности. Как она устала от этого! И дочь, конечно, устала. Хотя ничего не говорит, но по ней видно, что страдает. Даже исхудала в последнее время, особенно когда поменяла работу, чтобы подольше с матерью находиться, потому что на мужа надежда плохая, а о сыне

и говорить нечего. Двенадцать лет. Только и помощи от него — принести бабушке попить, когда никого нет. Поэтому, что ни говори, пользы теперь от Васильевны никакой — сплошная морока. Это только здоровая да сильная всем была нужна, даже старшим сыновьям до последнего дня помогала. А сейчас редко когда придут: и один, и второй. Хотя бы забрали к себе на месячишко — дали сестре отдохнуть, но нет — не заикнутся — жён берегут. Те, когда в гости приедут, внимательные, конечно, — чего зря говорить, — но ведь нетрудно побыть внимательной час, другой. Вот попробуй-ка день за днём! Может, поэтому дочь и ремонт затеяла, чтобы хоть как-то сменить обстановку. Правда, Васильевну это всё равно обижало. «Ремонт, значит, им дороже. Спешат куда-то? Вот померла бы — тогда и делали что хотели», — думала она, поневоле обижаясь на всех.

Дочь и прежде заводила разговор о ремонте, но всё равно известие о нём застало Васильевну врасплох.

— Всё, на следующей неделе начинаем! — однажды сказала Лена, протирая от пыли зеркало, и укорила: — Сколько будем держать эту рухлядь?! Ты бы посмотрела, как сейчас люди живут!

— Куда уж мне...

— Жалко, что не можешь... Даже наши соседи-пенсионеры жалюзи на окнах повесили! А подруга евроремонт сделала!

— Это Настя, что ли? Она ведь в банке работает. Разве за ней утонишься. Ты, может, такой же хочешь?

— Были бы деньги — сделала, — вздохнула дочь, — а пока обойдусь чем-нибудь поскромнее... Ведь для тебя стараюсь — пятый год лежишь! Самой-то не надоело на одно и то же смотреть?!

— Привыкла, — вздохнула Васильевна и не стала более говорить на эту тему. По опыту знала, что в такие минуты лучше промолчать, притвориться спящей — тогда дочь сразу оставляла.

Васильевна закрыла глаза и действительно захотела, чтобы Лена ушла, потому что подступали слёзы, а показывать их не хотелось, и удержать не хватало сил, которых и без того почти не осталось даже в её крупном теле. За дородность Васильевну редко называли по имени — всегда по отчеству. И пошло это от её покойного мужа, не удавшегося ростом и поэтому, наверное, всегда называвшего её вроде бы уважительно, но с оттенком едва заметной насмешливости. Это перешло и детям, статью уродившимся в отца и во многом сохранившим его привычки. Даже невысокий зять словно специально подыскался под их семью... Выплакавшись, Васильевна немного успокоилась, привычно заглянула в зеркало, словно за короткое время на улице могло что-то измениться. Ничего там, конечно, не изменилось: всё тот же распускающийся куст черемухи, полоска асфальта и угол здания, за который убегал тротуар... Меняются лишь времена года да одежда на людях, в зависимости от сезона.

Ремонт начали с кухни. Зять два дня настилал какой-то особенный пол, а старый линолеум отвёз в гараж. Хотя дочь и объяснила, как будет выглядеть кухня после ремонта, но Васильевне всё равно трудно было представить. Прежде-то, когда сама хозяйничала, каждый уголок знала, каждую занавесочку, а теперь вместо занавесок собрались жалюзи цеплять. Ей хотя и объяснили, что жалюзи — это полоски из лёгкого металла,

но как она ни пыталась представить — всё-таки в глазах стояли рогожи; и было ей не понять, как это можно на окна рогожи вешать?!

Но слушать её никто не захотел, а если она и высказывала свои замечания, то, соглашаясь, всё-таки делали по-своему. Как, например, просила буфет не выбрасывать, а всё равно выбросили — мол, места много занимает! А ведь какой был удобный: что ни убери — под руками не мешается. Нет, сделали по-своему: вместо буфета полок итальянских навешали. Дочь с кем по телефону ни поговорит — всем об этих полках рассказывает. Будто ничего на свете важнее нет. И ещё о решётках на окна: мол, надо бы поставить, а то — первый этаж, от греха подальше... А Васильевна как услышала о решётках, то вздрогнула: «Как в тюрьме теперь буду сидеть!»

После кухни начали ремонт в маленькой комнате. И там не обошлось без ревизии. Диван им не понравился! Мол, старомодный. Зато крепкий. Служил тридцать лет и ещё столько бы прослужил! Да разве они понимают. Им подавай современный, с американской обивкой, да раскладной — будто в комнате танцы устраивать собираются. А на вторую ночь их раскладной диван начал скрипеть на всю квартиру. А они и не замечают ничего. Будто так и надо. Или просто стыдно признаться, что ошиблись.

После ремонта в большой комнате, из которой, на счастье, ничего не выбросили, принялись за спальню, где обитала Васильевна.

— Вы хоть зеркало-то пожалейте, — попросила она дочь, когда зять начал выдергивать из стены крючки, на которых зеркало висело.

А Лена словно и не слышала, и ничего определенного не сказала, а словами «Всё нормально будет» показала нежелание прямо говорить о своих планах. «Бог с вами, — подумала Васильевна, — если уж мать родную слушать не хотите, тогда и говорить не о чем!» Теперь Васильевна более переживала не за дочь, а за зеркало, словно оно было живым существом. Досталось оно от старшей сестры, а той — в приданое было подарено матерью. Так что, считай, зеркалу лет семьдесят будет. А последние лет десять, как умерла сестра, оно висит у Васильевны — попросила у племянников на память. И не беда, что зеркало местами, особенно по краям, потускнело и завитка одного в резной раме не хватает. Главное — память сохранилась! Как подумает Васильевна, что к зеркалу руки матушки прикасались, то невольно слёзы на глазах проступают, хотя к старости она и без того не в меру слезливая стала. Иногда даже при дочери не сдержится, а та, как увидит слёзы, то сразу строго посмотрит и стукнет кулачком по тумбочке: «Перестань сейчас же!» Через силу, со вздохом, Васильевна послушается, да и как не слушаться, когда вся жизнь теперь зависит от неё. Иной раз рада бы каприз показать, а приходится молчать, слезьми умываться.

Хотела Васильевна повторить просьбу, но сразу не решилась, стала дожидаться лучшего момента. А он не подходил, даже вслед за зеркалом и её «турнули» из спальни, Васильевну же зять кое-как перевёз на одеяле в большую комнату, уложил на новое место и сказал, что это только на время ремонта. Внуку же достали из кладовки раскладушку и на ночь устанавливали в кухне. Так что, пока они делали в спальне ремонт, Васильевне пришлось глазеть в пустой потолок. Иногда, забывшись, она привычно поворачивалась к стенке, чтобы посмотреть в зеркало, но зеркала здесь не было, а без него — самое обидное — она не знала, что происходит на улице. Пока лежит здесь, и черемуха отцветёт, не увидишь

как. Черемуховый куст каждый год нещадно обламывали, но весной он всегда зацветал вновь и вновь. Ещё до ремонта на черёмухе обозначились зелёные кисточки будущих цветов, которые вскоре превратятся в белую кипень. Васильевна всю зиму ждала момента, чтобы полюбоваться этой благодатью, но теперь разве что увидишь. «Эх, к окну бы подойти, своими глазами посмотреть на мир Божий!..» — вздыхала она.

— Илюша, сынок, — попросила Васильевна внука, когда тот пришёл из школы. — Посмотри — не зацвела ли черёмушка?

— Нет, бабушка... Я только что мимо проходил.

— А кисточки-то, наверное, набухли?!

— Нет, бабушка, пока рано.

На какое-то время она успокоилась, а когда внук пообедал, попросила повторно:

— Принёс бы веточку — уж так хочется понюхать!

— Вот когда зацветёт — тогда большой букет принесу!

— Я бы пока и веточке порадовалась...

Её настойчивость внуку явно не понравилась, но просьбу всё-таки исполнил: прежде чем пойти гулять, вернулся в квартиру и отдал бабушке пахучую веточку, которую она потом держала в здоровой руке до самого вечера.

На следующий день внук сам предложил:

— Бабушка, ещё веточку хочешь?

— Спасибо, дорогой мой, вот когда черёмушка зацветёт, тогда и принесёшь, а сейчас посмотри, куда убрали моё зеркало! Может, в ванную поставили?

— Здесь нет! — посмотрев, крикнул внук.

— Тогда в маленькой комнате!

— Здесь тоже не видно...

— А за дверью?

— Я везде посмотрел — нигде нет... — развёл он руками.

Внук видел, что бабушка расстроилась, хотел успокоить её, но она попросила пить, словно не о чем было попросить.

— Поставь чашку на тумбочку и иди уроки делать, — сказала она, когда он принёс воды, — а то мама жаловалась, что ты плоховато стал учиться.

— Выдумывает! У меня только одна троечка в четверти, а она трагедию из этого делает! — фыркнул внук, неожиданно покраснел от обиды и всё-таки отправился делать уроки.

Васильевне в этот момент было самой до себя.

Она, как могла, крепилась, но слёз всё-таки от подступившей обиды не сдержала, потому что дочь не выполнила обещания — выбросила зеркало! Что ей стоило послушаться, ведь недолго осталось терпеть! От этой мысли с Васильевной что-то произошло... Она не поняла сразу, что именно, но когда тоска совсем одолела, догадалась, что не хочется жить... Впервые в жизни! От этого сделалось и вовсе плохо, не хотелось ничего ни видеть, ни слышать. Она словно окаменела.

Утро не принесло никакого облегчения. Ей надо бы самой поговорить с дочерью и зятем — развеяться, но тем не до неё. Они спешили в выходной закончить ремонт, а Васильевна постоянно мешала им, когда они что-нибудь передвигали или перетаскивали с места на место. Она это очень хорошо чувствовала.

На следующий день её перевезли на старое место. Спальня, конечно, покультурнее стала, обои весёлые, а настроения они всё равно не прибавили. Нет-нет да смотрела она на то место, где прежде висело зеркало, а его будто и не было никогда.

«Вот дождусь, когда черёмушка зацветёт, и помру!» — решила Васильевна. Она теперь не хотела говорить с дочерью и ни о чём просить её. Только по два-три раза на дню спрашивала у внука, не зацвела ли черёмуха, но тот всякий раз отнекивался, и Васильевна устала ждать. На третий или четвёртый день, когда ей всё окончательно надоело, внук неожиданно вернулся с букетом. Хотя черёмуха не полностью расцвела, но запах сразу наполнил квартиру.

— Вот и дождалась! — радостно сказал внук и поставил вазу с букетом у Васильевны в изголовье.

Васильевна вздрогнула от его слов, подумала, что пришла пора помирать, и ей захотелось побыть одной, чтобы вспомнить всю свою жизнь. Вспомнить, как, сперва попав из деревни под Шатуру на торфоразработки, приютилась в Москве, вспомнить, как наравне с мужиками горбатилась на железной дороге, как заработала ревматизм в моечном цехе... Это лишь перед пенсией выучилась на оператора газовой котельной, а так всегда на самых тяжёлых и грязных работах, и всегда недоедала, недосыпала — лишь бы были сыты и ухожены дети и муж... И вот не заметила, как жизнь пролетела: дети выросли, муж давно помер, и никому теперь, больная, стала не нужна.

Внук всё не уходил и не уходил, словно кто-то заставлял его торчать рядом.

— Как букет завянет — новый принесу! — пообещал он и добавил: — Скоро папа зеркало установит, тогда тебе опять станет хорошо!

— Какое ещё зеркало?! — переспросила она, будто ослышалась.

— Твоё... Оно сейчас у папы в гараже. В следующий выходной он новую завитушку сделает и свежим лаком раму покроет...

— Откуда ты знаешь-то?! — от неожиданности она вся задрожала и прослезилась.

— Он маме говорил...

Васильевна слабо потянула к себе внука, хотела сказать что-нибудь ласковое, но лишь сильнее заплакала, а тот не знал, что делать, и растерянно смотрел на бабушку, ничего не понимая.

НЕБЕСНЫЙ КОРАБЛИК

Солнце февраля, и знойкий ветер,
и слезит глаза нежданый свет!..

— Не звоните: Таня не ответит,
потому что Тани больше нет;

потому что песни улетели,
потому что мы осиротели...

Чёлкою смешной мелькнуло детство,
плеском волн, дорогою речной.
Целый мир вместило это сердце:
с громом вешним, зимней тишиной!

Целый мир уходит зыбкой ранью,
и не скажешь времени: «Продлись!»
Уплывает маленький кораблик
в ясную остуженную высь...

Роман Славацкий

Хранительница наша ушла... Дело не только в стихах, женственных, прозрачных, проникновенных, хотя это само по себе важно. Но ведь Татьяна Фёдоровна Башкирова бескорыстно брала на себя огромную часть черновой работы по альманаху... Десятки номеров были ею вычитаны, отредактированы, да и просто набраны в электронном виде! Бесконечное терпение, доброта к своим коллегам, сердечное тепло — разве можно всё это оценить и подсчитать? Это всё равно, что солнечный свет оценивать. Какой мерою измерить её знание классической и современной русской поэзии, безупречный поэтический вкус, умение деликатно подсказать начинающему правильный поэтический ход?

Закатилось наше солнышко... И всё, что осталось нам — перелистывать страницы лирических книг Татьяны, да вспоминать её милую тень...

Коллектив редакции

Инна Анатольевна Гофф (1928–1991), чью песню «Русское поле» Родион Щедрин назвал музыкальным символом Отчизны нашей, а Расул Гамзатов — лучшей песней о Родине, — была прежде всего мастером прозы. Она имела своего преданного читателя. Тонкие, виртуозно написанные вещи — характеры, судьбы людей, деревьев, документов... Её книги сразу раскупались. Чтение прозы Инны Гофф — это общение с остроумным, наблюдательным человеком, истинным художником. Ей хорошо работалось в Воскресенске — здесь она подолгу жила, тут родились многие её рассказы и песенные строки. Благодарные воскресенцы навсегда увековечили память о своей любимой писательнице. В 2007 году её именем здесь была названа улица, а на доме, принадлежащем её семье, установлена мемориальная доска.

Рассказ

РИСУНОК КАРАНДАШОМ

Мы сидим на веранде друг против друга. Ты — на табуретке, у стола, я — на дачном складном стуле у двери. Каждый день, в течение недели, ты говорила мне: «Мама, завтра я буду тебя рисовать».

Но всё у нас не получалось. И вот наконец мы сидим друг против друга. В руках у тебя картон с листом белой бумаги и карандаш.

Несколько секунд ты разглядываешь меня оценивающе, склонив голову к плечу, и говоришь строго: «Так и сиди. Ясно?»

Тебе четырнадцать лет. Ты мечтаешь стать художницей. Ты уже освоила гуашь, пастель и акварельные краски. В детстве ты любила жаркие, огненные тона — красный и жёлтый. Теперь ты рисуешь городские улицы, неясно мерцающие после дождя, вытянутые вечерние тени. Этим летом ты увлеклась рисунком с натуры. Тебе позируют твои летние подруги Зина, Маня и Люся, соседка тётя Феня, у которой мы берём молоко, плотник Гаврилов. Самое поразительное для меня, не умеющей рисовать, то, что тебе удаётся добиться сходства. Впрочем, я у тебя не получаюсь. Мы обе это знаем, но не теряем надежды. И вот, уже не в первый раз в это дождливое лето мы сидим на веранде друг против друга. Ты рисуешь. Ты взглядываешь на меня быстро и цепко и в то же время мягко. Ты как будто впервые видишь мои глаза, губы, нос...

— Мама, почему ты улыбаешься?
...руки, шею...

— Не верти головой. Сядь, как сидела!

Ты видишь и как бы не видишь меня в эти минуты. Ты видишь частности моего лица — брови, изгиб рта, подбородок.

Зато я вижу тебя сейчас отчётливо, как никогда. Длинные пальцы — такие пальцы принято называть музыкальными. Розовая лента в каштановых рыжеватых волосах развязалась и свисает с плеча. (Ты купалась, и мы связали ею волосы, чтобы не намочить их.) Тонкие подвижные брови. Уголки губ приподняты — ты оптимистка. Этим ты наверняка в меня.

Но в кого ты художница?

Ты отдаляешь лист бумаги от своих глаз, смотришь взыскательно.

— Ну что? — спрашиваю я. — Опять не получается?

— Не по-лу-ча-ется, — тянешь ты иронически, мне в тон, думая о своём.

— Надо уловить что-то главное, — советую я. — Ты должна уловить суть и передать её на бумаге...

— Вот нарисую три подбородка — это есть твоя суть!...

Ты, однако, не слишком почтительна к своей модели. Наверное, я должна обидеться. Но я смеюсь. Мы обе смеёмся. Я вообще не умею быть достаточно строгой матерью. А когда тебе удаётся меня рассмешить, я забываю о педагогике...

— Хороший фотограф умеет так снять человека, чтобы ничего лишнего не было.

— Сравнила! Фотограф и художник. Две противоположности. Фотограф всё скрадывает, а художник как раз всё выявляет...

Что ж, пожалуй, ты права.

И всё же мне хочется, чтобы ты уловила мою суть. В чём она? Я не знаю. Это должна постичь ты. Не сейчас — ты ещё слишком мала. Но пройдут годы, может быть, всего несколько лет, и ты поймёшь, что за каждой человеческой внешностью скрывается личность, индивидуальность, характер...

Ты опять погрузилась в работу. Твоё круглое совсем ещё детское лицо с точками веснушек на румяных щеках одухотворено. Как ты серьёзна и естественна в эти минуты! Каждый взгляд, когда ты поднимаешь глаза, — как вопрос. Как будто тебя окликнули в толпе...

С утра шёл дождь. Лишь теперь, к вечеру, поголубело небо, и солнце, яркое и чистое, косо озарило веранду и усыпанные спелой вишней деревья соседнего сада. Повевало ромашкой, свежескошенной травой, тёсом, что сложен у нас во дворе. Плотник Гаврилов делает ставни. Целый день он строгаёт тесовые доски, разложив их на столе для пинг-понга. Этот стол — тоже произведение Гаврилова, строгого старика с голубыми, глубоко посаженными, озабоченными глазами. Как-то я сказала ему, что по радио обещают дождь, — как бы тёс не намок. Он глянул в небо и сказал сердито:

— Кто намочит, тот и высушит!

Я побаиваюсь Гаврилова. А ты не побоялась. Усадила на складной дачный стул, на котором сижу сейчас я, и заставила сидеть полтора часа. «Перекур» явно затянулся. Старик сидел в неудобной позе, глубоко проваливаясь на матерчатом стуле. Сидел неподвижно, почти не мигая.

— Вам, наверно, некогда, — сказала я старику. Мне было неловко. — Вам работать нужно...

— Ничего, — ответил он, оставаясь неподвижным и едва шевеля губами. — Ей тоже нужно. Пусть рисует...

Потом он долго рассматривал свой портрет — морщинистое лицо, впалые щёки, выдавшийся вперёд зуб, прикусивший нижнюю губу, глубоко посаженные озабоченные глаза.

— Похож, — заключил он.

Соседка, тётя Феня, осталась менее довольна.

Она вся извертелась, пока ты рисовала её. Только и слышалось:

— Галь, скоро там? Малинка с Нежкой у меня не кормлены. Да и за сеном иттить надо.

Ты нарисовала её, сидящую на ящике, с ногами, не достающими до земли, с серпом на плече. За серпом тётя Феня специально домой бегала.

— Чтой-то много морщин ты мне накидала, — сказала она, разглядывая своё изображение. — Вроде с утра помоложе была, как в зеркалу смотрелась...

Из твоих подруг самая терпеливая — Зина. У нас накопилось множество рисунков. Зина с теннисной ракеткой в руке, в венке из ромашек. Зина на перилах крыльца...Зина позирует безропотно, и я удивляюсь, откуда столько выдержки у этой девчонки, занявшей первое место среди школьниц района по прыжкам в высоту? Что заставляет её сидеть неподвижно несколько часов кряду? Любопытство? Или тщеславное желание увидеть себя на бумаге? Или это уже то самое женское терпение, о котором сложено столько песен?

Я слезу за твоими руками. Уверенные движения карандаша. Пусть я пока у тебя не получаюсь. Но это само по себе так прекрасно — сидеть напротив тебя на веранде, залитой вечерним солнцем, смотреть, как ты работаешь и как блестят твои глаза с расширенными от напряжения, тёмными, как вишня, зрачками. И эта растрёпанная коса, и розовая лента, свисающая с плеча...Мы видим друг друга каждый день. Но как редко мы видим друг друга.

— Ещё немножко, — говоришь ты и смотришь на меня. Потом — на свой лист, скрытый от меня картоном.

— Это, конечно, не ты...А может быть, и ты. Нет, не ты...Сама виновата! У тебя выражение лица всё время меняется.

Девочки, твои подружки, заждались тебя. Они столпились у калитки и делают тебе знаки. Мы разглядываем рисунок. Конечно, это не я. Но что-то угадывается. Наверное, не больше, чем в портрете преступника, выполненном на основании показаний свидетелей.

Я говорю это вслух, чтобы развеселить тебя. Но ты не смеёшься. И не спешишь бежать к девочкам. Чувство неудовлетворённости, недовольства собой уже знакомо тебе.

— Ничего, — утешаю я, — в другой раз получится. А сейчас иди, тебя ждут.

Ты уходишь. И вскоре я уже слышу твой смех и голос, перекрывающий голоса подруг. Как далеко разносятся звуки в чистом холодном воздухе. Солнце спряталось, но малиновый отсвет лежит на высоких, северных на вид облачках.

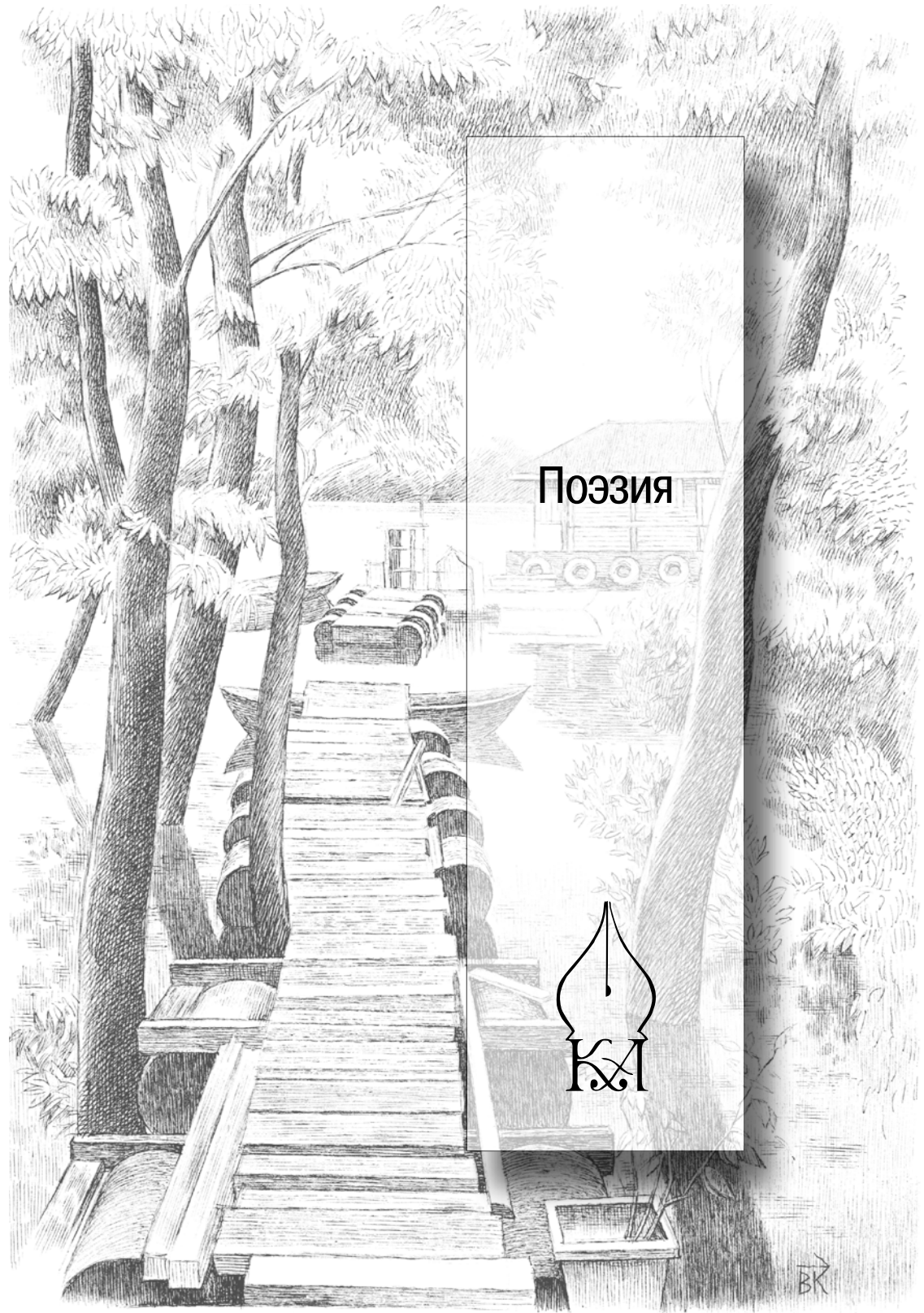
...А потом они вырастают, дети. И, взрослея, отрываясь от нас, матерей, постигают нас уже не в частностях, а в целом. И девятнадцатилетний Тулуз-Лотрек пишет в золотисто-голубой гамме портрет матери за утренним завтраком. Её опущенные веки скрывают глаза, полные вечной тревоги за калеку-сына. Руки на краю стола, как две птицы, готовые вспорхнуть. Лёгкое белое платье. Лёгкое, как вздох, который вырвется сейчас из её груди.

Другой француз, Эдуард Мане, рисует суровую женщину с тонкими губами и задумчивым, углублённым в себя взглядом. Он видит свою мать такой, какой она будет, когда над головой сына разразится гроза. Спустя три года он выставит в Салоне картину «Завтрак на траве», и она, его мать, урождённая Эжени Фурнье, дочь соратника Наполеона, сумеет гордо перенести скандал и травлю.

А русский художник Филипп Малявин прославится портретом старой крестьянки. Лицо скрыто полумраком деревенской избы. Только по-матерински требовательно, строго светятся глаза...

...Я думаю о матерях, чьи портреты украшают картинные галереи и выставки. О матерях, увиденных глазами своих детей. Я знаю: у каждой из них запечатлелся в памяти ответный портрет — образ сына в минуту вдохновения. И этот запечатлённый портрет остался у каждой в сердце.

А у меня осталась наша веранда, озарённая вечерним солнцем, розовая лента, свисающая с твоего плеча, и этот твой взгляд — как будто тебя окликнули в толпе...

Поэзия

Графика Василины Королёвой

Роман Вадимович Славацкий (р. 1957). Поэт, прозаик, переводчик, сонетолог, церковный историк и краевед. В Союзе писателей РФ с 1999 г. Автор двух десятков поэтических книг, опубликованных отдельными изданиями или в антологиях, а также повестей, рассказов и множества исторических и литературоведческих очерков. Зам. гл. редактора «Коломенского альманаха», зав. отделом газеты «Благовестник», один из ведущих портала «Коломенский текст». Участник Международного научно-творческого семинара «Школа сонета». Лауреат нескольких поэтических конкурсов. Удостоен многих церковных, светских и литературных наград. Публикуемый цикл стихов посвящён Коломенскому кремлю, Воскресенскому храму и его древнему подземелью-крипте.

КРИПТА

ВОСКРЕСЕНИЕ

Светлей и нежнее лебяжьей стаи,
белей лепестков флорентийских лилий,
пернатый храм над землёй взлетает,
слегка пахнув итальянской пылью.

И это — Коломны старинный символ:
седой ковчег посреди России!

В подножии церкви белеет Крипта.
И Крипта грезит, и Крипте снится:
стальной шкатулки тугие скрипы,
и вязью украшенные страницы..

Я эти сокровища вновь открою,
сакральную тайнопись разбирая,
за светлой коломенской горою,
за каменной сказкой земного рая!

АНАТОЛИЮ КУЛАГИНУ

В пыли Коломны (спрятанная Тайна!)
горит колючей искрой изумруд...
Лишь тронь его — сверкнут из тучных груд
седых видений сказочные стаи.

Найди, страницы тёмные лися,
сокрытый смысл, затепли дымный трут,
и пусть огни — пути цветные вьют,
над картою секретною витая.

Следи в тиши за гранями смарагда! —
и Время развернёт соцветья радуг:
сонеты, где прекрасен каждый гран!

Так древней церкви каменная Крипта
хранит реченья Рима и Египта
и отзвуки иных, неожиданных стран!

РЕКА

К чему сказал великий Гераклит
о волнах, что мгновенно протекли?

Я чувствую, войдя под эти своды,
в подземный царский каменный Подклет,
как движутся опять былые воды
давно истекших выстуженных лет.

Я вижу вновь узорчатые тропы,
сокрытые в тумане до поры:
азиатский блеск, сокровища Европы,
монеты, геммы, кубки и ковры...

Я знаю, как в потоке неуклонном
рукой песок просеять золотой
и клад собрать в акрополе Коломны,
окованном нетленной Красотой!

ТАЙНА ФАРФОРА

художнику Василию Хрулёву

И светлая весенняя долина,
и тёмный и высокий хвойный бор,
и древний кремль, и храмы, и Собор,
и тропка, что уходит нитью длинной —

всё это прочно связано в узор —
загадочный, прозрачный и глубинный,
и замкнуто блестящей белой глиной
в сияющий коломенский фарфор.

И целый мир захвачен тонкой кистью
и высвечен евангельскою высью!..
И, кажется, вовеки не понять,

каким искусством и какою силой
всю эту красоту в себя вместила
жемчужная фарфоровая гладь!

ПОДВАЛ «ЛИГИ»

Михаилу, Елене

Кирпичная броня кремлёвского Подвала
тяжёлым кораблём вмерзает в зыбкий лёд...
И чудится ковчег — мифическим нарвалом,
прилётшим на прикол в плену морозных вод.

И сцена чёрная парит над брэнной бездной,
и строфы кружатся вдоль палубы железной...

— Пропой нам, капитан, напевы путешествий,
сметая пену рифм с невидимых ветрил,
когда седой Декабрь лихим привычным жестом
прозрачное вино с ухмылкой открыл.

И ноты к нам летят из греческого плена,
неся в подземный рай совсем иную жизнь...
Припомни, старина! — «Когда бы не Елена,
что Троя вам одна, ахейские мужи?»

ЕЛЕНЕ МЕЩЕРЯКОВОЙ

Зима и ночь... Морозная Коломна —
летят по небу звёздные олени!
Звучит напев вечерний — но о ком он?
конечно же, конечно — о Елене!

Созвездия несут святые сети
сплетеньями мгновений и столетий...

Вода в реке застыла, точно камень,
мороз сметает пыль с небесных полок,
и светит ночь цветными огоньками,
рождественскою хвоей свежих ёлок.

Ещё не слышно праздничного гама,
волхвы идут в Коломну ближе к ночи...
...И чудятся морозной телеграммой
четырнадцать чудных вечерних строчек.

КИРСАНОВУ

Бокал хрустальный — сказочный декабрь,
сверкает новогодним хулиганством,
как будто бы космический корабль
летит, шаля, в межзвёздное пространство.

Шампанской пробкой — бух в ночную тьму,
и весело, негоднику, ему!

И славно, что в Коломне есть пиит,
заведующий этой звёздной ширью,
и кроется его сердечный ритм
в извечном быстром пульсе: физик — лирик!

Евгений! Сердце зимнее согрей,
пускай горит бокал хрустальной резью
и эти семь десятков декабрей
связуются в алмазное созвездье!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Ветер неистовый, шестикрылый,
ангельским хором поёт о Прошлом!
Здесь — колоссальное Место Силы —
в сердце кремля, — где Собор и Площадь;

где собирались вожди и стражи —
свергнуть несметные орды вражьи...

Ну а на север, в тени крылатой,
княжеской церкви белеют стены;
кажется храм, облачённый в латы,
светлою раковиной священной.

Что там сокрыто в его затворе,
сердце тревожа неведомой вестью?
Это шумит вековое море
греческой песнью: «Христос Анести!»

ТАЙНАЯ

отцу Илье Лукьянову

Под спуд уводит скрытая тропа,
и видишь от закопанного входа:
четыре белокаменных столпа,
натруженные мышцы грузных сводов.

Их мощью в глубине затаены
забытые пророческие сны...

Напоенные древней полутьмой,
такие же тяжёлые, как прежде,
полны они молитвою немой
и светлый верхний Храм в ладони держат.

«Христос Воскресе!» — плещет вышина,
и гимны вьются в небе, точно стая!
...А здесь, внизу, в себя погружена,
в кувуклии веков — томится ТАЙНА...

МИХАИЛУ МЕЩЕРЯКОВУ

Взгляни на Город с южной стороны —
рассветом грезит дремлющая крепость,
и звонницы в зенит вознесены:
там — Богослов, здесь — Троица-на-Репне...

Стоят, не скрипнут каменные скрепы,
молчания и памяти полны...
Но как вместить небесный этот слепок,
и где цена для этой тишины?

Кому измерить Времени приметы?
И только сердце вещее поэта
соединит мгновенья и века!

Поёт оно потайною струною
о том, что стало памятью земною
и том, что лишь провидится пока...

НИСОНУ ВАТНИКУ

Как свиток, что свивает письма,
украшен позолоченною пломбой,
в тысячелетний плен погружена
укутанная сумраком Коломна.

И кто прочтёт мудрёный рок её
и строчек потаённое шитьё?

Но есть и в нашем веке человек,
волшебным вдохновением пронизан,
что Время постигает, бранный бег
смирив увеличительную линзой.

...Узорных буквиц свёрнутый оплот
не каждому откроет клад сокрытый...
Коломна видит сны... Коломна ждёт,
когда он расшифрует этот свиток!

НАДЕЖДЕ ЛИСОГОРСКОЙ

Твои стихи — весенние приметы,
хрустальный звон — гранёное стекло!
И Город пробуждается, согретый
твоим благословеньем и теплом.

Как жемчуг — россыпь, собранная горсткой,
легли стихи Надежды Лисогорской!

Москвичка, полонённая Коломной,
любимая коломенка Москвы!
В твоих стихах — созвучий перезвоны
напевнее, чем вешний шум листвы,

внезапны, как любовь за школьной партой,
весною пробуждённый снежный сквер,
как первая капель — улыбка марта, —
и трогательный пух пасхальных верб!

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Евгению Ломако

Где старой Башни древняя корона
топорщится узорами шатра,
в бойнице пляшет серая ворона —
что триста лет назад, что и вчера,

И, как ни погляди, — она всё та же,
и что-нибудь, наверное, расскажет.

О чём рассказ? Да вот — об этих стенах,
о битвах, и о кладах потайных,
о наших судьбах — ярких и мгновенных,
о призраках нездешней тишины.

Здесь каждый храм сединами украшен
и сказками нагружен каждый дом...
Летит ворона возле старых башен
и чертит высь потерянными пером!

ВЛАДУ ТАТАРИНОВУ

Дышит дождь итальянской сыростью,
кот мурлыкает на крыльце...

А Коломна считает ирисы
у Венеции на венце;

спит вода на Большом канале:
вещий перстень дошёл до дна ли?

Но Россия глядит в Италию,
словно в зеркало напоказ,
и сияет прекрасная сталь её
синим отсветом нежных глаз.

И колеблется тенью летнею
заколдованное стекло;
а картины цветут букетами,
и струится от них тепло.

15 ОКТЯБРЯ

Седой воздух для праздника Покрова —
осенней кисей застыл туман...

И лёгкою листвой слетает слово
на белый лист летучего письма;

и тишь такая в Лермонтовском дне...
Но, право же, мне дорог он — вдвойне.

Два имени сошлись под небесами,
два имени ведут мои пути,
отмечены воздушными весами
в жемчужной и сверкающей сети.

Какие тайны в имени сокрыты,
в небесной карте видные едва!
И вот — для Ольги и для Маргариты —
моих стихов собирается листва!

МИХАИЛУ ПРОХОРОВУ

В музейном деле есть особый шарм
среди витрин, устроенных со вкусом!
Ты слышишь? За спиной — шуршащий шаг:
столетний шелест призрачных экскурсий;

они сюда тебе прийти велят,
где кроется древнейший храм кремля...

Где память беспокойная хранит
войны и Смуты жуткое ненастье,
и скрытую казну секретных книг,
и Тайный ход, и вещей Пояс Власти!

Я хаживал подземною тропой,
но клада не нашёл, увы, дружище!..
...А нынче, Миша, дело за тобой —
и ты пройдёшь, и ты его отыщешь!

ПОБЕРЕЖЬЕ

Виктору Мельникову

Вечером в тиши — просторней зори
и прибой слышнее... И ясней
видишь, как волной выносит море
россыпи обточенных камней.

Двигается прибоя труд упорный,
неводом веков собирая дни,
он шлифует каменные зёрна:
кварц и мрамор, яшму и гранит...

И звучат народы и столетья
в этом драгоценном многоцветье.

Словно чётки — прожитые годы...
И теперь они всегда с тобой:
города и страны, и народы,
и бессмертной памяти прибой!

ЛАРИСЕ МОРОЗОВОЙ

*Таинственной невестречи
Пустынны торжества...
Ахматова*

Девичья чёлка, сумрачные брови
и юных уст нездешняя печаль...
В очах полурёбёнка тайно бродит
вино веков; надломлена печать.

И смутных чувств невысказанный голод
смешался с грудой призрачных руин,
и Звонницы беззвучные глаголы
пронзают воздух каменных равнин...

А эти пальцы чуткие — сумели
открыть парчу в ковчегах подземелий!

Краснеют стены кровью человечьей,
на кровле храмов зыбится бурьян...
Вино веков! Вино моей невестречи,
которою мой дух — доселе пьян!..

104

МЕЛЬНИКОВУ

Окованный сундук всё грезит — но о чём бы?
И что в том сундуке? — попробуй-ка узнай!
За книжною казною купеческой Коломны
охотятся не зря — но заперта казна.

И только в октябре, когда откроют крышку,
все кинутся смотреть, крича, как ребятишки.

А там — такой товар! За лето накопились
ковры цветных картин, набросаны пестро,
и грудями словес на тайном дне застыли
и золото стиха, и прозы серебро!

...В усадьбе в тишине мурлычет кот учёный,
русалки на ветвях зевают поутру;
но лучше не входить! — дозор несёт Семёныч,
с берданкой на плече гуляя по двору.

ПАВЛУ ЗЕЛЕНЕЦКОМУ

Октябрь... И над старинными стенами
распахнуты края небесных створ.
Горит и вьётся каменное пламя,
высвечивая осени простор.

Но Города безмолвный разговор
заговорён волшебными холстами,
и ярких красок сказочный узор
просторной рощей зыбится пред нами.

И в этой роще праздничной, как в храме,
таится подчинённый строгой раме
весенний гул и шепчется родник.

И эти камни, храмины и стены
сверкают, словно образ драгоценный —
как смальта цареградских мозаик!

СЕРГЕЮ ПРОХОРОВУ

Пора итожить! Жатва этих дней
зерном и золотом собрана в подклети.
Полна копилка жизни, точно в ней
не шесть десятков лет, а шесть столетий.

Так что ж? Прими сердечные приветы,
звенящие коломенским сонетом!

Пришёл октябрь с холодной стороны
и снова дышит свежестью осенней;
а в памяти: «преданья старины»,
Пильняк и Достоевский, и Есенин...

Пришёл октябрь, и как ты ни божись,
от правды этой — никуда не деться.
Но что такое, друг мой, наша жизнь?
Всего лишь тексты. Да, всего лишь — Тексты.

КНИГИ КРИПТЫ

Александр Манушкину

Так свеж и белоснежен камень стен,
что боязно ладонью прикасаться...
И веет в этой светлой высоте
весёлое дыханье Ренессанса.

Но сложенный из выточенных плит
Подвал закрытый — призраки таит...

Чьи книги укрывала эта мгла?
Кто выстроил в тиши, в забвенном веке,
тот миф, что запечатала смола,
что выкрали из Рима «наши» греки?

Дружище, ты Судьбины не избеж!
И жребий твой, покуда бьётся сердце,
страницы книг укладывать в ковчег,
как велено Венето и Фиренцей!

106

РОМАН СЛАВАЦКИЙ

ВСПОМИНАЯ ГОРАЦИЯ

Я постигаю прах, становлюсь стихами —
есть ли на свете прекраснее умиранье?
Значит, нетленный дух не уйдёт, вздыхая,
будет листвою книг трепетать «за гранью».

Стоит ли, право, по мелочи придираяться?
Как там однажды грянул старик Гораций?

Помнится, в Книге третьей, в Тридцатой оде,
что мы в застолье цитировали, пируя,
как похвалялся Флакк при честном народе,
с гордостью говоря: мол, «не весь умру я!»

Квинт это, надо признаться, заметил к делу,
в царственной зале, где Август сидел на троне.
...Вспомнил об этом, бродя у абсиды белой,
там, где, надеюсь, однажды меня схоронят.

ПРАЗДНИК

Жемчужиной, неведомою смерти,
плывёт святая раковина храма.
Высокою бронёй белеет церковь,
пучинам неподвластная упрямым.

Увитая нарядною резьбою,
царит она над пенистым прибором.

Шумят, струятся годы и столетья,
но вновь и вновь из этой светлой лодьи
Апостолы закидывают сети
и душ людских жемчужины находят.

И снова ливни строк трепещут вязью
на высветленной глади манускрипта.
И вновь шумит волной Пасхальный Праздник
и мрамором белеет наша КРИПТА!

Коломна, 2020
Светлая Четыредесятница

ВОЛЯ И ТРУД Памяти Евгения Гринина

В этих двух словах — ключ к разгадке личности художника Гринина. Воля к самосовершенствованию и труд, позволяющий добиться этого совершенства. Именно упорство позволяло ему подниматься со ступени на ступень мастерства, с каждым шагом осваивая новую технику, новый жанр, новый стиль. Он прекрасно владел пейзажем, писал портреты, освоил монументальную живопись и даже книжную графику. Знаменитый его пейзаж — вид с «Блюдечка» на Бобреновское поле. Поздний вечер, тёмная синь, и в этой тьме — звёзды, и одна из них горит особенно ярко... Об этом — стихи Романа Славацкого:

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА ГРИНИНА

Бренный бобреновский берег —
глянешь — теряется взгляд...
Вестник нежданной потери
мчит над руиной кремля.

Зябкая поздняя осень...
Тьма високосная косит
ближних, друзей и родных.

Сердце и колет, и ноет...
Тех, кто порою чумною
умерли — вспомним о них!

Женя, ты слышишь ли? Гринин,
где ты? Ушёл навсегда...
В тёмной коломенской стыни
новая жжётся звезда.

Вспоминается и другая картина — огромная пастель: «Брусенский монастырь», изображённый яркими, пылающими красками. Эту композицию мы опубликовали в «Коломенском альманахе». Вообще пастель — камерный жанр, но Евгений создавал в этой технике монументальные полотна. Он расписывал и коломенские храмы — в строгом «васнецовском» стиле.

Для альманаха он сделал много; помогал в отборе иллюстраций, рисовал заставки. Графический повтор знаменитой «Батыевой печати» — его работа, помещённая на корешке ежегодника.

В последнее время Гринин тяжело болел, но никому из друзей не говорил об этом. Считал ненужным «грузить» близких своими проблемами. Уже в одном этом проявляется его мужество. Недаром любимой его музыкой была известная казачья песня, полная героики и трагического смирения.

«Не для меня придёт весна...»

Да, будут новая весна и новая Пасха, но встречать их нам придётся уже без Евгения...

Помолимся о нём!

Коллектив редакции

Владимир Костров

Владимир Андреевич Костров — русский поэт определённого лада и склада. В Союз писателей СССР был принят без напечатанной книги — так случилось крайне редко.

Он никогда не был людным и шумным, никогда не гнался за поверхностными приметами современности, не нуждался в рекламе. Владимир Костров, начавший печататься в шестидесятые, постепенно, шаг за шагом, утверждал своё мировидение, работал неспешно, вдумчиво и основательно. И — победил...

Живая и здоровая поэзия Кострова — одно из тому доказательств, свидетельств и подтверждений.

Владимир Андреевич много раз выступал со своими стихами в Коломне.

НЕ ОСУЖДАЙТЕ БЕДНОГО ПОЭТА

Я ОТТУДА

Я оттуда, я оттуда,
где живой родник — не чудо,
из уезда тихих красок,
стороны лесов и сказок,
где частушки,
где припевки,
полушалки на плечах
и плывут под ними девки,
словно в солнечных лучах.
Я оттуда, я оттуда,
где и весело, и трудно...
Вид у рук моих не сдобен —
да, жестка моя ладонь,
из гармоний
и из домен
высекавшая огонь.
Только мне о том едва ли
разрешат тужить поля:
руки нежность отдавали,
чтоб цвела моя земля!

Ждут меня и Марс,
и полюс...
Ну, а глянет смерть в лицо —
и в земле не успокоюсь,
вырвусь юным деревцом.
Потому что
я оттуда,
где родник — живое чудо —
бьётся, словно пульс России,
сильно-сильно...
Сильно-сильно!

* * *

Выходец из волости лесистой,
бражник, сочинитель, остролов,
в глубине истории российской
жил Ермил Иванович Костров.
В переводах был
весьма исправен,
пил вино, работал не спеша.
О Кострове Пушкин и Державин
говорили: «Добрая душа».
Годы шли
уже двадцатым веком,
о любви, а не о пустяках
вновь с Костровым,
добрым человеком,
Маяковский говорил в стихах.
Буду жить
с такой фамилией древней,
не употреблю её во зло.
Классиков высокое доверье
на мою фамилию снизошло.
Чем за то доверье отплачу им?
Впрочем, перспективы не плохи.
Вознесенский, Храмов, Феликс Чуев
посвящали мне свои стихи.
Может быть, хоть этим буду славен
на просторах матушки-Руси.
Я — Костров.
А кто из них Державин
или Пушкин, Боже упаси?!

* * *

Две берёзы над жёлтою нивой,
Три иконы на чёрной стене.
Я родился в земле несчастливой,
В заветлужской лесной стороне.

Деревянная зыбка скрипела,
Кот зелёно сверкал со скамьи,
Белой вьюгою бабушка пела
Журавлиные песни свои.

Отгорит золотая полова,
Дни растают в полуночной мгле.
Ничего слаще хлеба ржаного
Не едал я потом на земле.

Ухожу под другое начальство,
Только буду жалеть о былом.
Слаще горького русского счастья
Ничего нет на шаре земном.

* * *

Люблю седую головой
Упасть на молодое сено
И слушать ветер полевой,
И понимать, что солнце село.
Пусть в старой вербе на пруду
Вновь засвистит певец безвестный.
Я успокоился и жду,
Пока погаснет свет небесный.
Природы милой благодать —
Моя последняя отрада.
Душа, уставшая желать —
Ей ни о чём жалеть не надо.
О, дольше, дольше не гори
Небес широких край восточный,
Спи и судьбу благодари
За этот сладкий час полночный.

* * *

Постарели две мои собаки,
погрустнели,
Мордочки, весёлые недавно,
побелели.

Уж не мчаться прямо,
ходят боком,
поводки не тянут.
Видно скоро пред собачьим богом,
Милые, предстанут.
Да и для меня собачья старость —
горькое предвестье.
Высоко горит в вечернем небе
Гончих Псов созвездье.
Грустно одному в пустой квартире —
Лишь часов пугающая мерность.
Слишком коротки в бездонном мире
И любовь, и верность.

Буду помнить, как они резвились,
хвостики виляли.
В этой жизни только две собаки
мне не изменяли.

* * *

Я лежу у костра на рассвете
Под копной над певучим ручьём.
Я сегодня свободен, как ветер,
Как крестьянские дети в ночном.

Сigaretная пачка в кармане,
На канадке развязанный жгут.
Недалёкие кони в тумане
Деревенскую травку стригут.

Хорошо из московского круга
Погрузиться в мерцающий свет.
Почему-то мне Бежина Луга
Вспоминается дивный сюжет.

Почему-то, как дождик по крыше,
Месяц ягоды сыплет в ведро,
Почему-то в далёком Париже
Роковая поёт Виардо.

Почему-то тепло под рубахой,
Почему-то тепло на уме,
Почему-то Тургенев с собакой
Из тумана выходят ко мне...

КОНИ РУССКИЕ

Хватит в тёплом дремать овине —
Просыпайся, ящик удалой.
Вновь грызутся на луговине
Красный, белый и вороной.
Губы в пене, грозят глазами,
Чёрный скалится на врага,
Красный мечется, словно пламя,
Белый бесится, как пурга.
У обрыва, над самой бездной
Гривы на руки намотай,
Укrotи их уздой железной,
Крепкой сбруею обратай.
И гони их под свист и клики
К звёздам в маревом далеке,
Встав, огромный, как Пётр Великий,
На грохочущем облучке.
Чтобы брат побратался с братом,
Чтоб Россия была крепка,
Чтоб Царь-колокол плыл набатом
Под дугой у коренника.

* * *

Едва луна печально озарила
Ряды холмов в туманном далеке,
Моя душа опять заговорила
На неземном, но внятном языке

О том, чего слова не обозначат,
О том, что не случилось до сих пор.
Ах, лунный свет, он так поёт и плачет,
Как в старой церкви тихий детский хор.

Идёт в прилив ликующая сила
По клеверам и стеблям чабреца.
И рыжая колхозная кобыла
Целует вороного жеребца.

Ах, лунный свет, врачующее зелье,
Магнит небес, трави меня, трави.
Ты для того сошёл на эту землю,
Чтоб я любил и плакал от любви.

МОСКОВСКИЙ ДВОРИК

Сварен суп...пора делить приварок...
...Весь заросший, чёрный, словно морж,
На скамейке возле иномарок,
Холодея, помирает бомж.
Над скамейкою стоит ужасный
Липкий запах грязи и мочи.
И взывать к кому-нибудь напрасно:
Потеряли жалость москвичи.
Телевизор учит выть по-волчьи —
Дикторы бесстрастны и ловки.
Диво ли, что злость в крови клокочет,
Отрастают когти и клыки?
Бомж хрипит от наркоты иль спьяну —
Холодна последняя кровать.
Неужель я оборотнем стану,
Чтобы слабых гнать, и глотки рвать,
И считать, что только в силе право,
Думать: что хочу, то ворочу?
Господа! Не надо строить храмы
И держать плакучую свечу.
Сварен суп. Пора делить приварок.
Падает, как саван, свежий снег.
Дворик спит. А возле иномарок
Умирает русский человек.

СТАРЫЙ СЮЖЕТ

Опять Подмоскowie красно от ранета.
Любимая,
Это кончается лето.
Для сердца — отрада,
для глаза — награда.
Пора увяданья,
пора листопада.
А ты, словно Ева на древней иконе,
и рдеет ранет на прозрачной ладони.
И нас не прогонят
из нашего сада.
Нас помнит и любит пора листопада.
Прощаясь, горит и ликует природа,
и сердце желает запретного плода.
И можно сгореть от любимого взгляда...
Такая хмельная пора листопада!
Мы встретились в мире какими судьбами?
Мы яблока вместе коснёмся губами.
Бессмертья не будет,
и рая не надо.
Гори, не сгорая, пора листопада!

* * *

Хорошего много едва ли...
Во Власихе после зимы,
я помню, как лихо пахали.
Не где-то,
не кто-то,
а мы.
В тревожной победной погоне
весною военной, сухой
мы с мамой стояли, как кони,
за древней разошедшей сохой.
Мы вовсе тогда не чудили,
ведь в белой июньской пыли,
когда мужики на войну уходили,
и лошади с ними ушли.
Я в упряжи той небогатой,
от голода еле живой,
ходил с сиротой конопатым
и рыжей солдатской вдовой.
Тянули мы все, задыхаясь...
Когда же загону конец?
И шёл коренным, спотыкаясь,
хромой деревенский кузнец.
Глазами печально водили
в жестоком, как память, бою.
И всё-таки мы победили,
беду победили свою.

РОЩА

Белопенный ликующий ливень
проливается, словно судьба.
Чёткость чистых классических линий
и листвы молодая резьба.
Надо жить и светлее, и проще,
над любой подняться бедой.
И прозрачна росистая роща,
как стакан с родниковой водой.
Предрассудки отбросив и моды,
холодок ощущая в груди,
ты к сосуду российской природы
пересохшей губой припади.
Этот воздух пьянящий глотая,
распрямя ссутуленность плеч,
вдруг почувствуешь ты,
как в гортани
зарождается чистая речь.

И по жилам ударит звеняще,
и в крови отразится вдвойне
чистый пламень любви настоящей
к солнцу,
к женщине,
к милой стране.

* * *

Теперь уж и на карте не найти
Названия любимой деревушки.
И мне осталось поле перейти
К заросшему погосту на опушке.
Мир принимает всё. Зло и добро,
Томимый ожидаемым спасеньем,
Зимою рассыпает серебро,
Чтоб любоваться золотом осенним.
Земная чаша выпита до дна.
Родного дома нету и в помине.
Лишь ветхая часовенка одна
Взывает к Богу, как Христос в пустыне.
Я прожил жизнь. Я людям не судья.
Осталось лишь печально улыбнуться.
Просить прощенья. Выйти из себя
И никогда обратно не вернуться.

* * *

Я выхожу из леса и...ни с места.
И страх, и боль не бережат меня.
В черёмуховом платье, как невеста,
Стоит деревня в жарком свете дня.
Так много света, радости и воли,
Так бьётся сердца перепел рябой,
Овсяное передо мною поле
Над песенкою речки голубой.
И солнышко на небе златооко,
И дышится привольно и легко.
И прошлое как будто недалёко.
И будущее так недалеко.
Не осуждайте бедного поэта,
Что он остановился на пути.
Жизнь прожита. Горит Господне лето.
Осталось только поле перейти.

Евгений Юрьевич Юшин родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужки. Школу и пединститут (историко-филологический факультет) закончил в Улан-Удэ. Трудился на коломенском домостроительном комбинате.

С 1978 года работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2014 год.

Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России.

ДАЙТЕ РОДИНОЙ НАДЫШАТЬСЯ

* * *

Сергею Никоненко

Я родился, как всякий русский,
За рекою, за лесом — там
Облака голубой капустой
Плавно катятся по волнам.

Там у нас пузыри в кадушках
И за плёсами, за мостом
Мечет солнце икру по кружкам,
Бьёт стерлядка косым хвостом.

Разойдись, расступись, столица!
В мире каждому ведом рай.
Дайте родиной насладиться,
Накружиться средь птичьих стай!

Там, за дальними небесами,
Где медведи пасут коров,
Я услышу хоры Рязани,
Словно гулкую в жилах кровь.

Что за песня? Пойду я следом
И прислышится невзначай:
Тихо бабушка шепчет деду:
— Люльку с мальчиком покачай.

Это я там проснулся, что ли?
И закружится потолок,
И застнет в копытах поле,
И в глаза полетит песок.

Эта скачка на смерть похожа.
Жжет десницу звезда полей.
И — ножом по ухмыльной роже —
Пляшет во поле Челубей.

Мы такое не раз видали:
Луч у ворона на крыле
И рязанские свищут дали
На ордынской дрожа стреле.

Русь! Пора за себя, за брата
Постоять, разогнать чертей!
Эко пашня твоя разъята!
Эко мутен стал твой ручей!

Я кричу! Я вздымаю руки,
Поднимаюсь на смертный бой!
...Дед спросонья качает люльку,
Шепчет бабушка: — Спи, родной.

Их любовь мне и рай, и лето.
Сердце бьётся ровней, теплей.
Так спасибо, Господь, за это,
На душе мне теперь светлей.

Вот идут косари туманом,
Растворяют себе простор.
И татарник по злым бурьянам
Мёртвый падает под бугор.

Время движет, снега несутся,
Рвут столетия, в прах круша.

Но не может душа проснуться,
Как не может уснуть душа.

В этом снеге француз и немец
Опочили в полях Руси.
Шепчет бабушка: — Спи, мой месяц.
От лихого тебя спаси.

Я люблю этот край подсвешный,
Где на взгорок через луга
На молебен рядком неспешным,
Как монахи, идут стога.

Я люблю эту дымку, заводь,
Золотое урчанье пчёл.
Грозной тучи ржаную память
Я по этим полям прочёл.

Но и в зиму, где зори в дрожи
Глухариную алят бровь,
Повторяю: спасибо, Боже,
За дарованную любовь.

* * *

У отца — голубы глаза.
У отца отдохнуть нельзя, —
Всё рассказы и всё расспросы.
А за окнами — лес стеной.
А за окнами — свет льняной.
И о детстве шумят берёзы.

А отец мне: — Ну как живём?!
Хорошо ещё, что жуём.
Кое-как огородом сыты.
Вот вернули в Россию Крым —
Это правильно. Победим!
А свои старики забыты.

Прогуляться пойду, взгрустнуть.
Память давняя стелет путь.
И луга под росой — белёсы.
Друг — уехал, другой — убит.
Звёздный рой надо мной гудит,
Волны катятся нетверёзо.

За оврагом туман обмяк.
Всё как прежде, но всё не так.
Школа — вот она — дверь забита.
Дом соседский пошёл на слом.
Туча тянется над селом.
Вилы ржавые у корыта.

Возвращаюсь домой скорей.
Но цепляет меня репей:
— Не спеши! Оглянись! Послушай!
Нет в селе уже ни огня.
Только ветер и тополя,
И над полем — родные души.

Нет в селе уже ни огня.
Смотрит Родина на меня
Из смородины, из рогоза.
Узнаёт меня, узнаёт,
Всё вопросы мне задаёт,
Окаянные всё вопросы.

Вот я в доме. Крадусь впотьмах.
Месяц — клювышком в тополях,
Дух черёмухи из потёмок.
Вот поднялся отец: — Приляг!
Ты скажи мне, сменили флаг...

Голосок половицы тонок...
Ходит старость на белых ногах,
Чуть покачиваясь спросонок.

* * *

Я оттуда, где ветры песками рябы,
Я — разбитый дождями просёлок.
Небеса — голубы, васильки — голубы,
И глаза голубы у девчонок.

Мама, мамочка! Лес под зарёю горит!
Я оттуда, из этого чада,
Где языческий идол в тумане зарыт
За калёной церковной оградой.

Всё смешалось: молитвы смиренных стогов,
Фейерверк петушиного крика
И мордовские скулы крутых облаков,
И по речке моей — ежевика.

Ежевика, малина... И там — над рекой,
Где пытит одинокая баржа,
Открываются сердцу простор и покой,
Древних звёзд неподкупная стража.

УРАГАН

Кусты — в узлы! Вонзает ливень пули
В берёзу, в крышу, хлещет по двери!
Во тьме шныряют молнии-ходули.
Стихия!!! Ничего не говори!

Молчи, ничтожный! Ты ещё не знаешь,
Гордынею объятый человек,
Что эти ураганы ты рождаешь,
Враждой и злобой засеваешь век.

Вот отчего природы потрясенье!
Кардиограммы молний — знак суда.
Молись, несчастный, о своём спасенье.
Господь — простит. Природа — никогда.

* * *

Смотрю на реку, как в окошко —
Берёзы в ней и облака.
Растянет ветер волн гармошку
И всё сотрёт наверняка.

Всё переменчиво, всё скоро.
Наземный век людской, как миг.
Вот солнце прилегло на горы,
А вот и кануло за них.

И потому ценю мгновенье:
На глади волн — листок луны,
Любимой шёпот откровенный,
В бородке моха — валуны,
Ручья серебряные трели,
По большаку спешащий МАЗ...

Заря припала на колени
И смертно молится о нас.

* * *

Я осень тихую приемлю
Без рваных северных ветров,
Когда листва летит на землю
И гонит к стойбищу коров.

Ну и какие в том печали?
Всему на свете свой черёд.
— До встречи! — птицы прокричали.
— До встречи! — выдохнул народ.

— Курлы!.. —
И что же в том такого?
Простор. И журавлиный свет.
И всё ж душа рождает слово
О всех, которых с нами нет.

Кто так же пели и любили,
Хранили Русь, страдали с ней
И вот однажды проводили
Своих последних журавлей.

Холмы пологие печальны.
Зарёй течёт небесный мёд.
И звёздный берег — дальний-дальний —
Молитву древнюю поёт.

* * *

Очень медленно надо идти,
Чтоб увидеть живущее рядом.
Дремлет шмель у цветка на груди,
Строят дом муравьи у ограды.

Если вдруг побежишь —
промелькнут
Очи милой и яблоки сада.
Мимо сердца дожди упадут,
Мимо сердца — любовь и утраты.

И ничто не затеплит груди:
Мамин взгляд, журавли над Отчиной,
Друг желанный, погост на пути...
Словно ты и не встретился с жизнью.

* * *

Вот оно — тёплое, захолустное...
Тихие блики ночных огней,
Лунные росы, грядки капустные,
Пьяные гривы ночных коней.

Как мы скакали — бесстрашно, радостно!
И не унять молодецкий пыл!
Тёплые гнёзда свивали аисты,
Множились холмья родных могил.

Жизнь моя, что же ты так обманчива?!
Радость и горе бок о бок трут.
Словно десантники, одуванчики
Белой пургой над землёй плывут.

Как я люблю тебя, жизнь, за радости!
Но и за боли ты снишься мне
Белым туманом, росой, аистом,
Тёплой слезой на моём окне.

* * *

Давай уедем, дорогая,
С тобою в Клепики весною.
Закат, смиренно догорая,
Луну повесит над сосною.

Давай уедем ранним летом
На соловьиные разливы!
На спицах солнечных карета
Примнёт разгульную крапиву.

Давай уедем!
Будет осень
Хвалиться ягодой туманной.
Пойдут деревья, словно лоси,
Брусничной красною поляной.

А, может быть, махнём зимою...
— Любимый, я всегда с тобою.

КОШКА

У студёной дороги — кочка.
Пригляделся, а это — кошка.
Поднялась и бежит за мной.
Пахнет осень сырой землёй.

«Чья, ты, рыжая? Что пристала?»
А глаза её — два кристалла —
Точат острый звериный яд —
Непонятный, стеклянный взгляд.

Дверь скрипуча — давно без смазки.
«Заходи, коль пришла».
С опаской
Всё же входит в жилище к нам,
Озираясь по сторонам.

Поворачивает ушами.
Пахнут лапы её мышами,
И пропахла полыньёю шерсть.
Успокоилась, можно сесть.

Вот и снится ей дядя Ваня,
Мужики в пузырях у бани,
Запах веника и огня,
Одуванчики у плетня.

Но уехали — и забыли,
И осели клубища пыли,
И осталась она одна
Кошка рыжая, как луна.

Снится ей воробей на ветке,
Василька огонёчек меткий.
И подсолнух тепло лучит.
Улыбнулась — урчит, урчит...

* * *

А день-то убывает, убывает.
И нас с тобою тихо убывает,
Секундами, минутами пыля
На дрёмные у дома тополя.

И под окном вот этот щебет птичий,
Восторг зари туманный и клубничный —
Всё оплывает воском ровных дней,
Заречной дымкой, ржанием коней.

И каждому — всегда одна дорога
От золотого отчего порога —
До серого и старого крыльца,
Где нет уже ни мамы, ни отца.

Лишь этот щебет — заревой и чистый...
Я тоже чист, как этот лист лучистый,
Как эта заводь и луга в стогах,
Как это небо в белых пирогах!

Ах, даль родная! Где б судьбу ни ладил,
Где б ни ходил, — всегда вослед нам глядя,
Подстегиваешь нас идти стройней.
Туман заречный... Ржание коней...

* * *

Дождик травинку клюнул, дорогу,
Остановился у дальних оград.
Сердцу сегодня надо не много —
Пусть говорят они, пусть говорят
Эти утиные, эти кубышные,
Заводи, плёсы, угрюмый камыш.
Тихие-тихие, рыжие-рыжие
Падают листья в озёрную тишь.
Лодка плеснула веслом — и отчала.
Серой куделью — над банькой дымок.
Вот и плыву я, плыву на проталинку,
На одинокий во тьме огонёк.

* * *

С понедельника до четверга
На Россию падают снега.

Телевизор шуруется в углу,
Тычет бабка ниточку в иглу,
Затекает вьюга песню петь.
Терпеливо дед латает сеть.

С понедельника до четверга
Нарастают шапки на стога.

От мороза вскрипывает дом.
Проверяю узелок ногтём.
Будут снасти к лету, будет лещ.
С вьюгой разговаривает печь.

Снег плетёт гнездо под фонарём.
Снег плетёт, и мы своё плетём.

* * *

Метель! Разгульная свобода!
Со свистом бьют её кнуты!
Кремль взнуздает и народы —
Рычит, рябит до слепоты!

И рушит стрелы, и смеётся,
За ратью выставляя рать.
Спаси, Господь, кому придётся
Стихию русскую познать!
Но всё прошло, утомилось,
И стало чисто и светло.
Хвостом павлиньим ночь раскрылась —
По уши снегу намело!

В сугроб зарылся наш УАЗик,
Но нет досады — только смех.
И над землёй взлетает праздник,
Когда разбрасываем снег.

И так пустынно, одиноко.
Глаза пощипывает пот.
И только свет родимых окон
Вдали мерцает и зовёт.

* * *

Зацвела клубника на рассвете.
Только поздно — рвёт осенний ветер
Жаркую берёзовую прядь.
Всё должно быть вовремя на свете.
Если опоздаешь — не догнать.

Замычит пустой простор над весью,
Загуляет дождевая плеть.
Если на потом оставить песню,
Можно никогда её не спеть.

Но ненастье стихло понемногу,
Улеглась небесная мука.
Зеркала легли по всей дороге —
Только небо в них и облака.

У корыта во дворе соседа
Жмётся поздний выводок утят.
Всё должно быть вовремя на свете.
Птицы знают это — и летят.

126

ЕВГЕНИЙ ЮШИН

* * *

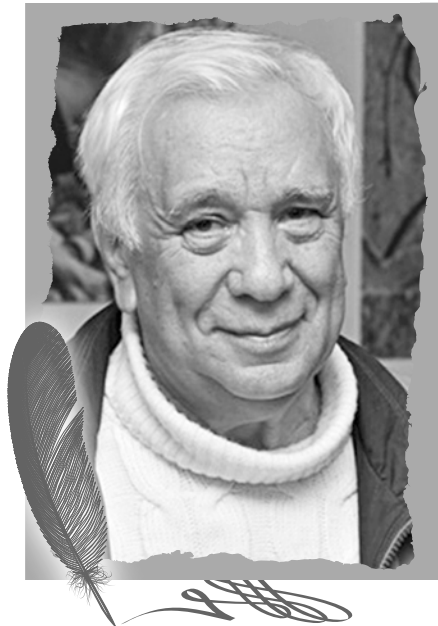
В Новый год иду неторопливо.
Поклонюсь божнице, прошепчу,
Чтобы все родные были живы,
Ничего иного не хочу.

Разве б только донеслись до слуха
Песни вёсел по речной волне,
Разве б только, чтобы внук Илюха
Помогал скворечник ладить мне.

Чтоб травинку гусочка щипала
Неторопко около ворот,
Чтобы внучка куклу одевала,
Пела так, как мама ей поёт.

Просто всё, когда без потрясений.
С Богом в сердце так идти, идти
По весенней тропке, по осенней,
По снегами сбитому пути.

Михаил Кукулевич

Михаил Анатольевич Кукулевич родился в 1939 году в Ленинграде. Блокадник.

Член Союза писателей Москвы, поэт, бард, эссеист, прозаик. Автор 9-ти поэтических сборников, 3-х книг прозы, а также почти 500 песен на свои стихи и строки других поэтов. Постоянный ведущий цикла семинаров «Триста лет русской поэзии».

Друг «Коломенского альманаха».

ПИТЕРСКИЕ СТРАНИЦЫ

1.

Не пойду я, братцы, по миру
До тех пор, пока одна
Колокольня Князь-Владимира
Из окошка мне видна.
Пока тихая Пушкарская
Мне дождями ворожит,
Пешеход, по лужам шаркая,
От инфаркта убежит.
И, хранимый Петроградскою
Непарадной стороной,
Обрисует белой краскою
Посеревший профиль свой.

2.

Завод «Вулкан». Кольцо трамвая.
Забор кирпичный. Двор глухой.
Здесь улица, как неживая,
И чахлый сквер, как неживой.

Задворки города. Репейник.
Лопух. Бездомная трава.
Ромашки не фармакопейной
Отягощённая глава.

Вот остов элинга гребного.
Бетонный, в ржавчинах, откос.
Устой моста Колтовского,
Река, знакомая до слёз.

Здесь небо пасмурно и мглисто,
Туман безрадостен и сер.
Здесь делать нечего туристу
Аборигенам не в пример.

Но мне такое неустройство
Родного, в рытвинах лица
Дороже праздного геройства
Себя забывшего дворца.

Ведь эта сирая до дрожи
Земля, не ждущая наград,
Зовётся тоже, тоже, тоже
Забывтым словом — Ленинград.

3.

Чугунная решётка.
Свинцовая вода.
Вот зелени щепотка:
Её кладём — сюда.
Вот в серых тучах — небо.
Твой зонт над головой.
Подробностей не требуй,
Не будет ни одной.
Рисую я ненастье,
Дождливый город наш.
Подписываю: «Счастье»
Сей пасмурный пейзаж.

4.

Висела туча, как медуза,
 И дождь косою на крыши падал.
 Моя простуженная муза
 Приехала из Ленинграда.
 Её за худенькие плечи
 Я обнял, зонтик раскрывая.
 Она сказала: «Время лечит,
 Но до конца не убивает».
 Она сказала: «Не бывает
 Напрасных и случайных строчек...»
 И вздрогнул поезд, остывая
 От долгой гонки среди ночи.

5.

Мы мир соорудили из преград,
 В нём только многоточия понятны...
 Из Петербурга еду в Ленинград
 И возвращаюсь поездом обратно.

И две мои души летят за мной,
 Относит ветер жалобные крики...
 Две чайки, две бесспорные улики
 Любви небесной и вражды земной.

Борьба разнонаправленных стихий,
 К гармонии напрасное стремленье...
 И лишь в молчанье чудится спасенье,
 И мочи нет дописывать стихи.

6.

Мой город — мой брат, мой отец, мой ребёнок!
 Ты мне улыбнулся сегодня спросонок,
 Когда я, сойдя на перрон
 Такого родного для сердца вокзала,
 Подумал: тебя-то мне и не хватало,
 Мой скучный, мой правильный Тон.

Ты славно служил, архитектор придворный,
 И мелочной воле монарха покорный,
 Ты строгие грани чертил.
 Твой царь-лицедей был в душе инженером,
 И хоть был обучен изящным манерам,
 Но прочность превыше ценил.

Мы скажем обоим спасибо за это,
Когда в морозящем тумане рассвета
Уроним дорогу с плеча.
Ведь если б не труд архитектора Тона,
Какой бы кошмар из стекла и бетона
Нас мог бы здесь нынче встречать!

7.

Не пугайся, то всхлипнула старая дверь,
Не пугайся, ведь ночь за окном так бела!
И не смерть у меня за спиной, нет, не смерть —
Два крыла у меня за спиной, два крыла.

Я хранитель твоих безутешных утрат,
Виночерпий твоих участившихся тризн...
И не смерть у меня за спиной, бедный брат —
Твоя жизнь у меня за спиной, твоя жизнь.

Не пугайся, что пламя чадит и дрожит, —
Свои окна в жемчужное небо открой!
Ты доверься мне, только покрепче держись!
Полетаем с тобой до утра над Невой.

Чтоб потом, возвратившись в себя без потерь,
Понял ты, что не так уж печальны дела,
Что не смерть у тебя за спиной, нет, не смерть —
Два крыла у тебя за спиной, два крыла.

8.

Медному всаднику

Змея раздавлена. Кто гадину пришиб?[?]
Кто на дыбы коня уздою вздёрнул?[?]
Чью бронзу снег январский порошит?[?]
Кого забыть не можем и сегодня?[?]

Ужель Петра, который полстраны
Заставил лечь в угрюмые болота?[?]
Чтоб позабыть преданья старины,
Чтоб к новой жизни родилась охота?[?]

Насильно осчастливить никого
И никому ещё не удавалось.
И снег летит на голову его
И тихо шепчет: жалость, жалость, жалость.

9.

Корпуса на Морском и на узком проспекте Динамо
 Посносили давно. И зачем им, убогим, стоять?
 Просто жизнь подлинней оказалась, и, знамо,
 Попрочнее, чем их довоенная хрупкая стать.

Жалко? Может, и жалко, а может, — не слишком:
 Время мчится вперёд, нам его нипочём не догнать.
 А ему не до дел наших важных и наших неважных делишек,
 На его безразличие нам бесполезно пенять.

Хорошо, — здесь хоть что-то осталось, чтоб памятью нашей
 Неподобной могли мы схватиться за утлое наше житьё.
 Видишь, кто-то знакомый в окошке снесённого дома нам машет?
 Патефон хрипловатый нам старую песню поёт?

10.

Где волны балтийские мерно
 Качают тяжёлый бушприт,
 Где узкая тень Крузенштерна
 Ложится на мокрый гранит,
 Где солнце, пройдя сквозь преграды
 Отточенных шпилей и туч,
 Кидает в лицо Петрограду
 Последний безжалостный луч, —
 Там ночь, просквозив под мостами,
 Их руки воздев к небесам,
 Негромко стуча дизелями,
 Кружится по старым следам.
 Так время крадёт за нами!
 И, не опуская лица,
 Незрячими смотрят глазами
 Сиротские стены дворца.

11.

Где лязг Адмиралтейского завода
 Фонтанку отделяет от Невы,
 Тобой, овеществлённая природа,
 Наполнено дыхание главы.

Здесь Город не параден и не бросок —
 Видны черты усталого лица...
 Он словно углем сделанный набросок,
 Забытый в папке старого творца.

Но даже здесь, под этим серым, куцым,
Недобрым небом на краю земли,
Он спит, не помня войн и революций,
Но и во сне всё строит корабли.

12.

Отцу

Я на Каменном острове. Лето.
Тихо плещется Невка у ног.
И звучит в отдалении где-то
Духовой басовитый вальсок.

Это в парке оркестр играет,
Он в военную форму одет.
Незабывтая музыка рая,
Детских лет недвусмысленный свет.

Я у неба пока под охраной,
В сердце музыка плавно кружит,
И бывшая сиротская рана
Зажила. Но ещё заболит.

13.

Лёне Коновалову

На карте отчёркнут он сереньким карандашом,
Гулять вдоль него не положено, глупо, нелепо.
Конечно, красот никаких не найдёшь, и притом
Стоячей своею водой он мне кажется склепом.

Обводный канал, вдоль домов твоих время летит,
Следы оставляя на старых, натруженных стенах.
И кровь революций, и корочка хлеба в горсти —
За всё ты платил ленинградскую страшную цену.

И в дни наводнений, пытаясь беду отвести,
Ты переполнялся по самое горло несчастьем,
Спасибо, Обводный, и нас, если можешь, прости,
Что мы в суете о тебе вспоминаем не часто.

Листья шуршат. Асфальт.
Колокол — звон шагов.
Ветра могучий альт —
Песня богинь, богов.

Это же Летний сад,
Всех твоих дней причал.
Разве ты не узнал?
Разве ему не рад?

Осень пройдёт. Придёт
Нет, не зима — весна.
Нас она не найдёт —
Выпито всё до дна.

Так что шурши, шурши,
Звоном озвучь шаги.
Не обижай души —
Разве вы с ней враги?

Среди колонн Казанского собора,
Как среди сосен царственного бора,
Орган прохладной осени поёт.
А в двух шагах неугомный Невский,
И тишиною поделиться не с кем:
Шумит, гремит людской водоворот.

Открою томик в синем переплёте —
Кого певцом сегодня вы зовёте?
Кого возносит торопливый суд?
Читать стихи не то же ль, что молиться?
И та молитва будет длиться, длиться,
Пока вперёд ногами не снесут.

И я молюсь своими и чужими,
Не повторяя всеу Бога имя,
А лишь не позабытое — твоё.
И глубина Казанской колоннады —
Моя защита и моя ограда,
Последнее прибежище моё.

ПРОЩАЛЬНЫЙ СЕНТЯБРЬ

*И не смерть у меня за спиной, нет, не смерть —
Два крыла у меня за спиной, два крыла.*

Михаил Кукулевич «Монолог ангела»

Солнце сквозными пятнами
плещет на всех подряд!
Пятница, двадцать пятое —
золото сентября!..

Но почему невесело
осенью этой песенной?

— Пахнет листвою и вечностью
кроны прощальный знак...
Дом, где грустил Лажечников,
летом искал Пильняк.

Полно, Борис Андреевич! —
тропкою неземной
кто-то вам нынче встретится —
с крыльями за спиной!..

Роман Славацкий

Михаил Анатольевич родился в Ленинграде, в 1939-м, там встретил войну, там вырос, учился, стал врачом-педиатром, там провёл первую половину жизни. А всероссийскую славу снискал уже в Москве и Подмосковье как бард, автор пяти сотен чудесных песен, продолжающих традицию русского романса эпохи Серебряного века.

Но для коломенцев Кукулевич стал родным, когда блестяще воплотил своей актёрской игрой трогательный образ нашего уроженца — Ивана Ивановича Лажечникова. Много раз М.А. Кукулевич бывал в Коломне: и в роли Лажечникова, на которого он был удивительно похож, а также и со своими концертами, презентациями книг и песенных циклов. Он планировал участвовать в презентации книги Романа Славацкого «Ностальгия», которую поэт посвятил Михаилу Анатольевичу. Но «морозное поветрие» собрало свою дань, и книга вышла уже после трагической даты.

Кукулевич ушёл «в путь всея земли», но осталась наша память о нём, остался фильм с его «лажечниковской» ролью и посвящённые ему строки!..

Олег Владимирович Кочетков родился в Коломне в 1947 году. Поэт, член Союза писателей СССР. Долгое время работал в аппарате Московской организации Союза писателей России, ведя работу с молодыми поэтами. Создал в Коломне творческое объединение «Зелёные цветы», названного так в честь его любимого поэта — Николая Рубцова. На протяжении многих лет руководил им. Автор десяти поэтических книг, публикации его стихов в периодике не поддаются подсчёту.

Лауреат Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Традиция», Есенинской — Московской городской организации СП России. Награждён литературной медалью им. И.И. Лажечникова.

МЫ ЕЩЁ СЕБЕ ДОРОГИ

БЛОК

«О назначении поэта» —
Предсмертный гордый твой завет!
А на земле светилось лето.
Но ты уже отринул свет.
Сознательно и отрешённо,
Бесповоротно уходил
От этих дней умалишённых,
От попранных родных светил!
Своей бессмысленностью жуткой
Теснились будущие дни.
За гранью здравого рассудка
В безверье маялись они!
Насилье, хаос и разруха.
И не было всему конца...
Ты уходил в сознание духа,
С усталой твёрдостью лица,
Хранящем мысли непростые...
И до последних самых дней —
Слезой в глазах — твоя Россия,
В разбойной, той, красе своей!

ПЕРЕДРЕЕВ

Как ты там — вдохновенный страдалец.
Бесшабашная голова?
Невесёлый, межзвёздный скиталец,
Так ласкавший родные слова!
Как же ей там — в дали леденящей,
Среди тьмы беспредельной, светил?
Беспокойной твоей и болящей,
Здесь которую так не щадил,
Ей, душе-то твоей горемычной?
Теперь волюшки — невпроворот!
В нескончаемой мгле безразличной —
Одиночество так же гнетёт?
Чаю, маешься там всё равно ты,
Норовишь всё шагнуть за предел:
Надоели сплошные полёты
Невесомых и призрачных тел!
Космос тот равнодушный, постылый.
И тоскуешь сильнее и сильнее:
«Как же всё там — на Родине милой,
На земле ненаглядной моей!»

136

ОЛЕГ КОЧЕТКОВ

* * *

Памяти Юрия Кузнецова

Победитель. Бессменный герой,
Святой дух, соколиные веки.
Со своей «Золотою горой»
Ты теперь породнился навеки.
Кровный правнук бескрайних полей
И славянской тоскующей воли.
В занебесии твой Водолей
Точит слёзы от скорби и боли!
Твоё слово в миру, на свету,
Всё — во славу лишь Родины милой.
Всё — на травах, цветах, на ветру, —
С удалою размашистой силой!
Твоё имя, как гордый завет
На земле нашей горькой, родимой,
Будет жить до скончания лет
Всею правдою несокрушимой!
Путь твой долог теперь и высок
В запределье бескрайнем, далёком.
Невозможное слово — пророк,
Но ты был этим самым пророком!

ПЕРВАЯ БОЛДИНСКАЯ СТРОКА

Церковь, пруд, за частоколом
Деревянный дедов дом,
Рощи — рыжим ореолом —
На холмах, да степь кругом.
Неприметное селенье.
Неустроенность, хандра.
Но как чудо — вдохновенье!
И полёт, полёт пера
По бумаге, вольно, ловко!..
Пусть завидуют враги,
Где-то там балы, помолвка,
Бесконечные долги,
Грязной сплетней не измучен
И не венчан с Натали.
«Мчатся тучи, выются тучи» —
Свечи в Болдине зажгли...

* * *

Назовите его — Сталинград,
Этот город в степях Волго-Дона,
Да устройте всемирный парад
С торжеством колокольного звона!
Да с салютным сияньем огня
И с неслыханным песнопеньем,
Чтобы солнце от этого дня
Рассиялось по всем поколениям!
Чтобы возликовала земля,
Как ещё не бывало от века:
От вершины священной Кремля
До последнего человека!

* * *

Он трубку раскуривал долго
В пустом кабинете своём.
Ещё не бурунилась Волга
Под адским фашистским огнём.
К столице крестатые монстры
Ползли, и по коже — мороз!
Тогда своё: «Братья и сёстры!» —
Молитвенно он произнёс.
Под красным торжественным флагом
Встречая священный тот год,
Он видел его над Рейхстагом, —
Уверенно знал наперёд,
Что выпьет за русский народ!

ГОСПИТАЛЬ, 1945

Наливается алым закат,
И роса умирляет траву.
На приступке — безногий солдат
Жадно воздух вдыхает: «Живу!».
А в халатике продувном
Чуть поодаль белеет сестра.
Все-то думы его об одном:
Ну зачем вы спасли, доктора?!
Дух земли и хмельной, и густой
Колобродит в больничном саду,
А солдатик совсем молодой,
И сестра молода на беду!
И халатик — слепящий до слёз,
И колени — ознобно-круглы,
Под косынкою — тяжесть волос,
Влажны губы, и руки белы.
Мир на свете, и лето, и жизнь!
Зубы стисни, глаза отведи...
— Эй, сестричка, к солдату склонись
И прижми к своей белой груди!

138

ОЛЕГ КОЧЕТКОВ

СЛЕЗА

Загвоздило по самую шляпку,
И теперь ни вперёд, ни назад!
Собирай свою волю в охапку
Да ступай на последний парад!
И, вздымая отцовское знамя,
Озирая и дали, и высь,
Не тремя исступлённо перстами,
А всем сердцем за землю молись!
За польные пращуров грёзы
И за дедовы сладкие сны
Проливай запоздалые слёзы
На лоскутьях родной стороны.
Может статься, одна из горючих
Из скупых из твоих прорастёт
И в поднявшихся кронах могучих
О забытом окрест запоёт!
Средь уныния и обнищанья,
Что твоё обступили жильё,
От последнего в жизни отчаянья —
Обопришь о твердыню её!

МГНОВЕНЬЯ

Ветка к яблоку красному тянется,
А оно устремляется вниз.
Через миг и его не останется, —
Вот и весь — переспевший анис.
И трава его негой покроет.
Ещё день, и оно загниёт.
Так всегда...Убиваться не стоит,
А особенно в яблочный год!
Нет бы, вовремя, в руки — корзины,
Да и бережно — весь в неё дар.
Коль удастся сберечь половину,
То и это — уже «солнцедар»!
То и это — хмельное забвенье,
И раздумья о днях прожитых —
На какое-то, может, мгновение
До вот этих мгновений моих!

МОЕМУ БИМКЕ

Тёмен лес перед сном снегопада,
Меж деревьев холодеют просветы.
Забьтё, и дымок сигареты —
Это всё, что, в конечности, надо.
Да лицо моей умной собаки,
На котором глаза так тревожно,
Прямо в душу глядят и, возможно,
Видят всё, что там скрыто во мраке!
Бегай, пёс, по листве почерневшей,
Жуй последние, сохлые травы,
Возле свежих развалин державы,
Рядом с волей моей отболевшей,
С милой, радостной силой живою...
Ты свою повадкою верной
Искупаешь наш разум презренный...
И недаром деревья с травой,
В своей сути, вовек неизменной,
Пред тобою, как есть, пред тобою...

ОДУВАНЧИК

Одуванчик дрожал невесомо,
Полный семени, ждал ветерка.
Но твоя наливная рука,
От которой такая истома
Исходила, к нему потянулась
И взяла его за стебелёк...
Брызнул млечный прилипчивый сок.
Семена подхватил ветерок
Твоих губ, ты поникший цветок
Уронила и мне улыбнулась,
И мне, грешному, сладко икнулось...

СТЕБЕЛЬ

Проблеск света в насупленном небе,
Полудрёмный озноб бытия.
Неприкаянный стынущий стебель
Дум восходит на круги своя.
Под порывистым ветром прозрений
Он всё ближе к родимой земле,
К вечной сути начальных явлений,
К тем, которые ныне во зле
Пребывают по воле имущей,
Посягнувшей во имя своё
На сегодняшнее и грядущее,
На его самое бытие...

* * *

К небу взор поднимаем устало
И всё чаще глядим себе под ноги.
И, наверное, это — немало:
Значит, мы-то ещё себе дороги!
Очень редко, вперяясь в пространство,
В необъятную высь, в бесконечность,
В неразгаданное постоянство,
В обнажённо-влекущую вечность, —
Тонко чувствуем мы притяжение
Самой алчущей малой частицей
К этой бездне, влекущей — забвения,
В ней желаем вконец раствориться...
Каждым нервом в неведомом сбыться...

Андрей Шацков

Шацков Андрей Владиславович родился 1 декабря 1952 года в Москве. Автор тринадцати поэтических книг.

Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры, а также множества иных литературных премий и наград.

Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Ответственный секретарь журнала «Невечерний свет» (Санкт-Петербург).

Проживает в Москве.

ПОД КРЕСТОАНДРЕЕВСКИМ СТЯГОМ

(Триптих)

I.

ЗАВЕТ

*Шепчи моё имя, молись.
Я — молнией битое древо.
Развилка, уведшая влево.
Капканом отмеченный лис.
Шепчи моё имя, молись.
Застынь перед ликом иконным.
Я — пеший в нашествии конном.
Я — в черепа чаше кумыс.
Шепчи моё имя, молись.
Под крестоандреевским стягом
Есть место певцам и бродягам.
Им ведом грядущего смысл.
Шепчи моё имя, молись.
Ты станешь моим берегом.
Опарю пашни под снегом.
Строкою, упавшей на лист.
Шепчи моё имя, молись!*

II.

В ДЕНЬ ЛЕТНЕГО АНДРЕЯ

В святую пятницу седмицы,
Когда спадёт последний жар,
В окно монашеской светлицы
Заглянет облако Стожар.

И сонмы ангелов слетятся,
Рождая свет из темноты.
И на столе псалтырь и святцы
Листают инока персты.

И покаянье в час прохлады
Спасает душу от корост.
И взваром яблочной услады
Стекает киноварь на холст.

Но что оставит рок вселенский,
Привстав в ордынских стременах?
Успенский и Богоявленский
Рублёвский крест на раменах.

Да Русь, подбитую, как птица,
На вековечном правеже.
Да в заплóшной муке лица
Толпы, забывшей о душе...

Опять на Летнего Андрея
Затеплю «Троице» свечу.
Но никого не отогрею.
И ничего не заплачу.

Кому платить? Какою мерой
Былому меряна цена?
Не поступлюсь отцовской верой!
Неопалима Купина...

III.

ДЕКАБРЬ

Уходят дымом в небо декабри —
Ровесники мои и береги.
Гори, звезда высокая, гори.
Пока глаза не запорошат снѣги.

Покуда глина не простыла вглубь
На две казной предписанных сажени,
Приветствую тебя, ДЕКАБРЬ —
друг

В последнем неоконченном сраженье:

Стихов и прозы, лазов и пути,
Где каждый шаг возможен стать судьбою.
Веди меня, Введение,

введи

В свой храм, захлопнув двери за собою.

Чтоб за порогом жизни суеты,
В лампадном свете — ангелами рея,
В морозных окнах чудились цветы,
Процветшие на Зимнего Андрея!

И чтоб дубов железная листва,
Опавшая покровом плащаницы,
Мостила путь к началу Рождества
И выводила души из темницы!

Пусть в мельтешенье скomorошных дат
Незыблемо пребудет та, что свята
Пришедшим в журавлиный снегопад,
Когда метель по-птичьему крылата!

ГРУСТНОЕ РАССТАВАНИЕ

Моровую зимой прошлого года унесена от нас Надежда Владимировна Костомарова — человек щедрой души и горячего сердца...

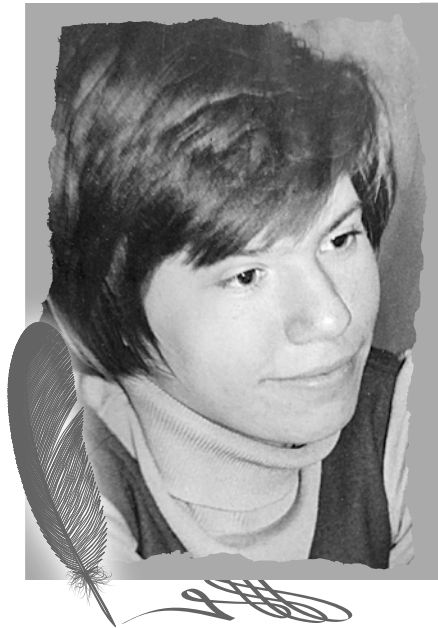
Очень любила она «Коломенский альманах» и делала всё, чтобы о нём узнало как можно больше коломенцев. С её помощью готовились сценарии ярких, красочных музыкально-художественных презентаций ежегодника. Знаменательный день его представления публике превращался в наш общий праздник, в солнечный бенефис родного детища.

Надежда Владимировна сама не писала стихов, но по-настоящему увлекалась русской поэзией, любила творчество Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, очень любила и хорошо знала творчество коломенских поэтов. Её чуткое сердце подсказывало, какие произведения, опубликованные в альманахе, должны прозвучать со сцены, чтобы лучше представить авторов, познакомить читателей с их творчеством, заинтересовать, увлечь в мир поэзии, прозы, живописных полотен, показать, какой музыкой и краской насыщено каждое произведение...

Неуёмная энергия, оптимизм, активная жизненная позиция, искренняя забота о каждом, кто работал вместе с ней, скромность и отзывчивость — с этой потерей очень трудно смириться...

Как жаль, что не придётся теперь поэтическими тропками Коломны дорогой нашему сердцу человек — Надежда Владимировна Костомарова. Но останется на них её светлый-пресветлый след... Вечная память!

Коллектив редакции

Надежда Лисогорская

Надежда Константиновна Лисогорская родилась и живёт в Москве. Работала геофизиком в Экспедиции № 1 Центрального геофизического треста, а затем перешла на работу в Современную гуманитарную академию. Стихи пишет с детства. Печаталась в журналах «Молодая гвардия», «Арина», «Белая скала», «Приокские зори», в газете «Московский литератор», «Благовестник», «День литературы». Член редколлегии «Коломенского альманаха». Автор двух сборников стихотворений «Переживай, волнуйся и твори...» и «Земное богатство».

Награждена литературными медалями: имени И.И. Лажечникова, И.А. Бунина, А.А. Блока. Член Союза писателей России.

ДОЖДИ ЗАМУЧИЛИ ИЮЛЬ

РЯДОМ С ПОЭТОМ

На есенинском бульваре —
Песня зябкая берёз.
Рядом сосны в тёплых шалах,
Словно барыни в мороз.

Все деревья в окруженье
Здесь — на страже у дорог,
Чтобы к тайне вдохновенья
Причаститься путник мог.

В день печального бесснежья
Прихожу сюда опять —
Прикоснуться к слову нежно,
Свет есенинский обнять.

Из своих рязанских далей
Долго шёл сюда поэт.
Его слово познавали,
Как родной земли завет.

Он стоит, небес касаясь,
Связан накрепко с землёй,
И звучит: «Не надо рая, —
Русь моя была б со мной».

МАРТОВСКИЙ СВЕТ

Такими светлыми берёзы
Бывают только по весне!
Смотрю на дальний лес с откоса:
Он оживает в полусне.

Повсюду пролегли дорожки —
Сплетенье солнечных лучей.
Март собирает их в лукошко,
И вот уже бежит ручей.

Травой подразнит нас зелёной
И тут же спрячет в снегопад!
Но солнце вновь блеснёт короной,
Птиц созывает на парад.

Купаясь в солнечной купели,
Озорничают воробьи.
А в небо голуби взлетели,
Чтобы растаять там, вдали.

Уже в пути посланцы юга —
Их ждут любимые леса.
И воспарят волшебным звуком
Родные птичьи голоса.

Снопы лучей и свежий ветер
Ветвей колышут кисею...
А помнишь, как меня ты встретил
Весенней радостью: «Люблю!»

В ЛЕТНЕМ САДУ

Такой покой... Хоть вижу: вдалеке
Шалит в ветвях неугомонный ветер.
А здесь, в саду, в уютном уголке
Закатный вечер свеж, и тих, и светел.

Волшебная пора — июньский вздох
Цветов, расцветших нежным обещаньем,
И солнца золотая нить дорог,
И расписной листвы очарованье.

ДАЛЁКИЙ ДОМ

Вхожу сегодня в дом далёкий свой...
Большой в нём стол и длинная скамья.
Он полон был когда-то ребятей,
Теперь у каждого — своя семья.

Как тихо, если нет здесь детворы!
Мой милый дом, ты сам давно в летах.
И птицы замолкают до поры —
Уже в заботах о своих птенцах.

А мне бы поприветствовать июль!
Озёрную в лесу увидеть гладь...
И наблюдать, как семицветье струй
Захочет солнце в травах расплескать.

...Грибы, рыбалка, летний солнцепёк,
Зари вечерней тихая услада...
И словно Ангел, детский голосок
Вспорхнёт над тенью призрачного сада.

НА ЗЕМЛЕ

Выйду за колодезной водою,
Поклонюсь родному соловью.
Чуть заметной узенькой тропой
По ковру пушистому пройду...

У сирени гроздья наливные,
Над землёй парит вишнёвый цвет.
Бродят мои годы кружевные
Среди милых памятных примет.

Новое торопится на смену,
Хочет жить и лучше, и сытней...
Старый дом, себе ты знаешь цену!
Нас воспоминанием согрей...

Без земли лишаемся опоры,
Мимо нас проходит благодать...
Лечит нас родимая природа,
Учит и любить, и сострадать.

СИРЕНЕВЫЙ ВЕЧЕР

Сиреневый вечер качнул занавески,
Притихли деревья, трава...
Янтарною россыпью солнца подвески
Стекают, и гаснет листва.

И взор устремляется в небо, как в вечность,
Туда, где янтарен закат.
Душа обретает сама бесконечность,
Вливаясь в сиреневый лад...

И длится полёт тот всего лишь мгновенье!
Восходит луны серебро...
И звёзды подхватит души песнопенье,
Сиреневой сказки перо...

* * *

Дожди замучили июль,
От туч нависших — темнота,
Цветок поднялся после бурь, —
И отступили холода.

Не видя сумрачных завес, —
Как ясный день, как ясный взгляд, —
Цветы, пришедшие с небес,
В лугах, как бабочки парят.

Душистый донник у дорог
Напомнит летнюю жару.
Пчела летит на огонёк —
Собрать янтарную пыльцу.

Ромашки водят хоровод —
Они воздушны и легки,
И провожают их в полёт
Неугомонные вьюнки.

Трава-муравушка, встречай!
Цветочный шум многоголос...
Стеной поднялся Иван-чай —
Кипрея сладкий медонос.

Иду в цветущие луга —
Ах, радость светлая, светись!
Забьётся сердце: дорога
В живом цветке простая жизнь...

ЛЕРМОНТОВСКИЕ ТАРХАНЫ

Притихшей заводью — пруды,
Тенистые аллеи парка,
Ажурные мостки в сады,
Скамья...Беседки тайной арка...
И только величавый дуб,
Посаженный рукой Поэта,
Как на дуэли, в пору бурь
В Отчизне пал на землю эту.
Но нам на радость дал росток
Во исполнение завещания,
Чтоб благодарственный дубок
Шумел листвою на прощание.
И верится, уснул Поэт!
Ему поют цветы и травы,
Не зарастает столько лет
Дорожка в дом любви и драмы...
И в нём покажутся теплей
Ожившие с портретов лица,
И станут ближе и родней
Семейной памяти страницы.
С гостями полон жизни двор,
И домик ключника, людская...
В луга, где воля и простор,
Коней к прогулке запрягают...
У мельницы пустились в пляс
Девчата в русских сарафанах,
И Яблочный встречают Спас
В «Преображение» Тарханы.

* * *

Осень уходила со слезами —
В день последний дождик моросил...
А была такой красивой с нами!
К декабрю же выбилась из сил...

До свиданья, милая подруга,
Королева времени, судьбы...
Землю убелит мороз да вьюга,
Всё уснёт под звёздами зимы.

И просторов снежные красоты
Зачаруют зимней новизной.
Стоит пересчитывать ли годы?
И искать несбыточный покой?

Позовёт звезда нас в Поднебесье.
Мы идём, как некогда — волхвы.
Это счастье, что ведёт нас песня
И душа открыта для любви.

* * *

Природа отдыхает в ноябре —
Задумчива, смиренна и безмолвна.
Застыну над оврагом на горе —
Внизу туман, как грозовые волны.

И проступает ленточка дорог —
Бежит себе через разбой бурьяна
И догоняет призрачный мосток,
А там и лес выходит из тумана.

Берёзки белоствольный силуэт
В девичество заставит засмотреться.
И я стою в цвету осенних лет,
Но столько грусти! Не вмещает сердце!

В душе ношу рассветную весну,
И летний зной, и зимнюю прохладу...
А стойкостью похожа на сосну...
И не стремлюсь менять свои наряды.

Но если ты окажешься со мной,
Побуду снова я берёзкой тонкой...
Не сильной, что назначено судьбой,
А беззащитной слабенькой девчонкой.

* * *

А снег — он всё падает, падает —
Пушистое чудо зимы.
И дворник своею лопатой
Волнует сугробные сны...

Прохожий бежит, закутавшись —
Торопится по делам,
И хочется очень прислушаться
К тому, что откроется нам...

Лицо, промелькнувшее свежестью,
Из «Легкого пара» глаза...
И варежки с яркой черешнею
И — редкая нынче — коса...

Мальчонка, воюющий с лыжами,
Коляски прозрачный щиток,
Девчонка с веснушками рыжими
И счастья — любовный глоток...

А снег, он всё падает, падает, —
Ты рядом со мною постой, —
Я этой уютною радостью
Хочу поделиться с тобой...

ФЕВРАЛЬСКАЯ ДУЭЛЬ

День февральский, неуютный,
Небо хмуро, ветер зол.
С роковою той минутой,
Где Поэта ищет ствол.

И грозюю грянет выстрел —
Пуле совесть не закон —
Не жалеет, жалит быстро.
Властным временем сражён

Тот, кто жечь сердца умеет...
И волнуются снега —
На закате кровь алеет,
Взбудоражены века.

Белый смерч над речкой Чёрной —
Неустанный плач небес,
С болью сильной, неуёмной
И желаньем, чтоб воскрес.

Стать защитой опоздали,
Не спасли, не сберегли...
Не избыть всем нам печали
В эти горестные дни.

ВЕСИ РОССИИ

Веси России...Храмы святые..
Гроздь рябины горят в снегопад...
А за плечами — годы лихие,
Судьбы живые и алый закат.

Дни словно ласточки в небе огромном...
Тучи, ненастье и снова весна!
Милая девочка в платьице скромном,
Ты мне на смену уже рождена...

Вместе бежать бы по вешнему лугу,
В чистых озёрах купаться с тобой...
Будь же хранима солнечным кругом,
Веткой сирени, любовью земной!

ХРОНИКА

ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЛАЖЕЧНИКОВА

**Редколлегия «Коломенского альманаха» учреждает
новый литературный конкурс на соискание
Премии им. И.И. Лажечникова.**

Премия будет вручаться раз в год лучшему автору альманаха независимо от того, в каком жанре создано произведение. Иван Иванович Лажечников был одарён многими талантами. Он известен и как исторический романист, и как поэт, и как историк-краевед. Поэтому право быть удостоенными нашей награды имеют представители всех направлений.

В жюри входят члены редколлегии альманаха: они не могут претендовать на звание победителя.

Премия вручается только **единожды**.

Желаем успеха всем авторам «Коломенского альманаха»!

В 2016 году премия присуждена Владиславу Леонову за повесть «О войне, о родне, обо мне».

В 2017 году премия присуждена Евгению Ломако за исторический очерк «Один год града Коломны».

В 2018 году премия присуждена Владимиру Викторовичу за книгу «Коломенский текст: Сюжеты и портреты».

В 2019 году премия присуждена Валерию Ярхо за литературоведческий очерк «Поворот судьбы».

В 2020 году премия присуждена Ларисе Морозовой за цикл стихов «Песочные часы».

Редколлегия

Коровин Андрей Юрьевич родился в Тульской области в 1971. Окончил Юридический институт МВД РФ, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Автор одиннадцати поэтических книг. Президент фонда «Волошинский сентябрь». Создатель и куратор литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва). Соучредитель Гумилёвского Общества. Координатор Клуба кураторов литературных фестивалей России. Кавалер Золотой медали «За преданность Дому Максимилиана Волошина». Лауреат премии журнала «Литературная учёба», финалист премии «Нонконформизм». Живёт в городе Подольске Московской области.

ВЕТРЕННЫЕ ПЕЙЗАЖИ

ДЕТСТВО НА ОКЕ

я помню этот лес: грибы, деревья,
маслята, ельник, вот отец, а вот я,
июль в зените, месяц в рукаве.

отец кричит:

— ну что?

— опять маслёнок!

маслёнок тоже, в сущности, ребёнок.
а кто это там прячется в траве?

но очень скоро выйдем мы из леса.
а там — пруда таинственная пьеса,
блестят на солнце рыбы караси,
и мы — на этом зеркале пейзажа,
где темпера, и глушь, и тишь, и сажа,
и деревенька, Господи спаси.

и дальше мы идём с отцом куда-то,
в руке отцовской удочка зажата,
в затоках окских ждёт подкормку лещ.
скажи-скажи: ты жив ещё, ворюга?
узнаемся ль, увидевши друг друга?
жизнь движется стремительней, чем речь.

ах, лечь бы в речь, отдав себя теченью,
когда вся даль небес открыта зрению,
и ты плывёшь, всевидящ, как река,
в твоих руках уже играют рыбы,
и вот за это, Господи, спасибо,
что в звёздном небе движется Ока.

РЫБНЫЕ МЕСТА

*моему крёстному, дяде Вите,
спасшему меня в детстве*

это дуб наклонился над речкой
или видится мне наяву
что я маленький
я человечек
что я падаю в реку
плыву

*лето детства и речка Воронка
на моторке летим по реке
и отснятое на киноплёнку
вспоминается прошлое мне*

вижу рыбу и я вроде рыбы
потерялся в запретной воде
мы летать или плавать могли бы
я в реке я во сне
или где

*где-то там на цветущей поляне
зверобой повилика чабрец
пиво плавится в потном стакане
с дядей в карты играет отец*

рыба справа и рыба слева
удивлённо глядят на меня
пасть как кисточку львиного зева
открывая и к тайнам маня

*но какая-то тайная сила
обняла меня и вознесла
с тайной рыб навсегда разлучила
и от жизни меня не спасла*

* * *

здравствуй вот она Ока
город Серпухов на взгорке
хорошо б уйти в бега
на раздолбанной моторке

грибников видал с утра
уходили всё лесами
вон опёнков два ведра
наловил мужик с усами

вижу удочки дуга
наклонилась над водою
за Окой луга луга
вьются ниткой золотою

ДЕТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

короткими вспышками света
вся жизнь твоя будет с тобой

бездонное окское лето
кузнечик в траве голубой
поймаешь останется лапка
в твоей неумелой руке

цветов кучерявых охапка
и голая рыбка в реке

и дремлет малюсенький ящер
он жрец на пригретом пенёчке
протянешь ладонь наудачу
останется хвостик в руке

ежиха ведущая деток
куда-то
не трожь отпусти

и запах соснового света
и вкус родника из горсти

как мир наш подноженный хрупок
и сколько ж ты душ погубил
личинок пиявок скорлупок

покуда
ты маленьким был

* * *

ты заходишь в воды своей Оки
как глаза её тихие высоки
глубока бездонная её речь
так и хочется с нею на землю лечь

и лежать в еловых её лесах
растворяясь в девичьих голосах
пробиваясь в небо как родники
превращаясь в лето как грибники

между окских мидий течёт душа
помнишь как ты в детстве навзрыд дышал
голубыми окнами тишины
золотыми соснами вышины

* * *

пока Ока живая движется
стоят палатки рыбаков
немые бакены кольщутся
от хода рыбьих косяков

и косы жёлтые песчаные
во сне мелирует Ока
и камни древние печальные
лежат в пучине ивняка

а в глубине на дне нестеленом
среди ракушек и песка
окаменевшие растения
перебирают облака

* * *

люблю бродить по берегу реки
смотреть как речь становится рекою
как тени чаек тонки и легки
возносятся туманом над Окою

как длится рябь нерукотворных строк
в свинцовых водах медленного лета
как воробей что намертво продрог
купается в пыли у Фиолента

как зажигают водоросли свет
в тоннелях рыбных ночью в Царской Бухте
как ночь полна дыханием планет
увязнувших в космическом мазуте

СТАНЦИЯ ОКА

заметена колючим снегом
но всё ж едва обнажена
красива словно норумбега
и величава как княжна

река как женщина живая
что обнимает горячо
её улыбка ножевая
слегка царапает плечо

положишь руку ей на пояс
дрожа пульсирует живот
она лежит не беспокоясь
что поезд тронется вот-вот

* * *

ну вот никто и не купается
хотя оттаяла Ока
и новый мост куда-то тянется
но не дотянется пока

набухли почки стали розовы
как стайка бойкая девиц
отхлынули ветра морозовы
к желтушной радости синиц

и снег на ветках комковатый
как вата снежная в ушах
и все холмы лежат горбатовы
лыжнёю отмеряя шаг

* * *

луна упала в облако ночное
расплёскивая звёзды свысока
ночное небо мягкое мучное
оно — река

над головой деревьев и народов
течёт в недостижимой глубине
и древний ящер из-под тёмных сводов
одним белком подмигивает мне

курчавых туч небесные светила
как стаи рыб несутся надо мной
и если б им терпения хватило
они бы раскрутили шар земной

ТУЛА. УРОКИ МИРА

бабушки тогда вязали шапочки
жарили лепёшки и блины
внуки были олухи и лапочки
пусть их
лишь бы не было войны

бабушки носки вязали спицами
свитера неправильной длины
а война она всё так же снится им
пусть их
лишь бы не было войны

бабушки солили помидорчики
для детей для всей большой страны
и сушили банки на заборчике
пусть их
лишь бы не было войны

ИСТОРИЯ ЖУКА

для жука
перевернулось небо

лежит небо на жуке
а жук лежит
не жужжит
лапками шебуршит
то ли отталкивает
то ли поддерживает
то ли щекочет
небо

а небо такое
круглое
голубое
тяжёёёлое

дайте кто-нибудь
руку жуку

помогите же
мужику

РЕЗУС КРОВИ

карельские комарихи
каждый июль
отмечают праздник
приезда Коровина
напиваются моей кровушки
и отваливаются
сытые и довольные
во сне к ним приходят стихи
про любовь и смерть
и проснувшись
они звенят их по округе
пританцовывая всеми ножками
так что даже слепни и оводы
им завидуют
но сколько эти гнусы меня ни кусают
их всё равно не вставляет
так
как карельских комарих
видимо у нас с ними
один
резус крови
поэтский

* * *

как ящерка нюхает воздух
зелёный потом голубой
так трогает скрипочку Ойстрах
кузнечик залётный любой

как чешется камень о брюхо
о брюхо болотного мха
так музыку пробует ухо
и пробует рыбу уха

как олово озера тает
пуская пловцов по воде
так из лесу ночь наступает
навстречу вечерней звезде

* * *

у реки зелёное течение
а под блузкой маленькая грудь
лето получило назначение
от жары июльской отдохнуть

зарастает ряской скатерть водная
протыкает небо иван-чай
красота — явление народное
сколько нужно — столько получи

и пока купаются купальщицы
ты слова простые не забудь
ходит мимо окон дочка банщицы
прыгай в воду делай что-нибудь

* * *

у эха голодное ухо
оно из реки достаёт
вечернюю рыбу для слуха
и рыба ночная поёт

воркуют немолчные травы
у лодок у самой воды
блестит у речной переправы
мобильный фонарик звезды

и филин глядит не моргая
как куст по дороге идёт
и ухает птица другая
луну изо рта достаёт

* * *

в любой городок приезжаешь
и столько находишь красот
что снова и снова рождаешь
стихи про камыш и осот

про садик с его огородом
про квас и хозяйкины щи
на речкуходишь с народом
и плавки потом поищи

и бегают детские дети
по крышам холмам и лесам
как будто на этой планете
ты всё это выдумал сам

Михаил Михайлович Болдырев родился 3 октября 1950 года в посёлке Погиби Сахалинской области. Стихи пишет с детства. В 1971 году окончил Сахалинское мореходное училище. Работал на судах рыболовного и торгового флота. Довелось побывать в разных странах: в Африке, в Китае, в Корее, на далёкой Камчатке и у берегов Аляски.

А в 2009 году поэт переехал в Коломну и с этих пор — постоянный автор «Коломенского альманаха». В 2013 году в приложении «Коломенский книгочей» вышла его книга стихов «Тайный свиток».

Награждён литературными медалями А.Т. Твардовского, М.Ю. Лермонтова, И.И. Лажечникова и дипломом А.А. Ахматовой.

Член Союза писателей России.

СЕДЯЯ ЛИРИКА

ОДИНОЧЕСТВО

Дождь, раскисшая дорога,
Путь лежит через село.
Вот такая мне морока,
Я вздохнул: «Не повезло».
Вдруг с крыльца: «Сынок, зашёл бы
Обсушиться, переждать.
Глянь, промокнешь до хворобы».
«Я зайду. Спасибо, мать».

В чистой горнице уютной
Мне неловко — мокрый весь.
В этой благодати приюта
Что-то божеское есть.
А на стол хозяйка ставит
Чай, варенье, пироги,
Скатерть белую поправив,
Гладит с краешка изгиб.

«Вот, сынок, согрейся чаем.
Пирожками закуси.
Дождь не долгий — я так чаю,
Гром затих, Господь спаси».

Чай — душист, варенье — сладко,
Пироги с капустой — смак...
Всё бы было в доме ладом,
Только что-то здесь не так.

Вон на стенке парня фото
С чёрной траурной тесьмой.
Смотрит весело и гордо,
С чуть склонённой головой.
И я понял в грустном свете
Молодой душой своей:
Ничего печальней нету
Одиноких матерей.
Жизнь, порою, сдавит хваткой,
Да такой, что не сказать;
На божнице за лампадкой
Богородицы глаза.

Дождь прошёл, сияли лужи;
Чуть парили луг и гать;
«Ты, сынок, коль рядом будешь,
Заходи ко мне опять».
У калитки мы прощались:
«Мать, спасибо за приют».
В окнах долгие печали
Песню тихую поют.
Я пошёл своей дорогой,
Даль — как чистая слеза...
Там у мамы одинокой
Богородицы глаза.

СЕДАЯ ЛИРИКА

Порой так трудно оглянуться
На то, что там осталось позади.
К чему уже не прикоснутся
Ни солнца луч, ни чуткие дожди.
Ничто обязанным не станет
Ни на мгновение, ни на век;
И под луною не растает
Вцепившийся в равнину снег.
Там жизнь — промёрзший полустанок,
Окна желтеющий цветок,
Звезды мерцающая рана
Отметила космический висок.
И в этом грустном отпечатке

Метелями истрёпанных страниц,
Парнишка в старой мятой шапке
Застыл в плену грядущих небылиц.
Ему бы знать, как в двери рвутся вёсны,
Ему бы знать, как жизни бьёт прибой,
Как ангел по росе гуляет босый,
С распушенной до пояса косой.
Но это так, всё лирика седая,
А там, в промёрзшем сумасшедшем сне,
Парнишка, мироздание вдыхая,
До странной боли незнакомый мне.

СГОРЕЛО ВРЕМЯ

Сгорело время. Сыплет прах
На грусть и одиночество ночей,
В которых ты уже ничей.
Таится незнакомый страх
Монетой краденой в словах.

И вяжет пряжу за окном
Дождей бессонных небосклон.
А во дворе, вдруг, женский смех
Летит, как первый лёгкий снег.

На губы, словно на порог,
Ложится колкий холодок.

И день, как тень былых щедрот,
Скользит над ропотом прибоя,
Где я из океанских нот
Слагаю музыку покоя.

ВЕЧЕРНЕЕ

День стихал, как рояль расстроенный —
Каждый звук в нём изломан и глух.
Бирюзовой тоскою напоенный,
Звёзды вывел вечерний пастух.

Потемнели смычки колоколен
И застыли над грифами крыш;
Над наплывшим вечерним покоем
Заметался растерянно стриж.

Но я слышал в мелодиях странных
Из рассыпанных уличных нот,
Как в небесных возвышенных залах
Голос чистый молитву поёт.

И ему безоглядно внимая,
Вырываюсь из хаоса дня;
Есть гармония в мире святая,
Что хранит в этой жизни меня.

* * *

В небе птица — в речке лист
Золотистой каплей;
В камышах, где день завис,
Встрепенулась цапля.

Отражается душа
В чутком поднебесье;
Чудо осени вершат
Лешие в подлесье.

Загулять бы с ними мне
В колдовских поверьях,
Чтоб в рябиновом огне
Быть мне в подмастерьях.

Я б из золота листка
Выковал колечко,
А из алого цветка —
Звонкое сердечко.

Только некому дарить
Сердце и колечко;
Буду с лешими чудить
У холодной речки.

Песню тихую сложу.
Для кого? Не знаю.
Осень вяжет ворожбу,
На меня гадая.

* * *

Стою на ветреном обрыве,
А там, внизу, шумит волна.
Вдали, на облачном извиве,
Боготворима белизна.

Здесь, в одиночестве высоком,
Мечты тревожны и легки;
Стою над синевой глубокой,
И ветер холодит виски.

И всё, что нам недостижимо
За горизонтами надежд,
Вдруг возникает рядом, зримо
Сквозь невозможности рубеж.

Душа ребячится стихами,
Расправив крылья на краю;
Над болью, счастьем и грехами —
Я над землёй своей парю.

ПОДНЕБЕСНОЕ

Небо бьётся в колокольни
тучами вдали.
Ветер день к закату гонит,
кличут журавли.

Кличут, словно потеряли
в травах луговых
поднебесные печали
речек голубых.

Всё идёт к разлуке длинной,
где всему черёд;
журавлиным долгим клином
душу небо рвёт.

Что забудется? Что ляжет
на пути, как прах?
Колокольни, словно стражи,
Встали в небесах.

* * *

Заблудился ветер в поле,
В диких травах заплутал.
Песней стелется раздолье
За ромашковый увал.

Жизнь проста, как это небо
С лёгкой стайкой облаков;
Пахнет клевером и хлебом,
И настоем из медов.

Где-то там, за перелеском,
Город, словно в жерновах,
Ослеплённый жадным блеском,
Мелет время в лёгкий прах.

Потому ищу простора
В этой тихой стороне;
Здесь — без грусти и укора —
Благодать внимает мне.

166

* * *

Оставляя малость на потом,
Не тороплю ни дни, ни годы;
Былое, словно мимолётный сон,
Как та река, в которой нету брода.

И потому так чуден новый день —
Светла его молитва до заката;
И тайны не хранит ночная тень;
Обнажены священные утраты.

Ласкает сердце спазмом тишина,
В ней весь восторг, что есть на этом свете;
И до безумия становится ясна
Моя судьба, с которой дружен ветер.

Евгений Захарченко

Евгений Владимирович Захарченко родился в Курске в 1960 г.

В соловьином песенном крае прошли его детство и ранняя юность.

После окончания военного инженерного вуза в Ленинграде служил Отечеству. Ветеран военной службы. Член Московской городской организации Союза писателей России. Печатался в российской и местной периодике. Выпустил два поэтических сборника: «Рубеж атаки» и «Возвращение».

Победитель конкурса Российского Союза писателей «Георгиевская лента» за 2018 г., лауреат юбилейного конкурса газеты «Благовестник» и литературной медали имени И.И. Лажечникова.

ВСТРЕЧИ-ПРОВОДЫ

ГРААЛЬ

Земную жизнь пройдя до половины...

Данте

Считаю, словно чётки, жизнь свою,
И память — рваный плащ — не греет плечи.
В молитве перед Господом стою,
Слова сгорают тихо, словно свечи.

Но тает в дымке тайная печаль,
Святые лики замерли на страже...
Я с трепетом несу к устам Грааль —
Дозволь, Христос, испить из вечной Чаши?

Земную жизнь я в поиске провёл,
Метался и плутал, но верил в чудо.
И к Богу, словно лодку на прикол,
Причалил сердце огненным сосудом.

Грааль горит, и там, на дне его, —
Та Жизнь, что мы вовеки не избудем:
Густой исток, Святое Естество,
Завещанное всем спасённым людям!

ВСТРЕЧИ-ПРОВОДЫ

Я — на перроне Курского вокзала...
В тумане вырастает силуэт —
Встречаю поезд... Снова входит мама
В московский будоражащий рассвет.

И вьётся хоровод воспоминаний,
Перрон накрыт волною голосов...
И вот она — в цветастом сарафане,
С улыбкою, с котомками даров.

Нас ждёт вдали радушная Коломна,
Где стол накрыт и детвора гурьбой,
Где славный пёс, зевнув, вздыхает томно,
Где дом стоит с распахнутой душой.

Но время мчится быстрым перестуком.
Опять — вокзал в тревожной кутерьме...
Уже даёт сигнал Судьба-кондуктор.
И снова поезд тает в звёздной тьме.

РУССКИЙ СНЕГ

Снег летит над судьбиной остуженной,
Над просоленной пашней крестьянина
И струится позёмкой жемчужною,
Освещая пути к покаянию.

Снег метёт и разносится вьюгами
Над озёрами и перелесками.
Отзывается прошлыми муками
На погостах, завецанных предками.

Снег идёт — укрывает околицы
Человеческих судеб невысказанных...
И проносится снежная вольница
Нерушимую Русскою Истиной.

СОЛОВЬИ

К 75-летию Победы

Пролегли, как морщины, траншеи —
На пергаментном лике войны...
Здесь погибла его батарея, —
И в бессмертье ушли пацаны...

Он стоит возле ржавых останков...
И от боли взрывается грудь,
Вспоминает горящие танки,
Искорёженный траками путь.

...Снова в кронах бушуют свирели,
Вновь на зорьке поют соловьи!
И года, словно залп, отгremели,
И травую подёрнулись рвы...

...Соловьиные вьются беседы,
Как тогда, в сорок первом году.
Вот бы выпить сто грамм за Победу?..
Только не с кем: друзья не придут.

МАРФИНСКИЕ ВИДЕНИЯ

Рвётся сердце в багряное царство
Под раскидистый лапник лесной,
И душа улетает в пространство
Незаконченной звонкой строкой.

На деревьях играет румянец,
Охрой дышит берёзовый лист.
И мерцает дворцовое зданье,
И закат над прудами огнист.

И темнеет причудливым фоном
Околдованный сумраком бор.
Старый парк охраняют грифоны...
И о святости мыслит собор.

И ложатся причудливо тени
Прошлой жизни на выпавший снег...
И волною колеблется Время
Отлетевших голицынских лет.

Декабрь 2019
Марфино

НОЧНЫЕ БЛИКИ

*Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих
перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил,
то, что есть человек, что Ты помнишь его, и сын
человеческий, что Ты посещаешь его?
Пс. 8, 4-5*

Когда таинственной Вселенной
В ночи распахнута Земля,
Потоком звёзд над спящей бездной
Дожди небесные пылят.

И на челе родного края,
Посеребрённом сединой,
Лучи священные играют,
На мир пролитые Луной.

К чему — медлительные блики,
Мерца в тёмной синеве,
Ложатся на святые лики
Вечерних дремлющих церквей?

Зачем в ночи горят лампы
Неутоляемой мольбой,
Звучат молитвы тайным ладом
Над нашей горестной судьбой?

И неужели в этой шири
И мне распахнуто окно?
...Горит в сияющем Потире
Луны причастное вино.

Декабрь 2019
Марфино

Ксения Нагайцева

Ксения Анатольевна Нагайцева родилась в Коломне. В 2014 году окончила Московский государственный лингвистический университет. Окончила Воскресные курсы литературного мастерства при Московской городской организации Союза писателей России. Кандидат филологических наук.

Печаталась в еженедельнике «Литературная газета», в альманахе «Золотое руно», в международном журнале «Золотая площадь», в журнале «Юность», в сборнике «Я лиру посвятил народу своему», а также в сборниках серии «Поэзия многоязыковой России». Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ СИЛА ПОВОРОТА

* * *

Я вижу солнце:
птица высока
и крыльями
кричит издалека.
Под солнцем
не ослепленное око —
я птицу вижу,
будто издалёка:
она летит, легка...
Она легка.
Я и лечу —
стремительной крыла!

Простой полёт
над полем в феврале —
потеряна в снегах
и электричках...
Колёса, перья —
будто налегке.
Да сосны, словно

две сожжённых спички
стоят по обе стороны —
и мне
легко лететь
на рельсовом крыле.

Я вижу город...
Даже — города:
родной, в котором
мать-отец остались...
Другой, в который
дети-птицы мчались
из гнёзд-вокзалов,
были б поезда!
Что, в общем-то,
почти одно и то же:
вернуться в дом —
вернуться в небо может
любая птица,
будто в никуда.

Пока летит —
 её как будто нет:
 стремительная
 сила поворота!
 И каждый день —
 как чёрточка излёта,
 затёртая
 на рёбрышке монет...
 В дороге

угасание вины
 укрыто птичьим пухом —
 засыпаю
 и вижу, как в окно
 опять взлетаю
 с несбывшейся
 ни разу вышины...
 Где снова
 узнаю себя... и знаю!

* * *

Выходишь одна —
 и бредёшь себе вдоль
 высоких деревьев,
 пруда и бетона...
 Посмотришь —
 старуха, собака, ворона,
 две лавки и мост,
 перекрёсток вдали...
 И дальше идёшь
 в этой мокрой пыли,
 чтоб вкривь повернуть
 и за угол, где вдруг
 налево зайти
 и направо — на луг.

Мне есть с кем молчать.
 Говорить — так с собой!
 Топчась на спине сорняка,
 где-то с краю,
 я будто бы двери
 в себя открываю.
 Но лучше в себя не идти!
 Лучше — луг...
 В длину — есть деревья,
 а вширь — есть дороги,
 во мне — ничего,
 только ливень тревоги.

Как будто бы пол
 из алмазных пород
 растаял в болото,
 расплавился в капли —
 и будто
 безмозглая белая цапля,
 я сонно стою

на затёкшей ноге:
 земля растекается
 в хлипкий песочек,
 я съёжилась в хрупкий
 пушистый комочек...
 Сейчас упаду —
 помогите же мне!

Закроем открытые
 двери в себя.
 Свистят дождевые
 продрогшие плети,
 по сторону пруда другую —
 там дети!
 Какие счастливые
 дети вон там...
 Пойти к ним
 и перевести через мост?
 Я, мокрая птица, —
 всего опасаясь,
 вот так, лишь на глупость
 свою опираясь —
 в игру их как курица
 лапой вмещаюсь
 и встану в гигантский
 над ними свой рост?

Пора возвращаться!
 Согреться... Пора...
 Стемнело совсем —
 и не видно, что дальше:
 сгущается холод,
 усилился кашель.
 Вдоль пруда, бетона,
 по краю двора

я молча бреду,
зря открыла те двери.
Собака, ворона...
Вот мой поворот —
пройти, где сидят
молчаливые звери:
как будто к себе,
только наоборот!

Чуть-чуть обойти,
будто знаю дорогу:
вот лавка, старуха...
Темно — хоть кричи!
На ощупь иду...
Только там, понемногу,
плывут перекрёстков
ручные ручьи...

* * *

Словно сам для себя,
ты рождён молодым
в этом чёрном
из детских страшилок дому.
Тут тебе говорят,
что начнутся суды,
кутерьма и ворчанье
в ночи — никому!

Этот дом не страшнее
рассказов о нём.
Кем считаешь себя —
вслух боишься сказать:
словно сам для себя
в этом месте рождён,
и не нужно тебе
ничего больше знать!

Беготня и заботы
обычного дня,
и тяжёлые
чёрные полосы в ночь:
тут взбираться,
ступени большие граня,
и дешёвые сумки
с едою волочь.

Это глупость —
на лбу своём ниткой пришей!
Это — глупость
внутри этих русых волос!
Собери полки две
заповедных вещей
и достань
с наступлением чёрных полос.

Это глупость твоя:
эти книги пусты!
На ладонях, как в мозге —
уже ни следа.
Посмотри-ка
с этажной своей высоты,
как ты уточкой рухнешь:
отсюда — туда!

Словно сам для себя —
хуже, чем для врага! —
в ночь обидишь других
ни к чему, очень зря...
Что там, крылья?
И, боже помилуй, рога!
Когда ты сам себе —
как рождённое «кря».

КОЛОМЕНСКИЙ СЕНТЯБРЬ

Медвяные края: волшебные поляны,
Где тайна колдовства по травам разлита,
где рифмы, как цветы, пленительны и пряны,
потоком лепестков ложатся на уста,

и чудятся кремля заклятые палаты
зорчатым венцом, шиповником зубчатым.

И вьётся, словно флёр, сентябрьская прохлада,
идёшь среди садов — и дышится легко;
осеннего костра неуловимый ладан —
возносится стихом на кромку облаков.

Взлетай же в небеса, напевная свобода,
звени на сквозняке, волшебная струна,
и россыпями строф, и бронзой переводов
наполнится опять медвяная страна!

Роман Славацкий

Поздравляя сегодня Ксению Нагайцеву с юбилеем, как не похвалить её стихи, опубликованные в «Коломенском альманахе»! Как не вспомнить переводы поэзии Элизабет Браунинг, увидевшие свет в предыдущем номере ежегодника! Нынче Ксения живёт в Москве, но для нас она всегда была и остаётся коломенкой. Её имя на греческом означает «Гостья». В нём скрывается некий поэтический символ...

Дорогая Ксения! Приезжайте почаще в родные края, особенно в сентябре, где Вас неизменно ожидают вдохновение и дружба! Да не иссякнет Ваш прекрасный лирический талант, наша самая любимая Гостья!

Коллектив редакции

Михаил Прохоров

Михаил Валерьевич Прохоров родился в 1976 году в Коломне. Окончил исторический и филологический факультеты КГПИ (ныне ГСГУ). Закончил аспирантуру. Работает над темой «Пастернак в творчестве русских поэтов 2-й половины XX века».

Публиковался в «Литературной газете», международном журнале «Форум», в российской и местной периодике. Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Работает в музее-заповеднике «Коломенский кремль».

СОЛНЦЕВОРОТ

* * *

Вот этот день — весной заворожён!
Вот — он уже грядущим бредит...
В холодном воздухе великопостный звон
Играет солнечною медью.

А ночь как будто здесь и не была,
И не глядела в узкие оконца.
Ведь так легко сияют купола,
Осыпанные крапинами солнца.

Синель ложится на притихший наст,
Сидит снегирь на ветке — ярко-красный.
Взгляни на этот мир, Экклезиаст!
Как всё же преходящее прекрасно!

Да, это всё когда-нибудь пройдёт.
И лёгкий пар, что в воздухе струится,
И мартовский ранимый, тонкий лёд,
Чтоб после в новых вёснах повториться.

Но как просты по-детски эти дни —
 Весь этот дар, что нам ниспослан ныне:
 И голуби в сиреневой тени,
 И свет, сошедший в снежные пустыни.

И этот мир становится ясней —
 Мы будто в первый раз проснулись,
 И свет живой *первоначальных дней*
 Лежит на всём, чего лучи коснулись.

И вновь благословляем мы весну,
 Ведь в том и радость бытия земного,
 Чтоб встретить то, что повторилось снова,
 Как небывалую пока что новизну.

* * *

*На протяжении многих зим
 Я помню дни солнцеворота.*

Б. Пастернак

«Единственные дни»

С утра блаженство ощути,
 Дотронься до луча на ткани.
 Смотри: воздушные пути
 Легки, и день не затуманен.

На голубую тень взгляни,
 Вниманье обрати на даты:
 Пришли *единственные дни*,
 Уже воспетые когда-то.

Всегда нечаян их приход.
 Задремлешь кротко, без печали.
 Вдруг солнце в комнату войдёт.
 Очнёшься: вот они настали:

Синеет неба глубина,
 А ввечеру идёшь обратно:
 Такая дремлет тишина
 В алеющих и жарких пятнах.

Легко, как дышишь, в ней живёшь —
 У этой тишины во власти,
 Что даже не осознаёшь
 Тебе дарованного счастья.

Лишь чувствуешь — снега добры,
 И мир — живой *огонь в сосуде*,
 Не понимая до поры
 Того, что всё и дело — в чуде.

И девочки далёкой стать
 Играет просто пред тобою.
 Но невозможно осознать,
 Постичь мгновенье золотое.

Оно возникло вдруг, и — всё.
 Живи в нём и не жди ответа,
 Пока, горя, оно цветёт
 И светит несказанным светом.

* * *

Приходила в сад утром.
Переодевалась,
Готовясь к работе.
Был мир ещё в чуткой и неторопливой дремоте.
И я думал: «Ведь буду с тобою теперь целый день я» —
«Пока день дышит прохладой и убегают тени...»

Сад играл изумрудом.
Пробирался
Июль между веток.
Ты была, как природа. Ты жила, не давая ответов.
Замирала лучом на стволах, на жуках, на растениях —
«Пока день дышит прохладой и убегают тени...»

А потом вечерело.
Перебирались
К теням и прохладе
И стволы, и жуки, и твой луч в изумрудном наряде...
И, его не достигнув, вспоминал я в тоске и смятении:
«Пока день дышит прохладой и убегают тени...»

ЗНОЙ

Под вечер природа бездонней.
В ней блики и тени спуют.
И жаркие листьев ладони
Тепло мошкаре отдают.

Хоть зной отступает, но всё же
Он трогает тело земли.
И медленно с белых дорожек
Уходят его корабли.

И милости, влаги и хлеба
Мы просим — как дальше-то жить.
И фреску поблекшую неба,
Касаясь, тревожат стрижи.

А кто из них не возвратится,
Тот примет под куполом смерть...
И грянет грозой темнолицей
Горящая спелая твердь.

ИЗ ГЁТЕ

Над горными высями — тишина,
И — ей же покорны,
Хранящие лёгкость дыханья её
Древесные кроны.

Птицы молчат — и не слышен лес.
Ни шума, ни дрожи.
Погоди, осталось совсем чуть-чуть.
Отдохнёшь ты тоже.

* * *

О, время, погоди!

Ф. Тютчев

Звонко свою радость
Предала огласке
Вестница надежды —
Синица в чёрной маске.

Крыльями махала —
Снег вокруг пушился.
И всю искрился,
И всю искрился...

Свет пошёл по зданьям,
Свет пошёл по кронам,
По ларькам оранжевым,
Жёлтым и зелёным.

Всё вокруг наполнил
Собою и капелью,
И залил синелью,
И залил синелью...

Тень легла от древа
(Тень с весной знакома) —
Синяя, густая
Тень легла до дома.

День угомонила
(Есть в покое благо) —
И дышала влагой,
И дышала влагой...

Тишины подобной
Я ещё не слышал:
Снег сияет тихо,
Тишью небо дышит.

О, повремени,
Не спеши, мгновенье!
Погоди, о, время,
Погоди, о, время...

* * *

Скоро весна. Следы
Живо синеют.
Замершие сады
Спят веселее.

Город, как водоём:
Движенья, мерцанья.
В розовой дымке днём
Светлеют зданья.

Есть ли какой-то прок
В розовом, снежном?..
Солнца дневной желток
Мутен и нежен.

Вечером даль ясна:
В алом — просторы.
Скоро уже весна.
Скоро, скоро.

* * *

*И в сердце растрava,
И дождик с утра.
Поль Верлен*

Снял с головы пакет, и шум дождя
Накрыл меня своей немолчной сенью.
Спасеньем это стало для меня.
Спасеньем.

И то, что некогда певец сказал:
Растрava в сердце и т.д. — ведь прелесть,
Как сказано — нисколько не соврал.
Но этот шелест...

Да, этот шелест на исходе дня
В листе зелёной, трепетной, вечерней...
Наверное, он всё же спас меня.
Наверно.

ЛЕГЕНДА

Как-то Моцарт домой возвращался. Печально
Было ему... И вдруг, поражён,
В тишине он услышал хорал погребальный.
Погребальное шествие встретил он.

Но ведь вечер уже. И откуда всё это?!..
Будто мира иного виденье ему.
Не касались лучи вечернего света
Ни венков, ни людей, погружённых во тьму.

Погребальные ленты, пурпурные розы,
И меж ними зловещее что-то горит...
Успокойся ж; то вечера тёмные слёзы...
Но смущается разум, и сердце щемит.

И не знал он ещё — лишь домой возвратится —
Погружённый в густую зловещую тьму,
Некто в чёрном неожиданно к нему постучится —
Погребальную службу закажет ему.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

МИХАИЛУ ПРОХОРОВУ — 45!

Коломенские вёсны и зимы, переплетение летних сезонов и призрачных теней — всё это сплетается в таинственный узор Города... И разгадать его, расслышать отзвуки веков и рифм может только настоящий поэт. К числу таких удивительных талантов относится и Михаил Прохоров, наш автор и неизменный друг.

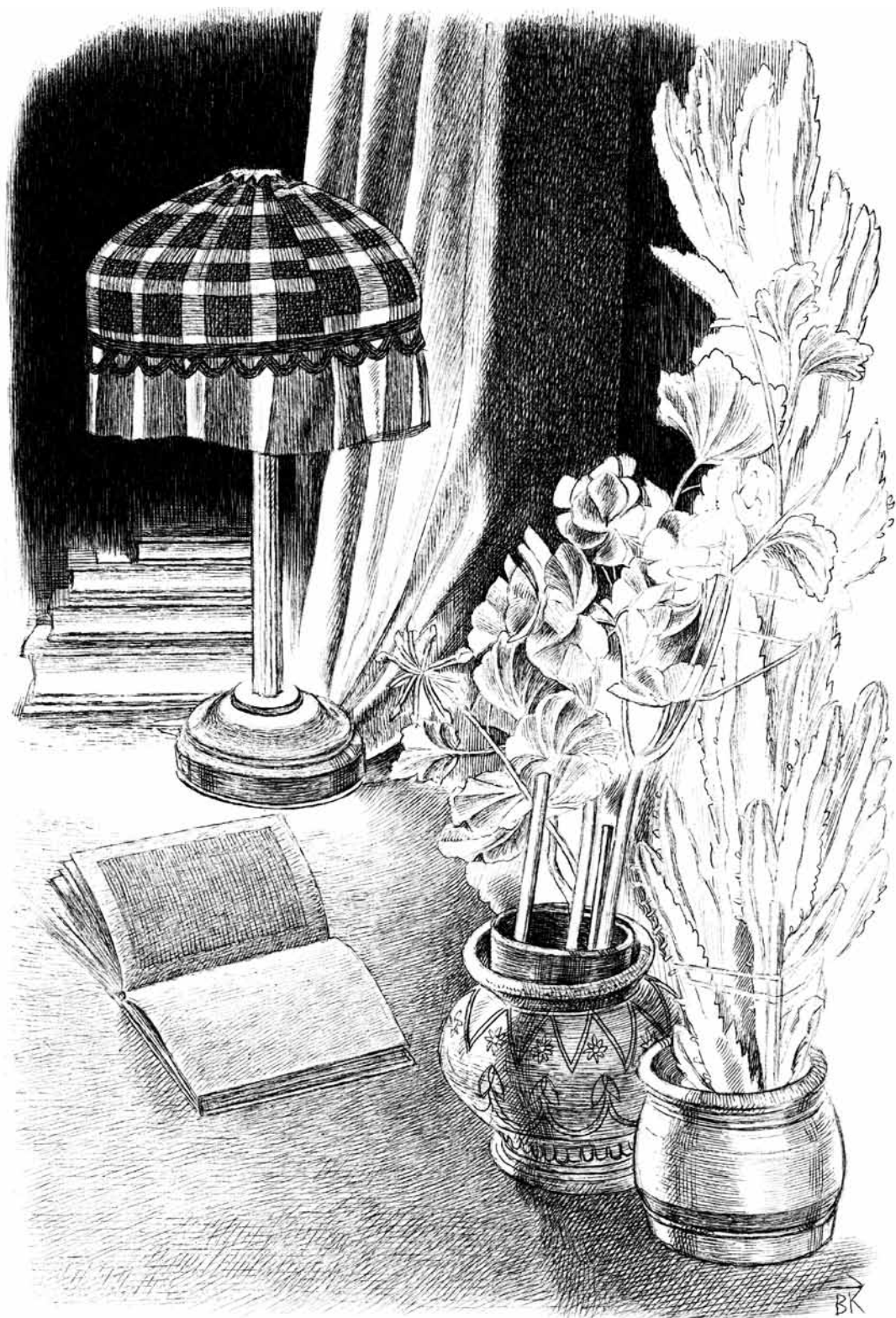
Дорогой Михаил! Мы поздравляем Вас с очередной годовщиной и ждём от Вас новых стихов, которым давно пора уже сложиться в книгу. Надеемся, что она уже совсем скоро войдёт в классику Коломенского текста!

Редколлегия

Беседы
о литературе

Графика Василины Королёвой

Сергей Михайлович Казначеев родился в селе Ундоры, на Волге. Служил в Советской Армии. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Защитил дипломную работу на тему «Расказы и очерки» (руководитель творческого семинара — Александр Проханов). Работал в редакциях газет и журналов. Был обозревателем «Литературной газеты». Член Экспертного совета Книжной редакции Правительства Москвы — заведующий секцией «Москва в классической и современной литературе».

Доктор филологических наук. Организовал и провёл несколько конференций по новому реализму и творчеству Ю.П. Кузнецова.

Печатался в журналах «Литературная учёба», «Москва», «Московский вестник», «Наш современник» и др. Издал пятнадцать книг. Лауреат премий журналов: «Дальний Восток», «Литературная учёба», «Московский вестник». Автор статей о современном телевидении. Одно из последних изданий — учебник «Теория литературной критики».

«ВДЫХАЯ ЧАБРЕЦ, ЗВЕРБОЙ...»

О творчестве Олега КОЧЕТКОВА

Когда я опубликовал книгу «Современные русские поэты» (М.: Институт бизнеса и политики, 2006), где девять глав было посвящено конкретным авторам, то не мог не беспокоиться о том, как к ней отнесётся наша литературная общественность. Было ясно, что моим героям будет приятно внимание к их творчеству. Но их оказалось всего девять. А ещё сто девять стихотворцев обидятся на то, что их обошли пристальным вниманием. Но обида, как известно, проходит.

Гораздо больше, как критика, меня волновала другая проблема: не ошибся ли я с выбором персоналий? Но что, если у кого-то из них опустятся руки, они потеряют веру в себя и свой талант, уйдут из литературы. А ведь в 90-е годы многие делали такой выбор, и трудно их за это осуждать: литература стала неприбыльным делом, закончились тиражи и гонорары, известность и слава, хотя бы и небольшая. Вот и уходили — кто в издатели, кто в журналисты, кто в риелторы...

Сегодня, вчитываясь в то, что было написано пятнадцать лет назад, с удовлетворением отмечаешь, что особых ошибок и промахов в выборе авторов и текстов тогда не было. Закончили, хотя и раньше времени, свой жизненный срок Юрий Кузнецов, Николай Тряпкин и Константин Коледин. Поэты часто уходят неожиданно. Но продолжают свою творческую и продуктивную работу Владислав Артёмов, Виктор Вер-

стаков, Юрий Кабанков, Вячеслав Казакевич, Михаил Попов. Причём часто выходят на новые рубежи, на свою прежнюю орбиту.

Особо волновала меня судьба коломенского поэта Олега Кочеткова. Ему пришлось оставить работу в Союзе писателей, перебиваться случайными заработками, навалились всевозможные болячки. Обо всём этом я узнавал из чужих уст: пересекались мы крайне редко. Поэтому было приятно, что «Коломенский альманах» не забывает о земляке, более того, готов в очередной раз предоставить ему свои страницы.

Много воды с тех пор утекло. Все мы изменились, изменился и поэт, и его критик. Тогда было решено, что надо ещё раз встретиться, посмотреть друг другу в глаза... Естественно, меня беспокоило, как себя чувствует некогда преуспевавший литератор.

Мы увиделись с Олегом на станции метро «Баррикадная». Обнялись, поговорили. Он принёс подборку новых стихов. Значит, не оставляет своего поприща, творит, двигается вперёд.

Меня поразило вид моего собеседника. Вроде бы он должен явиться более строгим, постаревшим, убелённым сединами. Но вышло иначе: Олег явился таким, словно не было этого полутора десятка лет. И что это были за годы! Годы перемен. Древние китайцы утверждали: не дай бог жить в эпоху перемен!.. Поседевшим выглядел я, а Олег остался в той же форме, как и прежде. Чудеса! «Как, Олег, — вырвалось у меня. — Да у тебя волосы стали ещё темнее, чем были раньше!..» Он смущённо согласился и, как юноша, скромно присел на лавку.

Известно, что довелось пережить поэту. Он испытал горечь утрат, безразличие к его таланту, работу не на самых престижных должностях. Когда-то он был ответственным секретарём поэтического объединения Московской организации писателей. В его кабинет, как мотыльки на огонёк, слетались стихотворцы всех мастей, в том числе и непризнанные, мечтающие вступить в Союз писателей. От мнения Олега Кочеткова порой зависела их судьба, тем более что служил он тогда под началом грозного Юрия Поликарповича Кузнецова. После этого значимого поста ему пришлось работать чуть ли не охранником в каком-то учреждении! Метаморфоза! Но Олегу удалось преодолеть житейские невзгоды. А их хватало. Да и книги с середины 90-х годов стали выходить всё реже:

Десять книг при советской власти,
А при нынешней — лишь одна!
Да и то — почитаю за счастье —
Оплатили её сполна
Мне знакомые доброты
Через спонсора-земляка...

Ни высокомерным, ни гордецом он никогда не слыл: был и оставался простым, скромным парнем, эмоциональным, но сдержанным. Рабоче-крестьянская косточка, здоровый провинциализм помогали находить общий язык с собратьями по перу. Но это не значит, что он с пренебрежением относился к своему литературному дару. На обсуждении его сборника кто-то из участников разговора заявил, что в книге есть стилистические огрехи. Олег, помнится, вскипел, поднялся со стула и в сердцах заявил:

— Да нет там ни хрена никаких огрехов!..

Только так и должны вести себя настоящие поэты!

Эти черты характера определяют психологический портрет коломенского автора. Бесхитростность взгляда, взрывной темперамент, сбивчивый говорок — это всё вызывало симпатию в молодые годы, и не прошло с годами. Прежде я немного ошибался в оценке его дарования, но можно сказать и так, что в те годы литературный талант Олега Кочеткова ещё не вполне окреп и не проявился во всю силу. Да, книжки выходили, и стихи в них были интересные, но узреть в невысоком, простодушном паренёчке большого поэта сразу не удалось... Он и сам отлично чувствует драматические изломы поэтической биографии.

Вот что он сам рассказывает в автобиографии:

«Родился я 5 января 1947 года в прекрасном старинном городе Коломне, взлелеянном тремя реками — Коломенкой, Москвой и Окой, в 113 километрах от столицы, в семье отца — Кочеткова Владимира Николаевича, слесаря Коломенского тепловозостроительного (тогда — паровозостроительного) завода, и мамы — Прасковьи Григорьевны (в девичестве — Аблазовой), трудившейся воспитателем в Коломенском доме ребёнка. Корни отца и мамы — Рязанская область, Рязжский район, деревни Шереметьево и Дулов Луг (этой деревни нет на земле больше полувека!) Отец, родившийся 9 мая (для нашей семьи это всегда был двойной праздник, благодаря которому мне удавалось хоть что-нибудь узнавать из его боевой, фронтовой жизни), был в войну разведчик, заместитель командира взвода, получил пять ранений, награждён многими солдатскими медалями...»

Неброские детали биографии на всю жизнь определили содержание и стилистику стихотворных сборников, а главное, обозначили гражданскую позицию поэта. А суть её состоит в том, что Олег Кочетков всегда был на стороне самых простых людей, тружеников и рабочих, а не ново-явленной буржуазии, так называемых «новых русских», которые во множестве объявились после развала большой Страны. В этом смысле его можно охарактеризовать, как искреннего советского патриота.

Скромное происхождение поэта, однако, не привело к узости его мировоззрения и творческих горизонтов. Творчество Олега Кочеткова никогда не отличалось мелкотемьем, ограниченностью изображения деревенского и провинциального уклада жизни, не сводилось к картинам так называемой «малой родины». Напротив, в поэзии его всегда чувствовалось мощное дыхание державного духа.

Какой был торжественный гимн,
Какой был возвышенный слог!..

А нынешний — нет, не живёт.
В нём нету акцентов святых.
Кто вспомнит его, кто споёт?
Ведь нет даже слов никаких!..

Сегодня вернули музыку прежнюю, и даже новые слова появились. Но кто их поёт? Даже футболисты сборной не знают!..

Обращаясь к теме Великой Отечественной войны, поэт не мог пройти мимо фигуры Верховного главнокомандующего:

Он трубку раскуривал долго
В пустом кабинете своём.
Ещё не бурунилась Волга
Под адским фашистским огнём.
К столице крестатые монстры
Ползли, и по коже — мороз!
Тогда своё: «Братья и сёстры!» —
Молитвенно он произнёс.
Под красным торжественным флагом
Встречая священный тот год,
Он видел его над Рейхстагом, —
Уверенно знал наперёд,
Что выпьет за русский народ!

Мне кажется, что это понимание истории вполне созвучно грандиозной акции нашего народа, которую окрестили «Бессмертный полк». Аналогичным настроением пронизано и стихотворение, посвящённое городу-герою на Волге «Назовите его Сталинград». Разумеется, что всё это не имеет никакого отношения к Сталинизму, это о нашем трагическом и героическом прошлом. О наших дедах, отцах, матерях.

186

СЕРГЕЙ КАЗНАЧЕВ

Ещё одна составляющая таланта Кочеткова — интерес к реалиям культуры. Дело в том, что жизнь благоволила к поэту и многократно сводила его с выдающимися деятелями отечественной культуры: Юрием Кузнецовым, Станиславом Куняевым, Анатолием Передревым, Вячеславом Клыкковым, Анатолием Заболотским, Николаем Бурляевым, Анатолием Папановым и многими другими, о ком он рассказывает в автобиографии. Он учился у них, перенимал, дружил, восхищался ими. Естественно, что эти контакты отразились и в стихах поэта. Но вот что поразительно: обычно, когда автор обращается к культурологическому материалу, это приводит к некоторой вторичности, литературности его сочинений. Но Олегу Кочеткову удивительным образом удаётся раз за разом избежать этого: его стихи на эти темы сохраняют первозданную свежесть:

Как ты там — вдохновенный страдалец,
Бесшабашная голова?
Невесёлый межзвёздный скиталец,
Так ласкавший родные слова!
Как же ей там — в дали леденящей,
Среди тьмы беспредельной, светил?
Беспокойной твоей и болящей,
Здесь которую так не щадил,
Ей, душе-то твоей горемычной?
Теперь волюшки — невпроворот!
В нескончаемой мгле безразличной —
Одиночество так же гнетёт?
Чаю, маешься там всё равно ты,

Норовишь всё шагнуть за предел:
Надоели сплошные полёты
Невесомых и призрачных тел!
Космос тот равнодушный, постылый.
И тоскуешь сильнее и сильнее:
«Как же всё там — на Родине милой,
На земле ненаглядной моей!»
(«Передреев»)

Кто-то может заподозрить поэта в некоторой тенденциозности, приверженности умственным идеям, головной поэзии. А где же лирика, вершина поэтического творчества? Да всё дело в том, что Олег Кочетков прежде всего — поэт лирический, он, можно так выразиться, лирик от Бога, причём выражает свои чувства виртуозно и вместе с тем деликатно там, где речь заходит о любовном чувстве или красоте русской природы:

Одуванчик дрожал невесомо,
Полный семени, ждал ветерка.
Но твоя наливная рука,
От которой такая истома
Исходила, к нему потянулась
И взяла его за стебелёк...
Брызнул млечный прилипчивый сок.
Семена подхватил ветерок
Твоих губ, ты поникший цветок
Уронила и мне улыбнулась,
И мне, грешному, сладко икнулось...
(«Одуванчик»)

А вот вроде бы бесхитростные стихи, посвящённые верному другу, собаке. Тут уже отчётливо проявляется близость к есенинской традиции — с такой теплотой Кочетков обращается к этой вроде бы бытовой, прозаичной и даже «незначительной» теме:

Тёмен лес перед сном снегопада,
Меж дерев холодеют просветы.
Забутьё, и дымок сигареты —
Это всё, что, в конечности, надо.
Да лицо моей умной собаки,
На котором глаза так тревожно,
Прямо в душу глядят и, возможно,
Видят всё, что там скрыто во мраке!
Бегай, пёс, по листве почерневшей,
Жуй последние, сохлые травы,
Возле свежих развалин державы,
Рядом с волей моей отболевшей,
С милой, радостной силой живою...
Ты своею повадкою верной
Искупаешь наш разум презренный...

И недаром деревья с травой,
В своей сути, вовек неизменной,
Пред тобою, как есть, пред тобою...
(«Моему Бимке»)

В своём трепетном отношении к мирозданию стихотворец поднимается до философского восприятия, и его сочинения кажутся взятыми из хрестоматии русской классической литературы. Его взор просветляется и становится мудрым, всепонимающим:

Заросший пруд, осока да куга,
Развалины старинного поместья.
В дрожащей поволоке берега,
Расплавленно сверкает поднебесье.

И пегий мох на пасмурных камнях,
Стрекозы над крапивой, лопухами,
Уже столетье в нескольких шагах
Здесь барышня вздыхает над стихами...

В панаме белой, в платье кружевном,
Через разруху, тлен и катаклизмы —
Сидит себе на камушке своём, —
Дыханьем той, исчезнувшей отчизны...

Ты не спугни такой счастливый миг:
Ветла над камнем солнечно струится.
Над этим миром мёртвых и живых —
Шуршит листва, как вечные страницы.

Гляди, гляди с душой почти пустой,
Дитя материализма и застоя,
Как шмель над камнем кружит золотой,
Отыскивая время золотое...

При этом поэт продолжает пристально, вдумчиво вглядываться в неспокойный, бурлящий, изменяющийся мир, разгадывая его загадки и угадывая своё место в нём. Кто он в этом сложном, противоречивом и прекрасном мире? Вот — один из вариантов:

Как славно быть посохом странника,
Бредущего Русью святой.
Кивать ярким шапкам татарника,
Вдыхая чабрец, зверобой.
Купаться в пыли розовеющей,
В песчаных речушках, ручьях.
И чуют простор этот реюший
На всех перепутьях-путях.
И слушать забытое слово,

Родное звучанье его.
И кроме пути ветрового
Совсем не иметь ничего!
Лежать под ночными светилами,
От сенного духа пьянеть
И всеми ольховыми жилами —
От воли бескрайней шалеть!
Под праведной тёплой ладонью —
Омыться дождём и росой,
И кроткою, тихой любовью,
И благостной, светлой слезой...

Образ лирического героя Олега Кочеткова может показаться утопическим. Где нынче обрести такой покой, такую гармонию со своей душой и нашим суматошным, а порой и жестоким миром (вспомним давнее произведение поэта — «Овца», где он с пронзительной зоркостью усмотрел диалектическое единство семейного праздника, свидания близких и неминуемой гибели ни в чём не повинной и кроткой души? Как, наконец, обрести самого себя? Возможно, мечта эта наивна, нереальна, недостижима. Но ведь стихотворение так и называется — «Несбыточное», но именно такие несбыточные цели и должны ставить перед собой современные поэты — кому, как не им, грезить об идеальном и беспредельном.

«ШКОЛА СОНЕТА» В КОЛОМНЕ

Сонет справедливо считается самой изысканной и, наверное, самой древней канонической формой европейской лирики. Ему 800 лет! С начала XX века этот жанр переживает в России невероятный подъём. Бунин, Брюсов, Бальмонт, Ахматова, Гумилёв, Мандельштам и десятки других изумительно талантливых поэтов создали тысячи великолепных сонетов, подлинные шедевры.

Сегодня исследованием этой темы занят Международный научно-творческий семинар «Школа Сонета», объединяющий многих современных сонетологов и сонетистов как в России, так и за её пределами. Руководит семинаром ведущий отечественный сонетолог доктор филологических наук, профессор О.И. Федотов (Москва).

В конце 2020 года в нашем городе создано Коломенское отделение «Школы Сонета». Его возглавил профессиональный поэт, автор десятков книг сонетов Роман Вадимович Славацкий. Он создатель новой канонической формы: «коломенского сонета», в которой сегодня пишут десятки поэтов со всех уголков России.

В 2020 году в Коломне с большим успехом прошёл конкурс «Хвала Сонету!», в котором участвовало больше сотни российских и зарубежных поэтов. Победителем признана «московская коломенка» Лариса Морозова.

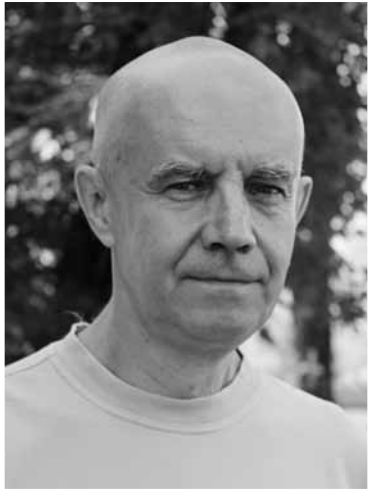
В этом есть своя логика, поскольку в Коломне, начиная с первой половины XX века, существует глубокая и плодотворная традиция русского сонета. Достаточно назвать имена известных стихотворцев: Сергея Шервинского, Александра Кочеткова, Веры Меркурьевой, Павла Радимова, Бориса Архипцева.

Сегодня сложились все условия для развития в нашем городе древней канонической формы и превращения Коломны в своеобразную столицу Русского Сонета.

Положено начало прекрасному поэтическому фестивалю. Есть уверенность, что он станет ежегодным и утвердит славу нашего города на всём необъятном пространстве «русского мира».

«МУЧИТ ТАЙНА КАЖДОГО СВОЯ»

Поэзия на страницах
«Коломенского альманаха»

Анатолий Валентинович Кулагин коренной коломенец, хотя и родился (в 1958 году) в Карелии. Выпускник филологического факультета Коломенского пединститута (ныне — Государственный социально-гуманитарный университет), где работает с 1980 года. Доктор филологических наук (тема диссертации: «Эволюция литературного творчества В.С. Высоцкого»), профессор кафедры русского языка и литературы.

Автор книг «Визбор» (2013; второе издание 2019), «Беседы о Высоцком» (2016), «Шпаликов», «Кушнер и русские классики» (обе 2017), «Лирика Булата Окуджавы» (2019) и других, а также многочисленных статей по истории русской поэзии.

Коломенская земля никогда не оскудевала поэтическими талантами. Не удивительно, что в каждом выпуске «Коломенского альманаха» содержится обширный поэтический раздел. В нём участвуют не только коломенцы, но и гости. Перелистаем страницы последних выпусков издания, выберем для обзора несколько имён, руководствуясь двумя критериями — индивидуальностью того или иного автора и уровнем его стихов. Номер выпуска альманаха для удобства будем указывать в скобках.

Михаил Мещеряков — поэт со стажем. Уже в стихах девяностых годов ощущалось пристрастие молодого тогда стихотворца к той поре, когда год прощается с летом и начинает клониться к своему закату. Помнится, как щемяще и при этом уютно прозвучала два десятилетия назад его «Августовская диалогия»: «Пахнет мёдом и травой — выйдешь в сени, // Воздух прелести лесной — тоже пряный. // И люблю я этот запах осенний, // И по лесу я хожу, будто пьяный». В новых стихах М. Мещерякова (24) эта осенняя интонация, кажется, ещё заметнее. Даже название у подборки соответствующее: «Пейзаж осенью». Кстати, найти подходящее название для подборки не так просто, как это может показаться; судим по не всегда удачному опыту некоторых даже столичных изданий. Редакция же «Коломенского

альманаха» умеет это делать. А стихотворение, подсказавшее (своим названием) название подборки, воспринимается как камертон лирического осеннего настроения:

В сравнении с летом ясным
пейзажи осенних дней
отчётливей и контрастней,
решительней и больней.

Крещендо прилагательных — от сравнительно нейтрального «отчётливей» до недвусмысленного «больней» — приоткрывает скрытую суть осенних пейзажей поэта. Осень, с её прозрачностью и «неярким» колоритом «последних предзимних дней», высвечивает то, что скрыто за густойлетней листвой. От осени — не скроешься. Случайно ли героями последнего цикла оказываются «похожая на Ахматову» и именем, и «копной седых волос», а главное, «царственностью» (но не в поэзии, а в алгебре и геометрии) — пожилая учительница («Памяти А.С. Галчинской»), или старик, что жил «в диковинном домишке», где «ценности водились не в излишке» («Старик»), или «последние садоводы» в одноимённом стихотворении, тени которых мелькают в заброшенных садах? Здесь, кстати, и осенние мотивы звучат: «Туда, в сады, под сень их, // под снегопад, под дождь! // От этих дел осенних // так просто не уйдёшь».

Да и не надо уходить. Осень — в природном ли смысле этого слова, в возрастном ли, философском — грустна, но прекрасна тем, что ты оказываешься один на один с собственной уже большей своей частью прожитой жизнью, просвеченной неярким светом, и твои «осенние дела» без обмана проступают, как проступают очертания уже погрузившихся в зиму деревьев: «Графический их рисунок // не столько красив, сколь прост».

Впрочем, и сама осень через пару месяцев становится предметом ностальгического воспоминания лирического героя:

Ведь скоро и эти клёны,
а липы ещё первой
посбрасывают кроны,
оставив скелет ветвей...

А после о том бульваре
взволнованной детворе
напомнит сухой гербарий
в заснеженном декабре.

И снова тот день вернётся
с прогулкой всей семьёй,
лишь осень руки коснётся
каштановой пятернёй.

Можно спорить о том, удачно ли слово «первей» (с языковыми законами оно согласуется слабо), но многослойная метафоричность двух последних строк превосходна и напоминает о предметности и конкрет-

ности акмеистической поэзии. Хороша и поэтическая техника. Автор пользуется логоэдом: это термин означает равномерное (то есть единое для всего стихотворения) отклонение от традиционного размера, когда ударение падает не на каждый второй (хорей, ямб) и не на каждый третий (дактиль, амфибрахий, анапест) слоги, а словно сбивается, «превращая» в конце строки трёхсложник в двухсложник. Ударными здесь оказываются второй, пятый и — вместо ожидаемого восьмого — седьмой слоги. Этот приём освежает традиционную ритмику, в данном случае обостряя щемяще-ностальгическое ощущение осени. М. Мещеряков вообще поэт техничный: он умеет воспользоваться звукописью («И будет всё: и боль, и быть, // и праздники, и быт...»), анжамбеманом — то есть переносом фразу из строки в строку («Я видел, как на крыши, на // дорогу падали снежинки, // похожие на письма...»), неожиданной рифмой («математики — мать-и-мачехи», «заманчив — мячик», «застать — до ста...»). Правда, в одном месте (в стихотворении «Памяти А.С. Галчинской») рифма потерялась («Была мудра Анна Сергеевна, // но я в воспоминаниях // всё чаще говорю: Андреевна, // запутываясь в отчествах»), но, может быть, это было сделано сознательно, чтобы оттенить «путаную» память лирического героя и важное по смыслу созвучие отчеств?

Если Михаил Мещеряков склонен к рефлексии, к поэтическим воспоминаниям с оттенком ностальгии, то **Наталья Красюкова** (подборка «Точка невозврата», 24) обычно включает своего читателя — даже если речь идёт в прошедшем времени — в лирическую ситуацию, переживаемую *сейчас*. Отсюда — характерные для неё зачины, словно взятые с места в карьер: «И тогда я подумала, как ты похож на Хичкока...»; «По работе в Москву, на Митинский радиорынок...»; «Итальянские авиалинии. // Фьюмичино. Дорога домой...» Здесь другой темперамент, другой склад поэтического «я».

Соответственно, и сами лирические сюжеты Н. Красюковой более динамичны, мы бы сказали — драматичны. Они хорошо звучат со сцены (даже и без гитары, под которую Наталья исполняет многие свои стихи; впрочем, с гитарой дружна и поэзия Михаила Мещерякова), в них есть «эстрадность» в лучшем смысле этого слова — то есть способность быть с первого раза полноценно воспринятыми на слух. Ведь не секрет, что не все даже самые замечательные стихи выдерживают такое испытание.

Возлюбленный героини стихотворения «По работе в Москву...» привозит ей в качестве «сувенира» отрезанный колесом машины лисий хвост, обещая сделать из него «классный брелок». Этот эпизод невольно обозначил трещину в отношениях между героями, ибо «ужасно намотать на колёса — и не почувствовать смерть». А как иначе, если героиня перед встречей, не подозревая о скором зловещем подарке, «покрасилась в рыжий», и равнодушный к ней (так ведь?) герой этого «не заметил»:

Мы расстались полгода назад. Но по-прежнему жутко
Просыпаться и видеть играющий шерстью сквозняк.
И никто не узнает, что новая рыжая куртка
Незаметно в живую лису превращает меня.

Круг замыкается, стягивая лирический сюжет между рыжим цветом волос и рыжим цветом куртки, подсказывающим читателю аналогию в судьбах героини и той самой лисицы. Диапазон окружающих центральный образ метафорических мотивов («и пахнет шампунем охряный // Лисий хвост, а за ним леденеющий чёрный февраль»; «И просвечивал хвост, растекаясь пятном на шторе»; «Просыпаться и видеть играющий шерстью сквозняк»), контрастирующие с тонким духовным миром героини бытовые мотивы («жарила жирную рыбу»; «два стука заглохнут в пыли дерматина»; «целлофановый свёрток»; «вырезая хрящи...») — всё это выдаёт тонкую работу со стихом и компенсирует некоторую мелодраматичность иносказательного сюжета. А оборот «отмывая дамасскую сталь» (это о «вырезающем хрящи» в ванной герою) выразителен и поразителен аналогией колеса с мечом, отрубающим не хвост — жизнь...

Примерно такой же склад отношений между героем и героиней предстаёт перед нами в стихотворении «И тогда я подумала...» Но здесь иная поэтика, опорой которой являются заимствованные слова. Их скопление и выдаёт иронию по отношению к герою:

И тогда я подумала, как ты похож на Хичкока.
Не избыточным весом (ты жилист, как Хомо эректус),
Не пристрастием к саспенсу (ты, от искусства далёкий,
На экране смартфона следишь, как тестируют лексус).

194

АНАТОЛИЙ КУЛАГИН

Эта лексика выступает в той же негативной роли, что и «целлофановый пакет» и «шампунь» в первом стихотворении. Кстати, и «ванная» здесь тоже есть: «Он любил чистоту и тремя полотенцами в ванной // Вытирал всю сантехнику, если нечаянно брызнул». Но варьирование общей для двух стихотворений лирической ситуации не воспринимается как повтор: «хичкоковский» колорит, подчёркнутый и в финале («Ты встречаешь гостей, не снимая ни с левой, ни с правой // По-хичкоковски красных хозяйственных новых перчаток») придаёт ей особое звучание, иронически снижая и переводя в бытовую плоскость весь «импортный сюр». И вообще — не об этом ли вся женская любовная лирика, будь то цветаевское «Вчера ещё в глаза глядел...» или ахматовское «Сжала руки под тёмной вуалью...»?

Ирония — заметная краска в палитре Натальи Красюковой. Лирическая героиня стихотворения «Итальянские авиалинии...» пьёт с попутчицей по международному рейсу шампанское из тосканского винограда и по мере сил общается с ней «на английском простейшими фразами», а потом выясняется, что

...обе мы русские,
Подмосковной картошкой носы.
Я полезла в рюкзак за закусками,
Есть панини, орехи и сыр.

Пуант лирического сюжета — слова попутчицы с простым русским именем Валя — вполне отвечает этому ироническому тону: «Ты не думай,

я вовсе не пьяница, // Просто очень летать боюсь». Так что всё сходится: ни *тосканского*, ни *английского*, ни *хичкоковского*, ни *дамасского*. Лишь *подмосковное*, *русское*, с его поэтически тонкой простотой, драматичной откровенностью и женственностью.

К вопросу о *русском*. В целом «Коломенский альманах» выдержан в почвенническом русле. Вероятно, жизнь в небольшом городе, рядом с русской стариной, провоцирует именно такой литературный настрой. Обнаруживая очередную подборку в «рубцовском» духе, духе «тихой лирики», настораживаешься и предвидишь новую порцию ностальгических вздохов о провинциальной России, которую мы то ли «потеряли», то ли потеряем вот-вот, если забудем о своих корнях. И радуешься, когда эта направленность реализует себя в стихах оригинальных, не похожих на стихи предшественников. Такова, на наш взгляд, подборка **Виктора Кирюшина** «Побудь со мною, тишина!» (23) Достоинство его стихов в том, что они, при своей созерцательности (в хорошем смысле этого слова), не навязывают читателю догматических формул, а словно ставят его один на один с российской природой и российской жизнью, приоткрывают полог и говорят: просто любуйся. Такого эффекта можно добиться благодаря, скажем, поэтическому перечню провинциальных русских городов, представляющему перед нами в стихотворении «На Руси предзимье...» («Как царевна юная наивна, // В небе пышнотелая луна, // А под ней Коломна / И Крапивна, // Нерехта, Кириллов, Балахна...»). Но на одном только перечне стихов не построишь (да и одним «любованием» не обойдёшься) — нужен некий стержень, на который этот перечень будет нанизан, то есть лирический нерв стихотворения, а если шире — общий знаменатель русской жизни. В его роли оказывается здесь зимний (или предзимний) мотив («Ветрено в дубравах Стародуба, // Изморозь на куполах Ельца» и так далее), и этот выбор безошибочен, ибо зима есть, как читатель понял ещё во времена «Светланы» и «Зимнего утра», самое русское время года. Зима — а заодно и предзимье, пора тревожная, настраивающая на долгие холода, которые надо пережить. И в то же время обнадеживающая — ибо пережить постараемся. В таком контексте не кажутся натяжкой и воспринимаются органично христианские мотивы:

Примеряют белые одежды
Улочки, бегущие к реке.
Ангелы тревоги и надежды
Неразлучны в каждом городке.

Свят покров над пажитью и пушей.
Шепчут губы: «Господи, спаси!»
Что нам обещает день грядущий?
Холодно.
Предзимье на Руси.

Два последних стиха интонационно и рифменными созвучиями невольно слегка сбиваются на известное есенинское: «Радуясь, свирепствуя

и мучась, // Хорошо живётся на Руси». Но стихотворение В. Кирюшина не лишается от этого живой убедительности своего предзимнего настроения, разлитого по всем старым русским городам.

Тема зимы, столь удачно обыгранная в первом стихотворении, обнаруживает новый поворот в стихотворении «Зимняя река». Внешне пейзажное («Только стужа ворчит, матеря, // Да метелица путает след, // Вместо жаркого цвета кипрея // Рассыпая серебряный цвет») и этим вполне традиционное для «тихой» лирики, оно оборачивается оригинальной афористической — мы бы даже сказали, философской — концовкой, в которой сквозь зимнюю природу словно проглядывает грядущая весна: «Это дерево знает и птица, // И вода понимает, / И твердь: // Можно заново будет родиться, // Если только рискнёшь умереть». Ненавязчивая, навеянная всё тем же русским пейзажем или какой-нибудь житейской сценкой, склонность к философичности заметна и в некоторых других стихах поэта — скажем, в этих: «Вестниками скорого мороза // Листья вдаль уносятся, шурша. // Мужики стоят у перевоза // И в молчанье курят не спеша. // В час, когда на белом свете сиро, // Мучит тайна каждого своя: // Одного — непостижимость мира, // А другого — краткость бытия».

Щемящие душу «среднерусские» мотивы и ассоциации возникают в стихах В. Кирюшина постоянно. Так, например, привычная нашему глазу герань для него — «цветок российских захолустий», а «огнеликие рябины» сродни «верстовым столбам», так много значащим для сознания слышавшего протяжные ямщицкие песни и читавшего «Мёртвые души» русского человека. Между тем душу лирического героя согревает не только знакомый среднерусский пейзаж, но и «солнечный глоток Санкт-Петербургской сумрачной погоды» («Ты позвони...»). Известная примета внешнего облика северной столицы, вкуче с известным фразеологизмом (здесь — интересная игра слов), гармонично вписывается в лирическое настроение героя, а за строками небольшого стихотворения прочитывается история непогасшей любви:

Приеду.
Виноватый без вины,
И вдруг пойму над невскими волнами:
Ещё не все мосты разведены,
Тем более не сожжены меж нами.

Лейтмотив подборок **Ларисы Морозовой** «Ветер времени» (23) и «Песочные часы» (24) ясен уже из их названий: *время*. Время и большое, историческое — и личное, как будто малое. В стихотворении «Песочница? Песочные часы...», открывающем вторую подборку и давшем ей название, замечаем попытку соединить оба эти смысла, возвысить личный опыт до опыта общего:

Сквозь узенькое горло бытия
Мы все перетекли сюда, не зная,
Что соткан мир из горя и вранья
И пряжа эта тонкая такая.

Не знали мы, что каждому из нас
Назначена своя длина паденья.
Что тем короче будет каждый час,
Чем дальше он от нашего рожденья.

Последние две строки точны с точки зрения психологического восприятия возраста: конечно, время жизни летит тем быстрее, чем старше мы становимся. Но поэзия умеет говорить об известном по-новому. Здесь автор нашёл оригинальный и наглядный аллегорический образ: время падения песчинок в песочных часах неравномерно. Одни (из числа первых) пролетают дольше, другие (из числа последних) — быстрее. Может быть, не вполне оправдан выбор мотивов «горя и вранья»: наверное, мир «соткан» не только из них, да и в стихах ниже будет сказано: «Что будет честью этот одержим, // А этот — слеп, и глух, и нем блаженно». Значит, всё-таки не сплошь горем и враньём полон наш мир — есть и честь. Оставляет некоторое недоумение и последующие — уже финальные — строки: «...Что все мы ничего не совершим. // Что в жизни только время совершенно». В «совершенстве» времени сомнения нет, но насчёт «всех нас» можно поспорить. Или автор, может быть, идёт здесь за Тютчевым, мыслит в духе его известного скептицизма касательно человеческой деятельности вообще на фоне вечной природы («От жизни той, что бушевала здесь...» и проч.). Но выход на такой философский уровень в стихотворении Л. Морозовой поэтически не мотивирован. Стоило, кстати, поработать и над строками «Что этот мальчик сгинет в лагерях, // А этот — предпочтёт края иные...» Хочется спросить: а что — первый лагерь разве сам «предпочёл»?..

Намеченный в стихах о «песочных часах» мотив репрессий более убедителен в стихотворении «Когда душа привыкнет к холоду...», в котором время личное и время историческое переплетаются благодаря трагической конкретике общенациональной судьбы, жуткому потустороннему маршруту, а сам трагизм подчёркнут стихотворной техникой — использованием динамичного вольного ямба, где нечётные строки, и без того сравнительно продолжительные, удлинены ещё за счёт дактилических рифм, а чётные по контрасту с нечётными ужаты до двух или даже одной стопы:

Когда душа
 привыкнет
 к холоду,
Как книга — к пыли,
Идёте вы бродить по городу,
Где вас
 убили.

Здесь день
 ночным
 кошмаром длится
Неумолимо,
Чужие улицы — как лица
Под гримом.

Мотив репрессий у поэтессы уходит и в более давние времена, когда она замечает «странное сближение» между казнью и... трудом «мастериц брабантских», таким мирным и призванным украшать человека: «...Бесцеремонно руки палача // Срывали кружева в воротах адских, // У гильотин и виселиц... Увы, // Чем дольше убиенные мертвы, // Тем нам они становятся милее — // И вновь готов венец для головы! // И кружева... для шеи» («Зря день-деньской, коклюшками стуча...»). Иное путешествие во времени предпринято героями стихотворения «Наваждение». Это стихи о любви, способной перенести героев в другую эпоху («Ты помнишь, как по мостовой // Гремели бешено подковы // И мчали кони нас с тобой // По улицам средневековым?»), а затем как бы вернуть их, уже переживших разлуку («...грядущая печаль // Откроет новую картину: // С толпой воинственной Грааль // Искать уедешь в Палестину»), на изначальную точку — в свою эпоху: «Но тайный времени магнит, // Что правит всем на этом свете — // Мы знаем — нас соединит. // Пусть в небе. // Пусть в другом столетье». Этот поэтический «времени магнит» показался нам не менее выразительным, чем «песочные часы», тем более что сами стихи здесь более прозрачны и более точны. А средневековый мотив прозвучит у Л. Морозовой ещё в иносказательном и тоже, на наш взгляд, удачном стихотворении «Шахматное», в строфе с интересной аллитерацией на «ц» и на «п» и «ш» (в четвёртом стихе): «Человек с судьбой играет в блиц. // На алтарь тщеславия и спешки // Жертвуются рыцари без лиц — // Первые приспешники и пешки».

Роман Славацкий — признанный мэтр коломенской поэзии, мастер сонета, много лет последовательно разрабатывающий именно эту форму. Особенность его сонетов — размещение дистиха вслед за первым катреном, то есть в строках пятой — шестой (традиционно же дистих, если он имелся в тексте сонета, размещался в самом его конце). Р. Славацкий называет используемую им структуру «коломенским сонетом». Некоторая «фирменная» архаичность стиля поэта привычна его читателям и не мешает восприятию стихов: в историко-культурных сюжетах такая стилизация, спровоцированная ещё и «старинной» жанровой природой сонета, уместна, а в приложении к современной жизни оттеняет и заостряет её (жизни) коллизии. Помнится, как ещё в девяностые годы именно этим поразило неожиданное воплощение Р. Славацким в классической сонетной форме драматичной судьбы героя войны, лётчика, коломенца Василия Зайцева («Воздушный всадник! Вот он, древний жребий: // ты выжил в обожжённом дымном небе // и был подбит без боя на земле!..»).

Венок сонетов Р. Славацкого «Черкизовский Парнас» чётко следует законам этого цикла (то есть венка сонетов): он состоит из четырнадцати стихотворений, в каждом из которых первая строка подхватывает строку стихотворения предыдущего. Задача технически непростая, но опытному автору она по плечу. Другое дело, что обязательное формальное требование неизбежно ограничивает полёт поэтической фантазии и влечёт за собой некоторую описательность. Порой начинает казаться, что стихи оборачиваются путеводителем, популярным рассказом о тех, кто бывал в Черкизове — Старках и кто чем в связи с этим местом известен: «Бояре ждут за Северкой-рекой — // вождя встречать пред битвою Донской»;

«И сам Иванчин-Писарев воспел // черкизовскую глушь в своей “Прогулке”. // Затем — Гиляров княжеский удел // в записках воскресил (не без охулки)...»; «Тут славился когда-то род Шервинских: // Василий Дмитриевич — патриарх, // светило земства, гений медицинский, // вдохнувший жизнь в забытый сельский прах», и так далее.

Но Роман Славацкий всё-таки не ограничивается переложением в стихи исторических фактов. История коломенского края согрета у него лирическим светом, эмоциональным восприятием прошлого. Поэт вообще — если вспомнить его прежние циклы — сумел создать поэтическую энциклопедию Коломны: кажется, он не прошёл мимо ни одной из местных достопримечательностей, увидев в ней не только историческое, но и лирическое зерно.

Есть у него показательный композиционный приём: содержательный и эмоциональный перепад в условной середине лирического сюжета. Поначалу идёт ровное — ровное даже при всём трагизме упоминаемых событий — историко-поэтическое повествование: «Да, княжеские мраморы Старков // припомнят всё: и подвиги, и смуты, // Серкизова-Старкова хитрый ков, // предательства кровавые минуты. // Его друзьями схвачен князь Василий, // и пленника изменой ослепили...» А затем происходит резкий поворот лирического сюжета и эмоциональный подъём, в данном случае попутно акцентирующий исторический колорит устаревшим прилагательным в четвёртом стихе:

Но вот пришла расплата за вину,
и все его окрестные владенья
неволей были «проданы» в казну,
и род исчез — угашенною тенью.

Другой пример — предпоследнее стихотворение «венка», где речь идёт о переходе имени Шервинских из статуса их дачи в статус государственной собственности — переходе, ничего хорошего этой местности не давшем, приведшем к её запустению:

...Но сбились ноты, сорваны колки,
И у Шервинских отняты Старки!..
Но Память уничтожить нелегко! —
и снова дышат: проповеди слово
опального священника Дудко,
пророческая проза Королёва...

Поворот здесь даже двойной — сначала к попытке стереть историческую и духовную память, а затем — к её возвращению. Современная тема включена в стихи органично и эмоционально сильно, хотя оценка прозы коломенца Валерия Королёва как «пророческой» кажется нам завышенной. Впрочем, лирическое стихотворение — не критическая статья и не учёный трактат, и здесь эта увлечённость допустима.

Такая — «с поворотом» — смысловая структура вообще характерна для сонета: она спровоцирована его потенциальной способностью «делиться надвое» (восемь стихов плюс шесть — или, как в «коломенском» сонете —

шесть плюс восемь). Это заметно, скажем, в пушкинском сонете «Мадона» («Исполнились мои желания...») или сонете Леонида Гроссмана о поэте Батюшкове («И вот сбылось!..»). На этом мощном традиционном фоне сонеты Романа Славацкого интересны острым лирическим переживанием конкретной местности, придающим эмоциональную убедительность и современное наполнение созданным им поэтическим картинам.

Нечто похожее ощущается и в других циклах Романа Славацкого — «Корабль» (23) и «Белорусские сонеты» (24), хотя там своя специфика: поэт пишет о местах, которых въяве он не видел, и опирается только на память культуры и собственное воображение. Но Коломна присутствует и в них. «Корабль» посвящён коломенскому театру PASTILA, поставившему спектакль по стихам из книги Р. Славацкого «Тёмная леди», и наполнен шекспировскими мотивами, которые переплетаются с коломенскими — как, например, в сонете «Экскурсия», посвящённом коломенчанке, краеведу и музейщику Татьяне Стукниной (каждый сонет в цикле имеет отдельное, персональное посвящение): «Зыбится цветами розными // кремль, шиповником одетый — // у Собора бьются розами // Йорки и Пантагенеты. // Мы пройдемся вместе с Танею, // как дорожку ковровой — // из Шекспировской Британии // до Ахматовской Коломны». Здесь может вызвать сомнение рифма «розными — розами»: «розные» — это ведь не «разные», а тоже «розовые» (цветочки шиповника), то есть — неологизм? Если так, то рифма тавтологична. Но сам выход «из Шекспировской Британии» в «Ахматовскую Коломну» эффектен и оправдан, ибо шиповник — цветок ахматовский, ассоциировавшийся у поэтессы с коломенской землёй, с тем же Черкизовом («Шиповник Подмосковья, // Увы! при чём-то тут...»; кстати, «Шиповник» — название ещё одного цикла сонетов Р. Славацкого). О «Белорусских сонетах» же нам доводилось писать в небольшом предисловии, предпосланном их публикации; отсылаем читателя к нему.

Название подборки стихов **Татьяны Башкировой** — «Непросто живу» (22) — выбрано тоже очень точно. Понятно, что «просто» не живёт никто, но случай Т. Башкировой — этот тот случай, когда лирическая героиня, с её тонким душевным миром, несёт на себе «оковы быта». Жизнь на грани поэзии и ежедневной обыденности — вот основное содержание вошедших в подборку стихотворений. Конечно, здесь сказывается женская натура автора: заботы о доме, о семейном очаге для неё естественны. Отсюда — двойной отсчёт, когда одно оглядывается на другое, не конфликтуя с ним, но сохраняя «мирное сосуществование»:

Синий звенящий полёт
В необозримую даль...
Мне повседневных забот
Ни на минуту не жаль.

Будто бы горький упрёк,
Видятся сквозь облака:
Матери скорбный платок,
Малого сына рука.

Близкие люди, повседневные заботы — без всего этого жизнь лирической героини Т. Башкировой непредставима. И хотя будни тягостны, хотя они отрывают время у поэтического вдохновения — без них и вдохновения не будет, и счастливые минуты, когда оно приходит, не будут ощущаться так остро: «Куролесить, брести, — да не выйти // За околицу будней моих».

«Околица будней» — хорошо сказано. Татьяна Башкирова — человек городской, но жизнь в пригороде (Шурове), на грани («околице») между городом и селом, вкупе со складом дарования и собственными литературными вкусами, располагают её к лирике, близкой к природе, к почти деревенскому укладу. В её поэтическом мире есть место «поросшей бурьяном воде» и «продрогшим кустам чернотала», «осенней блёкнувшей траве» и «плакучим туманам». И лейтмотивом протекает через её стихи родная Ока, возле которой поэтесса выросла и прожила всю свою жизнь: «Вдруг оступилась ногой // На небо вместо земли, // И над моею Окой // Ветры меня понесли» (метафоричность этих строк замечательна); «А вернусь — обрету небывалый покой, // Поклонюсь полевому цветку над Окой»; «Тонконогий месяц бродит над Окой...» (а здесь ощущается лёгкий есенинский налёт; напомним: «Рыжий месяц жеребёнком // Запрягался в наши сани»). Давняя эстрадная песня «Издаেকে долго течёт река Волга...» — это словно о лирической героине Татьяны Башкировой, только Волгу в цитате нужно заменить Окой...

Встречаются у Татьяны Башкировой героини со своим именем и своей судьбой, но, невольно сравнивая такие стихотворения с «чистой» её лирикой (где всё — «о себе»), замечаешь в таких героинях нечто от самой поэтессы, словно превращающих их в своё *alter ego*. Общее здесь — внутренняя жизнь, жизнь души, недоступная и непонятная окружающим, готовым посудачить о «странной» соседке. Такова, например, Анна из одноимённого стихотворения (кстати — сельчанка):

Она не знала сельских сплетен —
Одна, который год подряд...
И был до боли неприметен
По выходным её наряд.

«До боли неприметен» — казалось бы, оксюморон, алогизм: может ли неприметное причинять боль? Может, если смотреть на него не по-житейски, а поэтическим взглядом, проникая в драму человека «не от мира сего». Скромный наряд неприметен человеку равнодушному, но поэт примечает всё. А «странность» Анны оправдана в итоге тем, что «со всего села // К её окну слетались птицы, // В предзвездье ждущие тепла». Эти строки перекликаются с помещёнными рядом строками другого стихотворения поэтессы: «Нет перстней на руках, а в ушах нет серёг, // На моих башмаках — пыль нездешних дорог». И ещё что-то есть в этой Анне от солженицынской Матрёны, от героинь распутиных повестей. Не только бессребреничество, но и совестливость — как в другом стихотворении Татьяны Башкировой — «Плач бабушки»: «Тяжко мне на сердце, стыдно от людей».

В редакционном врезе, предваряющем подборку **Андрея Костина** «Далёкий год» (24), сказано, что «часто в коротких и ёмких строфах автор передаёт ностальгические чувства». Речь идёт, судя по всему, о серии восьмистиший, образующих внутри подборки неформальный цикл — её своеобразную сердцевину. Нам же кажется, что дело тут не только — а может быть, и не столько — в ностальгии. За внешне ностальгическими мотивами в этих стихах слышится ироническая нота:

Военное училище и то
к зиме казалось сонным лазаретом.
Бойцы сутулились, как штатские в пальто,
и маялись по классам непрогретым.

Их выгоняли раз в неделю на муштру.
Дежурный офицер кричал команды
шеренгам мнущимся, промозглому утру.
Под эхо рваное сбивали шаг курсанты.

Непохоже, что воспоминание лирического героя — всерьёз. «Сонный лазарет», «сутулились», «маялись», «на муштру», «эхо рваное» — вся эта лексика для ностальгии не очень характерна. Автор стихов в самом деле учился в военном училище, и судя по его возрасту, это было в «перестроечные» годы, когда идея «великой страны» и «великой армии» переживала кризис, а юное поколение отчётливо ощутило фальшь приевшихся громких лозунгов. И ещё: настроенный на волну традиционной «ностальгической» лирики читатель ждёт какого-то развития лирического сюжета, позволяющего сказать, *о чём* стихи. Здесь этого нет: перед нами воспоминание из прошлого, как бы фотоснимок — и всё. *Ни о чём*. А вот ещё одно восьмистишие такого рода:

Ступени башни — Университет,
и путь к нему, как поле космодрома.
Аллеи спят, пока ещё рассвет.
Асфальт блестит, залитый плёнкой храма.

Мы все парили с Воробьёвых гор.
Я зависал над чашей стадиона.
Там на табло, где гости — «Пахтакор»,
И кто забил, я помню поимённо.

Начало стихотворения обещает развитие мотива известных советских символов — сталинской высоты на Ленинских горах и космодрома, откуда стартовал первый в мире космонавт (и вслед за ним — остальные). И если в третьей строке такое обещание ещё ощущается, то в четвёртой мы уже замечаем подвох («плёнка храма»). И дальше вместо полёта в космос нам иронически предлагают «зависание» над чашей стадиона (неподалёку от МГУ находятся Лужники), а официальная символика подменена цифрами и фамилиями на футбольном табло. Такой вот «космос». Впрочем, снижающая пафос нота слышна в стихах не только о давнем советском

прошлом, но и о западноевропейском настоящем: «Остывший храм, как Гулливер, // Рекламой греется на крышах» («Милан ушедший, где текла вода...»). Так что мы здесь имеем дело со складом таланта, близким, кажется, поэзии постмодернизма, склонной смотреть на мир и на его устоявшиеся ценности сквозь призму иронии.

Поэтому значение коротких стихотворений А. Костина нам видится в том, что они своей мозаичностью, «осколочностью» отразили осколочность сознания человека последних советских и первых постсоветских лет. Стройная (пусть даже и возведённая искусственно) картина бытия рухнула, и человек оказался один на один с этими руинами. Кстати, примерно в ту же пору (если точно — в 1994 году) известный петербургский поэт Александр Кушнер написал свой цикл восьмистиший под названием «Стансы»; порой кажется, что и они — *ни о чём*. Тоже мозаичны и осколочны. Когда автор этих строк поделился с Александром Семёновичем соображением о том, что «Стансы» выразили таким образом кризисное сознание переломных 90-х, он с этим согласился. Может быть, и Андрею Костину стоило бы собрать свои восьмистишия в оформленный цикл — тогда их внутренний, неочевидный поэтический смысл стал бы более рельефным. А может быть, как раз и не надо собирать: осколки так осколки...

Рядом с такими «стансами» Андрея Костина иначе звучат и стихи, при первом чтении кажущиеся традиционной «лирикой всерьёз». Открывающее подборку стихотворение «По рязанской ветке...» как будто претендует на иносказательность и, может быть, на социальную остроту: «Тех, чей натиск слажен // до самозабвенья — // поголовье граждан, // смятых в ополчение». Речь о переполненной пригородной электричке, и сразу вспоминается шутка позднесоветских времён «длинная, зелёная, пахнет колбасой», и мы настраиваемся на соответствующий лад. И вдруг — внезапная концовка: «Ещё долго, долго // до “Белоозёрской”». *Ещё долго* — и что дальше? А опять — *ничего*. Почти как «Петушки» в знаменитой, стоящей у истоков русского постмодернизма поэме Венедикта Ерофеева. Туда можно *уехать*, но *доехать* не получится.

Имя **Марты Марковой (Ломако)** появилось на коломенском литературном небосклоне недавно, но двумя подборками — «Запах дыма» (23) и «Жатва» (24), а также вышедшим в серии «Коломенский книгочей» сборником стихов (вообще книги есть у всех упоминаемых в нашем обзоре поэтов), она сразу заявила о себе как оригинальный автор со своим видением мира. Ключевая, как нам кажется, черта её лирики — обращение к мифопоэтике, сопряжение запечатлённого в мифологии многовекового культурного опыта и опыта современного человека. Этот синтез, с одной стороны, приближает мифологию к нам, а с другой — словно поверяет древние истины нашей нынешней жизнью. Как показательно в этом смысле название одного из стихотворений: «Маленькая трагедия обыденности». Определение «маленькая трагедия» ведёт через пушкинскую ассоциацию не менее чем к архетипу первых людей, с которых и начинается в культурном сознании если не трагедия, то уж точно драма отношений мужчины и женщины, отозвавшаяся в судьбе современных Адама и Евы:

И Адам соберётся — работа с утра допоздна,
Докурив сигарету, уйдёт; опустеет квартира,
И опять тишина размышленья достанет со дна —
Только Ева и кот, на руках её дремлющий мирно.

Только Ева и кот в полутёмном слезливом дыму,
Только ветер с балкона устало бросает окурки,
Что остались от страсти и скоро угаснут во тьму,
Превратившись лишь в пепел, что встретится нам в переулке.

Эти строки крепко «сделаны», они хороши не только уже отмеченной нами мифологической подкладкой сегодняшнего дня («Только Ева и кот...»), но и психологически мотивированными метафорами: «размышленья», лежавшие на «дне» сознания героини и всплывшие с уходом «Адама»; «слезливый дым» — слезливый, потому что хочется плакать; а многослойный метафорический разворот мотива «окурков» вообще великолепен нисходящей цепочкой *страсть — окурки — пепел — тьма* и точностью бытовой зацепки (курение на балконе). Ну разве что можно «придраться» к лингвистически неточному обороту «угаснут во тьму» и к слову «встретится» по отношению к пеплу (точнее было бы сказать — «попадётся»).

Другой, уже античный (с поправкой на библейское, христианское), миф обретает новую жизнь в стихотворении Марты Марковой «Икар», построенном как лирический парадокс:

Мы от смерти до смерти струною бежим по грифу,
На ходу собирая в громады за цифрой цифру,
Чтобы этим значком хоть на йоту приблизить Бога.

Но, как будто назло, мы бежим от Него всё дальше;
Человек — на пластинку записанный отзвук фальши,
Что стирает и снова наносит незримый Логос.

Метафизичность этих строк хотя и напоминает немного о манере Бродского (ср.: «...и человек есть испытатель боли»), интересна последовательным сцеплением мотивов музыкальных («струною бежим по грифу» — «на пластинку записанный отзвук фальши»), математических («за цифрой цифру» — это о возрасте) и словесных (имеющие опять же мифологический оттенок «йота», «Логос», вообще мотив письма). А сам парадокс развивается и разрешается в кульминационном четверостишии: «И однажды Икар в закоулках отыщет Солнце — // То, что в книгах сияет пульсаром, мой юный друг. // Он сожжёт свои крылья, и память его сотрётся... // Потому что нельзя докоснуться до Божьих рук». Не кажется ли странным обращение «мой юный друг» в стихах молодой поэтессы? Нет, потому что лирическая героиня стихотворения словно прожила те самые «громады» — «за цифрой цифру», и говорит с высоты прожитой в стихах долгой жизни.

Вообще, поэт всегда живёт «с опережением». Лирика Марты Марковой «не по годам» философична, в ней лирически осмысливается человеческая

жизнь, её пути и внутренние законы, её драматизм и противоречия: «Я убываю, как стан восковой свечи, // Пламени духи отходят в былую даль. // Только не будем о грустном. Взгляни: зачин // Сказки весенней бежит по людским следам» (Салют»); «И человек, сирота, // Собрав пожитки, // Бредёт — без чёрта, без Христа, // Без страсти в жилах... // Но крутит фатум колесо // И рельсы жалит, // И поезд хлёткою косою // Сбирает жатву» («Жатва»; отметим попутно выразительную зримость метафоры и то же переплетение мифологического и современного во втором четверостишии); «Клён был юн и тонок — // Дрогнул, шелестя... // Я была — ребёнок, // Глупое дитя. // Вышла — заплутала // Меж дорог иных: // В городских кварталах, // В петлях временных» («На тропинке сонной...»). Пожелаем же хорошо начавшему автору счастливых и плодотворных поэтических «плутаний», и при этом — верности Главной дороге.

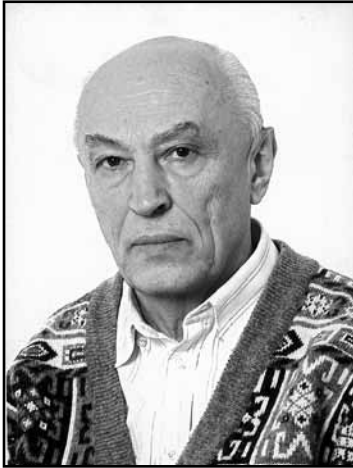
На страницах обзора невозможно сказать обо всех авторах, чьё творчество заслуживает читательского интереса. Назовём, например, прочувствованный цикл **Григория Вихрова** «Моей матери» (22); написанные в лучших традициях «тихой лирики» стихотворения **Олега Игнатьева** (22), из которых нас особенно впечатлило своим драматизмом «Хмельная свадьба съехала в овраг!..»; настоящую на «шестидесятнической» закуске лирику недавно ушедшего из жизни **Владимира Дагурова** (23); не теряющие молодой свежести и динамики строки старейшины коломенской поэзии **Михаила Болдырева** (24)...

Но публикации поэтического раздела порой дают повод и для критики. Некоторые стихи в альманахе (фамилии авторов не называю) бедны по поэтической мысли и банальны по технике, по рифмовке — например: «А звёзды светят ярко, // Чуть месяц оттеняют. // Чтоб в доме было жарко — // Огонь в печи пылает. // Мороз всю ночь крепчает, // Трепщит и в щели лазит, // Своё он дело знает — // Узором окна красит». Некоторые излишне высокопарны: «Отгорела дивная Аврора. // Буйство многоцветья полилось. // В спальню восхитительного бора // Утро дерзновенно ворвалось». Некоторые выдают нехватку вкуса, тем более заметную, что она приправлена религиозностью: «Вдоль сияния Крестного хода // Я искал тебя, нежно скорбя. // Я искал, я блуждал среди народа, // Только в сердце нашёл / У себя». Некоторые же явно вторичны. Читая такие, скажем, строки: «Когда кончилась война, // Я, ребята, не заметил. // Та же серая стена, // Те же койки в лазарете. // Справа — Жорка Гогия, // Слева — голая пружина. // А на третьей койке — я, // А точнее — половина...» — сразу вспоминаешь «Песню о госпитале» Высоцкого; отдельные мотивы, интонация и стихотворный размер заимствованы оттуда («Помер мой сосед, что справа, // Тот, что слева, — ещё нет...»). Впрочем, рифмы у автора интересны, нестандартны: «Гогия — койке я», «култышек — Рыжик», «глупо — Цхалтубо».

Может быть, в будущем стоит сократить поэтический раздел, увеличив за счёт этого объём краеведческих материалов, которые вообще, на наш взгляд, являются самой сильной составляющей издания? А с другой стороны — будет, наверное, неправильно, если авторы не первого, скажем так, ряда совсем лишатся трибуны. Как бы то ни было, право выбора остаётся за редколлекцией, а право «естественного отбора» — за читателем.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСТОЧКА

Памяти Владислава Леонова

Детство! И грачи, и ледоход!
Где-то — меж землёй и небосклоном —
в даль послевоенную плывёт
лёгкий самолётик над Коломной.

Что ещё милей для пацана?
Там, внизу, родная старина:
«Блюдечко» и кремль, сады и крыши.

Но вернётся этот вешний блик,
и придёт опять — в страницы книг,
и очнётся — памятью и тишью.

— Час придёт — бессмертием дыша,
мы стряхнём с себя обноски плоти!..
...Что там, в небе? Может быть — душа
отлетает, словно самолётик?

Роман Славацкий

Даже в Москве Владислав Леонов не утратил сердечной связи со своей родиной — Коломенским краем. Связь эта проявилась в книгах и прежде всего в романе «Грачи мои, грачики...». Заречные просторы, Сергиевское, бобринский берег, сельская жизнь 60-х годов со всеми её сложностями — всё это показано без прикрас, но честно и с любовью.

И уже в старости он вернулся на родину: в «Коломенском книгочее» была опубликована повесть «Крылья для братца». Проникнутый ностальгией рассказ о послевоенном детстве, о Новой Стройке — рабочем посёлке при Коломзаводе, наполнен ощущением весны, ледохода, полёта над городом. Эти строки стали последней весточкой из детства, возвращением в родной край. И похоронен Владимир Николаевич в коломенской земле...

Вечная ему память!

Коллектив редакции

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница (Польша) в семье советского офицера. Окончил радиотехнический факультет Воронежского политехнического института и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор литературно-критических книг «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014), многих публикаций в журналах, а также газетах «Литературная Россия», «Российский писатель», «Литературная газета», «День литературы». Председатель Совета по критике Союза писателей России. Заместитель главного редактора журнала «Подъём». Живет в Воронеже.

Вячеслав Лютый

КОВЧЕГ

Изображение и смысл в стихотворениях
Евгения Юшина

Не куплю я дали за рекою,
Ни лугов ромашковую песнь,
Ни боров брусничные покои —
Потому что это я и есть.

Евгений Юшин

Русская поэзия сегодня довольно скупо изображает окружающий человека мир. Как правило, наиболее рельефные черты пейзажа или жанровой мизансцены в стихах присутствуют очень выборочно, штучно — дабы подвести сюжет к конечному обобщению целенаправленно и не отвлекать внимание читателя на нюансы, как бы схваченные боковым зрением. Почти не встречаются природные панорамы, в которых одна деталь с непостижимой естественностью и свободой соединяется с другой, третьей — и при этом авторская мысль никуда не уходит, но явно возвращается в текст и обозначает общий лирический итог поэтического рассказа только в финале.

Теперь всё больше внимание пишущего сосредоточено на интерьере, вещах мелких, ситуациях обиходных. Сор, из которого произрастают стихи, по саркастической мысли Ахматовой, ныне вторгся в поэзию и самоутвердился. В огромной степени это касается стихотворений «либеральных» авторов, вплотную занятых проблемами самовыражения. Но и так называемая «консервативная» лирика не чужда соблазну познакомить нас с мелочами жизни поэта и штрихами его частной жизни. Гротескные картины городского быта здесь адресуются, скорее, уму читателя, нежели его чувству и ощущению красоты.

Провинциальное или сельское житьё-бытьё дается в определённом смысле «по факту»: герой — органическая часть создаваемой стихотворной композиции, а в интонации повествования нет скрытой, практически невидимой стороннему глазу прикрепленности к городу. Нет тайного сопоставления мегаполиса и деревни, когда удивительная по выразительности картина, увиденная нынешним жителем «каменных джунглей» в сельском отчем крае, стала бы главной и самодостаточной.

Одухотворённая во всех своих приметах и людях, эта поэтическая живопись, а порой и рисунок — редкость по нынешним временам. Поэты, которые выбрали для себя такой художественный путь, во многом оказываются творческими наследниками Есенина. Внутри подобного литературного окоёма можно найти разные и взаимно не похожие голоса. Стихотворения Евгения Юшина — одно из самых ярких явлений этого корпуса современной русской лирики.

У Юшина есть две строфы, которые могут служить своего рода духовно-творческой моделью его авторской речи:

Вишни падают. Вся земля под деревьями — сыпью.
Подобрав гребешок, как заплата цветная, петух
Боком, боком, вприсядку по грядкам шаги свои сыплет.
И угрюмой индюшкой уткнулся в корыто лопух.

Я люблю это время молочное в сахарных осах.
Тонкий ломтик луны у горбатых под сеном телег.
И всё смотрит куда-то сквозь поле и небо берёза.
Что-то знает душа, но не может понять человек.

В первых шести строках даны время и ближнее пространство. В предпоследней строке — пространство широкое, которому свойственно одиночество. В финале обозначена метафизика, экзистенциальная невысказанность, неподвластная формулировкам: «не может *понять* человек» — житейское; «что-то *знает* душа» — неземное.

В той или иной мере такой смысловой строй присущ очень многим произведениям поэта. Даже там, где изобразительная задача целиком владеет автором и он закольцовывает сюжет наглядными предметами, с которых и начиналась вещь. Даже там внутренняя раздвоенность его чувств и сознания скрыто присутствует в тексте и сказывается в акцентах словесной картины. Именно потому жанровые и природные сюжеты у Юшина не становятся декоративными. У иного автора подобные детали только множатся. И едва ли не главным достоинством поэтики такого сочинителя оказывается лишь этот, несомненно, важный приём и умение им пользоваться «не по чину».

В стихах Евгения Юшина пейзаж не перегружен избыточными деталями. Но, обозначив явление или его фактурную, узнаваемую часть, автор перемещает свой взгляд дальше и создаёт панорамное изображение. Склонность к панораме при соприкосновении с внешним миром можно счесть главной особенностью зрения поэта. В этом движении певца-наблюдача есть некая затаённость. Его речь адресуется куда-то вовне — тем людям, которые должны «войти» в поэтическое око и принять всё, им

увиденное: радостное, грозное, печальное, достойное восхищения и поклонения, сочувствия и горькой слезы. В этом мерном переходе взгляда от одного к другому можно найти образ целого, которое нельзя разъять, дабы не разрушить красоту внешнего и глубину сокрытого. Совсем не так — во множестве современных «стихотворений-телеграмм», переполненных разными мелочами и штрихами. В них интонационные и сокровенные связки между срезами реальности и оттисками души, кажется, намеренно изъяты из контекста, вырезаны виртуальными ножницами — характерным инструментом лихорадочного рассудка стихотворца. У Юшина — иначе.

Здесь люди красивы, как вольного неба размах,
Но взоры неспешны: душа не откроется сразу.
И девушки царственно носят озёра в глазах,
А парни задумчивы, как мускулистые вязы.

Здесь дни широки, а полночные звёзды остры.
Леса молчаливы, но всё о себе понимают.
Туманы буксуют на волнах коричневой Пры.
Леци из густых омутов зеркала поднимают.

Сгущаются красные сумерки возле домов.
И мчит колесо золочёной листвы издали.
Придут Кочетковы, Степашкины, Коля Нырков,
И старый баян развернёт угловатые плечи.

Не только за чаем мы будем сидеть допоздна.
Пройдут, не спеша, перед нами дожди молодые,
Раскаты объятий, мурашки рассвета, весна, —
Вся жизнь пролетит, и накатятся слёзы седые.

Потом все разъедутся. Встанет луна у ворот.
Притихнут собаки, и в сердце осядут печали.
И спелое яблоко гулко в траву упадёт,
И старый баян замолчит, пожимая плечами.

Стоит особенно отметить, что у Евгения Юшина всё, о чём он пишет, принадлежит *нам всем* — даже когда речь идёт о чём-то личном. У него очень часто встречается или подразумевается оборот «у нас тут» («только здесь», «нам ближе»). И кажется: входя в душу поэта, ты принимаешь как давно знакомое то, что лишь сейчас увидел и понял, почувствовал и оценил.

И только здесь, где поля — вволю,
Душа, страдая, познаёт
И липы голос колокольный,
И взгляд старухи у ворот.

У читателя — своё поле, и он догадывается, что душа познаёт мир, только страдая и отдавая часть себя другому, может быть — *всем* («старуха») или *всему* («липа»). Но здесь возникает ещё и контраст динамики

происходящего: голос колокольный *звучит*, старуха смотрит *пристально*. Движение и покой в непостижимом единстве пронзают твоё сознание, скользящее по лирической странице — оно принимает нарисованное как что-то личное, собственное, уже неотделимое от твоей прошлой и настоящей жизни, от родной земли и певца, нашедшего путь к ещё одному сердцу.

И нет над нами рая,
А он вокруг, а он внутри болит.
Дыханьем сосен лето догорает
И сердце, словно угли, шевелит.

Юшин в стихах изобразителен, но не рассудителен. Он как бы даёт в финале очередной истории свой маленький авторский комментарий. Между тем, комментатор не равновелик увиденному. Будто выходя из живописного полотна, он взвешивает положенное на холст — и существующее, а потом опять уходит в краски и линии, вышедшие из-под его руки, оставляя читателю свет и тени, лица и пространство, домашний обиход и приметы леса, поля, неба и земли. В его сюжетах всегда присутствует очень точный ключевой образ, который связывает стихотворную ткань с визуальной, ум — со зрением:

Мы и живём-то, словно что-то просим,
Подобно зимним птицам на снегу.

210

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

Отдельная от больших городов провинциальная жизнь, скудная и самодостаточная, по полноте чувств такая же, как и в другом удалённом от шумного центра месте («И здесь живут, и здесь чему-то рады, / И здесь хватает муки и страстей»). У поэта, зимнего жителя мегаполиса, совсем не найти сухого, безжалостно трезвого ума, ныне особенно распространённого в своём космополитическом изводе, но есть — безоглядная вовлечённость в русский мир. С городом автор не связывает собственный путь — судьбу и творчество, потому что иллюзорный асфальтовый рай высушивает человека. И он уезжает из города в деревню, в «домотканую провинцию», возвращаясь к истинному ощущению жизни («Изо всех карманов город выброшу...»).

Когда Юшин погружается в реалии природы, он почти всегда использует как художественный приём олицетворение. Ткань его стихотворной речи мастерски принимает в себя этот троп, который выполняет свою роль почти незаметно, не выходя на первый план, но будто «сшивая» собою отдельные фрагменты панорамы. В результате под пером поэта окружающий мир (как правило, сельский) предстаёт удивительно живым, похожим на всё человеческое, одновременно принимая в себя и самого человека — искреннего и открытого душой.

И хотелось свистеть, словно птаха,
И хотелось брести и брести
Мимо сосен в тяжёлых папахах,
Мимо рек, потерявших пути.

Отметим, что Юшин всегда присутствует в своём сюжете, так или иначе являя собственное лицо и волю. И потому его поэтическая живопись никогда не наскучит, ибо в ней всё движется, меняется — не убегая от автора, но будто идя с ним рука об руку. Органичное чувство полноты жизненного и природного круга позволяет поэту насыщать свои строки объёмом и дыханием, соединять наглядно-близкое и смутно-далёкое. Самобытная и житейски узнаваемая образность, классическая ясность картины и взвешенная целостность многих произведений Евгения Юшина аukaются с лучшими образцами русской натурфилософской поэзии.

Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги.
И всё, что недавно лежало в снегу,
В весенней запенилось браге.

Пустынные дали разбил ледоход,
Задвигали скулами льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.

Выводит петух засидевшихся кур.
От облака — длинные тени.
У Любки-буфетчицы — синий прищур
И солнцами светят колени.

Анюта соседу несёт молока.
Наладил сетёнку Василий...
Пока что не громко, пока что слегка,
А всё ж оживает Россия.

Природные стихи у Юшина никогда не бывают угрюмыми. Кажется, знание о круговороте времён года даёт ему уже чисто человеческие душевные силы и позволяет с радостью встречать и весеннее обновление, и могучую стихию грозы. Он становится частью торжества жизни и частью непредсказуемой стихии. Никакое буйство окружающего естественного мира не устрашает его лирического героя, почувствовавшего своё родство с природой.

А сколько жить — на то не наша воля.
А сколько петь — на то не наш загляд.
Черпнёшь волны, а в ней качнётся поле.
Черпнёшь небес, а в них вздыхает сад.

.....
И небо свободно, и пажити голы.
Совсем опустели и дали, и доли.
И думать легко, и приятно смотреть
На осень, на озимь, на синь и на медь.

Отмечая красоту и сказочную нерукотворность земли и неба, поэт всегда прикреплен к настоящему времени. Радость бытия во многих

его стихах вызвана восторгом проживаемого мгновения. Но есть ещё прошлое и будущее. Вчерашний день у Юшина связан с ушедшими родными и с тяжкими эпизодами русской истории. Эта «мемориальная» часть его поэтики напитана грустью и тихим счастьем, горечью и гневом. И всякий раз автор находит окрашенный чувством образ, сотканный из нитей родства и справедливости, нежности и надежды, который в двух строках содержит неотделимые друг от друга русский смысл и русский порыв.

Прощание с отцом, дошедшим в Отечественную до Берлина: «Ты нёс на плечах меня майским счастливым парадом. / Теперь вот другие тебя на плечах понесли».

Обманчивая тишина на Руси: «Сколько вражьих чубов причесалось о вилы и обух — / Помнят травы ночные, кровавый брусничный кисель».

Предки, которые всегда с нами: «Разделят радость и спасут от горя, / Покуда сам я не забуду их».

Негаснущая любовь к отчей земле: «К снегом запорошенному краю, / К сёлам, почерневшим на крови».

Оглядываясь в минувшее, поэт просит Бога о будущем русских крестьян:

Пожалей их, Господь. Без того им по жизни досталось
То пахать, то косить, отправлять сыновей на войну.
Кроме этой избы с огородом у них не осталось
Ничего.
Ничего не вменяй им, Всевышний, в вину.

Сохрани им любовь к этим пажитям, синим болотам,
Буеракам и песням в исчерченных плугом полях.
Здесь полынь на меже пахнет кровью и дедовским потом,
И ладонями бабушки теплится мята в лугах.

И теперь уже перед нами не упоённый земным существованием певец, но ходатай за всю историческую Русь. Поминая «железный ветер» рубежа тысячелетий, он видит внутренним взором давние дни и сегодняшние. Какая страшная доля выпала русскому человеку: одолеть фашистского врага — и через полвека попасть под пяту либерального хищника с холодной и циничной душой!..

В морщинах брёвен — пыль иного века.
Какие здесь гремели облака!
С войны вернувшись, гармонист-калека
Одной рукой растягивал меха.

И пел ведь, пел. И радости-печали
Любой избе хватало на судьбу:
И люльки, словно лодочки, качали,
И провожали ближнего в гробу.

И бабушка, и мама — молодые.
И песни — не удержит соловей.
Какие здесь черемухи льняные!
Какие искры на глазах коней!

Любовь к русскому пахарю и русскому воину проходит через все стихи Юшина. Для него это — то родное, что принимается целиком, без упрёка и рационального учёта достоинств и недостатков. В его голосе нет отстранённости, судейской или ворчливой интонации. Напротив, приподнятость авторской речи — здесь органическое и ничем не отменяемое свойство характера и таланта поэта.

Между тем, несмотря на то, что иные сельские стихи поэта кажутся быстрой зарисовкой, практически всегда в этих текстах есть пронзительное наблюдение или глубокий образ, смысл которого множится. Называя родное «зелёное село» библейским ковчегом, который плывёт по волнам, поэт неявно обозначает оба значения этого слова. Ковчег — корабль, спасающий людей и животных. И одновременно — ларец, в котором хранились скрижали с заповедями человеческого бытия. Сниженный до душевного обихода строгий исторический символ насыщен теплотой и самыми разными приметам. Но в нём есть два кардинальных смысла: Спасение и Наставление. Деревня спасительна для истерзанной души русского человека, потому что даёт ей извечный закон, по которому устроены природа и главные ценности русского мира: любовь, семья, память, труд, созидание, милосердие, детство, достоинство, честность, самоотверженность, благодарность, уважение... Всё это хранит в себе пространство русской деревни, знавшей на своём веку и покой, и беду.

Меняются времена, люди без рода и племени говорят, что сельский мир в России почти умер. Однако здесь принято верить не лукавым пророкам, а вдохновенным поэтам:

И полетят другие гуси,
И песни новые вослед,
Но так же будут пахнуть Русью
Полынь

и этот белый свет.

Многофункциональный музейный комплекс «Московский дом Достоевского» откроют в столице в 2021 году в честь 200-летнего юбилея писателя.

По словам директора Государственного музея истории российской литературы им. В. Даля Дмитрия Бак, для создания музея передано целое здание, в котором Федор Достоевский провел свое детство — это флигель Мариинской больницы для бедных, где 90 лет базируется Музей-квартира Ф.М. Достоевского.

Писатель появился на свет в соседнем флигеле, но детство провел именно там, где находится музей-квартира. Бак отметил, что новый музей будет современным и многофункциональным. В экспозицию войдет большая коллекция личных вещей писателя, многие из которых планируют отреставрировать к открытию музея.

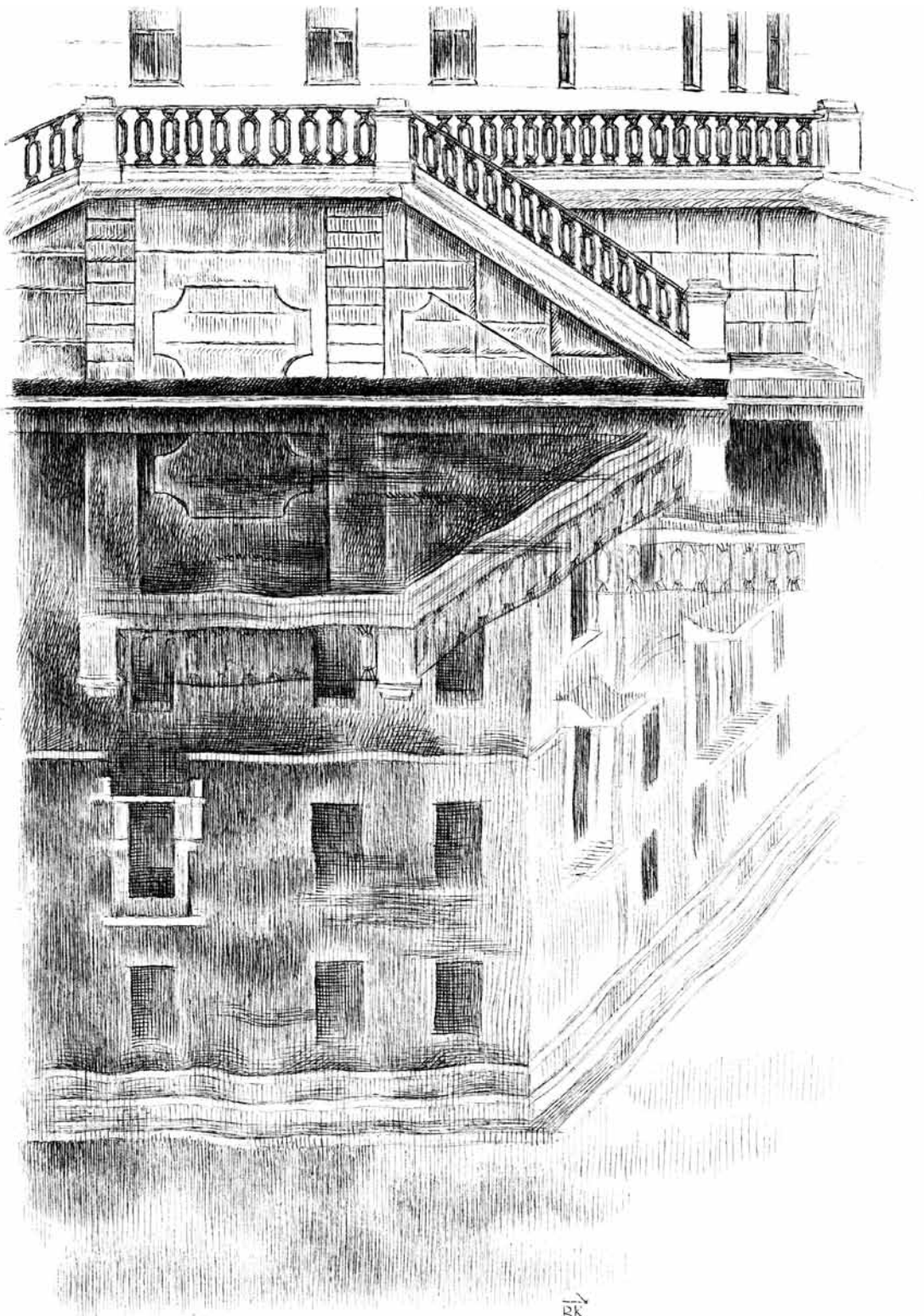
Здание было построено в 1806 году, а музей появился в 1928 году. Это был первый музей в России, сейчас уже целая сеть музеев Достоевского. В начале он занимал всего лишь одну комнату, но к 200-летию Достоевского будет три этажа, на которых сотрудники музея смогут рассказать не только драматическую, трагическую историю жизни Достоевского, но и предложить новые инструменты открытия писателя через изобразительное искусство, музыку, кино, театр.

Устроители музея надеются, что в него будет интересно приходить. Их силами создаётся именно дом, где будут жить и мысль, и сердце, и душа Достоевского.

Восхождение
к Достоевскому

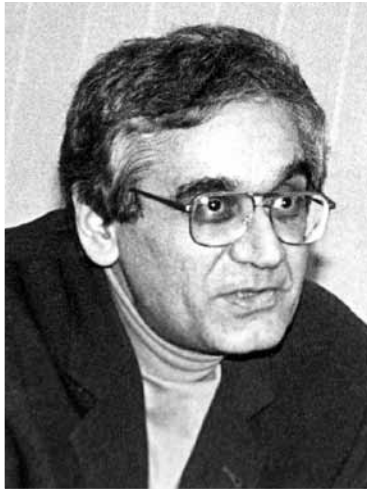

Графика Василины Королёвой

Владимир Викторович

ЯВЛЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО

***Владимир Александрович Викторович** родился в 1950 году в городе Горьком (Нижем Новгороде), где окончил филологический факультет университета.*

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна), в котором трудится с 1979 года.

Автор многих работ по истории русской литературы и журналистики. Член редколлегии биографического словаря «Русские писатели. 1800-1917» (издательство «Большая российская энциклопедия»). Вице-президент Российского общества Ф.М. Достоевского. Руководитель проекта «Коломенский текст», включающего одноимённый сайт, книжную серию, научные сборники, статьи, конференции. Постоянный автор «Коломенского альманаха». Как лучший автор этого издания в 2018 году награждён Золотым дипломом и премией им. И.И. Лажечникова.

У Ивана Сергеевича Тургенева есть мемуарный очерк «Казнь Тропмана». Автор описывает, как однажды его французские друзья, а к тому времени Тургенев был уже очень известный писатель, пригласили его посмотреть на публичную казнь. Ему как писателю было интересно, он пришёл, но, когда косой резак гильотины падал на шею преступника, Иван Сергеевич не выдержал и отвернулся.

Фёдор Михайлович Достоевский, прочитав этот очерк, отреагировал примерно так: «А зачем ходил?» За этим стоит весь Достоевский. Если ты пришёл в этот мир, как будто говорит он, то смотри прямо на то зло, которое в нём совершается, и не отворачивайся, иди и смотри, как сказано в вечной книге. И Достоевский смотрит широко открытыми глазами. Почему его так ценят во всем мире и почему интерес к Достоевскому возрастает в кризисные моменты истории? Так случилось в Японии после поражения во Второй мировой войне; так обычно бывает, когда надо понять природу зла, понять, чтобы над ним подняться. Возможно, мы, мир в целом, сейчас находимся в таком же положении. Зло глобализации, зло пандемии, что дальше?

Очень много страданий человеческих изображено в его романах, много тяжёлых сюжетов, смертей, самоубийств. Писатель требует от нас усилия, которое мы должны сделать над собой, но зато потом, если мы это сделаем, мы способны понять и могущество, и бессилие зла, пребывающего в мире.

Достоевский видит зло не столько в окружающей реальности, сколько в самом человеке. Он показывает, как зло может овладеть человеком, и тот может даже не понять случившегося и переступить черту. Достоевский — писатель, который заглянул в бездну, в те страшные миры, на которые до него старались не смотреть. Это писатель катастроф, душевных кризисов, изломов жизни. Конечно, хорошо, когда человек обходится без этого, когда жизнь его течёт гармонично, плавно, но так бывает далеко не всегда.

Дмитрий Сергеевич Мережковский очень коротко объяснял, зачем нужно читать «Преступление и наказание»: чтобы не убивать старушек. Это шутка, но что за ней стоит? Читая Достоевского, мы приобретаем тот жизненный опыт, который вообще, не дай Бог, иметь в реальной жизни, но Достоевский проводит нас через него, и этот опыт делает нас мудрее, делает нас добрее и сострадательнее в конечном счете. Это его жестокость, которая способна сделать нас не жестокими.

Воспоминания детства

«Я, — писал Достоевский, — происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как себя помню, я помню любовь к себе родителей». Можно сказать, что детство Достоевского создавало прочный фундамент его человечности.

В «Братьях Карамазовых» есть эпизод, когда одна дама приходит к старцу Зосиме и говорит, что она бы очень хотела верить в Бога, но у неё не получается. «Чем же доказать, чем убедиться?» И старец Зосима даёт замечательный совет: «Доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно. <...> Опытom деятельной любви». В этих словах заключена высшая мудрость, открывшаяся писателю, и путь к ней начался в родительском доме.

В финале последнего романа вокруг Алёши Карамазова собираются мальчишки, которых объединила и очистила смерть Илюши Снегирёва, и Алёша говорит им замечательные слова: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное ещё из детства, из родительского дома. <...> Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасён человек на всю жизнь». Воспоминания детства, оказывается, могут спасти человека, отвратить от зла.

Достоевский, когда писал эти строки, конечно, имел в виду и свои собственные детские воспоминания, в которых было всё: ранняя смерть нежно любимой матери, следом странная смерть отца, но было и счастье любви, которое он испытал, любви родителей, любви женщины из мещан, которая была няней братьев и сестёр Достоевских (всего в семье было семеро детей), Алёны Фроловны. О ней Достоевский вспоминает в конце жизни в «Дневнике писателя», что она была «характера ясного, весёлого», и описывает один эпизод, когда случилось несчастье: сгорела только что купленная усадьба. Семейство Достоевских было небогатое. И Алёна Фроловна предлагает: «Возьмите мои», — то есть всё, что она скопила на старость за долгие годы, она собралась отдать семейству, в котором уже отдала свои годы и свою душу детям, теперь не чужим для неё. Для

Достоевского няня Алёна Фроловна — пример безыскусной, непоказной отзывчивости, и ещё это пример народного характера. Он называл таких людей «лучшими» и утверждал, что нация не выживет, если в ней не останется таких людей.

Отец Достоевского служил в больнице для бедных в Москве на Божедомке. Сейчас в больничном флигеле музей Достоевского, там прошли детские годы писателя. Божедомка — окраина Москвы. Имя пошло от «Божьего дома», куда свозили нищих, несчастных, одиноких, а сама больница специально была построена для отверженных (используя название любимого Достоевским романа Гюго). Здесь мальчик видел людей, которые перенесли много страданий, и для него эти впечатления не прошли даром.

Отец его тоже происходил из семейства благочестивого. Он был сыном священника и сам должен был стать священником, но решительно изменил судьбу, ушёл в медицину. Михаил Андреевич Достоевский закончил медико-хирургическую академию и прошёл большую жизненную школу. Ещё будучи студентом 4-го курса, он принял участие в Отечественной войне в качестве врача, работал в госпиталях, лечил раненых и многое мог рассказать сыновьям.

Имение Даровое

В 1831 году, когда Фёдору было 10 лет, отец купил — он тогда уже выслужил дворянство и мог приобретать землю, крестьян — небольшое имение с дивным названием Даровое, в 150 верстах от Москвы. С этим имением связаны самые светлые воспоминания писателя. Сейчас здесь сохранилось около 300 двухвековых деревьев (липы и дубы), которые помнят Достоевского. «Ничего в жизни, — писал он, — я не любил так, как лес». А ещё пруд, просторы полей, свобода и детские игры, в которых Фёдор был сценаристом и режиссёром. Он сам признавался своему биографу, что начал сочинять сказки с трёх лет, так что здесь его «творчество» развернулось вполне.

В Даровом это были уже не сказки, а сюжетные игры, что-то вроде наших реалити-шоу. В большом ходу была Робинзоада. Сам Фёдор был Робинзоном, а младший брат Андрей — Пятницей. Были, разумеется, и дикие индейцы, их роль исполняли крестьянские приятели. Их брали в плен, строили шалаш, и чтобы пленные выдержали заключение, братья тайком из дома носили еду.

Здесь важен момент начала творчества. Фёдор сочиняет сценарии, целый театр. Он потом наверняка вспоминал о своём опыте, когда писал в «Братьях Карамазовых»: «А игра в войну у молодых людей, в рекреационное время, или там в разбойники — это ведь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства в юной душе, и эти игры иногда даже сочиняются складнее, чем представления на театре».

Когда мы обращаемся к его романам, то видим, что они очень театральные, очень сценичные. Не идёт ли это ещё от детских игр?

С детства начинается открытие мира природы. Мне могут возразить: какой же он знаток природы, вот Тургенев — да, у него усадьба, деревня, лес и степь... А у Достоевского? Здесь теснит вас Петербург или какой-ни-

будь Скотопригоньевск, но обратите внимание, что, как правило, финалы его романов дают выход на просторы вольной природы. Вот последняя сцена романа «Преступление и наказание»: берег Иртыша, заречные дали, в которых как будто «не прошли ещё века Авраама и стад его». Или в «Бесах» выход Степана Трофимовича на большую дорогу... В «Братьях Карамазовых» это воспоминание Зосимы об июльской ночи на реке, где «всё Богу молится». Для Достоевского пространство русской природы было чем-то сокровенным. Он его не описывал во всех подробностях (достаточно было одной, вроде «сырого запаха перетлевших листьев»), для него здесь была тайна, приводящая в соприкосновение с «сущностью вещей». Как говорит старец Зосима: «Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой». Такова, в высшем смысле, философия природы Достоевского — философия Божьего Сада.

В усадьбе состоялось и знакомство с земледельческой Россией. Мелкопоместные дворяне в своей повседневной жизни не так уж основательно отделились от собственных крестьян. Одной из основных тем писателя Достоевского станет феномен русского народа. Когда он за границей встретился с эмигрантом Герценом, тот был удивлён безграничностью веры собеседника в свой народ. Это было удивительно ещё и потому, что Достоевский к тому времени приобрёл такой опыт, какой и не снился самым компетентным этнографам. Писатель прошёл через каторгу. Он общался с народом не только как помещики Герцен или Тургенев, он на одних нарах с самым чёрным людом прожил четыре года. И при таком-то опыте такая вера!

Есть маленькая новелла, которая многое нам объясняет в этнологии Достоевского. Это «Мужик Марей». Автор описывает, как на каторге он пережил тяжкие минуты кризиса, наблюдая картины пьяного народного разгула и испытав на себе общее озлобление против дворян. Нетрудно было озлобиться в ответ. В такую-то минуту, — пишет он, — «мне вдруг припомнилось почему-то одно незаметное мгновение из моего раннего детства», имеется в виду то же Даровое, когда он, десятилетний мальчуган, забежал в лес и вдруг ему послышалось: «Волк бежит!» Очевидно, это была галлюцинация, но он жутко перепугался и побежал с криком к неподалёку пашущему мужику. Тот его успокоил и земляным, чёрным пальцем утёр слезинку: «Ишь ведь напужался... Полно, рódный. Ишь малец... Уж я тебя волку не дам! Христос с тобой, окстись». Вот такая простая и великая сцена.

Достоевский пишет: «Встреча была уединённая, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, <...> какую тонкою, почти женственной нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика». И имя-то какое, смотрите, у него женственное, Марей. Для автора это воспоминание оказалось спасительным. Он вдруг понял, что эти же самые мужики могут быть не только злыми, грубыми и жестокими, они могут быть и вот такими, матерински нежными, жалеющими. Для него тогда это было открытие, выход из кризиса, возвращение веры в человека, в народ. Всё случилось по слову Алёши Карамазова о спасительности детских воспоминаний. Достоевский каторгу пережил и остался человеком, не потерял веру в людей, в свой народ.

Смерть родителей

Сначала уходит из жизни мать, когда Фёдору 16 лет. Отец тяжело переживает утрату, выходит в отставку, поселяется в Даровом и вскоре умирает. Есть биографы, которые говорят, что это была насильственная смерть, ссылаясь, в частности, на записи местных преданий, сделанные в начале XX века.

Другое свидетельство принадлежит дочери Достоевского Любове. Она написала книгу «*Vie de Dostoïewsky par sa fille*» («Жизнь Достоевского глазами его дочери», франц.), где утверждала, что её дед, которого она никогда не видела, был убит собственными крепостными, и что он был якобы очень жестоким человеком.

Существует, однако, другая версия. Было следствие, затем было повторное следствие, суд дважды разбирался в этом деле и дважды пришёл к выводу, что смерть произошла от апоплексического удара. Два медика о том свидетельствовали. Сторонники первой точки зрения говорят, что наверняка был подкуп. Но представляете, сколько нужно было заплатить тем же самым медикам, чтобы они дали ложные свидетельства? За это ведь грозило жестокое возмездие. Причем оба — люди достойные, с хорошей биографией, могли ли они пойти на преступление, грозящее позором и Сибирью? И второй вопрос — а кто мог заплатить немалую сумму? Обнищавшие мужики? Богатые родственники по материнской линии, якобы испугавшиеся обеднения ввиду ссылки виновных крепостных и оставившие убийство безнаказанным? С трудом верится и в то, и в другое.

Смерть отца Достоевского до сих пор вызывает в биографической литературе противоречивые суждения, но в любом случае она не должна менять нашего отношения к отцу Достоевского. Ведь самое главное: при всей очевидной сложности характера он был, по свидетельству сына Фёдора, из «лучших людей» и при том — исключительным семьянином (в него пошли и Михаил, и Фёдор, и Андрей), так, он изо всех своих сил старался дать детям достойное образование. Повторим ключевые для нас слова писателя: «Я помню любовь к себе родителей».

221

«Я занимаюсь этой тайной»

Вот письмо старшему брату 1839 года. Фёдору всего 18 лет, а посмотрите, над чем он задумывается: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Удивительно, но в нескольких словах провидчески задана программа и определён абсолютно точно смысл «занятий» на всю последующую жизнь.

Дальше — больше, во исполнение программы он делает решительные шаги, от которых немножко нехорошо делалось его родственникам. Закончив инженерное училище и поступив на службу военного инженера, получая небольшое, но гарантированное жалование, Достоевский вдруг решает бросить службу и стать профессиональным писателем, ещё ничего не напечатав. Громадный риск! Он просит у опекуна несоразмерно малую сумму в обмен на свою часть наследства. Эти деньги позволяли

какое-то время жить и писать, ни на что не отвлекаясь. А если его первое произведение не оценят и он ничего не заработает, что тогда? Примерно так он потом играл в рулетку с судьбой. Он пошёл ва-банк, и, если бы не получилось, он признаётся: «Ну тогда хоть в воду». Вот характер!

Писатели по-разному начинают, но мы же знаем, как начинал Толстой. Он был всё-таки обеспеченным человеком. Тургенев тоже. Конечно, другое дело — биография Некрасова. Он прошёл через огни и воды. Возвращаясь к Достоевскому, признаем, что это было решение смелого человека, оно оправдало себя, и первое напечатанное произведение сразу же принесло славу. Так бывает не часто. Вспомните первое произведение Гоголя, «Ганц Кюхельгартен», которое он потом пытался уничтожить, книгу Некрасова «Мечты и звуки» и другие примеры из того же ряда. А тут с первой попытки и сразу же признание, автор становится в ряд лучших русских писателей.

Но судьба только начинала свою игру. Он был провозглашён новым Гоголем, не кто-нибудь, а сам Белинский объявил, что пришёл великий писатель, — а после этого резкое охлаждение, когда он выпускает «Двойника», «Хозяюку» и с вершины славы стремглав падает вниз, над ним открыто смеются его же собратья-писатели. Писательская среда — очень жестокая, завистливая, конкуренция не знает жалости.

Десять страшных минут

А потом последовало беспрецедентное и бесчеловечное испытание. Его вместе с другими участниками кружка Петрашевского предают военному суду и приговаривают к смертной казни. Это была такая театрализация, потому что на самом деле смертная казнь была заменена каторгой, но об этом не знали те люди — 21 человек, — которые были выведены на Семёновский плац, и им был прочтён приговор о расстрелянии.

Достоевский в тот же день пишет брату Михаилу: «Вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди». От момента объявления приговора до рокового залпа оставалось около десяти минут. «Десять ужасных, — вспоминал потом Достоевский, — безмерно страшных минут ожидания смерти». Вот момент, который многое объясняет в его последующих воззрениях на жизнь. Он встретился со смертью и заглянул в разверзавшуюся перед ним бездну небытия.

В его романах слышны отзвуки этого события. Раскольников сравнивается с приговорённым к смертной казни; князь Мышкин, который за границей видел казнь и, в отличие от Тургенева, не отвернулся, так рассуждает: «А что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог её доводят? Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!».

И тем не менее с ними так поступили, и один из тех, кто стоял в первой тройке, Григорьев, и впрямь сошёл с ума. Так что и через это должен был пройти Достоевский. И что удивительно: восемь месяцев заключения под следствием, потом «казнь», Достоевский ведь человек

крайне впечатлительный, лечился от нервных болезней, близкие боялись, что он всего этого не переживёт, а получилось-то совсем наоборот, оказалось, что может быть и так: страдания — лечат! О чём говорит то же самое письмо к брату, написанное сразу после страшного спектакля? «Брат! я не уныл и не упал духом». Достоевский был приговорён к восьми годам каторги, но царь скинул половину, значит, к четырём, и потом солдатчина.

Читаем дальше письмо к брату: «Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чём жизнь, в чём задача её. Я познал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою». Это был момент истины, а дальше последовало совсем новое ощущение жизни. В том же письме оно и отразилось: «Жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья». С таким пониманием, что жизнь — это дар, обновился человек и обновился художник.

Четыре года открытий

Конечно, он был большой писатель и до этого. И «Бедные люди», и «Неточка Незванова» — это всё замечательные вещи, но страдание выковало из него какого-то нового, ещё не известного миру писателя.

Было страшно ещё и потому, что все четыре года каторги он не имел права писать. В письме к брату слышится настоящее отчаяние: «Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольётся! Да, если нельзя будет писать, я погибну». К счастью, этого не случилось, он прошёл и это испытание.

Ему к тому же повезло. В Тобольске, на пути в каторгу, их встретили жёны декабристов, и Наталья Дмитриевна Фонвизина подарила ему Евангелие. Достоевский все четыре года вёл разговоры с этой книгой, она стала его дорогой к новой жизни.

Есть занимательный рассказ у Чехова, называется «Пари». Там человек заключает пари со своим приятелем-богачем, который ему предлагает в случае выигрыша два миллиона, огромные деньги по тем временам, но для этого ему нужно пятнадцать лет жить в одной комнате, никуда не выходить, его всем обеспечат, он будет читать всё, что захочет, но жить в полном одиночестве. Сначала он читает романы, разную развлекательную литературу. Потом читает исторические труды, потом, довольно долго, философские сочинения. А последние несколько лет читает только одну книгу — Евангелие.

Кончается неожиданно. Богатый друг разорился, и когда подошёл срок, он решает убить счастливец, входит к нему в комнату и обнаруживает, что его пленник ушёл в самый последний день, оставив записку, что он понял, в чём смысл жизни, и не хочет выигрывать это пари. Вот такой остроумный рассказ. Человек, который несколько лет читал великую книгу, приходит к какому-то другому пониманию жизни, а по логике событий — и спасительному для самой жизни.

Я думаю, нечто похожее произошло с Достоевским. Евангелие потом отозвалось во всех его сочинениях.

И ещё. В марте 1874 года, вновь оказавшись хотя и в кратком, но заключении на гауптвахте (в качестве редактора, нарушившего цензурное правило), Достоевский, по воспоминанию посетившего его Всеволода Соловьёва, говорил ему странные вещи: «меня спасла каторга... совсем новым человеком сделался <...>, я там себя понял, голубчик... Христа понял... русского человека понял <...>. Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются».

Вот такой вроде бы парадокс: пережитые страдания приблизили к истинным ценностям жизни. На самом же деле в этом-то и заключался открытый им для себя (и потом открытый для читателей его книг) фундаментальный закон земного бытия человека.

Письмо к Наталье Фонвизиной

Выйдя с каторги, Достоевский пишет письмо к той самой Наталье Дмитриевне Фонвизиной, которая благословила его Евангелием. Удивительное письмо, над которым сегодня бьются исследователи Достоевского.

«Я скажу вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

Потрясающе сказано. Достоевский открывает для себя истину в самой личности Христа. Да, в юности он ушёл от того, что было в его детстве, в благочестивом русском семействе. Теперь начиналось непростое возвращение к вере. Достоевский проделал путь, который проходит и вся наша цивилизация. Христианская по корням своим, она ушла далеко от изначальных ценностей и не может не вернуться к ним. Вот что произошло с Достоевским и что потом составляло главный нерв его творчества: глубоко убеждение в *необходимости* Христа в нашем мире.

Переубедить человека, когда он убеждён в обратном или равнодушен к самому предмету, почти невозможно, и Достоевский это прекрасно понимал. Наш мир слишком далеко отступил от своих первоначал, но Достоевский был уверен, что другого пути, кроме возвращения к ним, для человечества не существует. Убедиться в этом пока ещё возможно, искусство же имеет здесь свои особые полномочия. В этом Достоевский не сомневался.

Триумф каторжанина

Возвращение его в литературу оказалось триумфальным, «Записки из Мёртвого дома» — пожалуй, единственное произведение Достоевского, которое было принято практически всеми, и левыми, и правыми, и славянофилами, и западниками. Тургенев: «картина *бани* просто дантовская», Герцен: «фрески в духе Буонарроти», Анненков: «редкое сочетание голый истины и артистического создания». Лев Толстой впоследствии писал Страхову: «Не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина. Не тон, а точка зрения удивительная — искренняя, естественная и христианская».

Было одно исключение из этого хора похвал. Салтыков-Щедрин, издали учуявший запах идейного противника, позволил себе слегка пошутить и назвал книгу «поучительно-увеселительным исследованием Михаила Змиева-Младенцева», за что тут же получил по полной программе, да не от кого-нибудь, а от ярого нигилиста Варфоломея Зайцева, который в «Русском слове» осадил сатирика и написал, что подобные произведения пишутся собственной кровью, а не чернилами с вице-губернаторского стола, намекая на недавнее прошлое Щедрина. С точки зрения «чистоты идеи» был прав Щедрин: лагерь «Современника» ждал прибывшего с каторги пострадавшего «за политику», а вернулся из этого ада новый — прав Толстой! — *христианский* мастер слова.

Далее занявшись журналистикой, Достоевский ещё более померкнул в глазах прогрессивной общественности. Он горячо заспорил с «Современником», защищая загадочную «почву». Позиция журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» своим культуроцентризмом не устраивала ни левых, ни правых, хотя точности ради следует сказать, что почвенничество Достоевского дрейфовало от первых ко вторым. Показательно (кроме финансовых соображений), что первый роман после журналистского периода писатель понёс в консервативный «Русский вестник» М.Н. Каткова, составивший серьёзнейшую конкуренцию журналу Некрасова.

Когда вышел роман «Преступление и наказание», то «Современник» обвинил автора, что он, мол, оклеветал русское студенчество, которому не свойственно охотиться с топорами на старушек. Однако общая реакция критики на роман зафиксировала небывалый эффект читательской эмпатии: художник перевесил политиков. Едва ли не во всех откликах повторяется один и тот же мотив: поразительное погружение в болезненное состояние героя, будто переживаешь всё, что потрясло Родиона Раскольникова. Этот роман укрепил славу Достоевского, но ненадолго.

Подозрительный мистический реализм

Новое «падение» началось с романа «Идиот». Он только начал печататься, а дружественный критик Страхов уже по первым главам очень дипломатично, боясь обидеть, объясняет Достоевскому одну небезынтересную мысль: «Вы пишете большей частью для избранной публики». С точки зрения массового читателя Страхов находит у Достоевского важный недостаток: «Вы загромождаете Ваши произведения, слишком

их усложняете», то есть это слишком сложно для обычного читателя, и надо бы, говорит Страхов, «немножечко ослабить, понизить тонкость анализа». А потом, словно одумавшись, в конце письма сознается, что это значило бы перестать быть Достоевским.

Когда роман вышел уже окончательно, его встретило почти полное равнодушие критики либо издѣвки фельетонистов. Достоевский позднее признал: «Меня всегда поддерживала не критика, а публика. Кто из критики знает конец “Идиота” — сцену такой силы, которая не повторялась в литературе. Ну, а публика её знает». Критика не приняла «Идиота», потому что там выразились такие начала, которые так называемому прогрессивному лагерю никак не могли понравиться.

Уже после смерти Достоевского старые претензии повторил французский критик Мельхиор де Вогиюэ. Дарование Достоевского, — уверенно утверждал он в книге «Русский роман» (1886), — пошло на убыль после «Преступления и наказания», потому что подлинный реализм, как он говорит, сменился мистическим. Вот именно этого Достоевскому простить и не могли.

Но вот что интересно: и здесь было исключение, и это исключение — удивительно, опять тот же самый Салтыков-Щедрин! У меня даже складывается подозрение, что Михаил Евграфович хотел загладить тот выпад против «Записок из Мёртвого дома», конечно, не очень красивый. Именно он, наш великий желчевик (но человек совсем не простой, однозначно «красным» его не назовёшь), в 1871 году пишет статью о каком-то второстепенном романе и вдруг обращается к «Идиоту» и говорит поразительные для того времени слова о Достоевском: «По глубине замысла, по ширине задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком». То есть не очень-то Достоевский отвечает современным запросам (как, например, сам Щедрин), а «идёт далее, вступает в область предвечий и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдалённых исканий человечества». «Изобразить тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия, — пишет Щедрин об “Идиоте”, — <...> это такая задача, перед которою бледнеют всевозможные вопросы о женском труде, о распределении ценностей, о свободе мысли и т.п.»

Либеральная критика к «Идиоту» отнеслась с недоумением. Ведущий критик этого направления Евгений Марков в громкой статье «Романист-психиатр» обнаружил искреннее замешательство: «Какая внутренняя необходимость заставила Достоевского раскрывать нравственную красоту человека в такой невыносимо тяжкой, болезненной форме?» Вот так мимо критики прошел не понятый ею «Идиот». Интересно, конечно, сравнить с тем, как роман читается сегодня, будучи сверхпопулярным у читателей, актёров, режиссёров...

Ну а потом были «Бесы», и этот роман вырыл непроходимую пропасть между писателем и прогрессивной критикой. А когда Достоевский ещё и стал редактором такого «реакционного» издания, как еженедельник «Гражданин», тут на него полились просто ушаты грязи. Аполлон Майков с ужасом писал: «Залаяла вся свора прогресса». Действительно, если посмотреть прессу за 1873 год, то неизвестно, подвергался ли ещё какой-нибудь писатель такой заушательской критике, когда дело пере-

ходило на личности, когда он объявлялся больным, сумасшедшим и т.д. Но у Достоевского был бойцовский характер, и эти испытания, наоборот, вызвали у него желание идти ещё дальше против течения.

Кто боится Достоевского?

И он это сделал. В 1873 году начинает печататься «Дневник писателя» в том же самом «Гражданине», и там есть две главы, которые вызвали особенно бурную реакцию. Это глава «Среда», где Достоевский опровергает ходячую идею, что среда определяет человека и если изменить среду, то и человек изменится вместе с нею. Достоевский, напротив, утверждает: «Ведь сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучше». И ещё глава «Влас», где Достоевский произнёс ставшую знаменитой фразу о потребности страдания. Тут его накрыл девятый вал за это высказывание: как это он поэтизирует страдания, как это он не хочет счастливой доли русскому народу.

Роман «Подросток» появляется после этого испытания «Гражданином», но печатается, заметим, в «Отечественных записках» у Некрасова. Были тогда и финансовые соображения (Некрасов не поспешил и резко поднял ставку гонорара), но был в этом поступке и высокий смысл: художник продемонстрировал органическую способность искусства встать над разделительными барьерами. От Достоевского тогда отвернулись консервативные друзья, не простившие, что он пошёл во вражеский журнал. В итоге и консервативная, и прогрессивная критика роман не приняла.

Ещё одно объяснение находит критик Всеволод Соловьёв, брат философа Владимира Соловьёва, сын историка С.М. Соловьёва. Он в это время сближается с Достоевским и в качестве критика печатает благожелательные статьи о нём в «Санкт-Петербургских ведомостях» и потом в «Русском мире». И вот как он объясняет провал «Подростка»: значительная часть публики просто боится его романа, ища лёгкого чтения, в то время как Достоевский собирает «всё, что только есть тёмного, больного, мучительного, безобразного в нашей общественной и личной жизни. Он вскрывает такую глубину человеческого “я”, <...> что иногда мороз подирает по коже».

Любопытно, что критик консервативного лагеря Авсеенко высказывает претензию Достоевскому, которая потом будет варьироваться на протяжении многих лет, да и до сегодняшнего дня. Он говорит, что Достоевский «вводит читателя в самую интимную глубину порока». Но это ещё ничего, а вот что дальше: «Он приучает его мало-помалу к мыслям и речам, которые лучше было бы не выносить на свет Божий из тёмных подполий». То есть, Достоевский не просто показывает глубину порока, а приучает к ней читателя, так что порок становится нормой. Вот чего боится Авсеенко.

Я нахожу соответствия этому страху перед Достоевским и у современных авторов. Один из них, философ, в статье о Достоевском и Хайдеггере пишет, например, что Достоевский открыл ящик Пандоры, он выпустил на свободу целую галерею персонажей, одержимых бесами. Мысль опять такая же, как у Авсеенко, что лучше было бы ящик Пандоры не открывать. Достоевский оказывается виноватым: он не открыл зло, а он его создал.

Пророк Божий и маркиз де Сад

После «Подростка» последовал «Дневник писателя», и здесь начинается новое и вполне беспрецедентное восхождение Достоевского к читателю, рождается то понимание, которого он так добивался. Его упорство было вознаграждено. «Дневник писателя» переломил ситуацию.

Знакомая нам Елена Андреевна Штакеншнейдер сообщает, что «Дневник писателя» «сделал его имя известным всей России, сделал его учителем и кумиром молодёжи, да и не одной молодёжи, а всех мучимых вопросами, которые Гейне назвал проклятыми». Что-то серьёзно изменилось в отношениях Достоевского с читателями и критиками в эти, я бы сказал, «растерянные» 1870-е годы, и я думаю, что именно в это время, а не в бойкие 1860-е, наступает то, что можно назвать временем Достоевского.

Оно завершается великим романом «Братья Карамазовы». Имеется ряд свидетельств удивительной и удивлявшей самого Достоевского популярности романа среди читателей. 8 декабря 1879 года он пишет: «Роман читают всюду, пишут мне письма, читает молодёжь, читают в высшем обществе, в литературе ругают или хвалят, и никогда ещё, по произведённому кругом впечатлению, я не имел такого успеха». Что-то напоминает нам его письмо к брату об успехе «Бедных людей». Вместе с тем критика в некоторой растерянности: она не может не признать высокие художественные достоинства и в то же время не может пройти мимо пресловутого мистицизма, когда, по выражению одного из критиков, Достоевский всё заливает «лампадным маслом».

228

А вот художник Иван Крамской пишет Суворину в 1885 году, уже после смерти Достоевского: «Когда я читал “Карамазовых”, то были моменты, когда казалось: “Ну если и после этого мир не перевернётся на своей оси, то умирай человеческое сердце!”» Коллега же Крамского Илья Репин не принял романа, как и Короленко, который оценил только главу «Бунт», а всё остальное отнёс к «лампадному маслу».

Противолампадная критика была довольно жёсткой. Либеральная газета «Голос» даже писала, что Достоевский «проповедует религию огнём и мечом». Прямо Великий инквизитор! Наиболее частотным в этой критике становится слово «мистицизм», такова статья небы известного М.А. Антоновича «Мистико-аскетический роман» в журнале «Новое обозрение» (1881, № 3).

Когда мы рассматриваем историю репутации Достоевского, конечно, нельзя пройти мимо бурного успеха Пушкинской речи. Это было короткое «мгновение рая», а дальше пошло всё по-прежнему.

Спор о Достоевском вылился вскоре в два суждения над его свежей могилой — Владимира Соловьёва и Николая Михайловского. Соловьёв прочитал лекцию на Высших женских курсах о Достоевском и назвал его, ни больше ни меньше, «пророком Божьим». А Михайловский печатает статью под названием «Жестокий талант», где обвиняет Достоевского в том, что он смакует жестокость зла. Так что пророк Божий, с одной стороны, и маркиз де Сад — с другой. Такое раздвоение репутации продолжалось и дальше.

Соловьёв получил поддержку, когда в России на рубеже XX века явилась плеяда мыслителей, философов так называемого религиозного

ренессанса: это Розанов, Волынский, Мережковский, Шестов, Булгаков, Бердяев — да всех не перечислишь. Бердяев говорил: «Мы духовные дети Достоевского». К тому времени серьёзно меняется репутация не только Достоевского, но всей русской литературы в сознании и отечественного, и европейского читателя. И вот об этом хотелось бы сказать отдельно.

Прорыв «Анны Карениной»

В 1877 году в «Дневнике писателя» Достоевский пишет главу «"Анна Каренина" как факт особого значения». Он заявляет, что перед нами роман, в котором «проведён взгляд на виновность и преступность человеческую». Этот вопрос решается в Европе двояко. Первое решение: «Закон дан, написан, формулирован, составлялся тысячелетиями. Зло и добро определено, взвешено. Этому выработанному кодексу повелевается следовать слепо». Второе решение несут разрушители старого порядка, радикалы, социалисты, набирающий силу марксизм. Они говорят: «Так как общество устроено ненормально, и нельзя спрашивать ответа с единиц людских за последствия», то и нет вины, нет преступления.

И вот на фоне двух этих решений, которые предлагает европейская цивилизация, является «Анна Каренина». Достоевский говорит, что в романе с небывалым размахом, психологической разработкой души человеческой утверждается, что «зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из неё самой и что, наконец, законы духа человеческого столь ещё неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределённые и столь таинственны, что нет и не может быть ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: "Мне отмщение, и Аз воздам"». Вот, мне кажется, самая глубокая и на сегодняшний день трактовка романа Толстого и его знаменитого эпиграфа.

Ну так и что из этого? Что остаётся человеку? Достоевский останавливается на двух эпизодах, которые дают некое указание. Первый — это сцена примирения Каренина и Вронского над постелью умирающей Анны, когда, пишет Достоевский, «преступники и враги преобразуются в существа высшие, в братьев, всё простивших друг другу» (сцена, трудно дающаяся кинематографу, так полюбившему этот роман).

И другой эпизод — самоубийство Анны. Как пишет Достоевский, «в мрачной, страшной картине падения человеческого духа, когда зло, овладев существом человека, парализует всякую силу сопротивления», и это помрачение души выражается в захватившей героиню страсти отмщения. То есть, с одной стороны, сцена примирения, а с другой — злой дух мстительности, погубивший Анну. И в этой трагедии, говорит Достоевский, столько назидания, что судьи человеческие не имеют возможности обвинять павшего преступника, а могут только пожалеть его.

Так вот, подытоживает Достоевский, если русский человек способен дать миру литературное произведение такой духовной силы и художественного исполнения, то почему, спрашивает он, «нам отказывает Европа в самостоятельности, в нашем своём собственном слове». Конечно, Достоевский

прекрасно понимает, почему. Потому что в другом, не в литературе, а в сфере экономики, общественных институций мы сильно отстали от Европы. Но, по Достоевскому, явление Толстого открывает наш потенциал. И почему, продолжает он, у нас не может быть впоследствии своих решений экономических, социальных: «Нельзя же предположить смешную мысль, что природа одарила нас лишь одними литературными способностями. Всё остальное есть вопрос истории, обстоятельств, условий времени». Вот, по Достоевскому, пророческое значение «Анны Карениной».

Мирная русификация Запада

Интересно, что сказанное Достоевским о Толстом очень скоро, буквально через четверть века, станет совершенно очевидно и в отношении его самого. Русская литература завоеует мир и поведёт за собой западную литературу, и не только литературу, искусство, но, добавим, и философскую мысль. Произойдёт, да простится мне этот термин, мирная русификация европейской цивилизации, и это заметят такие умы, как Герман Гессе, Томас Манн, Ромен Роллан и т.д. Достоевский окажется на самом остром встрече Востока и Запада, вопреки Киплингу.

Ромен Роллан вспоминал потом: «Трагедии Эсхила, драмы Шекспира не могли потрясти души своих современников глубже, чем всколыхнули нас “Идиот”, “Братья Карамазовы”, “Анна Каренина”, “Война и мир”», они явились «молнией откровения, разодравшей небо Европы». Роллан относил появление русской литературы на мировой арене примерно к концу XIX века. Это так во Франции и Германии, а, скажем, в Англии и в Соединенных Штатах, скорее всего, только в 1910-е годы, когда появились более-менее адекватные переводы Констанс Гарнетт.

Один эпизод в связи с этим. 21 ноября 1901 года, на пороге нового столетия, русский философ Сергей Николаевич Булгаков читает в Киеве публичную лекцию под названием «Иван Карамазов как философский тип». И там, в Киеве, Булгаков Первый (потому что у нас был еще и Второй) заявляет: «До сих пор мы, русские, мало чем обогатили мировую философскую литературу. Однако если мы не имеем обширной оригинальной научной литературы по философии, то мы имеем наиболее философскую изящную литературу; та сила мысли нашего народа, которая не выразилась в научных трактатах, нашла для себя исход в художественных образах».

В этой лекции, которая потом была напечатана, Булгаков называет четыре имени: Достоевский, Лев Толстой, Тургенев, Чехов. И в их лице, заявляет он, теперь уже мы «идем впереди европейской литературы, являясь для неё образцом. Великие сокровища духа скоплены в нашей литературе». Это сказал русский философ, но очень скоро на все лады то же самое будут повторять философы европейские, чуть позже американские, то есть осознана будет ситуация, о которой Достоевский еще в 1877 году говорил по поводу «Анны Карениной».

Русские религиозные философы открывают Достоевского, и во многом этим открытием воспользовались их зарубежные современники. Я имею в виду особенно работы о Достоевском Мережковского, Бердяева, Шестова, Вячеслава Иванова, которые помогали зарубежным читателям открыть

Достоевского. И произошло то, что один из современных исследователей называет «чудом Достоевского» в XX веке. Действительно, всё усиливающееся влияние Достоевского на мировую культуру подобно чуду. Иногда это бывает трудно объяснить, но наши религиозные философы находили нужные слова. Скажем, Бердяев называет Достоевского «великим духовидцем» и вместе с тем «гениальным диалектиком», об этом соединении двух начал говорил и философ более поздней формации Владимир Ильин. Он говорил, что Достоевский вывел философию из затхлого профессорского кабинета и совместил в себе гений Платона и Гегеля, от одного взяв созерцание идей, а от другого — диалектику. И всё это, говорит Ильин, на христианской закваске, «доколе не вскисло всё». Что же могло «вскиснуть»? Была такая опасность для христианской мысли: закисание, стагнация, и эта опасность была вполне реальна. Давайте вспомним бунтарство Ницше, а у нас, скажем, Розанова. Воистину, христианская мысль возрождена была Достоевским и в его огласовке убеждала Европу и Америку. Да и современный мир вряд ли сможет обойтись без Достоевского.

Жить с Достоевским

Великий физик Альберт Эйнштейн в разговоре со своим учеником и биографом заявил: «Достоевский даёт мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс». Видимо, имелось в виду, что Достоевский влияет на саму структуру мышления.

Однако были и есть другие мнения. Ленин его называл «архискверным», а на другом полюсе политической мысли отец отечественного олигархата Чубайс сравнительно недавно в интервью «Financial Times» признавался: «Мне хочется разорвать его [Достоевского] на куски». Ненависть к Достоевскому на полюсах политического спектра очень даже любопытна: по мнению обеих враждующих между собою сторон, Достоевский вёл Россию в тупик.

Но оставим политику в покое. Есть другое устойчивое мнение, что Достоевский слишком тяжел для читателей. Эта точка зрения сопровождала писателя ещё при жизни. В письме к жене 10 июня 1875 г. Достоевский сообщает, что в заседании Общества любителей российской словесности председательствующий историк Д. И. Иловайский «громко провозгласил, что им (любителям) не надо мрачных романов, хотя бы и с талантом (то есть моих), а надо лёгкого и игривого, как у графа Толстого».

В рифму на «ский» можно подобрать другие имена. Вот Александр Николаевич Островский: «Я не читаю и не могу читать Достоевского: голова разболится, нервы расстроятся». А вот еще один на «ский», Петр Ильич Чайковский. Читая «Братьев Карамазовых», он замечает в письме к фон Мекк: «...жажду поскорей кончить. Достоевский гениальный, но антипатичный писатель. Чем больше читаю, тем больше он тяготит меня». Интересен ответ фон Мекк: «Достоевский нам не по нервам».

«Анти-Достоевский» находит и эстетическую поддержку. Знаменитый критик Юлий Айхенвальд в 1907 году заявляет: «Разве можно так не целомудренно выворачивать чью бы то ни было душу? И в том, кто, не щадя стыда и наготы своего брата, осмеливается на это, разве можно провести

границу между его любовью и его злобой? И вообще, простит ли человечество Достоевскому то, что он так осквернил человека?»

Подытоживая суждения, которые в разное время высказывали разные авторы, Григорий Ландау в эмигрантском журнале «Числа» в 1932 году печатает «Тезисы против Достоевского», где уверяет, что Достоевский «видит человека во зле, но не видит человека в творчестве. Он видит человека в мрачном страдании, но не видит его в светлой радости... Гипнотизирующая сила его взвинченного и одностороннего гения превращает эту искажённость в великую духовную опасность».

Опасность Достоевского — эту тему затем поднимет глава Русской православной церкви за границей митрополит Анастасий (Грибановский), печатая «Беседы с собственным сердцем» (Белград, 1935), они недавно у нас переизданы. И он довольно много страниц здесь посвящает размышлению о том, почему произошла революция, и по его логике получается, что русскую революцию готовила русская литература. Суждение не новое, ещё Василий Розанов в «Апокалипсисе нашего времени» заявлял нечто подобное.

Анастасий говорит, что Достоевский чрезмерно яркими красками рисовал антихриста и не проявил в этом осторожности: «Достоевский видит ясно демонический характер грядущей революции, но его кисть... в соединении с его страстным темпераментом... завели его дальше, чем это нужно было бы для его нравственных воспитательных целей... При потрясающей силе своего драматического таланта, он ослепительно ярко обнажает перед нами зло от всех его покровов и так глубоко реверолощается в своих отрицательных героев, как бы срастаясь духовно с ними, что это чувство невольно переживает читатель... Смертным никогда не безопасно прикасаться к древу познания добра и зла и приближаться к адской бездне: последняя всегда склонна притягивать к себе и как бы обжигать их своим огненным дыханием». Так Достоевский едва не загубил «мягкое русское сердце».

Анастасий был наследником Антония Храповицкого в должности руководителя Русской зарубежной церкви, эти два иерарха по-разному прочитали Достоевского. Антоний оставил замечательный по своей пронизательности словарь к произведениям писателя. Суждения же Анастасия неизбежно воспринимаются в контексте его собственной судьбы: он в своё время благословил фашистов на освобождение России.

Томас Манн своё предисловие к переводам писателя на немецкий язык назвал «Достоевский — но в меру» (1946). Он признаёт, что парадоксы подпольного героя Достоевского действительно «могут иметь опаснейшие последствия, сбивая с толку простосердечных людей». Однако следует понять, что сказаны они «во имя нового гуманизма, углублённого и лишённого риторики, прошедшего через все адские бездны мук и познания».

Я не знаю другого такого писателя, которого бы так долго, так страстно и любили, и ненавидели. Бердяев когда-то заметил, что есть люди Достоевского, а есть люди, чуждые его духу. Тем, кто ненавидит Достоевского, хотелось бы сказать, что, может быть, жить в Достоевском трудно, да и невозможно, но жить с Достоевским можно и нужно.

Соглашаясь и не соглашаясь с Достоевским, Альбер Камю заканчивает эссе «За Достоевского» (1958) словами, которыми и я хотел бы закончить: «Величие Достоевского не перестанет возрастать, потому что наш мир или умрёт, или признает его правоту».

Георгий Сергеевич Прохоров родился в 1980 году в Москве. В 2002 году закончил филологический факультет КГПИ, учился в аспирантуре Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) на кафедре Теоретической и исторической поэтики. Специализируется в области Теории литературы. Прежде всего — в областях взаимодействия литературы и журналистики, культурного трансферта, поэтики Ф.М. Достоевского. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы. Докторская диссертация, защищённая в 2013 году в РГГУ, была посвящена указанным проблемам («Поэтика художественно-публицистического единства: на материале литературы периода классического посттрадиционализма»).

Георгий Прохоров

ДОСТОЕВСКИЙ И РЁСКИН

(Перекличка Востока и Запада Европы)

Джон Рёскин (1819-1900) — английский писатель, поэт, художник и теоретик искусства, чьё наследие одно время было весьма широко известно в России (в 1900-х гг. вышло 10-томное собрание сочинений на русском языке). Знаем мы, что оно оказало некоторое влияние на русскую культуру. В частности, увлечён идеями Дж. Рёскина был Л.Н. Толстой¹. Кроме того, история Дж. Рёскина и Розы ла Туш в сильно трансформированном виде легла в основу «Лолиты» В. Набокова.

Достоевский и Рёскин, на первый взгляд, кажутся представителями разных миров. Вероятно, Достоевский ничего не знал о Рёскине. Во всяком случае, упоминания об английском деятеле отсутствуют в корпусе Фёдора Михайловича. Вероятно, Рёскин также не знал о Достоевском. Достоевский пришёл в Западную Европу уже после смерти Рёскина. И тем не менее их многое объединяет. Например, интерес к социализму, причём в его христиан-

¹ См., напр.: Рескин, Дж. Мысли Джона Рёскина, собранные Л.Н. Толстым. Одесса, 1904; Тулякова, А.А. Джон Рескин в «Круге чтения» Л. Толстого: о творческой истории легенды «Большая Медведица (Ковш)» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 97-110; Василенко, А.М. Лекции Джона Рескина и их русские переводы начала XX века // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 4. С. 147-161; Mehta, U. Gandhi, Tolstoy and Ruskin // The Indian Journal of Political Science. 1969. Vol. 30. No. 4. P. 343-349.

ском разрезе (Christian socialism). Неприятие Крымской войны. Скепсис по отношению к позитивистскому переустройству мира. Сомнения в индустриализации. Примечательно, что британские культурные деятели, на которых оказал влияние Дж. Рёскин, — Вирджиния Вульф, Дэвид Лоуренс, Оскар Уайльд — «откроют» Достоевского в Англии. Впрочем, нельзя сказать, будто сопоставление Достоевского и Рёскина никогда не осуществлялось. Если вывести за скобки перечислительные ряды, в которых исследователи ставят эти две персоны рядом, то всё равно остаются работы, в которых намечено родство указанных авторов². Таким образом, сопоставление напрашивается. В том числе и за рамками негативного отношения к Хрустальному дворцу, павильону Всемирной выставки 1851 года, ставшему эмблемой нового технологического мира, индустриальной утопии.

Далее мы сопоставим ряд фрагментов публицистики Достоевского («Дневник Писателя», 1876 г.) и трактата Дж. Рёскина «Fiction — Fair and Foul» («Художественный вымысел: прекрасное и безобразное», 1880 г.).

Человек в исчезающем Саду

И на Достоевского, и на Рёскина, действительно, глубокое впечатление произвел Хрустальный дворец. Однако более значимая точка их пересечения — ситуация «человек в исчезающем Саду».

Земля всё, — продолжал мой Парадоксалист. — Я землю от детей не розню, и это у меня как-то само собой выходит. <...> У миллионов нищих земли нет, во Франции особенно, где слишком уж, и без того, малоземельно, — вот им и негде родить детей, они и принуждены родить в подвалах, и не детей, а Гаврошей³.

Во времена моей юности Croxted Lane была зелёной просёлочной дорогой, по которой можно было сколько-то проехать в карете, впрочем, ездили они редко. Там мало что было, кроме неспаханых полей, отделённых зарослями ежевики от более ухоженных лугов, раскинувшихся по обе стороны от дороги. Там росли сорняки и, конечно же, весной примула и ромашки — эти белые ангелы, а осенью — пурпурный чертополох. Ничтожный ручеёк, вряд ли способный похвастаться прозрачностью, ибо под Дулвичем нет родников, вскормлен дождём и утренней росой <...>. Там вместе с мамой я собирал первые цветы боярышника, там — уже

² Shortt, S. E.D. The Search for an Ideal: Six Canadian Intellectuals and Their Convictions in an Age of Transition 1890-1930. Toronto; Buffalo: U of Toronto P, 1976. Pp. 41-57. См. также: www.jstor.org/stable/10.3138/j.ctvfrxb92 (доступ с экрана, проверено 17.11.2020); Siegel, J. Display Time: Art, Disgust, and the Returns of the Crystal Palace // The Yearbook of English Studies 40. 2010. № 1/2. Pp. 33-60. www.jstor.org/stable/41059780 (доступ с экрана, проверено 17.11.2020).

³ Достоевский, Ф.М. Дневник Писателя. 1876. // Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. СПб.: Наука, 1994. С. 264. Далее тексты Достоевского цитируются по этому изданию с указанием на том и страницу в квадратных скобках.

в более позднем возрасте — я гулял летом в тени, в этом месте более диком и приятном, нежели наш сад...»⁴.

Детям нужен сад. Нужна связь с почвой. Но вторая половина XIX века требует от них расти в быстро расширяющихся городах. На мостовых. Вне естественных ландшафтов.

*...Croxted Lane. Ныне поля по обе стороны по большей части взрыты под строительство или искромсаны под перекрёстки дорог и дикое пересечение трёх железнодорожных путей. Полдюжины несчастных коттеджей с дорическими входами взгромозились то тут, то там посреди израненной земли. Дорожка лишена ныне всякого очарования, покрыта бессвязными кирпичами, а то и просто мусором. По сторонам она обозначена грудами какой-то — черт знает какой — грязи; там все нечистоты, какие только могут быть, измельчены засухой или заплесневеть, гнить и покрываться ржавчиной от влажности*⁵.

Естественный ландшафт сохраняется в памяти — и освещает всю потом жизнь. У Рёскина — это видно из приведённой чуть выше цитаты (“там вместе с мамой я собирал первые цветы боярышника”). И у Достоевского: «И хоть Сад этот и не мог бы, в крайнем случае <...>, прокормить его вместе с семьёй, так что и не обошлось бы без фабрики, но пусть он знает, по крайней мере, что там его дети с землёй растут, с деревьями, с перепёлками, которых ловят, учатся в школе, а школа в поле...» [XIII, 265].

Сад в обоих случаях исчезает под бременем более практичных интересов современных людей. И на смену естественным, соразмерным человеку ландшафтам приходит цивилизация: «...города с хрустальными дворцами, с всемирными выставками, с всемирными отелями, с банками, с бюджетами, с заражёнными реками, с дебаркадерами, со всевозможными ассоциациями, а кругом них с фабриками и заводами». В которой... утрачивает своё лицо природа. И люди утрачивают человеческий облик:

⁴ Ruskin, J. Fiction — Fair and Foul. London: Dodo Press, 2009. P. 1. Оригинал: In my young days, Croxted Lane was a green bye-road traversable for some distance by carts; but rarely so traversed, and, for the most part, little else than a narrow strip of untilled field, separated by blackberry hedges from the netter cared-for meadows in each side of it: growing more weeds, therefore, than they, and perhaps in spring a primrose or two — white archangel — daisies plenty, and purple thistles in autumn. A slender rivulet, boasting little of its brightness, for there are no springs at Dulwich, yet purely enough by the rain and morning dew <...>. There, my mother and I used to gather the first buds of the hawthorn; and there, in later years I used to walk in the summer shadows, as in a place wilder and sweeter than our garden...

⁵ Ruskin, J. Указ. соч. P. 2. Оригинал: ...Croxted Lane. The fields on each side of it are now mostly dug up for building, or cut through into gaunt corners and nooks of blind ground by the wild crossings and concurrencies of three railroads. Half a dozen handfuls of new cottages, with Doric doors, are dropped about here and there among the gashed ground: the lane itself, now entirely gratelessly into various brick-fields or pieces of waste; and bordered on each side by heaps of — Hades only knows what! — mixed dust of every unclean thing that can crumble in drought, and mildew of every unclean thing that can rot or rust in damp.

...поступать девяти лет, когда ещё играть хочется, на фабрики, ломая там спинную кость над станком, тупя ум перед подлой машиной, которой молится буржуа, утомляя и губя воображение перед бесчисленными рядами рожков газа, а нравственность — фабричным разворотом, которого не знал Содом. И это мальчики и это девочки десяти лет, и где же, добро бы здесь [в Европе], а то уж у нас в России, где так много земли, где фабрики ещё только шутка, а городишки стоят каждый для трёх подьячих [XIII, 266].

В конечном счёте, происходит атомизация человека с распадом социальных связей. Потому что почва и для Достоевского, и для Рёскина — не только наличная земля, но и социум в его единстве.

Урбанизация vs. язык и эстетическое чувство

Сад — традиционная для человечества метафора идеального пространства, Рая. Но человек живёт не только в физическом пространстве, но и в пространстве языка. Другая значимая точка схождения Достоевского и Рёскина — переживание языка, которым пользуются люди, как находящегося в упадке. Механизмы несколько различаются. Для Достоевского индивид, насильственно и искусственно оторванный от языковых корней, перестаёт мыслить:

236

Не владея матерьялом, чтоб организовать на нём всю глубину своей мысли и своих душевных запросов, владея всю жизнь языком мёртвым, болезненным, краденым, с формами робкими, заученными, для него не раздвигающимися и грубыми, — он будет вечно томиться непрерывным усилием и надрывом, умственным и нравственным, при выражении себя и души своей [XIII, 250].

Язык такого человека как бы становится «мёртвым» («Они говорили в волнении, но объяснялись по-французски и очень плохо, книжно, мёртвыми, неуклюжими фазами...» [XIII, 244]; «живые люди, в цвете здоровья и сил, решаюся говорить языком тощим, чахлым, болезненным» [XIII, 245]. Язык — та же почва. Также уничтожаемая унификацией. И как болезненным и преждевременно постаревшим оказывается ребёнок, выросший на мостовой и «сбагрённый» на фабрику, таким же «юным стариком» оказывается выросший в отрыве от языковой почвы: «Он будет вечно тосковать как бы от какого-то бессилия, именно как те старцы-юноши, страдающие преждевременным истощением сил от скверной привычки. Но, увы, какая маменька поверит мне, что все эти бедствия могут произойти от французского языка и от бонны!» [XIII, 251]

Так темы Сада и его утраты, урбанизации, фабрики, потери нравственного, национального и эстетического чувства... связываются Достоевским в один узел:

«Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделать людей, то наделите их землею — и достигните цели» [XIII, 266];

«Чтоб усвоить себе этот русский язык натуральнее, без особой насадки <...>, надо непременно ещё с детства перенимать его от русских нянек, по примеру Арины Родионовны...» [XIII, 248].

Проблемы «отхода от народа» у Рёскина, естественно, нет. Для этого автора и английский простолюдин, и английский джентльмен — это один народ. Разрушает эстетическое чувство урбанизация:

...широко образованный житель Лондона способен наслаждаться только тем возбуждением, что ему привычно; более того, он требует ещё больше страсти, больше вирулентности; высшая сила искусства, вызванная ради развлечения его отупевшего вкуса, предлагает картинки ужасов, смерти⁶.

А вместе с эстетическим чувством разрушается язык, который привыкает передавать кривые, уродливые формы:

Современный писатель нашёл бы прелестным втиснуть те или иные уродливые варианты произношения ради их диалектности. Но Вальтер Скотт пишет слова на чистом английском. Он понимает, что шотландский читатель всё равно прочитает их правильно, <на шотландский манер>, да и английский, вероятно, окажется достаточно мудрым, чтобы понять авторский замысел. <...> Заметьте, <у Скотта> нет ни одного слова, повреждённого неприличной поспешностью, медлительностью, неряшливостью или неудобоваримым произношением⁷.

«Вернитесь к народу — и всё разрешится, обратится вспять» — в отличие от Достоевского, у Рёскина нет такой надежды. Имеющиеся проблемы могут быть разрешены только вместе с комплексным восстановлением привычной для человека «среды обитания».

Исторический опыт России и Соединённого Королевства, очевидно, влияет на ракурсы писателей. В их пересечении и в их несовпадении. Примечательно, что «почва» на двух концах Европы осмысливается схоже — и как земля под ногами, и как человеческая община. Вероятно, мы наблюдаем отзвуки Романтизма и свойственной этому течению идеи Volksgеist (народный дух). Как результат, вкус и нравственность буквально произрастают из почвы:

В естественных условиях степень психической возбудимости, необходимой для телесного здоровья, ограничивается течением времен года, практическими навыками, делами хозяйства. На селе каждое утро приносит новый вид распускающейся или увядающей природы; каждое дело происходит из земли, каждая надежда или предостережение — с неба. Нет ни дня без невинной надежды, практического благоразумия, нежного дара и возвышенной опасности. В каждом действии мудрого землепашца, в каждом напряжении его отваги, противоборствующей или исцеляющей, страсти,

⁶ Ruskin, J. Указ. соч. Р. 6. Оригинал: ...the thoroughly trained Londoner can enjoy no other excitement than that to which he has been accustomed, but asks for that in continually more ardent or more virulent concentration; and the ultimate power of fiction to entertain him is by carrying to his fancy the modes, and defining for his dullness the horrors, of Death.

⁷ Ruskin, J. Указ. соч. Р. 23. Оригинал: A modern writer of dialects would think it amusing to use one or other of these ugly spellings. But Scott writes the name in pure English, knowing that a Scots reader will speak it rightly, and English one be wise in letting it alone <...>. observe, not a word is corrupted in any indecent haste, slowness, slovenliness, or incapacity of pronunciation.

гордость, физическая сила оживлены и порождены счастливым единством. Общинное сотрудничество, забота об инструментах, животных смягчают и наполняют его жизнь скромным милосердием, дисциплинируют его практической мудростью и лишённой тщеславия стойкостью. В то же время божественные законы посевного времени, кое не может быть отменено; жатвы, кою нельзя приблизить, или зимы, когда невозможно работать, обуздывают нетерпеливость и порывы его сердца работой слишком смиренной, чтобы стать беспокойным, и отдыхом слишком сладким, чтобы погрязнуть в распутстве. Какая мысль сможет достаточно осмыслить контраст между такой жизнью и той, что на городских улицах⁸.

Перед нами идиллия, по большому счёту, свойственная обоим [XIII, 266-267]. Вплоть до «случайного семейства» — это типичное обозначение для Достоевского [XIII, 7-9; XIV, 202-205] присутствует и в тезаурусе Рёскина:

Крестьяне знают друг друга еще будучи детьми; встречаются, присматриваются, как кто работает. Если сын добротного фермера женится на безрукой девушке, то это его личная ошибка. То же и в дворянских семьях: <женясь,> молодые знают, что они делают; они женятся на соседях с тем же положением, что и они сами, берут на себя понятные обязательства. Но даже для них сезон в беспокойном мегаполисе представляет распутное и счастливое искушение, прежде неведомое. Взывая к низменному, новое царство дискомфорта и греха проповедано им в доктрине необузданных удовольствий, которые есть в сущности особая форма разрешения на случайку. <...> автоматические любовные истории и случайные женитьбы, ставшие нормой для романов нашего времени, идут в своем осмыслении законов морали немногим далее, нежели инстинкт насекомых⁹.

⁸ Ruskin, J. Указ. соч. Р. 5. Оригинал: Under natural conditions the degree of mental excitement necessary to bodily health is provided by course of seasons, and the various skills and fortunes of agriculture. In the country every morning of the year brings with it a new aspect of springing or fading nature; a new duty to be fulfilled upon earth, and a new promise or warning in heaven. No day without its innocent hope, its special prudence, its kindly gift, and its sublime danger; and in every process of wise husbandry, and every effort of contending or remedial courage, the wholesome passions, pride, and bodily power of the labourer are excited and exerted in happiest unison. The companionship of domestic, the care of serviceable, animals, soften and enlarge his life with lowly charities, and discipline him in familiar wisdoms and unboastful fortitudes; while the divine laws of seed time which cannot be recalled, harvest which cannot be hastened, and winter in which no man can work, compel the impatiences and coveting of his heart into labour too submissive to be anxious, and rest too sweet to be wanton. What thought can enough comprehend the contrast between such life, and that in streets...

⁹ Ruskin, J. Указ. соч. Р. 12. Оригинал: Peasants know each other as children — meet, as they grow up in testing labour; and if a stout farmer's son marries a handless girl, it is his own fault. Also in the patrician families of the field, the young people know what they are doing, and marry a neighbouring estate, or a covetable title, with some conception of responsibilities they undertake. But even among these, their season in the confused metropolis created licentious and fortuitous temptation before unknown; and in the lower middle orders, an entirely new kingdom of discomfort and disgrace has been preached to them in the doctrines of unbridled pleasure which are merely an apology for their peculiar forms of illbreeding. <...> the automatic amours and involuntary proposals of recent romance acknowledge little further law of morality than the instinct of an insect...»

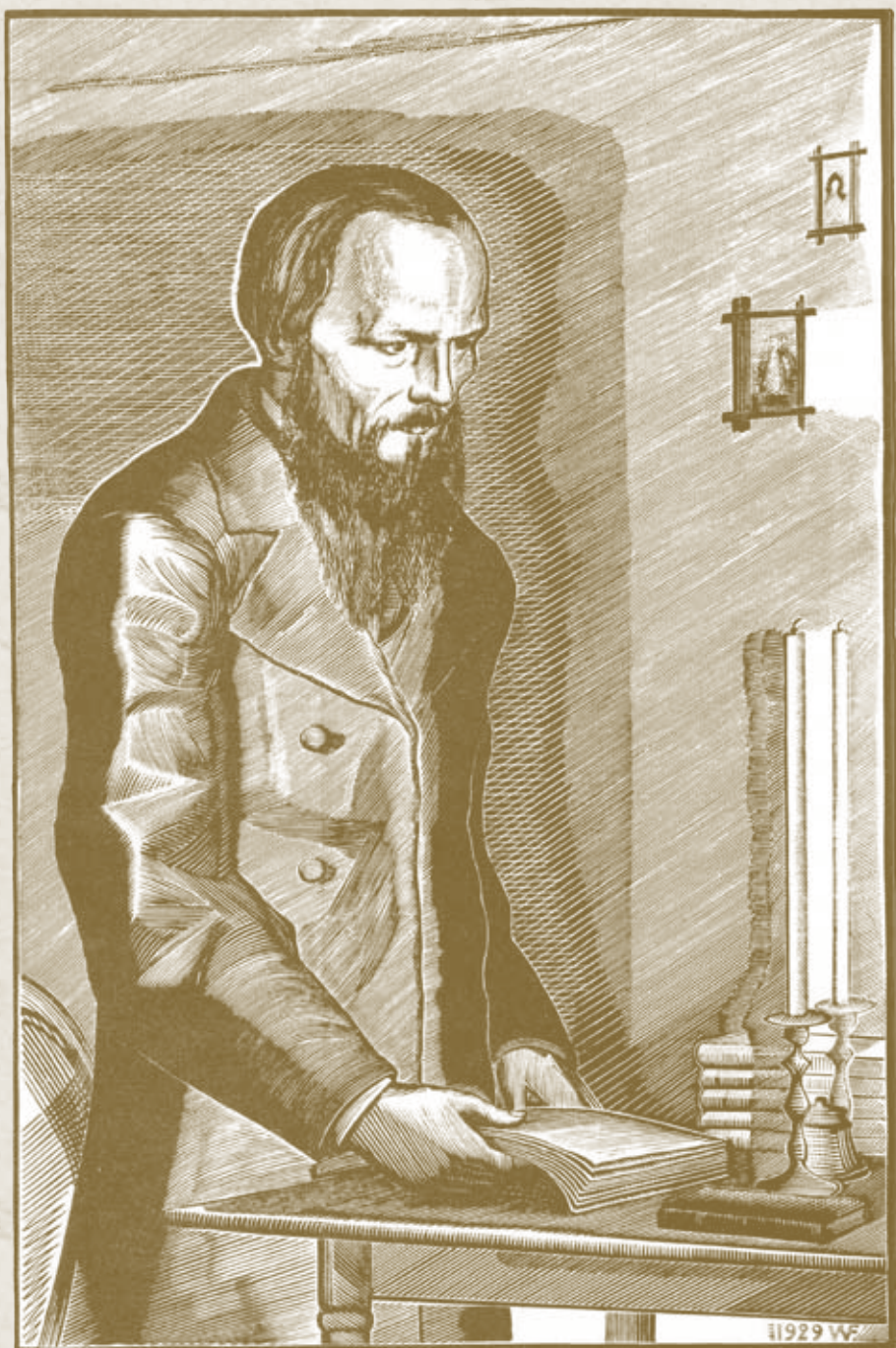
Вплоть до Гаврошей, иначе говоря, детей на мостовых:

Какая мысль сможет достаточно осмыслить контраст между такой жизнью и той, что на улицах, где лето и зима лишь смена жары и холода, где снег никогда не падает белым, солнечная погода не бывает ясной, где почва — лишь мостовая, и небо не более чем стеклянная крыша арки, где громадная сила шторма существует, чтобы забивать сточные канавы, а чудесная магия весны — чтобы обращать вязкую глину в пыль»¹⁰.

В наш век произошла страшная революция, и одолела буржуазия. С ней явились страшные города, которые не снились даже и во сне никому. Таких городов, какие явились в 19-м веке, никогда прежде не видало человечество. Это города с хрустальными дворцами, с всемирными выставками, с всемирными отелями, с банками, с бюджетами, с зараженными реками, с дебаркадерами, со всевозможными ассоциациями, а кругом них с фабриками и заводами. <...>. «В Саду обновится <человечество> и Садам выправится». <...> дети, настоящие то есть дети, то есть дети людей, должны родиться на земле, а не на мостовой. Можно жить потом на мостовой, но родиться и всходить нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут. А европейские пролетарии теперь все — сплошь мостовая [XIII, 265-266].

Некогда блаженный Августин «запустил» фразу, которая со временем стала эпохальной: может ли у Афин быть что-то общее с Иерусалимом? А у Москвы и Лондона? Может, и есть. Восток и Запад Европы объединяет общий культурный бэкграунд, общие проблемы цивилизационного характера. Меняется акцент, меняется ракурс взгляда. Но никогда не ведавшие друг о друге представители русской и британской социально-консервативной мысли, очевидно, перекликаются в “большом” и “малом” времени, в едином пространстве диалога.

¹⁰ Ruskin, J. Указ. соч. P. 5-6. Оригинал: What thought can enough comprehend the contrast between such life, and that in streets where summer and winter are only alternations of heat and cold; where snow never fell white, nor sunshine clear; where the ground is only a pavement, and the sky no more than the glass roof of an arcade; where the utmost power of a storm is to choke the gutters, and the finest magic of spring, to change mud into dust...

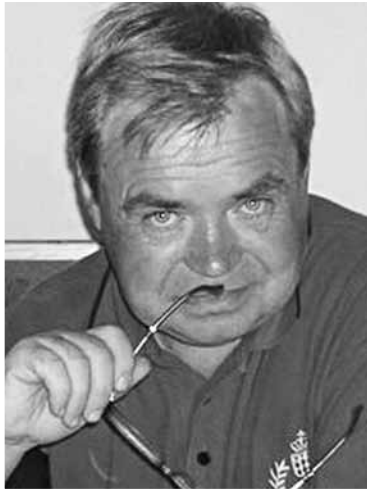

15 (3) марта 1886 года родился Владимир Андреевич Фаворский (1886–1964), русский художник. «Портрет Ф. М. Достоевского» (1929 г.), художник В.А. Фаворский

Сергей Прохоров

ДАРОВОЕ В ПРЕДАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ

Для чего мы изучаем фольклор

Сергей Михайлович Прохоров родился 6 октября 1953 г. в Коломне. Учился в Коломенском педагогическом институте (ныне ГСГУ) на филологическом факультете. Работал учителем русского языка и литературы в Квашонковской средней школе Талдомского района Московской области, Государственном Литературно-мемориальном музее С.А. Есенина (Константиново, Рязанская область), Коломенском краеведческом музее (заведовал Музеем Боевой славы). Последние 20 лет работал доцентом кафедры литературы ГСГУ. С 1997 года — кандидат филологических наук.

Тема диссертации: «Фольклор в художественном мире С.А. Есенина». Выпустил ряд работ, посвященных писателям «серебряного века», этнографии и фольклору. Публиковался в Коломне, в межвузовских сборниках России, Украины и США, в журналах «Русская речь», «Литературная учеба», «Живая старина», «Современное есениноведение».

От знакомой учительницы слышал много лет назад: «Нет, Даровое я не люблю и никогда туда больше не поеду. Нас Андрей Павлович Радищев возил еще в начале 1950-х годов. Так нам такое рассказали... Страшно же. Оказывается, отец писателя такой гад был. Такое творил. И его свои же крестьяне убили. Это точно. Это нам его кучер рассказывал». И я начал считать. Сколько лет было этому «кучеру». Ну вроде бы 80. Тогда это выводит нас на 1870-гг. Но ведь в эти годы ни Михаила Андреевича не было в живых (умер в 1839 г.), да и сам Федор Михайлович уже многие годы не жил в Даровом. И тогда этот старый рассказ, выводящий на первые походы моего учителя — А.П. Радищева — начал освещаться новым светом. Да и раскрываться иначе.

Сколько раз я приходил со студентами в ту же самую деревню. И всё время слышал от местных жителей недоумённые вопросы: зачем вы сюда ходите? Вы же там всех бабушек опросили?

В самом деле, казалось бы, уже известны все информанты. Известен их репертуар. Известны факты, которые они обычно сообщают. И всё же каждое новое посещение дарит всё новые и новые варианты текста.

Отмечу, что и сейчас, как и тогда, я не ставлю своей задачей — попытаться с помощью предания установить историческую истину — ибо это невоз-

можно. Ведь художественный текст (а фольклорный текст, безусловно, относится к ним) — это не учебник истории. Да и доказывать ошибочность преданий не собираюсь: предание не может быть ошибкой, как не может быть ошибкой любое другое художественное произведение. Я хочу лишь поразмышлять о том, что же на самом деле оказывается перед нашим вниманием, когда мы работаем с фольклорным текстом.

Казалось бы, ответ лежит на поверхности: перед нами факт, причудливо или менее причудливо обработанный сознанием нескольких поколений — носителей его. Однако, чем больше я работаю с одними и теми же информантами, каждый раз спрашивая их об одном и том же событии, тем всё более сомневаюсь в этом.

Я могу пояснить свою мысль на разных примерах: записи исторических преданий или свадебных обрядов и песен, баллад или частушек. Но я остановлюсь на предании, которое кажется сейчас многим исследователям широко распространённым. Это предание о смерти М.А. Достоевского. Итак, когда я впервые записывал это предание в 2006 г. от жительницы села Чермошня Мелеховой, то, услышав её заверение «это не бль, а настоящая правда», смело опубликовал этот рассказ. Тем более, что моя информантка утверждала, что узнала эту историю от своей бабушки Елены Платоновны. Особенно меня растрогало тогда желание информантки показать свою связь с родом Достоевских: «У нашей Елены Платоновны все Достоевские брали молочные продукты. Считали, что <они у неё> самые вкусные, <а она> самая чистая женщина в этой деревне». Информантка утверждала: «Вот у нас ещё об отце его есть память, где наши деревенские старинные мужики в Поповом лесу задушили его». Судя по её воспоминаниям, предание было передано Еленой Платоновной, а той стало известно от племянниц Фёдора Михайловича. Однако, когда мы вернулись к ней уже в 2009 г., то на прямой вопрос, что ей известно о смерти отца писателя, наша информантка сначала вообще стала уверять, что его никто не убивал, а потом на мой вопрос, а почему тогда вы же нам прежде иначе рассказывали — нашлась: «вон там вон в книге написано». Книгой оказался «Коломенский альманах», в котором в статье Т.И. Кондратовой приводились слова матери информантки об убийстве Достоевского. Далее последовало пояснение: «Мама рассказывала много. Ну, это, я всегда присутствовала при их разговорах. Бывало мы ходили с девочками тоже... а они бывало к нам заходили. Ну, чё... Вот там сказали, что наши мужики пошли в лесочек, прям перед нашей деревней... Наши мужики его тама забили. Это вот Дядькино лесочек был? Дядькино!» Обратим внимание на то, что источником информации, равно как и доказательством её правды, служит теперь уже не рассказ матери, как это было раньше, а книжка и рассказы самих наших студенток. Кстати, сменилось если и не место преступления, то уж точно название леса.

Естественно было бы предположить, что пожилая женщина стеснялась в присутствии матери противоречить ей, а вот теперь, после её смерти, будет рассказывать то, что считает наиболее точным. Однако этого не случилось. Записи 2010 и 2011 года свидетельствуют о том, что в рассказах как самой Мелеховой, так и её родственников продолжает развиваться вариант предания, связанный с убийством. Более того, мы узнали от тех же информантов уже новые подробности. Оказалось, что убийство произошло

в розовом кусту, который размером — «вот с эту кухню». А убил, согласно некоторым рассказам — мужик Морей (отмечу, что это очень тепло показанный Ф.М. Достоевским персонаж)... Впрочем, в ряде рассказов мужик Морей (современные жители называли его Марком Сергеевичем Ермаковым) — это как раз из числа верных слуг Михаила Андреевича и один из первых рассказчиков этого предания (л.112 об.).

Было бы важным обратить внимание на родственные (или хотя бы очень близкие дружеские) связи всех информантов, что легко выявляется. Так, Антонина Анисимовна Морозюк, жительница села Хлопово, рассказала нам, что узнала о смерти отца Достоевского от своего отца Анисима Платоновича (л. 113). На наш вопрос, из какого она села, назвала Чермошню. А чуть позже сказала, что Елена Платоновна, от которой черпала свои знания Мелехова, её родная тётка. При этом легко выявляется и подтверждается жанровая принадлежность рассказа к числу семейных преданий.

Детали, которыми окружают информанты это событие, весьма значимы. Мы уже говорили о розовом кусте. Но приходилось записывать и про «белорозовый куст» (Та же Антонина Анисимовна, но в 2009г, л. 1об). Здесь мы видим явные отголоски как песенных, так и сказочных мотивов. Вероятно, предание прочно связалось в сознании информантки с корпусом фольклора и нераздельно с ним.

Однако, её родная сестра Клавдия Анисимовна ничего про розовый куст не знает, но упоминает рощу (л. 137об).

Интересно, как обозначается причина убийства: «он был такой дерзкий человек» (л.1об), «он очень деспотичный был. И наглый. <мужики> вышли на работу. И не работают. Он начал ругаться. Они его... Рот заткнули... Вот...» (л. 80об), «он был очень коварный человек. Он не разрешал никому в лес ходить ... ни яблоко сорвать, ни гриб. Не любили его» (л. 112об), «он очень жестокий был» (л. 137об). Обратим внимание на то, что до сих пор признаком хозяйской «дерзости» и «коварства» оказывается тот факт, что хозяин требует от работников работать.

Гораздо реже называют в качестве причины убийства, что «Есть такая легенда, что вот в Даровом жили Достоевские. И отец у них был очень рьяный, ну, как сказать, домогался до женщин. И крестьяне не выдержали и убили его ведь: запероли вилами...» (Надежда Сергеевна Николашева, д. Фёдоровка, запись 2008г л. 6).

К тому же этот вариант в селе Фёдоровке напрямую связывается с топонимической легендой. Впервые нам сообщил об её существовании в 2006 г. настоятель ряда местных церквей о. Григорий Решетов, который слышал её от своей матери, уроженки с. Федоровка: «А само название деревни Фёдоровка, как говорят местные, лет 100 <назад> у них сложилась своя интерпретация названия. Название Фёдоровка связано с именем Достоевского. Каким боком — не объясняется...» (Записи 2006 г.л. 25).

Через несколько лет мы услышали и объяснение: «И чтоб скрыть эти следы <убийства>, некоторых крестьян крепостных продали вот сюда на Фёдоровку. Я не знаю, ну, это, наверное, раньше было. И что Фёдор Михайлович — это, наверное, не связано. Так вот Церкова там у нас у пруда. У них это — дети так похожи на Достоевского. Похожи были все этих родня. И они даже талантливы были...» (Надежда Сергеевна Нико-

лашева, д. Фёдоровка, запись 2008 г. л. 6). Однако сестра информантки Зинаида Сергеевна при тогда очень хорошей памяти и полной раскрепощённости в своём рассказе смогла ответить на наш уточняющий вопрос только: «А, ну, я и не знаю» (2008, л.14об). Таким образом, в предании противопоставлены отец и сын. Отец — жестокий помещик, а сын, наоборот — спаситель крестьян, убийца помещика. Рассуждения об особой талантливости потомков тоже были однажды раскрыты так: мол, Фёдор Михайлович очень до женского пола был охоч. А батюшка так переживал, что незаконнорождённых детей своего гениального сына селил, пряча, в одну деревню — Фёдоровку.

Интересно, что различные варианты легенды могут существовать в одной семье и даже передаваться одним информантом.

Отмечу, что почти все информанты, сообщающие предания о смерти отца Ф.М. Достоевского, так или иначе относятся к одной семье, а далее — к племянницам писателя. А значит распространённость предания не столь уж и широка, как это казалось сначала, и не выходит за пределы расселения потомков этой семьи.

То есть, все тексты преданий о смерти Михаила Андреевича Достоевского не носят устойчивого характера. Иначе говоря, предание, как и любая историческая песня, берет от события только фабульную часть. А расцветается она каждый раз по-новому, ибо, как мы и знаем — фольклорное произведение пересоздаётся каждый раз заново, в момент его исполнения. Создается по принятым в культуре народа лекалам. Но выбор самих этих лекал — дело исключительно исполнителя. Поэтому сказитель, выбирающий сегодня лекало-матрицу о конфликте жестокого помещика с крестьянами, завтра уже может избрать иную: о смерти сварливого барина в поле от волнения.

При этом в любом случае он говорит «не быть, но правду». Ибо в любом случае рассказывается художественный текст, вполне сообразный народному представлению. А значит, по преданию, равно как и по другим произведениям фольклора, никак нельзя изучать исторические события. Но зато они могут показать интерес к событию в народе и возможные пути развития сюжетов, которые народное сознание допускает для данной фабулы.

В этом нет ничего странного, ибо к ним следует относиться не как к воспоминаниям, передающимся слово в слово от поколения к поколению, а как к обычному фольклорному преданию, которое творится «здесь и сейчас» во время каждого исполнения. Предания, сохраняя лишь внешнюю канву — смерть отца Достоевского в поле — наполняют её совершенно различным содержанием. Это может быть как насильственная смерть в Чермошне, так и насильственная смерть в Даровом. Это может быть кончина деспота-помещика и противопоставление отца и сына. Причины (убийства), как мы убедились, тоже могут быть различными. Наконец, передаётся вариант и вовсе не связанный с насильственной смертью.

Предложенная работа лишь первая попытка сравнительного изучения текстов этого предания, и тем самым я хотел бы заявить о существовании этого материала. Думаю, что он хранит ещё много интересного. Да и полевые исследования в будущем ещё могли бы продолжиться.

**Была
война**

*80-летию начала
Великой
Отечественной Войны
посвящается...*

ВК

Графика Василины Королёвой

КОЛОМНА ПРИФРОНТОВАЯ

Евгений Львович Ломако родился 1 августа 1974 года в Коломне. Окончил технологический факультет Коломенского пединститута (ныне ГСГУ). Кандидат исторических наук. Лауреат Макариевской премии. С 2009 года — заведующий отделом историко-культурного музея-заповедника «Коломенский кремль».

Автор монографии «Русский провинциальный город екатерининской эпохи: Коломна второй половины XVIII века», ряда брошюр по истории города, путеводителей и наборов открыток, более ста статей в научных сборниках, федеральных и региональных журналах и альманахах, местных средствах массовой информации. Один из авторов и создателей электронной энциклопедии «Коломна». Награждён дипломом имени И.И. Лажечникова.

Очерк

Минуло восемьдесят лет с начала Великой Отечественной войны, ставшей величайшим испытанием народа, крепости его духа и коснувшейся каждого на просторах многонациональной Родины. И сегодня мы склоняем головы перед памятью предков, подаривших нам самое дорогое — жизнь. Их дела и поступки на фронте и в тылу по сию пору остаются примером настоящей любви к близким. Оглянемся же в прошлое Коломны, в уже далёкий 1941 год.

Представление о том, какой была предвоенная Коломна, можно почерпнуть из архивных документов. Отчёты местной власти рисуют динамично развивающийся город, население которого с 1933 по 1937 годы выросло с 54 000 до 75 300 человек. Действовали крупные предприятия: Коломенский машиностроительный завод им. В.В. Куйбышева, на котором в 1937 году трудилось 20 264 рабочих, патефонный, насчитывавший 2 683 единицы персонала, завод им. Ворошилова. Активно расширялась сеть образовательных и культурных учреждений, строились новые дома, прокладывались канализационная и водопроводная сети. Говоря словами представителей администрации того времени, «гор. Коломна из бывшего купеческого некультурного — насыщенного развратом, пьянством и одурманенного опиумом религии — превратился к концу II пятилетки в город индустрии, оснащённый богатой техникой и культурой». Всё было готово, чтобы сделать ещё один шаг вперёд: на площади Двух революций стояли готовые к пуску троллейбусы.

В цехе времён войны

Но всё изменилось в воскресный день 22 июня 1941 года. Война для Коломны началась после выступления В.М. Молотова в 12 часов 15 минут. Практически сразу во всех организациях прошли митинги и собрания, настрившие жизнь на иной лад. В целях охраны важных народнохозяйственных объектов был сформирован 52-й истребительный батальон, а в каждом населённом пункте района — группы содействия ему. Записавшихся в отряд народного ополчения — 1750 человек — разбили на три батальона, один из которых уже в начале июля влился в 8-ю Краснопресненскую дивизию народного ополчения в составе 33-й армии. Начали формировать и другие воинские части. На территории города и района развер-

248 нулось около 30 госпиталей. Уже в июле 1941 года сюда поступили раненные.

К середине июля во всех учреждениях появились группы самозащиты, в которые привлекались учителя, врачи, медсестры, фельдшера, а *«также наиболее способные лица из населения»*. На заводах, фабриках и в учреждениях создавали спасательные отряды и команды, санитарные дружины, группы и звенья специального назначения. В жилых домах организовали круглосуточное дежурство на случай налёта вражеской авиации. При штабе местной противовоздушной обороны действовали отряды: сандружинников, восстановительный, по строительству бомбоубежищ, по соблюдению правил светомаскировки; была выделена отдельная рота для обеспечения местной противовоздушной обороны. Летом 1941 года в организованный Фонд обороны поступило 1 100 тонн чёрного и 25 тонн цветного металла, собранного молодёжью города, а также облигации займов от населения на 1296 110 рублей, 181,8 грамма золота, 7787 граммов серебра и 1 189 405 рублей наличными деньгами. Коллектив машиностроительного завода, паровозные бригады депо Голутвин, рабочие патефонного завода внесли в Фонд обороны однодневный заработок. В начале осени 1941 года жёны работников машиностроительного завода и жёны фронтовиков отправили на фронт около 200 посылок с тёплыми вещами и подарками.

Подхватывая слова *«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»*, жители Коломны клялись работать с удвоенной энергией, чтобы обеспечивать фронт необходимым вооружением, боеприпасами. Перестройка промышленности на выпуск военной продукции произошла в считанные дни. Предприятия перешли на две 11-часовые смены. Резолюция митинга рабочих машиностроительного завода, отражая общее настроение, гласила: *«Превратим каждый цех в крепость обороны!»*. Завод

Командный состав бронепоезда № 1 «За Сталина»

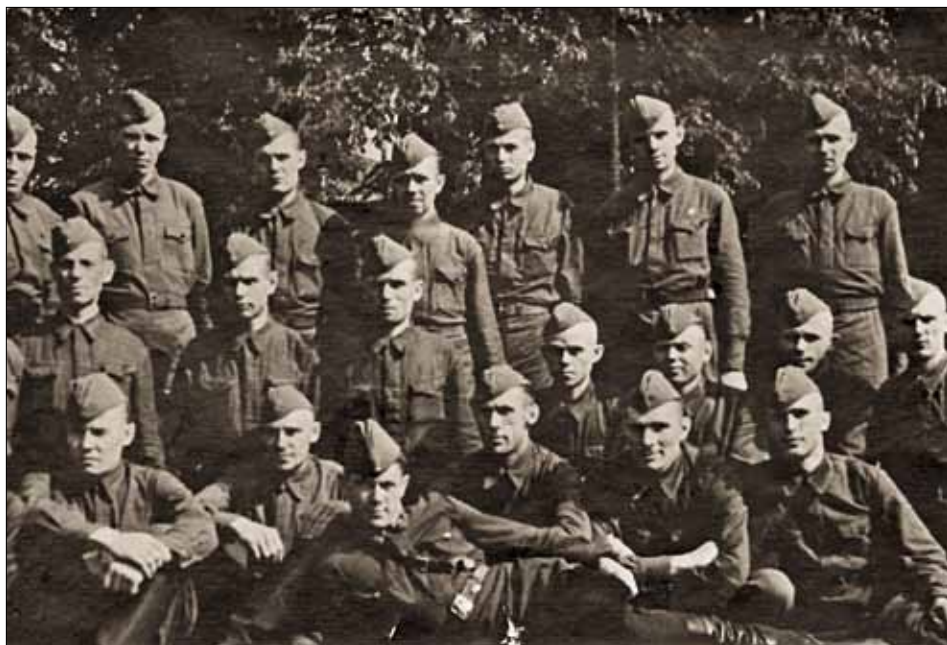
и раньше выпускал продукцию военного назначения. Ещё в 1934 году начали массово изготавливать судовые дизели 38В-8, устанавливавшиеся на подводных лодках серии «Щ» — «Щука». В 1937 году три такие лодки перегнали из Коломны по Оке и Волге в Нижний Новгород и достроили на заводе «Красное Сормово»¹.

Теперь же на машиностроительном организовали производство передвижных платформ для зенитных орудий, корпусов лёгких танков Т-60, которые отправлялись на один из заводов Москвы, направляющих плоскостей, а затем и самих пусковых установок БМ-13 («катюша»), устанавливавшихся на грузовые автомашины ЗИС-5 и ЗИС-6. До января 1942 года сражавшейся столице отправили 18 880 зенитных снарядов, 128 направляющих плоскостей для «катюш», 310 «катюш», 770 платформ для зенитных установок, 241 бронекорпус для танков Т-60 и другое военное снаряжение. Всего за первое полугодие войны коллектив освоил новых видов производства военного характера почти на 35 миллионов рублей. По постановлению ГКО № 287 сс от 26 июля 1941 г. началось строительство особого бронепоезда № 1 «За Сталина».

На патефонном заводе с первых дней войны параллельно действовали два потока. До исчерпания незавершённого производства выпускали патефоны и одновременно — пружины для автомата ППШ, мины и миновзрыватели.

В соответствии с задачами военного времени происходила и перестройка сельского хозяйства. Количество трудоспособного населения

¹ Подлодка Щ-421 в 1942 году стала Краснознамённой, Щ-422 в 1943 году удостоена звания Гвардейской, а Щ-423 совершила самый сложный переход Северным морским путём на Тихий океан.

Личный состав бронепоезда № 1 «За Сталина»

в колхозах в годы войны по сравнению с 1940 г. сократилось на 7 518 человек, или на 46%, в том числе мужчин — на 3 197 человек. Несмотря на это сбор зерновых в 1941 году составил 9 752 т (12 425 т в 1940 г.), картофеля — 52 503 т, овощей — 5 229 т против, соответственно, 33 574 т и 8 187 т. В октябре 1941 года районная партийная организация провела ряд мер, связанных с обеспечением эвакуации скота, оборудования МТС и др. На 1 ноября 1941 года колхозы эвакуировали 1941 корову (92% от поголовья), совхозы — 873 коровы (88%). В 1942 году сельские труженики получили хороший урожай: зерновых собрали 12 534 т, овощей — 14 221 т.

В октябре 1941 года линия боевых действий приблизилась к Коломне. С 19 октября 1941 года по 1 апреля 1943 года город числился прифронтовым, находясь в пределах тыловых границ Западного фронта. На основании постановления Государственного Комитета Оборона (ГКО) и Московского комитета (МК) Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)) 23 октября 1941 года в Коломне начал работать городской комитет обороны, на который возлагалось также руководство близлежащими районами: Луховицким, Зарайским, Озёрским, Малинским, Воскресенским, Егорьевским.

Для организации защиты городской комитет решением от 15 ноября 1941 года создал штаб обороны (начальник Кулагин) и развернул большую работу по дополнительной мобилизации, формированию новых частей для пополнения рядов защитников Москвы. В те дни были составлены рабочий батальон (569 бойцов) и рабочая колонна. 7 ноября 1941 года комитет утвердил проект строительства баррикад в Коломне. Для этого создали руководящий штаб. Его начальнику, М.К. Фролову, поручили

Кирка-мотыга для земляных работ

«в течение 3 дней произвести всю практическую разработку осуществления плана и всю работу закончить за 10 дней».

Решением МК ВКП(б) был образован подпольный окружной комитет ВКП(б) для организации на территории Коломны и восьми близлежащих административных районов, в том числе Коломенского, партийной работы в условиях оккупации, а также сформированы два партизанских отряда, в каждом из которых насчитывалось по 100 бойцов. Для них оборудовали три базы. Одну вблизи реки Мезенки, что в районе посёлка Пески, другую — около села Макшеево в Надеинском лесничестве, третью — по дороге на Озёры. На территории бывшей усадьбы Найдёновых у села Северского действовала спецшкола по подготовке диверсионно-разведывательных групп.

От Коломны начинался оборонительный рубеж общей протяжённостью 132 км, проходивший по левому берегу Москвы-реки до Люблина. Городской комитет обороны 26 октября 1941 года обязал машиностроительный завод поставить для укрепления линии обороны башни для танков в качестве долговременных огневых точек.

Сложная ситуация сложилась в конце ноября в связи со вторым наступлением на Москву. Немецко-фашистские захватчики оккупировали западные районы Рязанской области и ряд селений Зарайского района. Охватывающие Москву клещи должны были соединиться в районе Коломны. На случай прорыва в районе Щурова вдоль так называемой Окской линии обороны оборудовали огневые точки: установили бронеколпаки и пулемётные щитки². Предприятия Коломны изготовили для строительства оборонительных со-

² Некоторые доты, откуда прекрасно просматриваются оба моста, местные жители сейчас используют в качестве погребов.

Митинг рабочих завода им. Куйбышева

252 оружий 13 200 штук шанцевого инструмента, 2 200 заградительных «ежей», более 500 колпаков-башен. От Москвы-реки в районе деревни Бакунино до Оки в районе посёлка имени Кирова вырыли противотанковые рвы общей протяжённостью более 12 километров³. Всего за 24 дня на подступах к городу создали лесной завал, длина которого составила 55,4 км. Бюро районного комитета (РК) ВКП(б) 12 декабря 1941 года отметило, что решение МК ВКП(б) по завалу леса выполнено в установленный срок.

ЕВГЕНИЙ ЛОМАКО

Открыв воспоминания Ларисы Горячевой, ученицы 26-й школы в ту пору, мы узнаём, что при строительстве оборонительных сооружений вокруг Коломны существовали определённые нормы, задания для старшеклассников и учителей, рабочих предприятий, которые нужно было выполнить после учёбы или работы. Сама Лариса с товарищами готовила аэродромы, расчищая стояночные площадки для самолётов.

Чтобы обеспечить манёвренность войсковых формирований, большое внимание уделяли ремонту районных дорог. «С 28 октября 1941 года с 8 час. 00 мин. на трассу Шманаево — Субботово выделить 200 человек рабочей силы с лопатами, топорами, пилами и 10 подвод», — отмечалось в связи с этим в одной из директив городского комитета обороны.

Основные предприятия Коломны в это время эвакуировались в восточные районы страны. Погрузка в эшелоны шла под звуки воздушной тревоги и гул моторов вражеской авиации. В глубь страны отправились 4 400 вагонов с 7 200 т различного оборудования и материалов. Эту работу проделали в течение 40 дней.

³ Остатки рвов в наше время легко обнаружить. Это овраги возле церкви Иоанна Предтечи, рядом с Новым кладбищем в Городищах и в районе реки Репинки.

Перевязочная гнойно-хирургического отделения в ЭГ-4850

Несмотря ни на что, подразделения машиностроительного завода, оставшиеся в Коломне, уже в ноябре 1941 года стали набирать темпы по выпуску мин, авиабомб, ручных гранат, других видов боеприпасов, шанцевого инструмента и иного снаряжения. К 4 декабря 1941 года завершили строительство бронепоезда № 1. В его создании приняли участие коллективы депо станции Голутвин и завода имени Ворошилова. Команду составили сами рабочие.

В ремонтном цехе депо Голутвин также круглые сутки не стихала работа. Сваривали и отправляли ближе к фронту противотанковые «ежи», ремонтировали миномёты, трактора, мотоциклы.

В решении от 13 декабря 1941 года городской комитет обороны обязал машиностроительный завод построить бронепоезд № 2 и сдать артиллерийскому дивизиону к 5 января 1942 года. Для этого с оборонительных сооружений отозвали большую группу квалифицированных мастеров. Бронепоезд № 2 «Коломенский рабочий», в команду которого вошло много коломенцев, участвовал в наступлении советских войск под Москвой, первое боевое крещение получил в районе Мценска. Закончил боевой путь под Познанью.

Среди населения города начался сбор средств на постройку колонны бронепоездов. За короткое время собрали более миллиона рублей и передали в Фонд обороны.

Машиностроительный завод к февралю 1942 года постепенно восстанавливал свои мощности: действовали 13 производственных и 10 вспомогательных цехов, а к июню 1942 года начали функционировать и главные цехи. И если в начале 1942 года предприятие выпустило военной продукции на сумму 500 тысяч рублей, то в начале 1943 года — на 90 миллионов

Паровоз 9П с тендером после бронирования

254 рублей. В цехах производили ремонт военной техники, особенно танков КВ и самоходных орудий СУ-152, организовали поточное производство снарядов для «катюш» и мин.

В эвакуации основным местом сосредоточения машиностроительного завода стал город Киров, куда отправили 78% оборудования и 38% рабочих. Там он получил номер 38. В основных цехах наладили поточный метод обработки деталей и конвейерную сборку. В январе 1942 года, когда шёл монтаж оборудования и перестройка помещений, коломзаводцы изготовили первые пять танков Т-60, а в феврале наладили их серийное производство. Затем освоили выпуск танков Т-70, самоходных артиллерийских установок, «катюш» М-13 и М-8, артснарядов М-30 и М-20 и другого военного снаряжения. В августе-сентябре 1942 года разработали проекты двух мотоброневагонов МК-1 и МК-2.

Патефонный (который потом станет «Текстильмашем») и Бочмановский завод им. Ворошилова (впоследствии завод тяжёлого станкостроения) тоже делали всё, чтобы приблизить Великую Победу. Основная часть патефонки к ноябрю 1941 года перебазировалась за Урал. Здесь, в Белове, первую партию изделий выдали 2 января 1942 года: взрыватели для бомб, квадранты для мощных миномётов, детали для снарядов. Из старых запасов, привезённых из Коломны, на фронт посылали патефоны и пластинки. Вскоре освоили более сложную продукцию: приёмники «Малютка» для танков.

На оставшейся части производства в Коломне выпускали котелки, кружки, солдатские ложки, термосы для полевых кухонь, печи-временки для землянок, деревянные санки под миномёты, мины и миновзрыватели.

На Бочмановском заводе им. Ворошилова, единственном в стране, изготавливались 37-мм зенитные пушки-автоматы. С июля 1941 года

Наркомат вооружения поставил задачу в шесть раз увеличить их производство. Но осенью началась эвакуация, и к концу октября станочный парк в основном вывезли. Решением городского комитета от 15 ноября 1941 года на базе завода были созданы мастерские для ремонта артиллерийских систем. Затем туда поступил более сложный заказ: привести в порядок артиллерийскую часть повреждённых в боях бронепоездов. Пущенный в эксплуатацию автосборочный цех специализировался на сборке и обкатке «виллисов», «студебеккеров», амфибий и автомашин других марок (всего до конца войны собрали 45 тысяч автомашин).

В эвакуации коломенское предприятие разместили на территории Красноярского машиностроительного завода. Основной продукцией стали автоматические зенитные пушки. 15 ноября 1941 года на фронт был отправлен первый эшелон зенитных пушек 61-К. Помимо пушек-автоматов, бочмановцы наладили выпуск миномётов, спроектированных конструкторами ленинградского НИИ-13 Наркомата вооружения. Группу конструкторов возглавлял Б.И. Шавырин.

На территории Научно-исследовательского оружейного полигона в Щурове разрабатывали и испытывали многие образцы вооружения, затем поступающие в воинские части: противотанковое ружьё калибра 14,5 мм, противотанковые ружья ПТРД (Дегтярёва) и ПТРС (Симонова), пистолет-пулемёт системы Судаева (ППС), СГ-43.

11 апреля 1942 года Постановлением Государственного Комитета Обороны № 1576 в Коломне было создано Специальное конструкторское бюро (СКБ) Наркомата вооружения, начальником и главным конструктором назначен Б.И. Шавырин. Благодаря помощи конструкторов серийные заводы страны массово развернули выпуск крайне эффективного и необходимого фронту оружия — миномётов — и в короткий срок полностью удовлетворили потребности армии в этом виде вооружения. СКБ занималось разработкой тяжёлых орудий калибров 160 и 240 мм, усовершенствованием и упрощением средних миномётов: калибров 82, 107 и 120 мм, созданием универсальных орудий для стрельбы и настильным, и навесным огнём, миномётными и бомбомётными установками для морских судов и многими другими разработками. Значительная часть миномётов нашей армии (около 80%), участвовавших в боевых операциях Великой Отечественной войны, была разработана коллективом СКБ, сыграв огромную роль в достижении Великой Победы 1945 года.

Фронт двигался на запад. На предприятия Коломны стали чаще поступать заказы тыла. Первый крупный заказ коллектив машиностроительного завода получил для строящейся шестой домны Магнитогорского металлургического комбината. С 1943 года начали обращаться предприятия чёрной металлургии и угольных шахт Донбасса. А в 1944 году потребовалось изготовить тьюбинги для московского метро. Уже летом 1943 года машиностроительный становится одним из ведущих по производству металлургического оборудования для Юга и Востока страны, обеспечивая примерно половину потребностей предприятий чёрной металлургии. С июля 1943 года завод стал выпускать товарные локомотивы повышенной мощности и экономичности типа 0-5-0 серии ЭР. Возобновилось и дизелестроение. Для инженерных частей Красной Армии и для восстановительных работ на освобождённой территории изготавливали дизель-молоты.

Коллективу было вручено на вечное хранение переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. В апреле 1943 года за создание новых образцов вооружения большую группу работников наградили орденами и медалями Советского Союза. А 11 июля 1945 года за успешное выполнение заданий правительства в годы Великой Отечественной войны и трудовой героизм предприятие было награждено орденом Трудового Красного Знамени.

Завод № 38 завоевал в социалистическом соревновании пять Красных знамён. Был награждён орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1943 года группа работников получила высокие государственные награды.

Опустевшие площади патефонки в Коломне летом 1942 года занял ленинградский завод имени Энгельса. Первыми изделиями стали мины и миновзрыватели. Затем — невоенная продукция: детали и веретёна для текстильной промышленности, которых к концу 1943 года изготовили 10 тысяч единиц.

Мастерские в Бочманове, наряду со сборкой автомашин, с 1943 года приступили к выпуску мин и передков для противотанковых орудий.

За заслуги в обеспечении вооружением Советской Армии и Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны Коломенский завод тяжёлого станкостроения Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1985 года был награждён орденом Отечественной войны I степени.

Для восстановления железнодорожного движения в освобождённых районах в депо Голутвин отремонтировали 220 паровозов, для подачи света и энергии переоборудовали 24 паровоза для питания паротурбин передвижных электростанций. Когда стало ясно, что врага бесповоротно погнали от границ СССР, группу строителей депо, в которую вошло 40 человек разных специальностей, по решению городских организаций отправили в Можайск. Там восстанавливали колхозные постройки, школы, дома семей фронтовиков.

В 1943 году в Коломне возобновили работу небольшие предприятия: шиноремонтный завод, «Вторчермет», горпищепромкомбинат, артель «Труд и быт» и другие. В 1944 году они изготовили различной продукции почти на 6 миллионов рублей.

24 декабря 1943 года Научно-исследовательский полигон стрелкового вооружения Указом Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в деле совершенствования стрелкового и миномётного вооружения армии и за образцовое выполнение заданий правительства был награждён орденом Красной Звезды, а большая группа офицеров и служащих — орденами и медалями. К концу войны были испытаны ручные гранатометы РПГ-1, РПГ-2 и другие, а также станковые гранатометы калибров 82 и 122 мм.

20 октября 1944 года к отделу изобретательства Щуровского полигона был прикомандирован старший сержант М.Т. Калашников. Здесь он разработал несколько образцов стрелкового вооружения, сконструировал, испытал и сдал на вооружение свой знаменитый автомат АК-47.

За годы войны на территории Коломны и района в Великую Отечественную войну было сформировано свыше 60 частей и соединений,

Построение команды бронепоезда «За Сталина» перед отправкой на фронт, на Коломенском заводе

в том числе четыре стрелковые дивизии, 7 артиллерийских дивизий, 24 артиллерийские бригады и 12 артиллерийских полков. 257

Коломенские предприятия дали фронту продукции более чем на 60 миллионов рублей. Было сделано два и отремонтировано несколько бронепоездов, изготовлено 2 миллиона мин и снарядов, 900 тысяч авиабомб, 75 тысяч деталей для реактивных установок, 100 реактивных установок «катюша», отремонтировано 300 танков, более тысячи артиллерийских орудий, 1 200 пулеметов, 600 тысяч винтовок. На швейной фабрике сшито более 630 тысяч комплектов обмундирования.

Коломенский район сдал государству за годы войны 443 387 т сельскохозяйственной продукции.

В госпиталях поставили на ноги тысячи бойцов и офицеров, антифашистов, освобождённых Советской Армией из гитлеровских концлагерей. В госпитале № 4850 лечились французские летчики.

Трудящиеся Коломенского района собрали и направили на фронт 14 645 шт. тёплых вещей, 21 100 подарков. Подписка на военный заём составила 27 705 000 рублей, на денежно-вещевую лотерею — 11 501 000 рублей, на строительство танковой колонны и бронепоезда — 7 564 000 рублей. Председатели колхозов района внесли на строительство танковой колонны «Московский колхозник» 320 000 рублей, в том числе председатель мячковского колхоза Степан Григорьевич Алишкин — 125 000 рублей.

За строительство оборонительных сооружений и выполнение правительственных заданий, связанных с защитой столицы, орденами и медалями были награждены 5 тысяч тружеников Коломны и района, в том числе 1 227 коломенцев получили медаль «За оборону Москвы».

Двадцать один сотрудник коломенских предприятий за выдающиеся достижения в области техники и вооружения, созданных в годы Великой Отечественной войны, получил звание лауреата Сталинской премии, звание Героя Социалистического Труда было присвоено Б.И. Шавырину.

Каждый из 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны коломенцы, находились они в городе или далеко за его пределами, вносили свой вклад в Великую Победу, передав ныне живущим эстафету несгибаемой воли, преодоления испытаний и веры в несокрушимую душу народа.

В статье использованы материалы исследований А.Т. Беляева, Г.И. Бычкова, Е.В. Бычковой, Г.П. Ефремцева, Д.Д. Кузнецова, М.В. Коломица, А.И. Кузовкина, Л.А. Немцевой, К.Г. Обергейдена, Л.Б. Рябковой, П.Н. Сухорученкова, В.В. Ушаковой, а также материалы Коломенского городского архива, средств массовой информации и опубликованных распоряжений органов местной власти времён Великой Отечественной войны, открытых источников сети Интернет. Фотоматериалы: архив музея истории АО «Коломенский завод» и открытые источники сети Интернет.

Владислав Владимирович Артёмов родился в 1954 году в селе Лысуха Березинского района Минской области. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Выпустил три книги стихов: «Светлый всадник», «Странник», «Избранная лирика». Автор романов «Обнаженная натура, или Пожар в коммуналке», «Император Бубенцов, или Хромой змей».

Главный редактор журнала «Москва». Член Союза писателей СССР.

Живет в Москве.

Поэма

Владислав Артёмов

СЛОВО О МАРШАЛЕ ЖУКОВЕ

Струны мои —
Сами славу ему
Рокотаху...

I

То не гром прогремел в вышине,
То не сдвинулись тучи седые,
То Георгий на белом коне
Объезжает пределы России.

Что за ветер в ночи поднялся,
Небо в сполохах, сны беспокойны?
Это, злыми зрачками кося,
Рыщут по миру хищные войны.

Под Калугою воеет пурга,
Под Архангельском бесится вьюга.
Отодвинешь на север врага,
Глядь, другой подбирается с юга.

А уж как ты, земля, дорога!
Да раскинулась больно широко —
Опрокинешь на запад врага,
Новый враг подползает с востока.

II

Константин Васильев «Маршал Жуков»
(1974). Холст, масло

Может, нету у света конца,
Может, нынче конец приключится.
Из того ли рябого яйца
Выводила кривого птенца
Бесноватая лютая птица?

От британских морей до Кремля
Тяжело покачнулась земля!..
Неспроста её вбок повело —
То урод поднимает крыло.

И железные перья на нём,
Обрастают тяжёлым огнём.

Там, где буря от крыл прошумит, —
Крыши сорваны, роца горит.

А куда упадёт его взгляд —
Камни плавятся, реки кипят.

III

Маршал ухо к земле приложил,
Всё-то понял и в Центр доложил:

«Чую вражеских сил продвиженье,
Войску выдать оружие пора.
Полагаю, начнётся сраженье
В воскресенье, в четыре утра».

Рассудили, прикинули — врёт!
Паникёры... известный народ...

Нет страны веселей и чудесней,
И так вольно нам дышится в ней,
И звенят наши марши и песни
От тайги до британских морей.

Если враг не дурак — не пойдёт.
Так что тихо... Ни шагу вперёд!

А беды-то не видно, не слышно,
Затаилась до срока, хитра...
Как загадывал он, так и вышло —
В воскресенье. В четыре утра.

Смерть как туча пошла напролом.
Полземли у неё под крылом.

IV

Застывает волна на песке,
Закипает кровавая пена,
Враг шагает по Бугу-реке.
Буг-река врагу по колено.

Маршал скачет во весь опор,
Вылетает в широкое поле,
Видит — врагу полный простор,
Видит — врагу вольная воля.

Он глядит из-под правой руки,
Он зовёт на подмогу полки,
Но ни звука, ни вздоха в ответ,
Ни подмоги, ни помощи — нет.

Он глядит из-под левой руки,
Он зовёт на подмогу полки...
Подошли бы полки, помогли!
Только все как один полегли.

Нет дивизий твоих и полков,
Полегли они в девять рядов.

V

Маршал даль озирает с холма,
Только даль не видна за дымами:
Дотлевают дворы и дома,
Догорают сады за домами...

Только чёрные трубы торчат,
Только чёрные птицы кричат.
Только чёрная мгла, и во мгле —
Тонет родина в адском котле.

Разве душу удержишь в горсти,
Мати, мати, о чём ты рыдаешь?..
«Сыне родный, спаси-защити!
На кого же ты нас покидаешь!..»

«Сыне родный, спаси-помоги!» —
Это воют дороги, как вдовы,
И цепляются за сапоги,
Липнут глиной сырой, стопудовой...

Мечь и ненависть в сердце твоём.
Мать-земля, ты уже — за холмом!

VI

То не ангел в трубу вострубил,
То, срываясь на брань и проклятья,
Крикнул маршал сквозь пепел и дым:
«Подымайтесь, сёстры и братья!»

«Мы на месяц всего-то уйдём!..» —
Муж прощался с детьми и женою,
Отзывался молчанием дом,
Нехорошей звенел тишиною.

«Мы на месяц, а не насовсем!..» —
Сыновья матерей покидали,
И срывались иконы со стен.
Двери в отчих домах возрыдали.

Поседела от пепла земля,
Побелели поля от польни,
Полыхает над лесом заря,
Будто небо с краёв подпалили.

Эта память, лечи не лечи,
Будет после являться в кошмарах —
Завываньем сирены в ночи
И разрывами в чёрных пожарах.

Тяжкой поступью, мерной, стальной
Ломит враг через рвы и воронки.
Только ветер свистит над страной
И несёт на восток — похоронки...

VII

То не грозы сошлись в небесах,
Кольхнулись озёра и реки, —
Это маршал привстал в стременах,
Поднял маршал тяжёлые веки.

Он на карту глядит с высоты,
Ищет, в чём же оплошка и промах, —
Прогибаются, гнутся фронты
В страшных брешах, разрывах, проломах...

Хочет маршал Смоленск удержать,
Но за Вязьмой смыкаются клещи!..
Хочет рану на карте зажать —
Кровь меж пальцев струится и хлещет!

Это подлая правда войны,
Так что маршала не попрекайте
Тем, что слишком густы и красны
Наши встречные стрелки на карте.

VIII

Маршал Жуков к порогу шагнул,
Подогнулись под ним половицы,
Он дубовую дверь распахнул
Богатырской своей рукавицей.

Кто рассеет смертельную тьму,
Нет ни веры кругом, ни надежды...
И — Егорий явился ему
В осиянных багровых одеждах.

Непонятный, таинственный гул
Прокатился, как гром, по округе —
Это маршал колени согнул,
Поднял маршал тяжёлые руки.

«Брат Георгий! Спаси-помоги!
Сила валит и ломит стеною,
Нету моченьки — прямо враги,
И по правую руку — враги,
И по левую руку — враги,
И притихла Москва за спиною...»

IX

Обручилась кручина с тоской,
И бедой поделиться не с кем.
«Встань из праха, Дмитрий Донской!
Пробудись, Александр Невский!..»

Из-за огненной той реки —
Видит Бог, что время не рвётся! —
На подмогу спешат полки,
Пыль земная не ворохнётся.

Вот идут они день-деньской,
При знамёнах, в славе и блеске,
Впереди у них Дмитрий Донской,
Рядом с ним Александр Невский.

То-то гордость идёт, краса!
Ни следа на траве росистой,
Лишь разносятся их голоса
По широкой земле российской.

Светлый всадник встаёт над землёй —
То Георгий, таинственный витязь:
«Эй, откликнитесь, кто живой!..
Кто на помощь звал, отзовитесь!..»

X

Отпусти мою душу, печаль,
Отпусти моё сердце, кручина,
Отзывается дальняя даль
Еле слышно, едва различимо.

Мне привиделся русский солдат
С образком материнским на шее,
Что в окопы спускался, как в ад,
Зарывался по горло в траншее.

Там от края до края земли
Рудой кровушкой ночь напиталась,
Наши все как один полегли,
Никого-то в живых не осталось.

Но отчаянных смерть не берёт,
Но погибших не ломит кручина,
И вставал-подымался народ,
Отрастал из земли, как щетина.

Знает небо, и помнит земля,
Только что они скажут об этом...
Но высокие стены Кремля
Утро красило розовым светом!

XI

Что за крик среди нищих полей?
Что за вой на пустых пепелищах?
Это матери ищут детей
И никак на земле не отыщут.

«Маршал, маршал, а где мой сынок,
Мой сынок Василёк? Ты не помнишь?..»

«Знаю, матушка, где твой сынок,
Как такого героя не вспомнить!
Ты прости меня, мать... Не сберёг...
Опоздала к нему моя помощь.

Был твой сын — из героев герой,
Самый первый смельчак и красавец,
Жалко только, его той порой
Не успел я к награде представить.

Не боялся твой сын ничего.
И погиб он в бою по-геройски,
Но скажу я тебе про него:
Самый лучший он был в моём войске!

Как же мне не запомнить его,
Дорогого сынка твоего!..»

XII

Похоронки летят и кричат,
Будто стаи ворон на погосте.
И осины, как нервы, дрожат,
И берёзы белеют, как кости.

«Маршал, маршал, а где он лежит?
Ты запомнил? Приметил то место?»

«Знаю, матушка, где он лежит,
Я запомнил, приметил то место.

Он лежит где-то там, где — убит.
А убит твой сыночек — под Брестом...
Под Калугой убит...
Под Ельцом...
И под Киевом...
И под Смоленском...
Он убит подо Ржевом...
Орлом...
Под Рязанью...
Под Курском...
Под — Энском.

Но не жить бы нам, мати, с тобой,
Если б он не погиб — под Москвой.

На широких российских ветрах
Плачет гром над могилою сына,
И туман проплывает в ногах,
И горит в изголовье рябина.

Как не ведать мне места того,
Где могила сына твоего!..»

ХІІІ

Смерть заломит и вывернет локти,
Скрутит так, чтоб подняться не смог.
Не послушал ты мать, не берёгся,
В придорожное жито улёгся,
Василёчек ты мой, Василёк...

Что лежишь ты ничком, победитель?
Не ответишь ты мне ничего,
Прикрывал тебя ангел-хранитель,
Только пуля прошла сквозь него.

Он замешкался, твой белокрылый,
Смерть прошла, обернувшись свинцом,
И горячую кровь отворила,
Отомкнула, и — дело с концом...

Зря кукушка твоя куковала,
Всей-то жизни — весна до войны...
Отчего же душа ликовала,
Озираясь на мир с крутизны?

Над дорогой кружась, над смоленской,
Расшвыряв облака, как бинты,
Красоте ты дивился вселенской,
В первый раз ты, простак деревенский,
Видел землю с такой высоты!

Ты ушёл, а в миру опустелом,
На юру, на бугре обгорелом
Продолжалась по-прежнему жизнь —
Над твоим изувеченным телом
Две вороны, рыдая, дрались...

XIV

«Никогда моя рота не встанет,
Кто же выручит вас и спасёт,
Если тёмная сила нагрянет,
Если Родина-мать позовёт?..»

Был твой ангел и ласков, и светел,
И на всё тебе ангел ответил:
«Не смущайся, солдат, не робей,
Смерть случилась?.. А я не заметил...
Да и ты позабудешь о ней!
Всё, что свято, — вовек невредимо,
Здесь ни крови, ни горя, ни дыма...»

Но не сходит забота с лица:
«Отпусти меня, ангел!.. Родимый...
Есть приказ мне — стоять до конца!»

«Не тревожься, солдат, будь спокоен,
Отправляйся ты смело в запас,
Весь народ перечтён и построен,
Сам Георгий, испытанный воин,
И вся горняя сила — за вас!»

XV

Этот плач разодрал твою душу.
Без косынки, по пояс в снегу,
Об ушедших тоскует Катюша
На высоком крутом берегу.

Но отставить про чувства и нервы!..
Свои нервы ты выжег дотла,
Посылая на гибель резервы,
Чтобы вытащить Русь из котла.

Всё черно, безнадёжно и туго!..
Но, обнявшись, пошли на врага —
Ледяная калужская выюга
И архангельская пурга.

И, в дымах, будто в лентах, красуясь,
Взвыли ветры, отборная часть:
«Ты нас гнал, ты платил, не торгуясь,
Не считаешь и не мелочась!..»

И метели, взметаясь и воя,
Затевают свою круговерть:
«Ты нас бросил в прорыв под Москвою,
Ты послал нас на верную смерть!»

«Ничего мы тебе не забыли! —
Ощетинившись, свищут снега, —
Ты пригнал нас сюда из Сибири,
Ты швырнул нас под танки врага!»

И морозы гремят ледяные:
«Ты нашёл нас в глухой стороне,
Ты построил нас в роты штрафные,
Ты спалил нас в великом огне!»

XVI

Наши марши ревели, как танки,
Наши песни дышали огнём,
Уходя под «Прощанье славянки»,
Каждый думал, что это — о нём.

Этот век нам выклёвывал очи,
Нашу память калечил, как мог.
Но не вылинял — синий платочек,
Не погас в темноте — огонёк!..

Поднимается русская слава
И клянётся: «Ни шагу назад!» —
Из минувшего — полк Святослава,
Из грядущего — псковский десант.

Я сквозь слёзы гляжу на державу —
Царство муки, терпенья, любви,
Где народ получает по праву
И венцы, и награды свои.

Где, пройдя через боль и страданья,
Видят люди добра торжество,
Получая награды и званья...
Но уже — не от мира сего.

XVII

Ваши души на майских бульварах
Просияли, как в райских садах,
Не разрывами в чёрных пожарах,
А деревьями в белых цветах.

Маршал едет с великой Победой,
Едет с армией он на восход,
То не пыль встаёт на полнеба —
Слава воинская идёт!

И, проведав о том заранее,
У границ их встречает народ.
И такое у них обнимание!
И такой у них пир идёт!

И, ей-богу, без всяких шуток,
Хочешь — верь, а хочешь — не верь,
Пировали двенадцать суток,
На тринадцатые — курьер!

Еле маршала разыскали.
Привезли во дворец. Тишина...
Самолично товарищ Сталин
Нацедил ему чашу вина.

Принял маршал тяжёлую чашу,
И не дрогнула даже рука.
«Пью, — сказал он, — за Родину нашу!..»
И была эта чаша горька.

XVIII

Вешний гром прошумел в вышине,
Раздвигаются тучи седые,
Маршал Жуков на белом коне
Озирает пределы России.

То не птица кричит над водой,
То не горе столкнулось с бедой,
Слово вещее — что оно значит?..

Светлый всадник встаёт над землёй,
Очи грозные в облаке прячет.

СВОЮ ИСТОРИЮ НУЖНО ЗНАТЬ

19 сентября, в День города, в Коломне открыли новый памятник — великой благотворительнице Марии Шевлягиной. Бюст в честь неё воздвигли рядом с Музейной фабрикой пастилы на Площади Шевлягиной. Автор монумента — представитель Союза художников России, скульптор, дважды Лауреат Премии ФСБ России Валерий Серёжин.

Это событие стало воплощением благодарности М.Н. Шевлягиной, которая соорудила первый в Подмосковье артезианский водопровод. Его чистой вода избавила Коломну от частых эпидемий холеры, постоянно терзавших город в старину.

На празднике выступил глава Коломенского городского округа Денис Лебедев. Он подчеркнул, что традиции меценатства в городе сильны до сих пор, и поблагодарил всех, кто принимал участие в создании памятного бюста.

С инициативой установки памятника выступил коллектив коломенских теплоэнергетиков во главе с директором муниципального унитарного предприятия «Тепло Коломны. Объединённые инженерные системы» Николаем Герлинским. Именно это предприятие стало наследником дела Шевлягиных.

М.Н. Шевлягина была организатором и других фондов — в помощь сиротам, благотворительным заведениям и невестам-бесприданницам. Благодаря её помощи многие коломенские девушки обрели семейное счастье. В память об этом глава округа вместе с молодожёнами посадили «дерево любви», которое теперь будет украшать территорию рядом с памятником.

В числе гостей церемонии открытия бюста был и родственник Марии Николаевны Шевлягиной — заведующий Музея Серебряного века в Москве Михаил Шапошников, который выступил с трогательными словами благодарности участникам проекта. «Свою историю нужно знать, а имена таких прекрасных людей, как Мария Шевлягина, не должны быть забыты никогда», — справедливо сказал потомок благотворительницы.

Сергей Анатольевич Грачёв родился в 1961 году в Подольске. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького. Главный редактор издательства «Информация» и «Подольского альманаха», руководитель молодежного ЛИТО «Имение». Автор более 20 книг прозы, в том числе романа «Медвежий баян» и книг для детей. Публиковался в литературных журналах и альманахах, в приложении к газете «Грань» — «Пятничкиевороты» (г. Коломна). Участник Всероссийского литературного фестиваля «Осенины» (Казань — Елабуга — Набережные Челны, 2019). Награжден дипломами и грамотами Министерства связи и средств коммуникации РФ, МГО Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков, в том числе дипломами им. генерала М.Д. Скобелева. Лауреат конкурса им. А.И. Куприна «Гранатовый браслет» (2020 г.).

Рассказ

РАНЕНИЕ СТАРОГО ВОЛЬФГАНГА

Старый Вольфганг Крайс, бывший рядовой 337-го пехотного полка вермахта, никогда не рассказывал своему сыну Руди о войне. А сын никогда не спрашивал о прошлом и совершенно не интересовался ужасными и героическими событиями 40-х. В последнее время, когда болезни стали одолевать старого Вольфганга, всё новые подробности давней войны стали всплывать в его памяти. Он был уверен, что всё быстро и навсегда стёрлось, кануло в Лету вскоре после того, как он из госпиталя вернулся домой, в родной Тироль, и Альпы, казалось, отгородили его от безумного мира, умирающего в грязи войны. Русские деревни, поля и овраги, превращённые войной в одно гигантское кладбище, казалось, навечно растаяли в нереальной ледяной дымке, и обрывки событий, немо и ужасно вспыхивающие в памяти, постепенно отступили, растворились в красоте родных пейзажей, в чистом горном воздухе и мягком тёплом климате Южного Тироля. Здесь можно обо всём забыть...

Несмотря на свои девяносто лет, он продолжал работать в яблоневом саду, на ближнем склоне горы. Три километра до сада он обычно ехал на своем стареньком «пежо». Работа его заключалась в присмотре за наёмными работниками, поляками, всегда по первому его требованию приезжавшими на заработки. Он командовал ими, принимал работы, а иногда и сам не выдерживал и начинал что-то делать. В это раннее

июньское утро он начал помогать им обирать с яблонь мелкие неразвитые плоды, которые только мешали наливаться соком крупным яблокам. Деревьев было, по тирольским меркам, не так много, — три тысячи. Для сбора мелких плодов поляки использовали его маленький трактор и стремянки. Вольфганг Крайс полез было на стремянку, да сорвался, и яблоневый сук распорол ему ногу.

Рану зашили в больнице не очень удачно: сочилась кровь. Врачи предлагали стационар, но Вольфганг в больнице лежать не хотел. Он уже третий день сидел в своей комнате или в пластиковом кресле перед домом и глядел в бинокль на свой сад, ждал медсестру, которая приходила и делала ему перевязку. И вот, когда медсестра в очередной раз сняла с его ноги бинт, вид кровотокающего шрама вдруг всколыхнул душу Крайса. Медсестра даже не предполагала, что, сняв испачканный кровью бинт, она невольно вскрыла в памяти пациента запретную, потайную дверцу.

Перед глазами старого Вольфганга вдруг всплыло очень грозное лицо обер-лейтенанта Биштерфельда, награждённого за отличия в боях с французами Рыцарским крестом. Ему крест можно было дать за один норманский профиль и очень тяжёлый взгляд исподлобья.

Старый Вольфганг вдруг испытал забытый давно страх и какое-то нечеловеческое напряжение в мышцах: словно рядом должен был разорваться снаряд, а до траншеи по глубокому снегу, под пронизывающим белым ветром — не успеть.

...Они прибыли из Франции на восточный фронт ближе к середине января. Первое, что поразило, это мороз: леденящий, пробирающий до костей и мозга. И ветер, пронизывающий насквозь тело, белый ветер — со снежной крупой.

Прямо в первый день через расположение их 5-й роты со стороны противника проходили солдаты потрёпанного в боях 20-го полка. Как раз в этот момент долговязый очкарик фельдфебель Форкерт с важным видом пытался фотографировать сослуживцев на фоне русской зимы. Он еле уговорил Вольфганга и других солдат выйти из землянки и теперь, как обычно, хвастался своим фотоаппаратом, который он отобрал месяц назад у какого-то француза:

— Мой «Weltix» будет снимать хоть в Лапландии и даже на Северном полюсе!

И тут в кадр попали пехотинцы из 20-го полка. Их лица унылы, бледны, и у многих вместо автоматов за плечами висят русские карабины. На ногах — потрёпанные сапоги из кожи и войлока. Шинели у некоторых обожжены, порваны, и поверх них солдаты укутали себя в какие-то невообразимые лохмотья. Воротники шинелей обмотаны шарфами или платками, у одного из-под каски выпирает диковинная шапка с меховыми ушами, завязанными под подбородком, у другого — кепи с длинным козырьком и опущенными наушниками. Общий цвет колонны лишь с большой натяжкой можно было назвать традиционным серым «фельдграу».

Фельдфебель Форкерт увидел их, вытаращил глаза от удивления, быстро убрал фотоаппарат в кобух и побежал докладывать начальству о неслыханном нарушении солдатами вермахта внешнего вида. А Вольфганг и другие солдаты 5-й роты засмеялись.

На смех новичков разодетые по-клоунски «ветераны» реагировали спокойно. Они негромко, но так, чтобы все слышали, переговаривались друг с другом:

— Ишь, холёные какие...

— Отожрались на Елисейских полях.

— Поглядим на этих цыпляток через неделю...

— Если будет на что глядеть. А то, может, и дерьма не останется.

Тут появился унтер-офицер Франц. И лоб у него широкий, и череп слегка вытянутый — истинный ариец. Вот только лицо какое-то детское, и щёки розовеют по каждому пустяку. Вольфганг был готов поклясться, что только у Франца унтерские «катушки» на петлицах и погонах так ярко светятся серебром. Не иначе, чистит он их каким-то особенным составом или зубным порошком. Унтер-офицер прикрикнул на Крайса и остальных, а потом потребовал у жалких вояк объяснений. То, что они сказали, испортило всем настроение надолго: оказалось, что от каждой из рот 20-го полка осталось в живых всего по двадцать человек. И именно от них Вольфганг узнал, что автоматы отказывают на морозе, если их не греть под шинелью или меховой курткой.

Аклиматизироваться многие не успели. Даже лёгкое ранение означало смерть, и через три дня несколько человек умерли от обморожения. А русские, окопавшиеся на холме в ближайшем большом селе, то и дело давали о себе знать, даже пытались храбро атаковать по открытому полю. Их трупы очень быстро заносило снегом. Помнится, солдат Херманн, вчерашний школьник из Швабии, после первого же боя отморозил себе большой палец на ноге. Но, герой, не стал отлёживаться в госпитале, приковылял в роту, опираясь на русский карабин. Периодически он снимал сапог и, тихо постанывая, менял тряпку на ране, и тогда от вони в землянке можно было задохнуться...

Как презрительно ухмылялся ротный, обер-лейтенант Биштерфельд, и давил Вольфганга тяжёлым взглядом викинга, когда врач сказал, что у Вольфганга ранение тазобедренного сустава. Ничего он тогда, 25 января 1942 года, не понимал, этот обер.

Крайса спасла партизанская пуля под деревней Бортное. Война для простого тирольского парня кончилась, а суровый рыцарь Биштерфельд пошел дальше завоевывать ледяные пустыни. Где теперь этот рыцарь? А вот Вольфганг Крайс жив, и у него три тысячи яблонь, которые почти каждый год дают прекрасный урожай. И, несмотря на свои преклонные годы, по вечерам он пьёт в свое удовольствие тёмное ароматное Lager. И глядит на высокие горы, любит чистыми реками и зелёными долинами.

* * *

На следующее утро старый Вольфганг попросил сына найти и привезти ему из Бозена книгу, в которой бы рассказывалось о плане «Барбаросса». И ещё самую подробную карту России. Руди очень удивился, но вида не подал. И в точности исполнил просьбу отца.

Теперь режим дня у старшего Крайса стал таким: с шести утра до десяти он следил в бинокль за работой подёнщиков в саду, делал замеча-

ния по мобильному телефону, затем отдыхал, обедал и часам к четырём пополудни садился за книги. А вечером, после лёгкого ужина, сидел в садике у дома и размышлял. Он вдыхал грудью нежно-ароматный воздух — свежесть магнолии, а каменные громады гор, словно живые великаны, наползали в ночном мраке друг на друга, нагромождались, сдавливая автостраду, нависали над россыпями селений у подножий, где возле здания железнодорожной станции — как символ вечной жизни — рос каштан-великан. А на самом верху теплились одинокие огоньки горных сёл-отшельников и монастырей. Там, высоко в горах, тоже сады и роскошные дома с бассейнами, компьютерами и прочими атрибутами обеспеченного быта современной Европы. У подножий гор зрела земляника, а на склонах и тропинках, как указатели древних кладов гномов, поблёскивали похожие на кремний камни. На километровой высоте археологи вели раскопки древних тирольцев, а, может, и тех самых гномов. «Ты, Биштерфельд, был сто раз не прав, — думал старый Вольфганг. — И тысячу раз был прав тот партизан, ранивший меня в... тазобедренный сустав навyleт, как писали врачи».

Вольфганг жил в своем старом двухэтажном, наполовину деревянном доме, доставшемся ему в наследство от родителей. А сын Руди — в новеньком коттедже на окраине большого города Бозена, работал в агентстве недвижимости и часто приезжал на своем шикарном «мерседесе» к отцу погостить и поработать в саду. В Австрии бензин подешевле, и всякий раз практичный Руди ехал к озеру Reschegrass, за которым стояла ближайшая австрийская колонка. Его аппартаменты в Бозене занимали весь первый этаж собственного кирпичного особняка, с красивым портиком, колоннами и садиком, в котором росли туи, каштаны и даже пальмы в кадках. А верхний этаж он сдавал в аренду итальянцу, владельцу быстро развивающейся строительной фирмы. Руди за глаза звал своего арендатора «вальшером» («иностраницем»). На что Вольфганг дипломатично замечал, что итальянцы — хорошие строители.

— Уже очень много построено, — с уважением говорил Вольфганг и совершенно не переживал по поводу того, что вскоре к ним в Тироль, на север Италии, переедет из перенаселённых районов множество горячих южан. Тем не менее, Вольфганг хитрил, но по-своему: однажды он купил большой итальянский трёхцветный флаг, отрезал один цвет, превратив красно-бело-зелёный триколор в красно-белый флаг Тироля. Это очень повеселило Руди.

После того, как схема боёв в России вдруг заняла все мысли старого Вольфганга, деревенский дом стал тревожить его. Деревянные ступени на второй этаж, каменный сарайчик, в котором полно было древних, как мир, инструментов крестьянского быта, вдруг напомнили ему русские избы. Нет, конечно, в России таких деревень не было — с банками, бензозаправками и отелями, там всё по-другому. Там были вросшие в замёрзшую землю избушки, глубокие овраги, торчащие из снега сухие травы, кресты на кладбищах.

В этот раз старый Вольфганг особенно долго читал книгу «План «Барбаросса»» и чувствовал, что книга всё больше его раздражает. Автор, бывший оберштурмбаннфюрер, планомерно создавал благородный образ вермахта. И немецкие солдаты, если верить написанному, вели себя

в России исключительно как герои, не способные совершить ни одного преступления.

— Идиот! — не удержавшись, выдохнул Вольфганг и отбросил книгу прочь. Автора он уже презирал. — Прохиндей! Так же говорил нам Биштерфельд: «О вас напишут книги и сложат песни. И каждого немца будет распирать от гордости за военную историю Германии! Даже если мы умрём, то умрём за великую Германию!». Вот как он говорил, этот прохвост Биштерфельд.

Старый Вольфганг так разволновался, что опять долго не мог уснуть. А когда всё-таки сон его сморил, ему приснилось, что он идёт в атаку по пояс в снегу, а с холма, из деревни, по нему стреляют из пулемёта. И пули бьют его по ногам. И ноги леденеют. А он в ярости от холода, боли ползёт, пытается разгрести рыхлый снег, но проваливается всё глубже, и вокруг него и над ним вырастают ледяные торосы, которые чернеют от копоти. А с неба сыплется пепел и вулканическая пемза.

Он проснулся, откинул одеяло с лица и схватился за грудь: жутко колотилось сердце. Осторожно сел на кровати, затем взял плед и вышел во двор. Сел в кресло, укутал ноги пледом и попытался успокоиться. Тем более, что память проснулась тоже, и ничего с ней уже не поделаешь...

Он вспомнил тот ужасный вечер, когда пришёл приказ занять село, из которого русские периодически совершали дерзкие вылазки. Суровый Биштерфельд сказал, что танки — прямо с марша — помогут обязательно. А то, что вся техника в условиях жутких морозов даёт сбой, он не сказал. Впрочем, все и так это знали. Перед деревней на правом фланге был овраг, а слева — кладбище. Жалким жребием для 5-й и 6-й рот стал овраг.

Пока деревню обрабатывали миномётчики, эти роты прошли по полю к оврагу. Перед тем, как спуститься по пологому склону, Вольфганг растегнул шинель и вытащил автомат, который теперь прогрелся и не должен был подвести. Затем он подоткнул под ремень полу шинели, чтобы легче было передвигаться. Его примеру сразу последовал Херманн, которому с его обмороженной ногой место было на госпитальной койке, а не в этом овраге. Здесь, правда, не было ветра, но зато, казалось, стало заметно морознее.

Русские, конечно, всё видели, но пока не стреляли: видимо, спрятались от мин. Противоположный склон оврага был крутой, и Вольфгангу пришлось помогать Херманну. Так хотелось дать пинка этому кретину!

Карабкались кое-как, цепляясь за кусты и ветки деревьев, иногда съезжали вниз и начинали лезть вновь. Один раз Херманн вскрикнул, и его круглое пухлое лицо искривилось от боли.

— Дождёшься, что ногу отнимут, — прошептал Вольфганг. И увидел, как блеснули азартом голубые глаза Херманна.

— Брось, Вольфи! Я — потомственный фермер. И матери обещал, что заслужу Железный крест и плодородный участок земли.

«Не в этом ли овраге!» — чуть не брякнул Вольфганг, который прекрасно знал, что у матери Херманна уже есть в Швабии сорок гектар земли и свиноферма.

Они вылезли из оврага, и ветер стал мести снегом в лицо. До деревни было не больше ста пятидесяти метров. Хорошо просматривались деревенские дома и угадывались позиции русских. Часть домов уже горело.

— Значит, вначале слава, а потом — здоровье? — уточнил Вольфганг.

— Се ля ви, Вольфи, как говорят французы.

И вот в темнеющее небо взметнулась ракета. Когда первая цепь пехотинцев двинулась к деревне, ударили русские пулемёты, захлопали винтовочные выстрелы. Бежать было невозможно, и солдаты торопливо вышагивали по снегу, иногда проваливаясь по пояс. Цепи получились длинные и изогнутые — по очертанию оврага, и унтер-офицер Франц, захлёбываясь ветром, по-мальчишески рьяно кричал:

— Выравнять цепь! Вперёд!

Вольфганг шёл во второй цепи и видел, как падали сражённые солдаты, ещё две недели назад так славно проводившие время во Франции.

Он дал первую очередь в сторону вражеских позиций, убедившись, что автомат в полном порядке. И тут же первая цепь залегла под кинжальным огнём противника. Несмотря на крики офицеров, и вторая цепь последовала примеру первой — словно нехотя, с оглядкой: солдаты вначале вставали на колено, стреляли и только потом погружались в сугробы. И почему Вольфганг вспомнил про Францию?... Ну да, конечно, унтер-офицер Франц, это ведь он, размахивая пистолетом, всё орёт, приказывая солдатам немедленно подняться и выполнить свой долг. А вон справа и долговязый фельдфебель Форкерт, в почти залепленных снегом очках, пытается поднять солдат. Но не все его слушались...

Понятно, долго лежать в снегу нельзя. А из оврага поднималась, выстраиваясь, другая рота...

Вольфганг встал, в который раз подоткнул под ремень полу шинели — так легче шагать — и пошёл вперед, чувствуя злость, нет, ярость — и из-за мороза, и этих упрямых русских, из-за того, что бежать в атаку по глубокому снегу — бессмысленная пытка, спорт идиотов. И ярость эта бессмысленная и глухая, потому что близкий разрыв своей же, немецкой мины, оглушил его, и все звуки теперь доносились словно из далёкого ущелья. Кто-то, как зверь, рычал, проклиная заевший автомат и миномётчиков, а вот кто-то сидел в снегу недвижимым истуканом, словно поражённый ужасным взглядом Горгоны. Да это Херманн, потомственный фермер! Руки у него скрючились, голова склонилась на правое плечо, и он словно целился из карабина. Но карабина нет: или утонул в снегу, или кто-то взял — взамен своего непригодного автомата. Неужели мороз способен так быстро превратить человека в ледяную статую? В ужасную скульптуру...

На краю села, недалеко от горящего большого амбара, миной накрыло пулемётный расчёт противника. Но пулемётчик встал, шатаясь, подошёл к дереву, прислонился к нему и, стоя в полный рост, начал стрелять из длинноствольного маузера. Русский был без шапки, в расстёгнутой гимнастёрке, под которой, как показалось Вольфгангу Крайсу, был надет красный свитер.

Вольфганг целится, даёт очередь, другую. Русский вздрагивает, оседает и исчезает. «Кажется, попал!», — мелькает мысль. В деревне, один за другим, взрываются, вспыхивают дома: справа по деревне, прямо с марша, бьют танки. «Ну, теперь всё! — проносится мысль. — Теперь им капут!». И вновь — вспышка ярости удесятерит силы ногам, которые мгновение назад казались набухшими и тяжёлыми. Внезапно он выбегает на натопанную дорогу, ведущую вправо и вверх к горящему амбару. Немецкие солдаты бегут по этой дороге под прикрытием станковых пулемётов.

И тут вдруг слышится русское «Ура!». Навстречу немцам на дорогу из деревни выкатывается лёгкий танк, за которым быстро и дружно бегут русские. Они несутся сверху, из-за горящего амбара, как бешеные, и палят на бегу из автоматов. Ещё мгновение, и они бесстрашно идут врукопашную. Столь неожиданный натиск ломает порядок наступающих, опрокидывает их. Немецкие пехотинцы отшатываются, рассыпаются кто куда и почти сразу начинают отступать.

Оставаться под самой деревней бессмысленно, понимает Вольфганг и тоже отступает, точнее — бежит, проваливаясь в снегу, — до первой воронки. Плюхается в неё и быстро оглядывается. Русский танк разбит прямым попаданием и горит, и контратака русских сбита пулемётным огнём.

Но и у немцев замешательство. Головной танк колонны горит в двухстах метрах от деревни. Другие танки не спешат развернуться в боевую позицию и в то же время не пытаются объехать подбитый танк: наверное, решили, что дорога заминирована, а выехать в поле — значит, забуксовать. Неизвестно, о чём они там думают, в танках! Со стороны старых позиций 337-го полка параллельно оврагу выдвинулись к деревне две бронемашин разведчиков, да вдруг заглохли, зарылись в сугробах, но пулемёты их бьют по деревне.

А кожа на лице Вольфганга немеет и не чувствует слёз, которые так и льются от мороза. Он трёт лицо и усиленно размышляет: «Пока танкисты и миномётчики будут исправлять положение, сдохну в этой паршивой воронке».

Поле усыпано трупами немецких пехотинцев. На погонах одного из них ярко отсвечивают серебром «катушки». Это храбрый унтер-офицер Франц. Вольфганг ползёт к нему. Пуля, пробив каску, угодила унтеру в широкий лоб, и капельки крови застыли радиально вокруг входного отверстия, напоминая звезду. Никто ещё в полку не видел у Франца таких белых щёк. Какой точный выстрел.

Он бежит короткими рывками, и ему везёт: скатывается невредимым в овраг. Здесь, внизу, полно солдат в шинелях цвета «фельдграу». Суетятся, покрикивают офицеры, и от всех идёт пар, как от загнанных лошадей.

Но почему все заняты лишь утаптыванием снега на дне оврага? А-а, понятно! Подняться по противоположному пологому склону нельзя: он хорошо простреливается из деревни, и те, кто попробовал, уже остывают в снегу. Это западня! Если бы русских сейчас так не прижали миномётчики...

Уже заметно стемнело, небо — плотное, тоскливо бесцветное, как и положено быть крышке мышеловки. И под эту крышку залетает белый пронзительный ветер. Ветер гонит в овраг снежную пыль, которая залепила фельдфебелю Форкерту его очки, и тот стал похож на замороженного альпиниста. Бой стих, и сразу стало слышно, как наверху, на поле стонут и кричат раненые. Но санитары туда не суются: боятся снайпера. Именно сейчас решается весь исход боя. Ротный Биштерфельд послал вестового к командиру полка. Для Вольфганга четверть часа в этом овраге кажутся вечностью, а для раненых — она, эта вечность, вот-вот наступит.

Послышался гул моторов. По этому характерному гулу Вольфганг понял, что немецкие танки разворачиваются в боевой порядок и начинают постепенно объезжать овраг с юго-востока, приближаясь к деревне. Прибежал вестовой, и обер-лейтенант Биштерфельд сразу закричал:

— В атаку! В деревне отогреетесь! Марш!

Стрелкота автоматов слева дала знать, что другие роты пошли в атаку со стороны кладбища. Там хоть деревьев много, укрыться есть где. Только почему там сразу не смогли прорваться? Вольфганг этого не понимает, да и размышлять некогда. Фельдфебель Форкерт уже очистил свои круглые очки от снега и покрикивает, потрясая пистолетом:

— Марш вперёд! В цепь!

И они вновь полезли, цепляясь за кусты, по крутому склону оврага. На этот раз Вольфганг никому не помогает: самому бы силы сберечь. Слышно, как немецкие танки и миномёты усилили обстрел деревни. Когда Крайс вылез из оврага и с первой же цепью пошёл в атаку, деревня вся горела, в её зареве отчетливо было видно, сколько пехотинцев полегло на поле в первую атаку — человек сто или больше.

Опять заработали пулемёты защитников деревни, но ненадолго. Миномётчики уже пристрелялись и быстро заставили их замолчать. Как и в предыдущий раз, 5-я рота добралась до наезженного наста дороги, солдаты перестроились и поспешили вправо к горящему русскому танку и догорающему амбару. И, наконец, ворвались в пылающую деревню.

Они ворвались с нечеловеческой яростью — с желанием уничтожить всех. Здесь было светло, словно днём. Снег весь почернел, и улица была изрыта минами и снарядами. И было тепло, даже жарко. Лежали убитые и раненые русские. Несколько домов с этой стороны деревни уцелели. Один из пехотинцев, кажется, из 6-й роты, подбежал, пригибаясь, к дому и кинул в окно гранату. Изнутри кто-то истошно закричал, и тут же из окон повалил дым. Через какое-то время в окне появился русоловский мальчик, совсем маленький, лет шести-семи. Он кашлял и пытался вылезти из дома, но пехотинец поддел его штыком и опрокинул обратно в дом. Затем бросил совершенно безумный, почти белый взгляд на Вольфганга и произнёс хрипло:

— Маленькому партизану капут, — и присел на корточки, начал дико озираться по сторонам.

Ноги сами понесли Вольфганга прочь от этого сумасшедшего.

— В огонь падаль! — крикнул кто-то, и Вольфганг увидел, как двое пехотинцев подтащили к горящей избе израненного русского, того самого пулемётчика, в расстёгнутой гимнастёрке и окровавленном свитере, и швырнули его в огонь. Но минуты не прошло, как пулемётчик появился в проёме двери. Волосы его уже сгорели, голова дымилась, и Вольфгангу померещилось, что он глядит прямо на него горящими глазами и словно машет рукой, грозит пальцем. В живучего русского стали стрелять из автоматов...

По телу Крайса словно ток пробежал — будто он обжёгся. Солдаты начали искать других раненых, а Вольфганг всё стоял и смотрел в пылающий проём двери, ожидая — не выйдет ли русский опять?

По деревне уже по-хозяйски разъезжали две бронемашины разведчиков, постреливая из пулемётов по сторонам. Они должны были давно быть здесь, ещё во время первой атаки, но, как всегда, заглохли на морозе перед самым боем, зарылись в снег.

Вольфганг осторожно продвигался по горящей улице, высматривая противника. Вот у разбитой взрывом подводы, рядом с разорванными частями лошади лежит мёртвая девушка в белом маскхалате, со снай-

перской винтовкой. Осколок оставил глубокий шрам на щеке, завернул уголок рта вниз, что придало лицу надменно-скептическое выражение. Не иначе это она унтер-офицера Франца уложила.

Сверху сыплется горячий пепел, словно в Помпеях при извержении Везувия. И тут кто-то начал бить короткими очередями из чудом уцелевшего дома. Рядом с Вольфгангом Крайсом вскрикнул и упал ничком пехотинец. Вольфганг счёл благоразумным тоже упасть и, прикрываясь убитым, выяснять, из какого окна ведётся огонь. Невидимый стрелок бьёт экономно, хладнокровно высматривая жертвы.

— Не жечь этот дом! — кричит обер-фельдфебель Нитшке. — Ничего не жечь, идиоты! Или будете спать в траншеях!

— Со стороны кладбища полно целых домов.

— Исполнять приказ!

И хотя казалось, что замёрзнуть в таком пекле вряд ли возможно, его приказ подействовал несколько отрезвляюще: о коварстве мороза все уже знали не понаслышке.

Русский отстреливался до последнего патрона. Потом пришёл фельдфебель Форкерт: с наспех перевязанной раной на руке, с красным — то ли обожжённым, то ли обмороженным лицом, он подслеповато щурился через закопчённые круглые линзы очков. И вдруг принялся по-русски уговаривать фанатика сдаться. Оказалось, что, обладая отличной памятью, этот бывший студент успел выучить множество русских фраз. Распинался он перед притихшим укрытием красноармейца так долго и под конец начал строить такие рожи, что всем стало смешно. Форкерт, судя по всему, решил устроить спектакль. В отвесах пожара испачканные копотью лица смеющихся солдат, казалось, наливались демонической яростью. Наконец, русский поддался на уговоры, и словоохотливый фельдфебель стал спешно вытаскивать из ранца свой любимый фотоаппарат. Русский вышел из дома... И подорвал себя двумя «лимонками».

Форкерта убило наповал. Один осколок расколол в его руках фотоаппарат.

После такой неожиданной развязки пехотинцы с новым злым азартом принялись прочёсывать деревню, несмотря на то, что уже была ночь и мороз уже крался мимо горящих изб и выискивал себе жертвы... Облазили все погреба, которые были построены из известняковых камней отдельно от изб, повиытаскивали из них человек пятьдесят крестьян, в основном немолодых. Отобрали у них тёплую одежду. Старушек заставили показать все их съестные припасы, а потом приказали сидеть до утра в погребах или проваливать на все четыре стороны. Почти все эти русские были обречены. Командовал этой ночной акцией усатый унтер-офицер Фильцингер, бывший дрезденский рабочий. У него была своя логика, понятная, наверное, только пехотинцам 337-го полка и только в этот ночной час. Двоих безбородых и потому похожих на переодетых солдат застрелили сразу. Затем Фильцингер задумался, пытаясь отодрать ледяные катышки со своих усов, и, когда это не удалось, он лично застрелил третьего мужика. Остальных мужиков на ночь глядя погнали в поле собирать убитых солдат вермахта и копать братские могилы.

После того, как перенесли в избы всех раненых и обмороженных, пехотинцы разместились на ночёвку в оставшихся избах и русских зем-

лянках — едва на всех хватило места. Солдаты уже отыскивали по погребам крупу, муку, куриные яйца. Крайсу, по солдатскому счастью, досталось место недалеко от растопленной печки в доме, перед которым взорвал себя русский солдат. Здесь вскоре стало так тепло, что даже не понадобились бы камни, которые покойный Херманн нагревал обычно на печке в землянке и обкладывал себя и других. Он пожевал галет, допил спирт, которого у него оставалось на один глоток во фляжке, и, согрившись, почти мгновенно уснул.

Под утро, когда ледяное дыхание зимы просочилось сквозь окна, заткнутые подушками и разным тряпьем, ему приснился горящий солдат в распахнутой гимнастёрке и свитере. Стоит в дверях и горит, как факел, и ослепительно улыбается. А глаза его — как два угля. И он протягивает горящую руку ему, Вольфгангу, грозит пальцем и что-то говорит очень важное, но Вольфганг, как ни силится, не может понять ни слова.

Утром, после завтрака, обер-лейтенант Биштерфельд приказал собрать лопаты и снести на конюшню. И сделать это поручили Вольфгангу и еще пятерым солдатам. Командовал обер-фельдфебель Нитшке, это он приказал взять с собой пилы. Никто сначала не понял зачем. А потом, когда пришли и увидели возле больших ям, вырытых под братские могилы, трупы полураздетых мужиков с лопатами в руках, — всё поняли. Попробуй без инструмента возьми лопаты, вмёрзшие в руки обледенелых землекопов. Некоторые покойники сидели в снегу, и со стороны казалось — в белой пустыне проходит совещание старейшин. Видимо, их заставляли копать до последнего, даже когда те не могли стоять на ногах.

Чуть поодаль лежали рядами убитые немцы, которых крестьяне за ночь собрали с поля боя. Вольфганг насчитал до ста пятидесяти трупов солдат и офицеров. И это только с правого фланга! Над «шеренгами» убитых проносился белый ветер, и несчастных героев уже начало заносить снегом. Только бедного Херманна сразу можно было увидеть: он и лежит «сидя»: с подвёрнутой ногой и поднявщи скрюченные в агонии руки, склонив голову к правому плечу, — словно целится в серое непроглядное небо из невидимого карабина...

Первым делом Нитшке пустил по кругу флягу со спиртом и плитку французского шоколада.

Солдаты орудовали штыками и пилами, высвобождая лопаты из больших очолевших рук старых крестьян. Крайсу казалось, что старики смотрят осуждающе на него со всех сторон и шевелятся, словно протестуя. Когда кто-то из пехотинцев случайно дотронулся до Вольфганга, он вздрогнул, отшатнулся и сел в снег. У него всё поплыло перед глазами, и в ушах словно бумага зашелестела или зашептал кто-то. Нет, это, конечно, ветер. Крайс отхлебнул ещё спирта из протянутой внимательным Нитшке фляги. Рот обожгло, горячая волна пробежала по телу, и в голове вроде прояснело. Он передал флягу товарищам. Сделав по глотку, солдаты хмуро и деловито продолжили свое дело. Ничем более жутким, чем эта работа, рядовой Вольфганг Крайс в своей жизни не занимался. Если бы не спирт, он, наверное, сошёл с ума в это январское утро 1942 года.

В субботу старый Вольфганг поднялся на второй этаж, вошёл в комнату сына и положил перед ним раскрытую книгу о плане «Барбаросса». Руди поначалу ничего не понял.

— Бортное не может быть здесь, — крепкий указательный палец старого фермера уткнулся в карту. — Я это знаю точно. Здесь партизан не было. А меня ранили партизаны недалеко от Бортного.

— Ну и что? — удивился Руди. — В книгах полно ошибок, — он внимательно посмотрел на отца и улыбнулся: по его мнению, отец, сутуловатый, крепкой кости тиролоец, с очень живыми внимательными светлячками глаз, с ладонями, напоминающими плоские ковши — очень был похож на национального героя Тироля — Андреаса Хофера, который мог успешно воевать даже против Наполеона. Так и казалось Руди, что сейчас отец закурит трубку и мужественным хрипловатым голосом начнет напевать хоферскую песенку:

Вперёд заре навстречу,
Товарищи в борьбе,
Штыками и картечью
Проложим путь себе!

Для Руди отец был суровым героем старых времён: простым солдатом он воевал в самом центре далёкой России, и если бы не ранение... Руди думал, что попадись этот партизан отцу на глаза, взял бы старый Вольфганг своей ручищей за горло и — дух вон из несчастного. И эти отцовские глаза, которые смущали Руди и в детстве, и сейчас, когда Руди уже стукнуло пятьдесят лет. У отца такие выразительно-пронзительные глаза, что с ними можно говорить одними взглядами. От его живых и словно юных светлячков глаз невозможно ничего скрыть. Он словно постоянно оценивает сына, его мысли и поступки. И явно посмеивается над его критическим и даже скептическим отношением к окружающему миру. Отца очень молодит синяя майка с большим цветным гербом Тироля.

Руди так и не понял, зачем отец принёс в его комнату книгу. Может быть, хотел показать, что он, бывший пехотинец, лучше знает историю войны, чем автор-генерал? Отец не стал ничего объяснять.

— Ладно.., — он захлопнул книгу, взял её подмышку и на мгновение задумался. Спросил: — Русских много в Бозене?

— Последнее время они всё чаще покупают недвижимость.

Отец ещё постоял немного, осмысливая услышанное и словно собираясь ещё что-то сказать. Но не сказал. Ушёл, прихрамывая, на первый этаж.

«Доработался герой, — подумал Руди. — А ещё собирался докупать саженцы. О прибылях всё думал. Или о наследстве для меня?». По осени старший Крайс, как и многие местные садоводы, сдавал урожай на немецкую винную фабрику и вырученными деньгами делился с Руди, если, конечно, сын помогал ему ухаживать за садом.

Несколько раз Руди предлагал отцу продать сад, старый дом и переехать к нему в Бозен.

— Сколько можно жить в деревне! — говорил Руди. — Даже в интернете о ней ничего не найдёшь.

Но отец отмалчивался.

Руди видел, что после падения с яблони отец вдруг сильно изменился. Он всё меньше глядел в бинокль на свой сад и всё глубже погружался в мрачную задумчивость. И всё чаще ему приходилось вызывать врача.

Через пару недель после того, как отец заявил сыну, что книгу о войне написал прохиндей, старого Вольфганга хватил инсульт. И на следующий день он умер.

* * *

Старшего Крайса похоронили на кладбище у костёла, почти в центре посёлка. Придя в опустевший отцовский дом после поминок в ресторане, его сын Руди никак не мог привыкнуть к мысли, что он теперь сирота, что не будет больше рядом отца, который так понимал его. И Руди Крайса охватила пронзительная тоска. Он вдруг с горечью осознал, как мало уделял отцу внимания последние годы. А старик, этот трудолюбивый и мудрый тиролоец, хотел с ним поговорить и явно намекал на какие-то события военного прошлого. Что-то важное знал отец, один из простых пехотинцев, о стойкости и благородстве которых рассказывает книга «План «Барбаросса»».

На журнальном столике отца лежали географические атласы и несколько листов бумаги, на которых были аккуратно нарисованы две карты с русскими названиями городов и сел. Руди терялся в догадках. Может быть, отец хотел поведать о храбрости товарищей? А может, даже о кладе?

Заинтригованный, Руди принялся листать атлас, сличать с отцовскими картами. И нашёл село Бортное в Тульской области. И поначалу несказанно обрадовался, словно вышел на главную трассу — ведущую прямо к цели. 25 января 1942 года здесь отец получил ранение. Оставалось понять, что не давало покоя старому солдату? Почему он рисовал схемы, карты местности — в районе, где тульская земля граничит с Калужской и Орловской областями?

Внезапно, к своему удивлению, Руди обнаружил ещё одно Бортное. Обе деревни находились почти на одинаковом расстоянии от расположения полка, только в разных областях: одна в Орловской области, другая — в Тульской. Привыкшего к порядку и точности Руди это сильно озадачило. Тем более, что отец нарисовал ещё схему движения полка подо Ржевом — параллельно движению дивизии СС «Дас Рейх». По картам было видно, что в тылу войск вермахта полно вражеских позиций. «Слоёный пирог!», — понял Руди и попытался представить своего отца: то идущего в атаку на позиции русских в своём тылу, то отбивающим нападения противника с другой стороны.

Вернувшись в Бозен, Руди в свободное от работы время читал военные мемуары и «плавал» в Интернете, узнавая всё новые подробности событий того времени. На помощь немецкой дивизии, попавшей «в котел» под Сухиничами, командование вермахта бросило танки. Путь лежал... через деревню Бортное Калужской области! Значит, было три деревни с одним названием, и в каждой шли бои, которые даже жесто-

кими назвать было бы слишком мягко. Возле этого, третьего Бортного, триста русских солдат сдерживали немецкие танки и почти все погибли. Командир немецкого батальона писал в письме другу: «Русские очень упорны и дерутся до последней возможности. На днях мы взяли в плен 15 человек. Всех перебили...». В Бортном сражалась русская разведчица, за голову которой немецкое командование обещало 30 тысяч марок и «в придачу — корову».

Когда облик благородного пехотинца начал постепенно рассыпаться, Руди это не понравилось. Но остановиться он уже не мог. Вместе с азартом исследователя он всё чаще испытывал непонятную тревогу от фронтовой жизни, которая постепенно принимала чёткие очертания. Представляя, как отец после Франции вмерзал заживо в кровавый лёд русской зимы, Руди содрогался. И ему всё больше становилось муторно на душе от страшных фактов, говорящих до какого ожесточения доходили солдаты. Партизан вешали в деревнях, а немецких вестовых, связистов и деревенских старост находили в виде больших ледяных шишек в лесу. Гитлер вначале прислал приказ: «Ни шагу назад», а потом потребовал не только жечь избы при отходе, но и взрывать печки, чтобы русские не смогли их растопить и погреться...

А потом Руди ночью приснился отец: Вольфганг Крайс, в шинели и каске, пытался бежать сквозь бушующую метель, стрелял из «шмайссера» с пояса и что-то беззвучно кричал, ужасно раскрыв рот. И в глазах этого почти незнаваемого человека, на гигантском заснеженном поле, среди сёл с одним и тем же названием, бушевала всепожирающая ярость.

Руди проснулся от собственного стога. Сел на кровати, помотал головой, сделал несколько дыхательных упражнений. Затем лёг на другой бок и, чтобы отогнать, забыть жуткое сновидение, принялся представлять себя на прогулке в Альпах, у маленького прекрасного озера. Потом вспомнил, что дно озера покрыто льдом, и начал думать о новом ботаническом саде в Мерано, где так много глициний и олеандров, пальм и кипарисов...

Утром он распечатал на принтере две заметки с русского информационного сайта, посвящённого войне. Всё, что он смог прочитать на русском языке, — знакомые числа: «337» и «208». Перевести остальное мог только сосед, итальянец Паоло, который поставлял стройматериалы в Россию и немного знал русский. Руди никогда раньше не обращался за помощью к своему арендатору, и польщённый итальянец с трудом выдержал важную паузу в несколько секунд, прежде чем согласился помочь.

— Здесь говорится, что в Тульской области, недалеко от деревни Бортное, — медленно переводил Паоло, — «СС» повесили подростка... за связь с партизанами... — Тут Паоло издал диковинный звук, которым итальянцы, в зависимости от обстоятельств, обозначают степень своего недовольства или недоверия. Состоит он из трёх букв и звучит как «Бу-э!», и слегка похож на отрывку или резкую зевоту. Сам-то Руди давно привык к этому необычному звуку, а вот, помнится, старого Вольфганга, прожившего всю жизнь в маленьком тирольском посёлке на самом севере Италии, это «буэканье» могло заставить врасплох и повергнуть в недоумение. — И ещё... — продолжал Паоло, — сожгли сто русских военнопленных и коней... Нет, не коней, а вместе с конюшней. Бу-э! — тут Паоло с изумлением уставился на Руди: — Зачем тебе это?

Руди сказал первое, что пришло на ум:

— Думал, что это статья о чайных церемониях. Одна знакомая хочет открыть в Мерано русский ресторан.

— А-а, самовары, — закивал головой Паоло. — Русские любят пить воду с травой. Как бедуины... Тут, кстати, ещё заметка. Читать?

— Ну,... ради любопытства..., если не трудно.

— В начале февраля под Сухиничами партизаны взяли в плен унтер-офицера 5-й роты 337-го полка 208-й дивизии... Продолжать?

Руди Крайс закивал головой утвердительно и затаил дыхание.

— «Он рассказал, что в период с середины января по 6 февраля... рота потеряла 110 человек из 180. Погибли командир роты обер-лейтенант Биштерфельд, унтер-офицеры Фильцингер и Франц, обер-фельдфебель Нитшке, фельдфебель Форкерт»... Дальше переводить?

— Значит, под Сухиничами, — Руди произнёс это вслух, скомканно поблагодарил соседа и поспешил на первый этаж, слыша взволнованное биение своего сердца... Значит, под Сухиничами? Всех этих людей отец мог знать лично. Он знал их, непременно знал. И они все погибли — либо у него на глазах, либо через день-два после того, как его комиссовали.

Руди встал в прихожей и уставился на себя в зеркале. Для него уже было не важно, что отец мог воевать в разных деревнях с одинаковым названием: в Тульской, Орловской и Калужской областях. Не это было главное.

284

Он глядел на свое зеркальное отражение. И видел продолговатое смуглое лицо с длинным прямым носом, уже несколько одутловатым, как у отца к старости. И вдруг резко появившиеся отцовские морщины у рта.

Вспомнив свой ночной кошмар, Руди широко открыл рот и вздрогнул: из зеркала, словно подёрнувшегося слабой изморозью, на него взглянул из белого ада отец.

Руди зажмурился, встряхнул головой и снова взглянул в зеркало. И только тут обнаружил, что он заметно поседел, словно белый ветер лизнул его от правого виска к темечку. Но Руди нисколько не испугался. Произнёс спокойно:

— Теперь, отец, ты всегда будешь близко. Совсем рядом. Это не страшно — не знать, возле какой деревни партизаны ранили тебя в тазобедренный сустав навывлет. Страшно другое. Страшно забыть, чтобы потом всё вспомнить.

Он приставил к виску указательный палец, словно это было дуло старого «вальтера», и нажал на невидимый курок.

Виктор Семёнович Мельников родился 24 мая 1948 года в казахском селе Казанка. День рождения, совпавший с Днём славянской письменности и культуры, и определил его судьбу — стать литератором. Он много ездил по стране. Жил и трудился в Сибири, Башкирии, Таджикистане, Узбекистане, Латвии... Работал плотником, слесарем КИП, шахтёром, геологом, осмотрщиком вагонов, корреспондентом... В общем, жизнь его сложилась так, что возможностей для познания реальной, суровой, невыдуманной действительности у него было предостаточно.

Виктор Мельников — автор двенадцати книг прозы. Его произведения печатаются во многих российских журналах.

Рассказ

НА БЛЕДНОЙ ДОРОГЕ

Кончалась вторая военная осень. Ветер гонял по небу рваные облака, обрушивая на землю надоедливые холодные дожди. Утоптаннные за лето дорожки утонули в слякоти. Осевший в грязь посёлок, забытый фашистами и партизанами, вдруг неожиданно загудел, переполняясь техникой и войсками. Небольшая станция уже давно была забита до отказа длинными составами с горючим. Местные жители догадывались: немцы готовят крупное наступление.

И вот однажды перед рассветом посёлок проснулся от судороги взрывов. Словно удар грома громыхнул по стёклам. С западной стороны посёлка заалело всё в пламени. Здесь и гадать не приходилось — горела станция. Взрывы были такими мощными, что даже загнали тучи далеко за горизонт.

Громыхало около часа. Затем всё утихло, и чёрный дым пополз над посёлком. В воздухе жирно завоняло мазутом. Станция горела до самого обеда. К вечеру ветер разогнал длинные космы дыма. Но смрадная гарь пожарища осела чёрным снегом в каждом дворе.

Посёлок словно вымер. Местные жители не решались выходить на улицу. Лишь изредка можно было увидеть одинокую фигуру с ведром, бегущую, ссутулившись под тяжестью воды.

Облава началась на рассвете. Фашисты выгоняли всех жителей из домов. От двора к двору толпа росла, разливаясь по улице. Каждый старался держаться семейно, но это удавалось до тех пор, пока они не оказались на территории

школы. Выстроив перепуганных людей в длинную шеренгу, фашисты начали сортировку.

Первыми отделили мужчин. В основном это были подростки и старики. Их вывели со двора и повели в сторону станции. Женщин с малыми детьми загнали в здание школы. Там без пищи их продержали три дня. Разрешали только пить воду из школьной колонки.

Два дня барабанил по стёклам дождь. Капли разбивались и тоненькими струйками скатывались вниз.

На третий день дождь кончился. К полудню солнце пробилось сквозь тучи и через стёкла окон осветило прижавшихся друг к другу женщин.

Скоро в коридоре раздался топот кованых сапог. Жандармы распахивали двери классов и выгоняли женщин во двор. Слабые от голода, они едва держались на ногах.

Около покосившегося турника стояли немецкий офицер и двое полицейских. Обречённая на смерть толпа затихла. Офицер удовлетворённо улыбнулся и, кивнув головой полицейскому, закинул руки назад. Придерживая карабин, фашистский прислужник шагнул к толпе.

— Господин офицер велел передать, — он повернул голову в сторону немца, затем снова бросил взгляд на толпу. Было что-то сумрачное и тяжёлое в этом лице с упрямо сжатым ртом и резким взглядом. — Господин офицер велел передать, — повторил он, — что немецкое командование недоволено действиями партизан. Взрыв на станции оставил многие танки без горючего. Но война не бывает без жертв. На ней за всё приходится платить. В этом вы скоро убедитесь. Весь ваш посёлок будет уничтожен, а все жители расстреляны.

Толпа вздрогнула, глухой стон судорогой прошёл через неё. Вначале заплакали кто постарше, а затем заголосили и молодые.

Несколько жандармов с овчарками кинулись к толпе и сбили женщин в колонну. Под окрики фашистов и лай собак заложниц вывели со двора и погнали за посёлок.

Колонна подошла к окраине. Окна во многих домах были выбиты. Во дворах валялись вещи, изломанная мебель. Награбившись, фашисты и впрямь готовились спалить посёлок.

Возле станции колонна замедлила шаг. На развороченном полотне дороги бесформенной грудой металла валялись покорёженные цистерны. У водонапорной башни взрывом был выдран клочок деревянной стены. Мужчины растаскивали искорёженный металл, ремонтировали пути. Завидев женщин, все побросали работу.

— Бабы, не беспокойтесь, партизаны в обиду не дадут, — смело выкрикнул кто-то.

Колонна колыхнулась, оживившись, и пошла дальше. Но это уже был другой шаг, без отчаяния, с уверенностью и надеждой.

Посёлок остался позади, впереди невыплаканной скорбью притаилась отчая земля. Шоссе было похоже на размотанный бинт с заскорузлыми пятнами крови. Вдоль дороги тянулся высокий вековой лес. Там царил тишина. Пленные женщины поворачивали лица в его сторону, глаза их были полны горя и отчаяния. Немцы же и полицейские смотрели на лес с опаской. Стараясь быстрее пройти это место, они окриками и прикладами подгоняли колонну.

Солнце уже начало клониться к горизонту, и длинные тени от деревьев ложились вдоль дороги. Тёмный лес, густой кустарник, полынь, высокая и пахучая, — всё было окрашено в серовато-синие тона. Чудилось, что вот-вот всё это растворится и в призрачном сиреновом свете, разрезая настороженную тишину автоматными очередями, появятся партизаны.

Надежда женщин на помощь была не напрасна. О предстоящем расстреле партизанам стало известно, и, устроив засаду, они ждали карателей неподалёку от крутого обрыва.

Заложницы жались к обочине, уступая путь немецким мотоциклам и автомобилям, набитым солдатами. Холодало. Немцы подгоняли колонну окриками, подпуская собак вплотную к людям.

В самой середине колонны две рослые женщины вели за руку девчужку — лет пяти. На ней был повязан огромный клетчатый платок, укrywавший её почти до самых пят. Девочка была крохотная, как грибочек. Женщины беседовали меж собой:

— Вишь, Клавдия, как всё повернулось. Видать, всё к концу идёт. Не мы мужиков, а они нас не дождутся.

— Да будет тебе кликать беду! Чего им с бабами-то воевать? Пострашают да отпустят.

— Эх, Клавдия, Клавдия, кабы так. — И, повернув к ней лицо, перешла на полущёпот: — Слушай внимательно. Здесь и гадать нечего — ведут нас к Волчьей яме. Беляки в гражданскую стреляли поодиночке, а эти, видать, будут скопом. Как подведут, я встану впереди тебя, а ты девчужку сунь себе под подол. Может, и спасём крохотулю. Дай-то Бог.

— Неужели до этого дойдёт? Вишь, и мужики кричали, что партизаны такого не допустят.

— Будут там партизаны или нет — бабка надвое сказала. А пока перед Богом мы за неё в ответе.

— Да чего ж такое творится на свете! Мы-то в чём виноваты? — закачала головой, причитая, Клавдия.

— А в чём виновата была её мать? Помнишь? Отказалась полы мыть им, да и только...

— А я бы согласилась. Жизнь-то дороже.

— Не поняла ты ничего. Не полы им чистые нужны были. Хотели перед собой поставить её на колени, да чтоб с половой тряпкой в руках. Чтобы посрамнее.

— Го-ордая... Вся, видать, из ума сшитая. Небось, партийная, даром, что ли, женой начальника станции была.

— Тётеньки, кушать хочется, — с самого низа прервал их тонюсенький голосок.

Клавдия вытащила из кармана телогрейки крохотный кусочек сахара и протянула девочке. Дальше шли молча.

Далеко от этой дороги, уж очень далеко, проходил фронт. Даже канонады не было слышно. Но на войне везде фронт. Он проходил и через маленькую станцию, и через эту колонну, и через сердца таких разных, но одинаково ненавидящих эту войну женщин.

Группа шла не спеша. Ни окрики фашистов, ни их устрашающие автоматные очереди не могли заставить женщин шагать быстрее.

Неожиданно колонну обогнал грузовик. Увидав женщин, солдаты громко закричали, заулюлюкали. Машина, развернувшись поперёк дороги, остановилась. Из кабины выскочил офицер. Размяв ноги, он одёрнул мундир и направился к колонне. Женщины без команды приостановили шаг и замерли.

Офицер подошёл к конвою, вытащил из нагрудного кармана пачку сигарет и стал угощать жандармов. Указывая рукой на женщин, он что-то говорил, громко смеясь. Жестом руки конвойный офицер махнул полицая. Тот, придерживая рукой перекинутый через плечо карабин, подбежал к немцам.

Женщины, тревожась, смотрели на фашистов. В этих взглядах уже не было ни страха, ни ненависти, одна лишь отчаянная боль билась в глазах. Солнце, повиснув над лесом, прощалось с ещё живой колонной.

Офицер с полицаем вплотную подошли к колонне. От немца веяло какой-то невоенной свежестью. Он был человеком средних лет, с вытянутым лицом, большим тяжёлым носом, изломанными бровями и длинными рыжими баками. Офицер что-то быстро пояснил услужливому полицая, кидая взгляды на женщин. Тот кивал в ответ.

— Ну, бабы, везёт же вам! — громко заорал он, стараясь, чтобы его слова долетали до крайних. — Подбери животы, кому жить хочется! Смерть обменивается на весёлую жизнь. Ну-ка, бабоньки, улыбнись офицеру!

Поняв, куда клонит полицай, первые ряды потупили головы. Кто стоял за ними, старались спрятать свои лица за их спины.

— Дуры, ведь все пойдёте в расход! — теряя терпение, взвинтился фашистский прислужник. — Убудет, что ли, от вас? Мужичкам вашим всё равно один конец. Не хотите волей — силой выберу! Уж в вас-то я понимаю толк.

Он зло бросил в рот сигарету, цепко сжав её толстыми губами.

Одну за другой женщин выводили из шеренги. Хватали тех, кто помоложе, покрасивее. Дошли и до двух с ребёнком. Полицай решительно прошёл мимо, но офицер остановил его за рукав, кивнув на ребёнка.

— Чьё чадо? — рявкнул полицай.

— Моя! — прижав девочку к себе, испуганно ответила Клавдия.

Офицер присел на корточки, потрепал девочку по пухлой щёчке и протянул шоколадку.

— Бери, бери, — поторопил полицай. Девочка взяла и спрятала за спину.

— Девочку в машину, женщин оставить, — выпрямившись,скомандовал офицер.

— А девочка на что? — опешил немецкий холуй.

— Будет донором для раненых солдат, — ответил офицер, пытливо взглянув в глаза полицая, и увидел в них взметнувшееся откуда-то из глубины недоброе пламя. Глаза полицая тут же погасли, взгляд стал пустым. Выплюнув сигарету, он протянул руку к ребёнку.

— Ты что, ирод, хочешь сделать? Не дам!

Клавдия вцепилась руками в ребёнка и ещё крепче прижала его к себе. Женщины сдвинулись и заслонили их собой. В офицера полетела в блестящей обёртке шоколадка. Немец расстегнул кобуру и выхватил пистолет. Стоявшие позади женщины кинулись на него

и повалили фашиста навзничь. То же самое сделали и с полицаем. Конвой какую-то секунду медлил, наслаждаясь схваткой. Но она была явно не в пользу карателей. В руках одной из женщин блеснул ствол пистолета. Офицер лежал в канаве без оружия. Над ним, неумело целясь, стояла женщина. Холёное лицо немца было в дорожной пыли, с разбитой губы стекала кровь.

Вдруг автоматная очередь прошла воздух. Первой упала молодая женщина с пистолетом. Оседая, она увидела, как поднялся и опрокинулся вместе с небом лес, всё это завертелось и вмиг исчезло. Выстрелы, женские крики, лай овчарок — всё слилось воедино. Женщины кидались на конвоиров, но тут же падали на землю. Словно в тире, оскалившись, фашисты стреляли в женщин. Через несколько минут все стихло. Трупы тут и там лежали на дороге.

Офицер, очистив с коленей грязь, нагнулся к раненой женщине и вытащил из её рук пистолет. Её грудь тяжело вздымалась. Он намотал длинную косу на руку и поднял её голову. Лицо женщины мгновенно побагровело, на шее бешено заколотилась жилка.

— Вояки хреновы...

Она хотела ещё что-то сказать, но выстрел оборвал слова, и тело, обмякнув, натянув косу, повисло на руке фашиста.

К нему подошёл полицай. За руку он держал девочку. Слёзы текли по её щекам. Она смахивала их кулачком, размазывая по лицу чужую кровь.

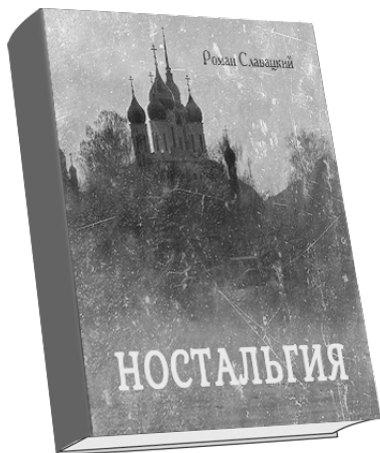
— Кляйнес мэдхен виль айн бисхен шоколаде? — зло улыбаясь, проговорил офицер. Потом, нагнувшись, он поднял с дороги переломанную в нескольких местах плитку и протянул вздрагивающей девочке.

Та отшатнулась и спряталась за полицая.

— В машину! — взвизгнул фашист и, обходя трупы, пошёл прочь.

Жандармы с полицаями молча стаскивали в кучу трупы. Грузовик с солдатами вырулил к правой обочине и покатил в сторону обрыва. Немцы смотрели на лес, на верхушки деревьев, которые тянулись к небу, словно закоченевшие руки мёртвых женщин. Они ещё не знали, что и их конец тоже был близок. Дорожная пыль смертной бледностью ложилась на их лица.

НОСТАЛЬГИЯ

Именно с таким названием в прошлом году опубликована поэтическая книга Романа Славацкогo, проникнутая тёплыми воспоминаниями о Старой Коломне.

Некоторые стихотворения цикла автор посвятил своим друзьям-коломенцам. Сама же книга посвящена памяти недавно ушедшего из жизни поэта, барда, прозаика, «седого волшебника» Михаила Кукулевича (1939-2020). Уроженец Ленинграда, воспевавший родной город во многих стихотворениях и песнях, он в начале 80-х переехал в Подмосковьё и поселился в Купавне.

М. Кукулевич — автор и исполнитель песен и романсов не только на свои стихи, но и на произведения русских поэтов — от Василия Тредиаковского и Гавриила Державина до Владимира Соколова и Александра Кушнера. Он вообще был неумолимым популяризатором поэтического слова, его постоянные песенно-поэтические выступления и перед взрослыми, и перед школьниками звучали одновременно и как увлекательные лекции. На «Радио России» он подготовил серию передач по истории русской поэзии.

Михаил Анатольевич был очень тесно связан с Коломной. Впервые он приехал сюда в 2006 году, и с той поры представить без него культурную жизнь нашего города было невозможно. Он не раз участвовал в театрализованных мероприятиях музея Лажечникова, выступая перед публикой в образе нашего знаменитого земляка, а уж о многочисленных концертах — в Доме Озерова, в арт-кафе «Сквозняк», в студенческой аудитории — что и говорить! Его не надо было упрашивать приехать. Он и в семьдесят лет был лёгок на подъём. «Давно я у вас не пел», — говорил он по телефону, и уже через несколько дней, подхватив свою верную спутницу — гитару, сел в электричку. Своими песнями и негромким голосом он словно озвучил наш старинный город и сроднился с ним. Коломна без него осиротела...

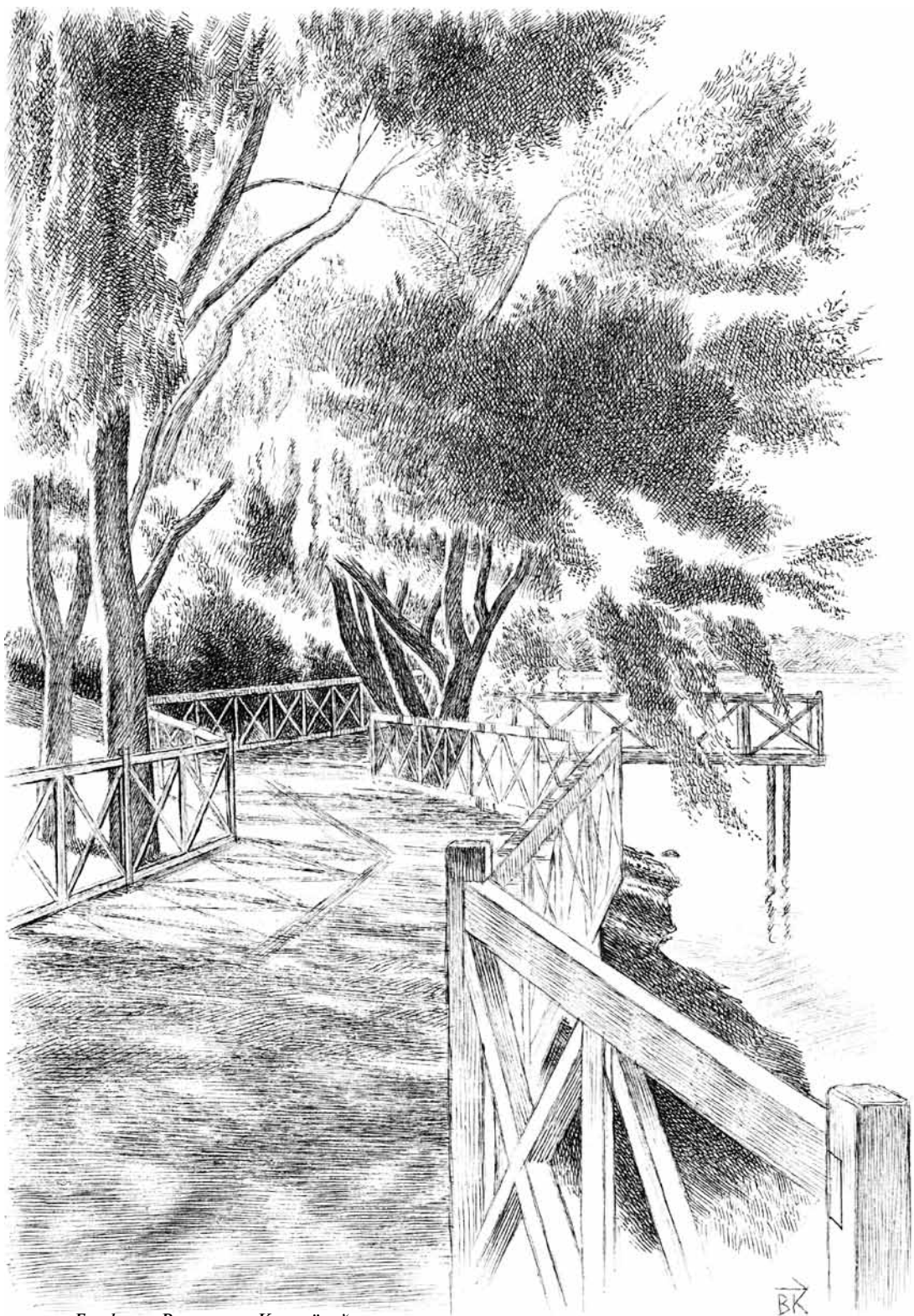
Все вошедшие в книгу сонеты, кроме написанного в день кончины Михаила Кукулевича «Прощального сентября», были созданы ещё при его жизни. Он знал о готовящемся издании и собирался приехать после выхода книги на её презентацию. Судьба, увы, распорядилась иначе...

Анатолий Кулагин

Родимая
сторона

Графика Василины Королёвой

ВК

Нисон Семёнович Ватник родился 22 июля 1948 года в Кишинёве. В 1966 году поступил на исторический факультет Коломенского педагогического института, который окончил с отличием в 1970 году. С 1970 по 1978 год работал учителем истории и заместителем директора Парфентьевской средней школы Коломенского района. В 1978 году перешёл на работу в Коломенский педагогический институт (ныне Государственный социально-гуманитарный университет — ГСГУ), последовательно занимал должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой истории (1991-2006 гг.). В настоящее время — доцент кафедры отечественной и всеобщей истории и муниципального управления ГСГУ, кандидат исторических наук. Нисон Семёнович Ватник — автор и ответственный редактор более 200 научных, научно-методических и научно-популярных трудов. Неоднократно печатался в «Коломенском альманахе».

МНОГОЛИКИЙ ГЕРБ КОЛОМНЫ: ОБРАЗЦЫ И ПРИМЕНЕНИЕ ВО ВРЕМЕНА ИМПЕРИИ

Десять лет назад, в 2011 году, автор представляемого текста поместил в «Коломенском альманахе» статью, посвященную коломенскому гербу, в первой части которой речь шла об истории его создания, а во второй — об изображении на серебряном горжете (нагрудном знаке) офицера Коломенского полка XVIII века. Уже тогда автор видел в своем рассказе незавершенность, ведь после обретения в 1730 году статуса официального символа Коломенского полка герб прошел долгий путь закрепления в гражданской жизни, корректировок композиции, признания коломенцами, поиска точности применения местными властями и учреждениями. И поэтому, предлагая сегодня обзор коломенской городской символики от 1730 года до начала XX века, мы надеемся, что взыскательный читатель найдет здесь и новые факты, и новые оценки уже известного и, главное, перспективы для собственного геральдического поиска.

Напомним, что традиция изображения эмблем территорий (земель, городов) в составе Российского государства восходит к печати Ивана IV, созданной в 70-х годах XVI века, и к рисункам «Царского титулярника» 1672 года. При

явной неустойчивости и изменчивости используемых сюжетов само их существование указывало на понимание правителями всей важности обладания Московией не только обязательными общегосударственными, но областными (местными) символами. Гербы же, в их европейском понимании, появляются в первой трети XVIII века в ходе интенсивного военного строительства эпохи Петра Великого. Тогда, в условиях войн со Швецией, Турцией и Персией, символическими отличительными знаками на знаменах обзавелись действующие и формируемые воинские части — полевые, гарнизонные и ландмилицкие полки (входящие в их состав роты). Первым сводом такого рода знаков стал Знаменный гербовник 1712 года. Приведенные в нем 45 полковых эмблем были в основном заимствованы из книги «Символы и Емблемата», изданной в Амстердаме в 1705 году по указанию царя.

Важнейшим событием для становления российской геральдики явилось учреждение в 1722 году Герольдмейстерской конторы, в стенах которой были собраны как специалисты-геральдисты, так и лучшие «живописцы»-рисовальщики. И если геральдисты при «сочинении» вариантов гербов сумели совместить европейскую геральдическую традицию с реалиями политической, социальной и экономической жизни России, то «живописным мастерам» и «живописным подмастерьям», со своей стороны, удалось замыслы сочинителей филигранно воплотить в рисунки-эскизы, а «копейстам» тиражировать их для практического использования. Здесь решающую роль сыграл пьемонтский дворянин Франциск Санти, приглашенный на должность товарища Герольдмейстера. Именно под его руководством в 1724-1727 гг. были, согласно правилам геральдики, созданы (обновлены) государственный герб и основной массив «провинциальных» (территориальных, областных) и городских гербов для судебного-делопроизводственных и военных нужд. После ареста и ссылки в Сибирь в 1727 году Санти, обвиненного в участии в антиправительственном заговоре, инициатива в герботворчестве перешла от Герольдмейстерской конторы, дела которой расстроились, к Военной коллегии. Её интерес к городским гербам обуславливался переименованиями в 1727 году армейских полков и, как следствие, необходимостью получения ими новых знамен. Укажем, что ранее полки именовались по фамилиям командиров, теперь же имена полков увязывались с названием мест дислокации, т.е. провинций и городов, из доходов которых зачастую финансировались воинские части (к примеру, «3-баталионный» гарнизонный полк Коробова — стал Коломенским гарнизонным). Новое название должно было найти отражение на ротных знаменах, где предполагалось поместить гербы провинций и городов, давших полку именование. Если же требуемые гербы на местах отсутствовали, то рисунки таковых следовало незамедлительно «учинить», чтобы составить и подготовить к «конфирмации» (утверждению верховной властью) обновленный Гербовник.

В течение 1728-1729 годов к составлению гербов были привлечены сведущие в геральдике лица и «малярные мастера» не только из Военной коллегии, но и Конторы инженерного правления, которой руководил граф Б. Миних. В их распоряжении находились переданные из Герольдмейстерской конторы копии изображений имеющихся полковых знамен, а также «наследие» Санти — многочисленные эскизы, рисунки гербов

*Герб Коломенского полка.
Знаменный гербовник. 1730 г.*

для знамен и городов и геральдические книги. Результатом интенсивной общей работы стал Знаменный гербовник, утверждённый Правительствующим Сенатом 8 марта 1730 года, т.е. вскоре после восшествия на императорский престол Анны Иоанновны.

Среди других в Гербовнике присутствовал (под номером 53 и с надписью «Коломенский») овальный рисунок полкового герба, помещенный в рокайльный, т.е. в стиле рококо, изящный золотой щит — картуш. Композиция герба состояла из находящегося на светло-синем (лазоревом) поле серебряного гладкого столба колонны (передан белым цветом), вырастающего из базы, которая опиралась на золотой квадратный постамент (пьедестал), стоящий на покрытой зелёной растительностью плоской земле в оконечности. Столб украшали золотой валик (на 1/7 высоты) в нижней части и золотая листовидная капитель (в 1/6 столба) — в верхней; утончение колонны от базы до капители было минимальным — примерно на 0,1 кверху. Соотношение высоты столба и его диаметра на выходе из базы составляет 4:1. Венчала колонну золотая корона с тремя листовидными зубцами, разделёнными двумя треугольными зубцами с шариками на вершинах; обруч короны украшал несколько драгоценных камней. Композиция герба включала также две шестилучевые золотые звёзды двумя лучами вверх, расположенные по сторонам колонны на высоте 3/4 от уровня холма, причем, звезда справа — выражено смещена к картушу, в отличие от звёзды слева, которая находилась в центре своей стороны. Звёзды были не тождественны, а лучи — растянуты и не симметричны, особенно у звезды справа. Земля, на которую опирался постамент, передана горизонтально. Составленное в стиле XVIII века описание (блазон) герба века гласило: *«На лазоревом поле столб белый, наверху корона, около две звёзды»*. Как и все рисунки Гербовника, размещённый здесь герб Коломенского гарнизонного полка фактически выполнял функцию эталона с позднейшим использованием изображения по назначению.

Вскоре после утверждения Гербовника, 20 марта 1730 года, Военная коллегия приняла решение об изготовлении «во всех полках знамён с гербами по городам» и определении исполнителем Кригс-Комиссариат как отвечающим за обеспечение армии обмундированием, продовольствием и снаряжением, куда и отослали копию Гербовника для сведения. Полковые и ротные знаменные полотнища изготавливались «малеванием» (рисованием), а не вышиванием, ибо оно обходилось дороже, а вышивальные нитки утяжеляли знамя и быстро ветшали на ветру. Правда, были нестойкими и применяемые при «малевании» краски, и это предопределило срок использования знамён в десять лет. Что касается коломенского герба,

*Знак офицера Коломенского полка.
Сер. XVIII в.*

то он, учитывая неизменность гербового законодательства, сохранял первоначальный вид вплоть до 1764 года, когда полк подвергся реформированию в 1-й, 2-й и 3-й Московские внутренние гарнизонные батальоны, перестав быть самостоятельной воинской единицей.

К сожалению, знамя Коломенского полка, вероятнее всего, не сохранилось: по крайней мере, в крупнейших знаменных коллекциях страны — Государственного Эрмитажа и Военно-исторического

музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (С.-Петербург) — оно отсутствует. Равно как по прошествии почти трех веков утраченными оказались полковое оружие, предметы амуниции и обмундирование, где обязательно присутствовал герб — приклады мушкетов и ружей, оружейные пирамиды, патронные сумы, барабаны, медные бляхи шапок, ротные значки, офицерские знаки и пр. Поэтому большой удачей можно считать обнаружение в фондах вышеназванного Военно-исторического музея нагрудного (шейного) офицерского знака — горжета, выполненного в форме подковы (полумесяца). Из музейной документации об этом экспонате (инв. № 20/5541) известно следующее: название — «офицерский знак капитана Возницына»; размеры — 18,7×17,8 см; материал — серебро 750-й пробы; дата и место изготовления отсутствуют, возможная датировка — 1731-1762 годы. В связи с тем, что на горжете нас интересует именно гербовое изображение, рассмотрим его подробнее.

На любезно предоставленных Музеем photographиях хорошо виден позолоченный картуш с расположенным внутри городовым гербом. Разумеется, неизвестный мастер располагал «копийным» изображением, и, учитывая важность изделия, стремился максимально точно перенести рисунок Гербовника с бумаги на металл. И это ему удалось: как картуш, так и гербовая композиция легко узнаваемы, целостны и декоративно совершенны. Однако сравнение с эталоном обнаруживает искажения, которые, видимо, были связаны как с «сопротивлением материала» (серебра), так и с трудностями размещения составных частей герба на ограниченном пространстве горжета. Минимально «пострадал» картуш, хотя и здесь присутствуют неточности: его нижняя часть — сокращена и частью смята, увеличено количество наружных завитков (правда, на металле они смотрятся очень выразительно); листовидные зубцы короны переданы своеобразно, а именно, центральный — сменил форму, обрёл завитки и вытянулся, а боковые — резко устремились вверх (наряду с треугольными зубцами). Что касается городского герба, то здесь изменению подверглись все его компоненты. При переносе изображения колонны на горжет пропорция высоты столба к надбазовому диаметру уменьшилась до 2,5:1, что придало колонне приземистость, которую не смогло исправить даже её утончение

(на 0,25) от базы к капители. Золотой валик поднялся до 1/3 высоты столба, а капитель удлинилась до 1/3 столба с сохранением верхнего диаметра — это, на наш взгляд, объясняется желанием мастера визуально вытянуть колонну. Такие пертурбации обусловили сужение коронного обруча, который «лишился» драгоценных камней (по недостатку места); в самой же короне — и листовидные, и треугольные зубцы удлинились и расширились. Преобразились и сопровождающие колонну звёзды: высота их расположения понизилась до 3/5, они развернулись лучом вверх, а звезда справа приобрела небольшой наклон (очевидную неточность её размещения в эталоне мастер повторил на горжете).

Завершая обзор исторических обстоятельств создания и применения коломенского эмблемы с конца 1720-х — до расформирования полка в 1764 г. (этот временной промежуток можно назвать первым, «знамённым периодом», или «периодом Санти-Миниха» в истории герба), подчеркнем, что первоначальные намерения властей использовать гербы в печатях «судебных мест» остались нереализованными. После смерти Петра I усилилось административное давление на местные суды и органы самоуправления со стороны губернаторов и воевод, вследствие чего, по мнению крупного специалиста по геральдике Н.А. Соболевой, утратила «смысл постановка вопроса о гербах как городских символах». Первенство в городском герботворчестве перешло тогда к Военной коллегии, а практика применения гербов определялась исключительно потребностями армии. Ограниченность вещественной источниковой базы (сегодня в распоряжении исследователей имеются лишь Гербовник 1730 года и горжет) не позволяет, во-первых, подтвердить тождественность эталонного рисунка и его копий, которыми пользовались в мастерских разного профиля при множественном воспроизведении коломенской эмблемы, а, во-вторых, сравнить эти копии с гербами на полковых знаменах, оружии, обмундировании и военной амуниции. Однако на примере горжетного изображения очевидно: придерживаясь в целом сюжета и абриса элементов герба, мастер отступал от «канона» в деталях, что, впрочем, не повлияло на узнаваемость и предназначение офицерского знака — в нашем случае, им пользовался капитан Коломенского полка Возницын.

С середины 1730-х годов перечень ведомств, заинтересованных в развитии гербового дела, существенно расширился за счет Академии наук (составление и издание географических карт и атласов), Монетной канцелярии (изготовление монетных клейм) и, конечно, Герольдмейстерской конторы (сочинение гербов для печатей канцелярий и магистратов «новоучреждаемых» городов, и сбор сведений об имеющейся местной символике). Всё это позволило сохранить геральдические традиции, кадры специалистов и «живописцев» и, как следствие, несмотря на полувековую задержку, подготовить пожалования в правление Екатерины II российским городам собственной символики.

Среди екатерининских преобразований 1770-х — 1780-х гг. решающее влияние на формирование городской геральдики оказала областная реформа, начатая в 1775 году принятием «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Согласно документу, в стране образовывались наместничества (губернии) и входящие в их состав уезды. Одновременно как в наместническом (губернском), так и уездных центрах создавались

соответствующего ранга управленческие и судопроизводственные учреждения. Исходя из опыта предшествующих лет, предполагалось, что делопроизводство здесь будет осуществляться с использованием печатей с изображением городского герба. Такое внимание к провинциальным гербам было связано не только с необходимостью подтверждать законность оформляемого документа (с этим прекрасно справлялся имперский герб). Главное было в ином — в **новом** отношении власти и общества к городу как особой административной единице, месту дислокации уездных полицейских и пожарных служб, сосредоточения торговой, ремесленной, мануфактурной и финансовой деятельности, расположения учреждений образования и социальной помощи, а также ретранслятору идей просвещения и культуры на ближайшую округу. Свидетельством этой новации стала «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года, широко известная под названием «Жалованная грамота городам». Она наделила города привилегиями самоуправления (ограниченного), выборного судопроизводства и права иметь «утвержденный рукою императорского величества» герб. Здесь же конкретизировалось, что получаемые городами жалованные грамоты должны включать «настоящий герб того города, красками изображенный, а внизу описание герба». Тем самым, обладая **обязательным градским атрибутом** — гербом, город демонстрировал своё отличие и превосходство «не-городу», т.е. слободе, посаду, погосту, селу, местечку, острогу. Добавим, что статус городского герба повысился с введением в 1775 году запрета нанесения гербовых изображений на военную амуницию (при сохранении эмблемы на полковых знамёнах и печатях). Позднее, в XIX веке, городской герб стал одним из элементов форменной одежды градоначальников — он был помещен на пуговицы их мундира и мундирного фрака.

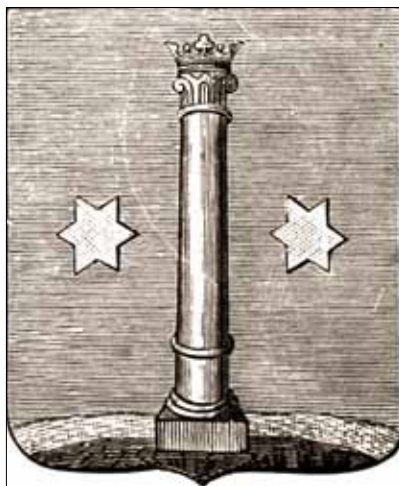
Основную работу по сочинению городских гербов (а их — несколько сотен!) выполнила Герольдия, которую в 1771 году возглавил известный историк князь М.М. Щербатов, а с 1777 года — драматург и геральдист А.А. Волков. При герольдмейстерстве последнего была завершена разработка новых правил композиции гербового рисунка, по которым фиксировались не только специфика (индивидуальность) города, но и принадлежность к конкретной территории империи (наместничеству, области, губернии). А именно: французский гербовой щит рассекался горизонтальной чертой, над которой, т.е. в верхней части гербового поля, должен был находиться территориальный символ, а внизу — городской. Исключения делались только для эмблем, сочиненных до начала реформы и включенных в Знаменный Гербовник 1730 года: они занимали всё поле и помечались как «старый герб».

В декабре 1781 года Сенат представил императрице на утверждение гербы четырнадцати городов Московской губернии, в составе которых присутствовал и герб Коломны. Во всеподданнейшем докладе пояснялось, что Волковым для преобразованных из сёл пяти городов (Воскресенск, Богородск, Бронницы, Никитск и Подол) гербы «сочинены вновь», а городам, «сию губернию составляющим гербы, кои уже прежде были, те собраны». Сенат все гербы рассмотрел (т.е. одобрил) и подготовил на конфирмацию с прошением «высочайшего указа». Резолюция Екатерины II от 20 декабря 1781 года гласила: «Быть по сему» (полный текст

*Герб Коломны. 1781 г. П. П. фон-Винклер
«Гербы городов, губерний, областей
и посадов Российской империи»*

документа опубликован в 1830 г. под № 15304 в «*Полном собрании законов Российской империи*» за 1781 год).

Обратим внимание на важную для нас часть Указа под заголовком «*Описание гербов городам Московской губернии*» — фактически это блазоны утвержденных императрицей гербов — и процитируем п. V «*Коломенский*»: «*Город Коломна имеет старый герб, на лазоревом поле, столб белый, наверху корона, около две звёзды*».

Как видим, Волков фактически скопировал описание из Знаменного гербовника 1730 года, добавив слова «старый герб» для обоснования расположения эмблемы на полном щите в знак уважения к её древности (те же слова приведены в описаниях Москвы и Серпухова). По геральдической традиции XVIII века текст блазона был весьма краток и не содержал указаний на тип колонны, капитель, холм, количество и расположение лучей в звездах. В практике же использования герба данное обстоятельство, со временем, способствовало отступлению от сочиненного герольдмейстером образца и появлению многих вариантов гербового изображения (они рассмотрены ниже).

Напомним, что для Волкова при подготовке документов Сенату исходным являлся рисунок в Знаменном гербовнике 1730 года, но, следуя ему в целом, сочинитель всё же несколько изменил элементы композиции: утончил столб на 0,16 сверху, увеличил до 5:1 соотношение высоты столба и его диаметра на выходе из базы, приподнял валик колонны (до 1/6), упростил и укоротил (до 1/7 столба) капитель, понизил и выровнял (кроме центрального) зубцы короны, увеличил звёзды, сделав их одинаковыми и расположив симметрично относительно столба и между землёй и верхней кромкой щита, придал земле в оконечности вид покрытого растительностью холма с вершиной на уровне 1/8 высоты щита и соединяющего боковые кромки. Такие новации зрительно вытянули колонну и придали ей стройность, а звёзды обрели упорядоченность и большую выразительность.

Смена военного акцента на гражданский резко расширила области применения городского герба. И если ранее речь шла исключительно о делопроизводстве, то теперь к ним добавились: жалованные грамоты на возведение в дворянское достоинство и потомственное дворянство, карты губерний и планы городов, географические и экономические описания регионов с поездными обзорами, исторические и геральдические сочинения, календари-месяцесловы, знаки должностных лиц, форменная одежда государственных служащих, предметы декоративно-прикладного искусства. И, разумеется, гербу было придано демонстрационное значение. О том, что в Коломне не только располагали сведениями о пожало-

Герб Коломны. Х. А. Чеботарёв «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами». 1887 г.

ванном гербе, но даже легендировали его происхождение, сообщает Н.А. Соболева. Историк приводит бытовавшую во второй половине XVIII века версию о якобы основании города вышедшим из Италии знатным человеком Карлом Колонною около 1147 г., «отчего он имя свое и герб, представляющий колонну или столп, заимствует». При очевидной мифологичности этой версии само её существование говорит об известности в городе эмблемы в описываемое время, что резко контрастировало с 1730-ми годами, когда коломенская кан-

целярия уведомила начальство об отсутствии герба города на печатях (а значит и информации о нем не имелось).

Рассмотрим, как реализация перечисленных выше новых функций герба сказалась на облике коломенской эмблемы. Ведь по общему правилу, гербовые рисунки с описаниями были скопированы и разосланы в губернские (наместнические) правления в качестве образцов для сверки и применения на местах. Но насколько точно воспроизводился рисунок при печатном тиражировании коломенского герба в государственных типографиях? А в частных типографиях? А при единичных копировании художниками? Для ответа на эти вопросы обратимся к ряду малоиспользуемых источников, сгруппировав их следующим образом: 1) книги, 2) дворянские грамоты, 3) печати (оттиски печатей), 4) изделия декоративно-прикладного искусства.

Среди источников *первой группы* хронологически ближайшим к Указу 1781 года является объёмный труд ученого-географа, профессора Московского университета Х.А. Чеботарёва «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами» (1887). В нём геральдические сведения распределены: описания гербов введены в текстовую информацию по каждому из 15 уездов, а визуальный ряд помещён в раздел «Гербы городам Московской губернии». Сравнение труда Чеботарёва с коломенским сюжетом Указа обнаруживает вольности, допущенные и автором, и типографским художником. Первый — предпочёл не цитировать блазон, а изложить его своими словами: «Герб города Коломны представляет в лазоревом поле белой столб, на верху онаго лежит корона, а в округе его две звёзды». Второй же, правильно воспроизведя общую композицию герба, искажил изгибами нижнюю кромку щита, уменьшил пропорции колонны, удлинил и изменил капитель, заменил холм плоской землёй и значительно приблизил к ней звёзды. В результате колонна потеряла стройность, а рисунок утратил задуманную Волковым соразмерность и образность.

Оценивая перечисленные трансформации, будем учитывать как специфику данного сочинения, так и технические возможности эпохи. К мо-

менту издания книга Чеботарёва являлась единственным сводом сведений о Московской губернии, и автор, руководствуясь, очевидно, не только научно-познавательными, но и просветительскими целями, включал в неё справочные материалы, дополненные собственными пояснениями. В полной мере это относится и к гербовым описаниям. Так, краткий блазон герба Бронниц по Указу 1781 года («Герб сего города представляет в верхней части герб Московской, а в нижней золотой конь в зеленом поле; в знак того, что в сем месте были славные конные заводы») в книжном варианте стал намного пространнее: «Герб сего города представляет в верхней части герб Московской, а в нижней в зеленом поле стоящего коня: жалован же оный при переименовании его из села городом царствующею ныне ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ, по находящему здесь славному заводу». Поэтому можно считать, что коломенскому блазону явно «повезло», и вставки здесь оказались минимальными. Что касается гербового рисунка, то для его воспроизведения типография Московского губернского правления (содержатель — Ф. Гиппиус) использовала технику гравировки по дереву. При сравнении напечатанных в книге гербов между собой и с «указными» создается впечатление, что правильность передачи замысла художника зависела не только от мастерства гравера, но и от степени сложности исходного изображения. Действительно, изготавливая печатную доску (блок), мастер относительно точно передал простые сюжеты и значительно отступил от образцов в случаях сложных — изображениях людей, животных и др. По этой причине всадники на гербах Москвы и Клина, кони на гербах Москвы, Клина и Бронниц, равно как и прядильный станок на гербе Богородска и др. получились со многими искажениями. Зато относительно простые гербы Волоколамска, Коломны, Никитска «пострадали» лишь в передаче контура щита, размеров и расположения элементов композиции.

Следующую книгу мы не могли не представить, хотя в ней изображение герба отсутствует. Речь идет о фундаментальном труде географа А.М. Щекатова «Географический словарь Российского государства». В 3-й части (1804) этой энциклопедии приведена подробная и многоплановая информация о состоянии Коломны и, в том числе, описан герб города: «Герб онаго представляет в лазоревом поле белый столб, наверху которого лежит корона, в по обоим его сторонам две звёзды». Как видим, автор повторил с некоторыми стилистическими поправками блазон в версии Чеботарёва, что свидетельствует о преемственности историко-географических знаний и использовании их в научных исследованиях.

Книжная продукция середины XIX века демонстрирует две противоположные тенденции воспроизведения гербов: улучшения качества и рельефности печати за счет применения литографии и, напротив, движения вспять от образцов 1781 года к примитивизации и искаженно-фантазийным версиям.

Первая, позитивная, тенденция представлена гербовыми рисунками, опубликованными в 1843 году в «Книге чертежей и рисунков (Рисунки гербам городов)» как дополнения к «Полному собранию законов Российской империи» (1830). Официальность издания и печатание в типографии II отделения Собственной е.и.в. Канцелярии способствовали точности воспроизведения рисунка 1781 года на литографском камне и на бумаге.

Герб Коломны. В. В. Пассек.
«Московская справочная книга». 1842 г.

Подмосковные гербы переданы в черно-белом исполнении, и для передачи цветовой гаммы эмблем публикатор использовал шраффировку — геральдическую штриховку. Не случайно, что и в настоящее время это изображение считается аутентичным архивному.

Подробнее остановимся на противоположной тенденции. Речь идёт о книгах

В. Пассека («Московская справочная книжка», 1842 г.) и К. Нистрема («Указатель селений и жителей уездов Московской губернии», 1852 г.). Они носили информационно-справочный характер и вмещали, в том числе, «гербы каждого из уездов», которые использовались для оформления: титульного листа (В. Пассек) и шмуцтитулов поездных блоков (К. Нистрем). Однако ни официальный характер содержания, ни печатание в солидных типографиях («Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии» и «Ведомства Московской городской полиции»), ни цензурный фильтр, ни подношение «Указателя» Московскому генерал-губернатору А.А. Закревскому не обеспечили достоверность напечатанных эмблем.

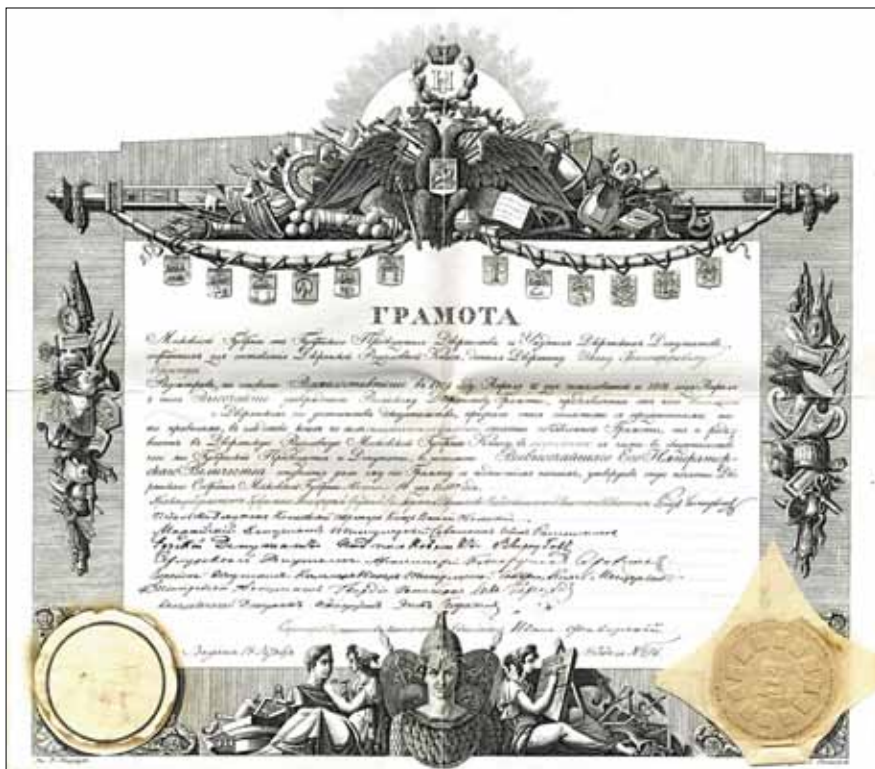
В полной мере сказанное относится к коломенскому гербу — его рисунок в обеих книгах совпадают. В интерпретации гравера (художника?) гербовая колонна приобрела форму вытянутого кувшинообразного сосуда с тремя поперечными валиками (перехватами) от плеча к узкой горловине. Верхняя часть колонны лишилась капители, а нижняя — базы, и поэтому столб опирается непосредственно на высокий постамент. Корона с мини-обручем утратила зубцы и за счет прорисовки дуг стала неким подобием европейских королевских корон. Звёзды, сближенные с колонной, развернулись одним лучом вверх, а земля получила плоскостность. Геральдическая штриховка выполнена произвольно.

Столь небрежное отношение к гербу, вернее — ко всем уездным гербам, отражает и отсутствие контроля за такого рода публикациями, и недостаток на местах геральдических справочников, и неразбериху в гербовом деле в целом (издание в 1843 году высочайше утвержденных «чертежей и рисунков» ситуацию не изменило, и в «Указателе» Нистрема искажения «Московской справочной книжки» были повторены).

Переходя к источникам, условно обозначенным как «дворянские грамоты», укажем, что имеются в виду документы, выдаваемые дворянам (их вдовам или наследникам) от имени Губернского предводителя дворянства и уездных дворянских депутатов, о подтверждении их дворянского достоинства и внесении персоны и «рода его» в Дворянскую родословную книгу данной губернии. Основанием для выдачи Грамоты служили предъявленные дворянином свидетельства, признанные особой Комиссией достаточными, что фиксировалось в «Определении» Депутатского дворянского собрания (после 1828 года «Определения» утверждались

Герольдией). Грамоты заполнялись пером с использованием орешковых чернил и скреплялись подписями должностных лиц и сургучной печатью, защищённой бумажной кустодией в форме ромба.

Интересующий нас герб Коломны присутствовал в грамотах московских дворян первой половины XIX века. Оформлены были эти грамоты особым образом. Материалом служил пергаменный лист большого формата (примерно 45x55 см) с гравировками монограммы правящего императора, государственного и территориальных гербов, а также полевых украшений в виде растительного орнамента с включением лавровых венков, корон, виньеток, знамен, военной амуниции и пр. В большинстве грамот времён Александра I и Николая I герб Коломны составлял, вместе с другими уездными эмблемами, гирлянду малоразмерных щитов в орнаментальной рамке верхнего поля. К концу правления Николая I эти уездные гербы были собраны на листе в одном месте, сформировав под лапами двуглавого орла прямоугольную рамку-окантовку разворота книги (грамота гвардии штабс-капитана и кавалера Н.С. Камынина от 20 октября 1854 г.). Обратим внимание на менявшиеся в грамотах щиты и композиции коломенского герба. В грамотах, например, дворянину Д.П. Победоносцеву (1824 г.), советнику и кавалеру А.М. Бороздину (1825 г.), дворянину А.М. Кустаревскому (1830 г.), генерал-лейтенанту и кавалеру князю Д.М. Волконскому (1832 г.) и др. щит имеет овальную форму, вид и расположение элементов герба — столб без валика, плоскостная земля, завышенные звёзды — являются своеобразным симбиозом указного

Грамота И. Х. Книпера. 1850 г.

рисунка 1781 года и его версии из труда Чеботарёва. А, к примеру, в грамотах князя Л.М. Голицына (1844 г.) и дворянина И.Х. Книпера (1850 г.) коломенский щит восстановил традиционную форму и переместился в гербовой гирлянде с четвертого на первое от двуглавого орла место. Значительно изменилось наполнение щита: верхнюю часть поля заняла узкая полоска с надписью «Коломенский», что привело к уменьшению высоты колонны и минимизации капители; звёзды же резко увеличились и стали восьмилучевыми (!). Зато в упомянутой выше грамоте Н.С. Камынина (1854 г.) поле щита освободилось от надписи, и поэтому колонна вытянулась, вновь обретя капитель; избыточный размер шестилучевых (!) звёзд сохранился, но они поднялись до уровня капители.

Привлечение *печатей* и их оттисков как источника информации о коломенском гербе весьма полезно, поскольку это позволяет определить как области его использования, так и изменения в изображениях. В нашем случае речь идет о круглых сургучных прикладных печатях (под бумажной кустодией) на вышеописанных дворянских грамотах. Все печати принадлежали Дворянскому собранию Московской губернии и скрепляли (утверждали) подписи должностных лиц — составителей документа. Изображение на печатях состояло из 13-ти гербовых рисунков: в центре находилась эмблема Московской губернии — всадник, поражающий копьем змия, а по кругу размещались 12 щитов с эмблемами уездных городов — копии щитов из орнамента грамоты. К сожалению, в большинстве грамот печати повреждены или утрачены, но на грамотах Л.М. Голицына и И.Х. Книпера рельефы основных элементов гербов, в том числе коломенского, сохранились и вполне узнаваемы.

Называя в качестве следующего источника *изделия декоративно-прикладного искусства*, мы представляем читателю малоизвестный ларец («ковчег») для хранения жалованной грамоты Александра I московскому дворянству. Такая грамота была дарована 18 января 1817 года к празднованию пятилетия победы в Отечественной войне. В грамоте император воздал должное заслугам московского дворянства в разгроме армии Наполеона — это и формирование земского ополчения, и крупные денежные пожертвования, и личный героизм офицеров и ополченцев. Особо оценен был отказ дворянства в 1816 году от возмещения ему государством убытков и разрушений, понесенных вследствие военных действий: «Дворянство Московской губернии явило ныне новый опыт усердия на пользу государства, пожертвовав всеми претензиями за припасы и вещи, взятые для войск наших в 1812 году».

Изготовление «ковчега» для хранения Грамоты было заказано летом 1817 года московскому ювелиру Михаилу Пиверту (любопытно, что Пиверта, в числе 40 неблагонадежных иностранцев, выслали из Москвы в августе 1812 года баржей в Нижний Новгород; возвратиться ему разрешили через два года с допущением «прежних занятий»). Мастер представил готовое изделие дворянскому Депутатскому собранию в 1818 году. В настоящее время этот шедевр ювелирного искусства, выполненный из серебра, дерева и ткани, хранится в Музее Отечественной войны 1812 года — филиале Государственного исторического музея (инв. № ОК 1833). Привлекающие нас геральдические сюжеты присутствуют в обрамлении четырехскатной крыши ларца, а именно, на выполненных в серебре овальных щитах (под

Герб Коломны. Ларец для жалованной грамоты московскому дворянству. 1817 г.

большой короной и в окружении дубовых листьев) с эмблемами городов Московской губернии. Отметим, что в данном случае получена редкая возможность узнать имя мастера, создававшего эти гербовые изображения, в том числе — Коломны. В варианте Пиверта, коломенский герб, сохранив два основных элемента (колонну под короной в сопровождении двух звёзд), утратил землю как опору постамента, уступив эту функцию нижней кромке овала щита. Придав капители вид узкого валика и минимально утончив диаметр столба — 0,12 сверху от базы до псевдо-капители, он отчасти сохранил стройность колонны — соотношение высоты столба и нижнего диаметра составило 4:1 (удивительным образом это совпало с пропорцией рисунка в Знаменном гербовнике 1730 г.). Корона с обручем-полоской приобрела символический характер, максимально отделившись от прототипа. Увеличенные звёзды превзошли размахом своих лучей в полтора раза диаметр столба, и, как следствие, сравнялись по выразительности с колонной.

Сейчас сложно определить, каким рисунком эмблемы располагал ювелир, приступая к работе, но копирование явно не являлось его целью. Не вдаваясь в детали, он рельефно воспроизвел общую композицию полученного от заказчика или отысканного самим образца. Видимо, при оценке готового изделия представителями Депутатского собрания не возникли претензии по поводу правильности изображения ни коломенского, ни других гербов (при всей очевидности ошибок). И это неудивительно: учитывая слабую распространенность в описываемое время информации о территориальной геральдике, нет уверенности, что «приёмщикам» были известны тонкости рисунков уездных гербов.

Подводя краткий итог эволюции изображений и применений коломенского городского герба от утверждения 20 декабря 1781 года до второй половины XIX века (определим этот период как второй, «указный» или

«период Щербатова-Волкова»), обратим внимание на множественные отступления от образца и вариативность эмблем при значительном расширении сфер его использования в гражданской области.

Очевидные недостатки в постановке геральдического дела в империи (а приведенные изображения коломенского герба в документах и книгах — это лишь частное проявление общероссийских проблем) обусловили стремление верховной власти реформировать организацию герботворчества в целом и привести в соответствие с правилами геральдики облик всех гербов — государственного, губернских и городских. В связи с тем, что наши интересы находятся в сфере территориальных гербов, остановимся на происшедших здесь изменениях.

Основные преобразования российской геральдики теоретически обосновал и осуществил на практике известный археолог и нумизмат Б.В. Кёне, занимавший в 1857-1886 гг. должность управляющего Гербовым отделением Департамента Герольдии. По его предложению все гербы были классифицированы по: 1) административному статусу — столицы, губернские и областные города, градоначальства, уездные города, посады, и 2) занятиям населения — города промышленные, земледельческие, приморские, винодельческие и горнопромышленные, крепости. В зависимости от значимости города их гербы должны были обладать а) коронами над гербовым щитом, б) лентами обрамления, в) символическими знаками занятий жителей и состояния города. Такое распределение предполагало единообразие гербовых атрибутов и украшений внутри каждой категории, дополненных присутствием в поле щита символа места города в системе имперского управления. В действии это выглядело следующим образом. Гербы столиц (С.-Петербурга, Москвы) и губерний были увенчаны императорской короной, древние русские города — царской шапкой вроде Мономаховой, уездные центры — серебряной башенной короной с тремя зубцами, посады — короной с двумя зубцами, крепости — короной с государственным орлом. Градация присутствовала и в лентах щитового обрамления, дополненных символами специфики положения города. Андреевская лента лазуревых цвета (орденская для ордена Андрея Первозванного) вкуче с дубовыми листьями применялась в гербах губернских городов. Александровская лента красного/алого цвета (орденская для ордена Святого Александра Невского) — в гербах областей, градоначальств уездных городов и крепостей. Эта лента соединяла отличительные символы местности: в гербах промышленных городов и посадов — два золотых накрест положенных молота за щитом, в земледельческих — два золотых колоса по сторонам щита, в винодельческих — две виноградные лозы по сторонам щита, в приморских — два золотых якоря за щитом, в горнопромышленных — две накрест положенные серебряные кирки; в гербах крепостей — знамена по сторонам щита.

Эти геральдические новации вводились в России во второй половине XIX века на фоне грандиозных преобразований, связанных с отменой крепостного права, формированием и деятельностью органов крестьянского и местного общественного самоуправления, обновлением судебной системы, развитием промышленности, торговли, финансов, образования и средств коммуникации. О понимании властями важности геральдического обеспечения, например городской реформы, свидетельствуют «Горо-

довое положение» 16 июня 1870 и указ Александра II от 5 марта 1871 года «О знаках лиц, служащих по городскому управлению и разряде мундиров для городских голов». Первый документ содержал перечень городских должностей, занимая которые персона получала право ношения особого знака, а второй — определял внешний вид (рисунок) и порядок пользования таким знаком: предписывалось, чтобы «на середине лицевой стороны знака был изображен герб подлежащего городского поселения с наименованием по краям оного должностного лица, ... а на оборотной стороне знака было обозначено время утверждения Городового Положения». По аналогии изображение герба города теперь присутствовало и на знаке-жесте головы местной ремесленной управы. Справедливости ради заметим, что круг должностей с привилегией обладания знаком значительно расширился в 1892 году с утверждением нового «Городового положения».

Однако нуждами местного самоуправления далеко не исчерпывалась область сферы применения городских гербов. Они присутствовали в документах и на знаках земств, торговых, промышленных, финансовых и сервисных заведений, медицинских, учебных и благотворительных учреждений, нотариальных контор, чинов полиции и надзорных служб, сословных и общественных организаций, на флагах любительских и спасательных судов, на памятных медалях, в декоре архитектурных сооружений. Такое многообразие применения предполагало упорядочение и систематизацию гербовых изображений, чем активно с 1879 года занимался Департамент Герольдии. Вскоре черед дошел и до Московской губернии: 16 марта 1883 года обновлённые гербы городов губернии были утверждены Александром III (опубликовано в «Полном собрании законов Российской империи» под № 1439а за 1883 г.).

По отношению к коломенскому гербу реализация правил Кёне сопровождалась изменениями и дополнениями его элементов и украшений при сохранении основного сюжета. Разберём это подробнее. Во-первых, постамент серебряной колонны усложнился, значительно прибавив в высоте, и то же произошло с золотой капителью, удлинённой до 1/3 столба. Как следствие, столб значительно потерял в высоте (сравнительно с образцом 1883 года) — её пропорция к диаметру составила 4:1; утончение столба сохранило минимальность — на 0,14. Золотая корона сплющилась, обруч сузился, а зубцы и шарики существенно отделились. Во-вторых, покрытый зеленой растительностью холм в оконечности понизился до 1/12 высоты щита, а подошва холма совпала с нижней кромкой щита в средней части. В-третьих, золотые звёзды расположились симметрично как по отношению к верхней и нижней кромкам щита, так и столба и боковых кромок. В четвертых, в вольной, правой, части щита разместился герб Московской губернии. В-пятых, щит был увенчан трёхбашенной серебряной

Герб Коломны. 1883 г.

короной, обозначающий статус Коломны как уездного центра. В-шестых, за щитом расположились обвитые красной Александровской лентой золотые молотки, указывающие на промышленный характер города. Новое, в редакции 1883 года, описание герба гласило: «*В лазуревом щите серебряная колонна на зеленом холме с золотою капителью, увенчанною таковою же короною; колонна сопровождается двумя золотыми звездами о шести лучах. В вольной части — герб Московский. Щит увенчан серебряною башенною короною о трех зубцах. За щитом два накрест положенные золотые молотка, соединенные Александровскою лентою*». На наш взгляд, стремление Кёне «вложить» в герб всю важную, по меркам времени, информацию о Коломне в сочетании с удлинением постамента и капители обернулись утратой колонной динамизма и устремленности вверх, а в перспективе трудностями и грубыми ошибками в воспроизведении явно усложненной композиции.

Переходя к рассмотрению облика и сфер использования коломенского герба с середины XIX века до 1918 года, т.е. до введения советской символики (данный период определяется как третий, «классификационный», или «период Кёне»), укажем на заметно расширившийся корпус источников. Это произошло благодаря, главным образом, изысканиям и публикациям краеведов А.Е. Денисова, Л.Б. Рябковой, С.И. Самошина и Н.И. Шепелева. Сгруппируем источники по видам: 1) книги, 2) печати, 3) должностные знаки, медали, мундирные пуговицы 4) бланки торговых и сервисных заведений, 5) почтовые марки и жетоны, 6) украшения архитектурных памятников.

Большую ценность представляют входящие в группу «книги» фундаментальные справочные издания — «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год» (сост. П. П. фон-Винклер. СПб., 1900; 222 стр.) и «Гербы городов России: Альбом-справочник» (сост. Н.А. Соболева и др. М., 1998; 480 стр.). В книге Винклера приведены два черно-белых изображения коломенского герба (с описаниями) — по указам 1781 года и 1883 года; цвета герба переданы геральдической штриховкой. Точность копирования с рисунков, помещенных в «Полном собрании», и высокое качество печати обусловило широкое их использование как образцовых вплоть до настоящего времени. Что касается альбома-справочника, то здесь была воспроизведена цветная версия герба 1883 года, хорошо известная и тиражируемая сегодня.

Обращение к такому источнику как *печати* позволило определить полное отсутствие единообразия в гербовых рисунках. Если печати Коломенского уездного дворянского предводителя и Коломенского городского общественного М.Н. Шевлягиной банка содержали предписанные правилами Кёне новации, то в печати Дома призрения детей беднейших граждан г. Коломны основное изображение было дополнено только в вольной части губернским гербом, а в печатях местных нотариусов — короной над щитом. В свою очередь городская Управа, Коломенская мещанская Управа и больница купцов Кисловых и Шерапова заверяли документы печатями с гербом, лишенным дополнительных украшений. Та же непохожесть характерна для главных элементов гербовой композиции. Несколькими вариантами изображались: колонна (усеченный конус, укороченный столб), капитель (диск, черный сектор в верхней части столба, полный отказ от капители), корона (стилизации разного рода), земля (холм, плоскость, черта под постаментом), звёзды (шестилучевые одним лучом

*Печать Коломенского дворянского
предводителя. После 1883 г.
(Из коллекции А. Е. Денисова)*

*Печать Коломенской городской управы.
После 1870 г.
(Из коллекции А. Е. Денисова)*

вверх и пятилучевые с расположением по всей высоте щитового поля). Датировки печатей устанавливались по имеющимся надписям и рисункам с учетом сведений из краеведческой литературы. Исходя из этого, печати с признаками реформы Кёне отнесены на время после 1883 года, а относящиеся к городскому самоуправлению — после 1870 года, к мещанскому управлению — 1906 год, остальные к началу деятельности заведения. Интересно, что на обнаруженном в Коломенском городском архиве бланке больницы купцов Кисловых и Шерапова от 4 марта 1920 года использована дореволюционная печать, а в угловом штампе присутствует пометка «бывшей» перед фамилиями купцов-благотворителей. Сложно определить, где изготавливались штемпели и какими исходными рисунками пользовались мастера. Но очевидно отсутствие контроля за правильным, т.е. согласно официальному образцу, воспроизведением герба, да и заказчики, скорее всего, внимания на это не обращали.

Должностные знаки представлены Знаком члена Коломенской городской управы (изготовление датируется после 5 марта 1871 г.). Здесь, на лицевой стороне, гербовой щит под императорской короной располагается в овальной рамке, обрамленной двумя лентами с надписью в полукружьях «КОЛОМЕНСКИЙ ЧЛЕНЪ ГОРОД. УПРАВЫ». Гербовая колонна с постаментом в виде узкой полосы поднята к центру поля; её капитель в форме поперечного диска немного выступает за контур столба, а корона походит на многократно уменьшенную императорскую. Звёзды — пятиконечные, увеличенные и занимают всё поле между столбом и кромками щита. На оборотной стороне знака размещена фигурная рамка с датой принятия Городового положения — «16 ЮНЯ 1870 ГОДА». Как видим, изготовление знака (на монетном дворе, в Москве или Коломне?) сопровождалось серьезными отступлениями от рисунка герба первой половины XIX века, и можно предположить, что постоянное использование знака должностными лицами местного самоуправления объясняет и появление пятилучевых звезд в печати Коломенской городской управы, и похожесть герба на золотой медали Коломенской кустарной выставки 1903 года, и ко-

Знак члена Коломенской городской управы.
После 1870 г

рону в печатях коломенских нотариусов. То же влияние испытал, вероятно, и герб на *мундирной пуговице* (правда, здесь звезды шестилучевые одним лучом вверх).

Городской герб присутствовал на *бланках* некоторых действовавших в Коломне заведений. Так, на рецептурном бланке Коломенской городской аптеки при городской кисловской больнице и на чеке Коломенского городского общественного М.Н. Шевлягиной находился герб 1883 года (на чеке имелся и водяной знак-филигрань герба), а на бланке сче-

та типографии А.Б. Тембургского воспроизводились лицевая (с гербом) и обратная стороны медалей, которыми фирма была награждена «за художественные снимки». Те же медали, фактически превратившись в элемент постоянной рекламы, фигурировали на фотографиях, сделанных в стенах данного заведения.

Самый значительный массив источников — это *марки и жетоны* земской почты, функционировавшей на территории Коломенского уезда с 1 февраля 1870 года. Задача земской почты в целом состояла в доставке корреспонденции от государственных почтовых контор (отделений) до сельского жителя. Эта почта имела право выпуска собственных знаков оплаты, но при условии, что земские марки будут отличаться от государственных. Внешний вид таких марок разрабатывался исключительно по заказам земств, и поэтому художники, не связанные обязательствами копирования казённых образцов, создавали почтовые миниатюры, исходя из собственных эстетических представлений. Как следствие, земские марки (и жетоны) отличаются своей красочностью, разнообразием декоративных элементов, шрифтов, рамок (овальные, прямоугольные, квадратные, многоугольные, круглые) и способов обозначения номинала. Творческая фантазия художников не могла не затронуть и гербовые изображения, что можно наблюдать на примере коломенского герба.

По подсчётам Н.И. Шепелева, с 1871 по 1916 годы были изданы 58 видов марок коломенской земской почты. На всех марках щит располагался в центре и содержал основные элементы герба Коломны (звёзды отсутствовали на марке 1901 г). Но единообразие прослеживается только в изображении земли — плоской в оконечности. Остальные — воплощены в нескольких вариантах: щит — в трёх, постамент — в пяти, столб колонны — в шести, корона на колонне — в трёх, звёзды — в пяти (шестилучевых одним лучом вверх и с 1893 г. восьмилучевых), точки расположения звёзд — в трех, цветовой фон — в восьми вариантах. Примечательно, что капитель имитировалась или передавалась в виде сближенного с короной валика-диска. В описанном многообразии почтовых знаков заметно выделяются внешним оформлением марки 1892 года. Их выпуск был связан

с принятием нового Земского положения (1890), резко усилившего административное давление на земства. Косвенным образом это выразилось в щитовом рисунке, созданном по мотивам городского герба 1883 года. Колонну теперь венчала странного вида корона с пятью утончёнными зубцами и шариками на концах, за колонной (!) расположились накрест два молота, лишь отдаленно напоминающие версию Кёне; над щитом появилась большая императорская корона. И хотя такой герб более не повторялся, след его сохранился в виде изображения императорской короны на марках рубежа XIX–XX вв., включая выпуски 1914–1916 гг.

Следующий источник — *украшения архитектурных памятников* — весьма редок и по принадлежности обычно входит в декор зданий гражданского назначения. Но наш случай уникален — речь идет о мозаичном изображении герба Коломны, в составе гербов других российских городов, на фасаде храма Воскресения Христова (Спаса на крови) в С.-Петербурге (1907). К тому же присутствие здесь коломенского герба свидетельствует о пожертвованиях жителей города на возведение храма-памятника императору Александру II. Использование возможностей материала — смальты — сделало композицию яркой, контрастной и насыщенной красками. Вместе с тем, художники при изображении колонны и звезд отступили от официального образца 1883 года. Видимо, для получения светотеневого эффекта круглую в сечении колонну превратили в четырехгранную усеченную пирамиду с нишей по грани; то же произошло и с её пьедесталом. За счет чередования света и тени достигнута объёмность и плоскостных звёзд, и капители, и короны. Как следствие, эмблема обрела выразительность, и её составные части сохраняют четкость при наблюдении с большого расстояния.

Итак, обзор истории коломенской городской символики, приуроченный к 240-летию утверждения герба императрицей Екатериной II, свидетельствует, что выяснение обстоятельств создания и актового закрепления не должно оцениваться как повод к исчерпанию гербовой темы. Приведенные факты показывают, что точность воспроизведения гербовых образцов зависела как от области применения эмблемы, так и отношения к ней

Герб Коломны. Фасад храма
Спаса на крови. С.-Петербург (1907 г.)

«пользователей». В «знаменный» период знамена с гербом являлись символом подразделений Коломенского полка, которым отдавались соответствующие воинские почести. Поэтому качество копирования ротных знамен, горжетов, медных блях контролировалось командованием и оценивалось офицерами и рядовыми. Как следствие, искажения образца объясняются только техническими трудностями мастеров.

В «указный» период герб, формально предназначенный для городских нужд, на деле играл, от случая к случаю, представительскую роль в интересах губернских властей и высшего сословия. Он присутствовал в дворянских грамотах, мундирах, справочных книгах, торжественных подношениях и т.п. Внутригородское же его использование было минимальным. Спущенный свыше, он не являлся символом единения горожан и, вероятнее всего, был известен лишь коломенским чиновникам, а также узкому слою местных дворян и примыкавшего к ним богатого купечества. Это объясняет индифферентное отношение к облику герба и со стороны губернской верхушки, и со стороны городских обывателей.

Ситуация постепенно меняется в «классификационный» период с реформированием городского и земского самоуправления, развитием предпринимательства, активностью общественных организаций, распространением просвещения и повышением интереса жителей к истории родного края. Теперь герб присутствует на документах и должностных знаках местных управленцев, он «приходит» в дома коломенцев вместе с фотографиями, почтовыми марками, рецептурными бланками, платежными чеками и т.п. Отсутствие регламента использования герба и образцов-эталонов продуцировало вариативность воспроизведения городской эмблемы. Сказалась, видимо, и малая осведомленность горожан об истории и смысле герба. Справедливости ради подчеркнем, что всё описанное было не исключительно коломенским свойством, а характерно для начального этапа формирования локальных сообществ в России в целом, когда консолидирующие символы еще находились на этапе становления. Да и популяризировать такую эмблему в массах было сложно и негде при отсутствии и городских флагов как таковых, и традиций общегородских светских манифестаций (революционные демонстрации и церковные крестные ходы имели, разумеется, иные цели и атрибуты).

Что же касается перспективы изучения геральдических сюжетов, то пытливого и склонного к научному поиску читателя наверняка заинтересует степень применения герба в деятельности органов коломенского самоуправления XVIII–XIX вв. как отражение взаимоотношений имперской власти и провинции в конкретное историческое время. Немаловажным является и выяснение реализации представительского и рекламно-демонстрационного потенциалов герба в деятельности сословных, благотворительных, медицинских, спортивных, культурно-просветительских и профессиональных организаций, а также торговых, сервисных и финансовых заведений Коломны. И, наконец, реконструкция отношения её жителей к гербу как близкому и узнаваемому городскому символу позволит судить об уровне сформированности их самосознания в качестве членов локального сообщества и носителей местного патриотизма. Здесь залогом исследовательского успеха является привлечение новых источников в сочетании с переосмыслением уже имеющегося исторического материала.

Татьяна Константиновна Залата родилась в Москве.

Юрист, окончила Финансовый университет при Правительстве РФ.

С 2008 года увлекается краеведением по Ступинскому и Коломенскому краям. Также занимается популяризацией краеведения, запустив в 2009 году собственный проект в сети Интернет.

В 2012 году награждена Юбилейным Кульмским крестом «В ознаменование 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года и заграничных походов Русской Императорской армии в 1813-1814 гг.» В 2015 году занималась подготовкой списка воинов — участников Великой Отечественной войны, используемого в оформлении памятника, установленного силами меценатов в деревне Хомутово Ступинского городского округа в память 70-летней годовщины Победы.

Живёт в Москве, но часто бывает в Коломне.

ПЯТЬ БРАТЬЕВ ОЗЕРОВЫХ

Каждая семья — это судьбы разных людей. У матери и отца родились пятеро сыновей — и это пять разных судеб, пять разных людей, хотя и очень похожих друг на друга.

Самый младший из них — коломенский купец 1-й гильдии Алексей Семёнович Озеров. Наверное, нет в Коломне человека, которому не была бы знакома эта фамилия. Купец, потомственный почётный гражданин, губернский гласный от Коломенского уезда, уважаемый человек и благотворитель, он известен, конечно же, как довольно крупный промышленник, державший в городе водочный завод. Начало XX века эта семья встретила утратой — в октябре 1900¹ года Алексей Семёнович скончался, оставив после себя в том числе внушительный особняк в центре Коломны, а его дети и внуки унаследовали состояние потомственного почётного гражданина.

Но как начинал свой жизненный путь Алексей Семёнович Озеров, в какой семье, в каком городе?

Несмотря нажитые богатства и свойство с дворянским сословием (крёстной матерью² детей Озерова была их родная тётя Надежда Ивановна Небольсина³ — супруга рязанского гу-

¹ Архивный отдел Администрации городского округа «Коломна». Ф. 132. Оп. 1. Д. 62. Лл. 184 об. — 185.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3436. Л. 6.

³ См. Рындин, И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии, вып. 6, Т. 10 [Текст] / Под ред., с доп. Б.В. Горбунова; Рязанский областной институт развития образования. — Рязань: Изд-во «Узорочье», 2011.

бернского секретаря, по крови же дочь купца, сестра супруги Озерова⁴), Алексей Семёнович происхождение имел самое скромное: не аристократическое, не торговое и даже не мещанское, а... крестьянское.

В деревне Жадимирово Ростовского уезда Ярославской губернии жили крестьяне Озеровы. Некогда крестьяне этой и окрестных деревень принадлежали Борисоглебскому монастырю города Ростова, а затем стали государственными крестьянами.

Предприимчивые Озеровы держали в Жадимирово собственное красильное заведение⁵. Но этот бизнес был начат, очевидно, не Алексеем Семёновичем, а его дядей Иваном Петровичем (около 1790 — после 1858). Предположительно, и отец купца Озерова Семён Петрович (1794 — после 1866) имел отношение к этому семейному бизнесу.

Семён и Иван Озеровы жили одним двором⁶, пока Семён Петрович не покинул Жадимирово (произошло это, судя по исповедным ведомостям, не позднее 1863 года⁷).

Бизнес перешёл к Фёдору Ивановичу Озерову (1821 —?) — по словам ростовского краеведа Л.Ю. Мельник, это было единственное красильное заведение в 1880-х гг. в Ростовском уезде; «печать рисунка на ткани осуществлялась «при помощи вала, помещённого в особый снаряд, известный под названием перротины»⁸».

Озеровы в красильне работали сами, работница у них была всего лишь одна. Сбытом также занимались сами⁹.

Красильня оказалась промышленным должжителем: по свидетельству Л.Ю. Мельник, сохранился документ от 1910 года, «рассказывающий об одном из крупнейших красильных заведений края»¹⁰.

Очень может быть, что именно это заведение и принесло крестьянину С.П. Озерову первый капитал, который позволил ему записаться в ростовское купечество в начале 1860-х гг. Он был купцом 3-й гильдии, в составе его купеческого семейства на 1863 год указаны сыновья Александр, Егор, Алексей и сын Александра Николай¹¹.

⁴ См. у Залата, Т.К. Генеалогия семьи Озеровых [Текст] / Т.К. Залата. — Девятые открытые Абакумовские чтения: сб. статей Всероссийской научно-творческой конференции / сост. Г.В. Дроздова — Коломна: Культурный центр «Дом Озерова»: 2019. — С. 81.

⁵ Мельник, Л.Ю. Кустарные промыслы Борисоглебских слобод: Окраска тканей / Л.Ю. Мельник. — «Ростовский кремль» — музей-заповедник [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.rostmuseum.ru/museum/blog/blog_210/?sphrase_id=2675, свободный. (Дата обращения: 17.01.2020.).

⁶ ГАЯО. Ф. 100. Оп. 8. Д. 2646. Л. л. 377 об. — 379.

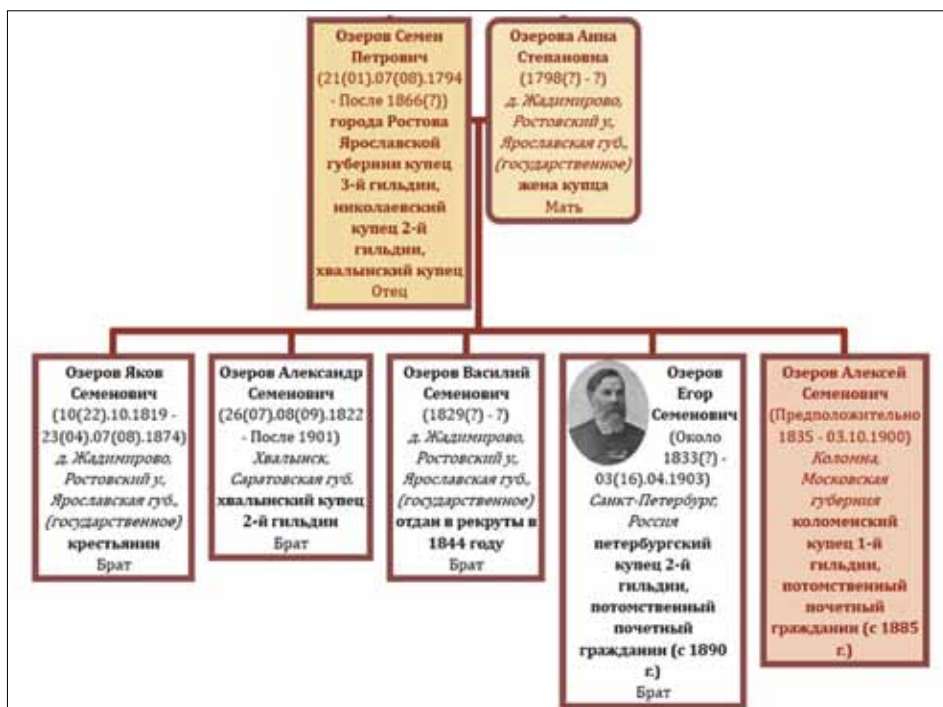
⁷ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1 т. 1. Д. 1303. Л. л. 200-200 об.

⁸ Мельник, Л.Ю. Кустарные промыслы Борисоглебских слобод: Окраска тканей / Л.Ю. Мельник. — «Ростовский кремль» — музей-заповедник [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.rostmuseum.ru/museum/blog/blog_210/?sphrase_id=2675, свободный. (Дата обращения: 17.01.2020.).

⁹ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 850. Л. л. 113 об. — 114.

¹⁰ Мельник, Л.Ю. Кустарные промыслы Борисоглебских слобод: Окраска тканей / Л.Ю. Мельник. — «Ростовский кремль» — музей-заповедник [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.rostmuseum.ru/museum/blog/blog_210/?sphrase_id=2675, свободный. (Дата обращения: 17.01.2020.).

¹¹ ГАЯО. Ф.100. Оп.8. Д.3139. Л. 3 об.

Семья С. П. Озерова. Авторская разработка

И уже в середине 1860-х годов в городе Николаевске Самарской губернии (сейчас — город Пугачёв) Семён Озеров был записан в купечество 2-й гильдии¹².

Чем он торговал — пока остаётся только догадываться.

Но торговля, купеческие гильдии и капиталы — это всё потом. А до того, как стать купцом, Семён Петрович Озеров обвенчался в 1818 году в Троицкой церкви села Введенское Ростовского уезда с Анной Степановной (из прихода села Ивановское, что на Лехти), от которой впоследствии родится пятеро сыновей. Трое из них станут купцами.

Судьбы их и похожи, и отличаются. Все они (или почти все; метрическая запись о рождении Алексея Семёновича Озерова пока не обнаружена) родились в Жадимирово, впоследствии разъехались по разным городам и губерниям, но связь друг с другом всё же не теряли, о чём и будет рассказано далее.

Начнем со старшего, Якова Семёновича Озерова (1819-1874). Его история кажется самой незатейливой. Всю свою жизнь он прожил в Жадимирово и был крестьянином, в торговле и купечестве не замечен. Судя по данным из исповедных ведомостей, на заработки он не отлучался.

Зато на заработки ещё с юности отлучался его старший сын Олимпий Яковлевич Озеров (1852 —?).

Согласно переписным листам Всероссийской переписи 1897 года, Олимпий Яковлевич работал конторщиком на винном заводе в Коломне¹³.

¹² ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 7. Л. 316.

¹³ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 850. Л. 133 об., л. 134.

Олимпий Яковлевич Озеров с первой женой Феоктистой Андреевной

После скоропостижной кончины первой супруги Феоктисты Андреевны (1857-1897) Олимпий Яковлевич женился вторично. И если Феоктиста Андреевна была уроженкой Ростовского уезда, то вторая супруга была уже из Коломны, и жила она в Запрудах — её звали Варвара Борисовна Кочергина¹⁴.

Очевидно, Олимпий Яковлевич в Коломну взял своего младшего брата — Якова Яковлевича Озерова (около 1862 — после 1894). В списке лиц, сделавших пожертвования «Обществу вспомоществования недостаточным учащимся», организованному в Коломне в 80-е гг. XIX века¹⁵, автором книги «Коломенские

благотворители» Л.Б. Рябковой среди жертвователей указаны А.С. Озеров и Я.Я. Озеров¹⁶. Известно, что Яков Озеров, по крайней мере до 31 года, был холост и бездетен¹⁷.

А вот у старшего племянника А.С. Озерова Олимпия Яковлевича были дети и во втором браке. При этом известно, что у Варвары Борисовны Кочергиной было трое детей, вероятно, некоторые из них — от первого брака.

Так, среди награждённых в 1946 году медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» мы увидим заместителя директора Коломенского мотороремонтного завода Алексея Олимпиевича Озерова¹⁸.

А в учётно-послужной картотеке офицеров на сайте «Память народа» встретим лейтенанта Алексея Олимпиевича Озерова, родившегося 9 августа 1900 года¹⁹. Очевидно, Алексей Олимпиевич родился после смерти

¹⁴ Согласно сведениям от сотрудников культурного центра «Дом Озерова», г. Коломна.

¹⁵ Рябкова, Л.Б. Коломенские благотворители: научно-популярное издание [Текст] / Л.Б. Рябкова. — Коломна: Издательский дом «Лига», 2009. — С. 79.

¹⁶ Там же, с. 80.

¹⁷ Филиал ГКУ ЯО ГАЯО в г. Ростове. Ф. 372. Оп. 1. Д. 263. Л. 7 об.

¹⁸ Онлайн база коломенцев, награждённых медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://kolomnapomnit.ru/#db>, свободный. (Дата обращения: 21.05.2020.).

¹⁹ Озеров Алексей Олимпиевич. — Память народа [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer9773545/, свободный. (Дата обращения: 20.05.2020.).

Алексей Олимпиевич Озеров

первой супруги Олимпия Яковлевича, что дает возможность предполагать, что это либо родной сын от Варвары Борисовны (Кочергиной), либо усыновлённый ребенок от первого брака Варвары Борисовны.

На проекте «Дорога памяти» также зафиксирована информация и о Николае Олимпиевиче Озерове — он был старшим лейтенантом²⁰. В этом источнике в качестве года рождения Николая Олимпиевича указан 1895 год, что может указывать на то, что для Олимпия Яковлевича этот ребенок был не родной, а усыновлённый.

Известно, что Николай Олимпиевич работал агрономом в доме отдыха «Северское» под Коломной²¹.

Так, через Коломну, протянулась связь между двумя братьями Озеровыми — самым младшим Алексеем и самым старшим Яковом.

Второй по старшинству брат — Александр Семёнович Озеров (1822 — после 1901). Вместе с отцом он состоял сначала в купечестве города Ростова, а позднее сам стал купцом 2-й гильдии города Хвалынска Саратовской губернии²².

В материалах Государственного архива Саратовской области сохранилась запись от 1901 года об этой семье: Александр Семёнович Озеров —

²⁰ Герой Озеров Николай Алимпиевич. — Дорога памяти — галерея фотографий участников Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://foto.pamyat-naroda.ru/detail/-1080200747>, свободный. (Дата обращения: 10.05.2020.).

²¹ Согласно сведениям от сотрудников культурного центра «Дом Озерова», г. Коломна.

²² Подробнее см. у Залата, Т.К. Генеалогия семьи Озеровых [Текст] / Т.К. Залата. — Девятое открытые Абакумовские чтения: сб. статей Всероссийской научно-творческой конференции / сост. Г.В. Дроздова — Коломна: Культурный центр «Дом Озерова»: 2019. — С. 81.

78 лет, сын Михаил — 32 года, жена Михаила Екатерина — 26 лет, их дети: Борис — 7 лет, Алексей — 5 лет, Юлия — 4 года²³.

Есть довольно смелое предположение, что Борис Михайлович Озеров участвовал в Первой мировой войне.

Данное предположение вытекает из информации о письме некоего прапорщика 4-го стрелкового Сибирского полка Е.М. Озерова²⁴ (*вероятно, в отчестве допущена ошибка или опечатка. — Залата Т.К.*) Екатерине Озеровой в г. Хвалы́нск. Текст письма содержится в Отчёте старшего военного цензора:

«На некоторых участках немцы отступают, а скоро, наверно, и везде отступят. Скоро или нет кончится война, но победа несомненно на нашей стороне. Что Болгария против нас, это не особенно важно, мы ей дадим понюхать перцу»²⁵.

Действительно, 20 февраля 1915 года некий Озеров (очевидно, Борис) по Хвалы́нскому уезду был произведен прапорщиком в 134-й запасной пехотный батальон²⁶.

В фондах РГВИА также отражена информация о награждениях поручика Бориса Озерова, служившего в 4-м Сибирском стрелковом полку, призванного из запаса, 15 декабря 1916 года Орденом Святой Анны IV-й степени (Аннинское оружие с надписью «За храбрость»)²⁷, 1 января 1917 года Орденом Св. Станислава III степени²⁸, 14 февраля 1917 года Орденом Святой Анны III степени (с мечами и бантом)²⁹.

Семья Александра Озерова принимала активное участие в благотворительной и общественной деятельности города Хвалы́нска. Например, его

²³ См. ГАСО. Ф.831. Оп. 1. Д. 25. Информация любезно предоставлена А.В. Наумовым.

²⁴ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 498. Л. 50-53 об. (цит. по Воронежцев А.В. Из истории военной цензуры в период первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии) / А.В. Воронежцев. — Открытый текст: электронное юридическое издание [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/dorev/libraries/book/?id=1308>, свободный. (Дата обращения: 22.01.2019.)

²⁵ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 498. Л. 50-53 об. (цит. по Воронежцев А.В. Из истории военной цензуры в период первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии) / А.В. Воронежцев. — Открытый текст: электронное периодическое издание [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/dorev/libraries/book/?id=1308>, свободный. (Дата обращения: 22.01.2019.)

²⁶ Приказ Его Императорского Величества от 29 сентября 1915 года // Высочайшие приказы о чинах военных 1915 г., 1 сентября [Текст] / Россия. Военное министерство. — [Санкт-Петербург]: [б. и.], 1915. — Л. 9.

²⁷ Озеров Борис.: Документы о награждениях. — Портал «Памяти героев Великой войны 1914-1918 годов» [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50148752/, свободный. (Дата обращения: 20.01.2019.)

²⁸ Озеров Борис.: Документы о награждениях. — Портал «Памяти героев Великой войны 1914-1918 годов» [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50041613/, свободный. (Дата обращения: 20.01.2019.)

²⁹ Озеров Борис.: Документы о награждениях. — Портал «Памяти героев Великой войны 1914-1918 годов» [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50202741/, свободный. (Дата обращения: 20.01.2019.)

сын Михаил был одним из директоров Хвалынского уездного отделения Комитета попечительного общества о тюрьмах³⁰.

Купцом Александром Озеровым в собор Казанской иконы Божией Матери города Хвалынска была пожертвована напольная Голгофа. По свидетельству историка А.В. Наумова, из записи на её тыльной стороне можно прочесть: «...в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре Алексеем Бурдунином под присмотром иеромонаха Симеона. Окончен 5 августа 1877 г. Пожертвовал в Казанский собор купец Александр Семёнович Озеров»³¹.

А в доме Озеровых в Хвалынке на Миллионной улице был открыт земский аптекарский склад³².

Василий Семёнович Озеров (1829 —?) — третий брат. О нём будет написано меньше всего. Судьба его оказалась проста и, вероятно, трагична: в 1844 году его забрали в рекруты, и после этого больше о нём никаких упоминаний нет. Вероятно, после службы он не вернулся, а может, всё же вернулся, но жил уже не в Жадимирово.

Егор Семёнович Озеров (около 1833-1900) — почти что самый младший брат (младше только коломенский Озеров). Очень может быть, что два самых младших брата были очень похожи друг на друга: оба купцы, оба потомственные почётные граждане, у одного дом в Коломне, у другого — не в Коломне, но на Коломенской улице, однако, в одном доме сейчас действует культурный центр, а в другом — театральный... Впрочем, обо всём этом далее.

Именно благодаря Егору Семёновичу удалось разыскать историческую родину коломенского купца Озерова, поскольку в деле о потомственном почётном гражданстве Е.С. Озерова³³ приводится выпись из метрической книги о его браке с Евдокией Петровной Аляпышевой — и по счастливой случайности в брак Егор Семёнович вступил будучи ещё государственным крестьянином деревни Жадимирово, в отличие от брата Алексея, который женился уже будучи ростовским купеческим сыном³⁴.

Егор Семёнович был купцом 2-й гильдии города Санкт-Петербурга, начиная с 1867 года (с 1865 г. по 1867 г. — временный купец³⁵).

³⁰ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 год [Текст] / Издание Саратовского губернского Статистического комитета. — Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1900. — С. 314.

³¹ Наумов, А.В. От Покрова до Крестовоздвижения. История одного храма [Текст] / А.В. Наумов. — Саратов: Полиграфическая компания «Эль-Принт», 2017. — С. 43.

³² Журналы Хвалынского уездного земского собрания сессии 1901 года: [с приложением докладов, отчетов, смет и других материалов Хвалынской уездной земской управы] [Текст]. — Хвалынк: Тип. А.М. Голомшток, 1902 — С. 25.

³³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 3737. Л. 5 об.

³⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3436. Л. 7.

³⁵ Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1-5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия на 1869 год [Текст] / Санкт-Петербургская купеческая управа. — СПб.: тип. Ю. Вигандта, 1869. — С. 181.

Егор (Георгий) Семёнович Озеров

В 1865 году на Коломенской улице в городе Санкт-Петербурге был построен дом по его заказу³⁶. В этом доме Егор Семёнович и жил с супругой.

Сейчас в этом доме находится Санкт-Петербургский театральный центр на Коломенской³⁷.

Е.С. Озеров в этом доме не только жил, но и содержал собственное заведение — котельную мастерскую (завод паровых котлов).

Е.С. Озеров являлся членом совета Общества попечения о приходских бедных при Ямской Церкви Воздвижения

Честного и Животворящего Креста Господня.

Сохранилась фотография Егора Семёновича Озерова — на сегодняшний день единственная известная нам фотография кого-то из братьев Озеровых. Фотоснимок помещён в статье о Церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня на углу Лиговки и Обводного канала в издании «Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси» 1909 года³⁸.

Под фотографией подписано, что Е.С. Озеров скончался 3 апреля 1903 года, но эта дата ошибочна, так как запись о смерти произведена в метрической книге Крестовоздвиженской Ямской церкви г. Санкт-Петербурга за 1900 год. Егор Семёнович Озеров погребён на Волковском православном кладбище³⁹.

Ещё символичнее просматривается связь между двумя самыми младшими братьями благодаря тому, что Егор и Алексей Озеровы ушли с разницей ровно в семь месяцев: Егор — 3 апреля (по старому стилю), а Алексей — 3 октября (ст. стиль) 1900 года.

Петербургский краевед А.С. Дубин в своей книге «Коломенская улица: исторический очерк» утверждает, что «Озеров семьи и прямых наследников не имел»⁴⁰.

³⁶ Особняк Е.С. Озерова, архитектор Бульери Л.Ф., Коломенская ул., 43. — Архитектурный сайт Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house5405.html>, свободный. (Дата обращения: 27.11.2019.).

³⁷ Там же.

³⁸ Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Часть II/С.-Петербургская епархия. — Санкт-Петербург: тип. Уч-ща глухонемых вед. учр. имп. Марии, 1908. — С. 128. Обнаружить эту фотографию помогла публикация Элеоноры Трусовой (пользователь «Элеонора») на сайте <http://www.citywalls.ru/>.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.127. Д.1007. Л. 186 об.

⁴⁰ Дубин, А.С. Коломенская улица. Исторический очерк [Текст] / А.С. Дубин. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. — С. 168.

Феодоръ Львовичъ
Аляпышевъ.

Котельное заведение

(бывшее Г. С. Озерова).

Существуетъ съ 1857 года.

С.-Петербургъ, Лиговская ул., д. № 249.

Фёдор Львович Аляпышев

При этом автор полагает, что «Е.С. Озеров, не имея прямых наследников, завещал свое имущество, дом 43 Е.И. Кожевниковой»⁴¹.

Евдокия Ивановна Кожевникова — купчиха, потомственная почётная гражданка, состояла вместе с Е.С. Озеровым в Обществе вспомоществования бедным при Крестовоздвиженской церкви на Лиговской улице⁴².

Предположительно, единственной наследницей Е.С. Озерова была его вдова, которая, вероятно, дом продала Кожевниковой, а сама приобрела недвижимость на Лиговской улице (сейчас Лиговский проспект).

В 1910 году на этом участке (Лиговский проспект, 249) был возведён доходный дом⁴³.

Известно, что у четы Озеровых была дочь Ольга (1856 —?).

После смерти Е.С. Озерова производство унаследовал Фёдор Львович Аляпышев — родной племянник вдовы Е.П. Озеровой⁴⁴.

Об этом прямо свидетельствует реклама котельного заведения, располагавшегося уже на Лиговской улице, 249, где было указано, что это бывшее заведение Г.С. Озерова (Георгия Семёновича Озерова)⁴⁵.

⁴¹ Там же, с. 169.

⁴² Там же, с. 168.

⁴³ Доходный дом Е.П. Озеровой — Гостиница «Сити Отель Комфителъ — Прима». — Архитектурный сайт Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house7891.html>, свободный. (Дата обращения: 08.02.2020.). Также см. Векслер, А. Ф., Крашенинникова, Т.Я. Такая удивительная Лиговка / А.Ф. Векслер, Т.Я. Крашенинникова. — Санкт-Петербург: Изд-во «Центрполиграф», 2013. — 591 с.

⁴⁴ См. Доходный дом Е.П. Озеровой — Гостиница «Сити Отель Комфителъ — Прима». — Архитектурный сайт Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house7891.html>, свободный. (Дата обращения: 01.12.2019.).

⁴⁵ См. там же, публикация пользователя «Элеонора».

В справочной книге о купцах и лицах, получивших свидетельства на торговые и промышленные предприятия на 1904 год, мы видим запись о крестьянине деревни Бурмакиной Ростовского уезда Ярославской губернии Фёдоре Львовиче Аляпышеве, которому на тот момент было 47 лет, содержащем завод паровых котлов на основании свидетельства, выданного в 1901 г.⁴⁶ До момента смерти дяди Е.С. Озерова Фёдор Аляпышев работал на этом заводе⁴⁷.

Достоверно известно, что Евдокия Петровна Озерова (Аляпышева) в последние годы жизни состояла в благотворительном обществе в с. Вожащниково Ростовского уезда. В отчёте этого общества на 1910 и 1911 годы Евдокия Петровна числится как пожизненный, но на тот момент уже умерший член общества⁴⁸.

Можно ещё немало рассказать о семье Алексея Семёновича Озерова, о его братьях и отце.

Тема отдельного разговора — семья его дяди Ивана Петровича, чьи потомки теперь живут в Воронеже: правнук двоюродного брата коломенского купца Леонид Александрович Озеров (1913-2001) во время войны был старшиной и имел славное боевое прошлое, а в мирное время был заместителем декана химического факультета Воронежского государственного университета и мастером спорта СССР по городошному спорту⁴⁹.

Но это всё уже совсем другая история.

⁴⁶ Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших на 1904 г. сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1-5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия [Текст] / Санкт-петербургская купеческая управа. — Санкт-Петербург: тип. СПб Градоначальства, 1904. — С. 15.

⁴⁷ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 817. Лл. 63 об., 64.

⁴⁸ Вожащниковское приходское благотворительное общество. Ростовский уезд. Отчет Приходского благотворительного общества в селе Вожащникове Ростовского уезда за 1910 и 1911 гг. [Текст] / Вожащниковское приходское благотворительное общество. Ростовский уезд. — Ростов-Ярославский, 1912. — С. 18.

⁴⁹ Клуб «Память» Воронежского государственного университета (к 25-летию клуба) / Воронеж. гос. ун-т; сост. В.Ф. Селеменев [и др.]. — Воронеж: ВГУ, 2005. — 60-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается. — Google книги [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=tE3zAAAAMAJ&q>, свободный. (Дата обращения: 03.02.2020.).

Валерий Ярхо

ГОЛУТВИНСКИЕ ИСТОРИИ

(несколько эпизодов из жизни
коломенского вокзала)

Валерий Альбертович Ярхо родился в Коломне в 1964 году. Известный литератор и краевед. Его юмористические и детективные рассказы широко публиковались как в центральной, так и в местной периодике. В творчестве Ярхо удачно сочетаются художественная проза, научный поиск, «архивный детектив». Он автор нескольких объёмных монографий, посвящённых светской и церковной истории Коломенского края.

Награждён литературной медалью И.И. Лажечникова. Постоянный автор «Коломенского альманаха». Как лучший автор этого издания в 2019 году награждён Золотым дипломом и премией им. И.И. Лажечникова.

Почему вокзалов два

Официальное открытие движения на линии железнодорожного пути между Москвой и Коломной было подробно описано в «Московских ведомостях» за 1862 год. 20 июля, в Ильин день, после торжественного молебна от дебаркадера Рязанского вокзала отошёл поезд со многими начальствующими и причастными к строительству дороги лицами, а также и почётными гостями, приглашёнными на это торжество.

По прибытии в Коломну были произведены все положенные ритуалы открытия, после чего на станции был дан торжественный обед. К тому времени вокзал ещё построен не был, и где именно было сервировано застолье, не ясно.

Первое упоминание вокзала в Голутвине появилось только спустя два года. 4 сентября 1864 года в его стенах состоялся банкет, которым отмечалось открытие движения по мосту через Оку и далее на Рязань. Корреспондент «Московских ведомостей» так описал это событие: «*Прибывших московских гостей уездный город встретил торжественным водосвятным молебном, с кроплением святой водой состава и новенького здания железнодорожного вокзала, открывшегося в тот день. В помещениях вокзала был сервирован роскошный парадный обед, за которым было поднято несколько приличествующих случаю тостов. По окон-*

чанию торжеств, уже поздно вечером, поезд с гостями отправился обратно в Москву. На другой день дорога была открыта для публики».

Голутвинский вокзал выглядел очень импозантно. Его фасады формировались рядом больших торжественных арок. На стороне, обращённой к городу, находился узорный козырёк, который поддерживали две нарядные металлические колонки. Но официальными воротами города стал не он, а гораздо более скромный в архитектурном смысле вокзал станции «Коломна», построенный на несколько лет позже.

Официальные лица всегда прибывали только на станцию «Коломна», которая считалась принадлежавшей городу. Куда как более благоустроенный и авантажный вокзал станции «Голутвин» находился вне городской черты, то есть в уезде. Поэтому на голутвинский перрон не сходили ни императоры, ни генерал-губернаторы, ни церковные иерархи.

* * *

Тот факт, что у сравнительно невеликой по размерам Коломны появилось целых два вокзала, сформировал краеведческую загадку, живо обросшую мифами. Вернее, миф-то был один, но чрезвычайно живучий, а уж от него пошли разные ответвления.

Началось же всё с того, что некий анонимный журналист¹ был послан газетой «Московские ведомости» освещать торжества, связанные с открытием движения поездов на всем протяжении пути от Москвы до Рязани. Побывав в Коломне, сей виртуоз наёмного пера, наскоро собрав местные слухи, отразил их в статье. Она вышла в № 189 за 1864 год, припечатав коломенских «отцов города» следующим образом:

«Правление Московско-Рязанской железной дороги обратилось к коломенскому городскому самоуправлению с просьбой продать клочок земли близ Коломны для вокзала. Отцы города изъявили на это своё согласие и назначили за землю баснословную цену, от которой уступать не желали. Правлению железной дороги ничего не оставалось делать, как оставить Коломну без вокзала. Последний был выстроен в Голутвине, отстоящем от города в 5 верстах.

Дорога туда лежала мимо зловонных боен и глубокого оврага. В овраге быстро появились рыцари ночи и стали грабить проезжающих пассажиров. Начались неудовольствия и жалобы жителей Коломны на городское самоуправление. Отцы города, поняв, что попали впросак, чтобы выйти из неловкого положения, вынуждены были покорнейше просить Правление Московско-Рязанской железной дороги намеченную городскую землю близ Коломны взять бесплатно и построить на ней вокзал».

Злосчастная публикация «Московских ведомостей» на долгие годы стала главным источником сведений в истории с вокзалами. Автор же, отливая эту «пулю», был уверен, что поражал верную цель, радея о благах прогресса и либерализма. Такая трактовка событий импонировала «просвещённому обществу». Подобное настроение было столь сильно,

¹ Предположительно, это был «прогрессивный журналист» Иван Прыжов, позже осужденный по «Нечаевскому делу», как лицо причастное к убийству студента Иванова.

что позволило проигнорировать публикацию в № 232 тех же «Московских ведомостей».

Письмо было подписано коломенскими купцами Буфеевым, Василием Шапошниковым, Анисимом Лебедевым, Иваном Лаптевым, Иваном Бочарниковым и Емельяном Добычиным, в адрес которых, собственно говоря, и была обращена претензия автора «истории с вокзалами».

В обширном письме вполне аргументированно опровергалось обвинение в желании «сорвать куш» и прочие утверждения, основанные на вздорных слухах. Со слов коломенских граждан, подтверждаемых документами, **не дорога** предлагала построить станцию поближе к городу, а **Градское общество**²! Ещё в 1860 году, когда только планировалось строительство трассы Москва-Саратов, оно обратилось в Управление железной дороги с просьбой провести линию как можно ближе к Коломне и построить вокзал на удобном для горожан месте.

Просьбу подкрепляли обещанием пожертвовать под линию дороги и вокзал участок принадлежавшей городу земли безвозмездно.

Для этого следовало получить дозволение на акт передачи земли в руки Управления дороги от губернских властей, а вот тут-то и возникла главная заковыка... Вместо утверждения приговора коломенской городской Думы из Москвы пришла бумага, в которой «настоятельно требовалось» предоставить объяснения: на основании каких таких законов городское самоуправление собирается бесплатно отдать городскую землю Управлению железной дороги?

Между городскими властями и губернскими инстанциями завязалась оживлённая переписка, которая изрядно затянулась, а между тем дорога строилась под руководством инженера фон-Мекка втрое быстрее намеченного. Вот уж действительно это было прогресс! Вместо предполагавшихся шести лет строители дороги управились за два года. В 1862 году, когда переписка об участках городской земли была в самом разгаре, железнодорожная линия уже миновала город, пройдя по его окраине, известной с давних пор как Гончары, через слободу Митяево и село Боброво.

² Градское Общество — один из органов городского самоуправления, учрежденных по указу императрицы Екатерины Великой в 1785 году, которым город определялся как собственно юридическое лицо, особую общину, имеющую свои права и нужды. Систему органов городского самоуправления составляли «Общая городская Дума», «Шестигласная городская Дума» и «Градское Общество». Участвовать в деятельности Градского Общества мог любой горожанин, достигший 25-летнего возраста и владевший капиталом, приносящим не менее 50 рублей дохода в год. Такой доход мог приносить капитал около 5 тысяч рублей, что и определяло имущественный ценз. При таком принципе отбора членами Градского Общества в основном становились горожане, принадлежавшие к купеческим гильдиям и высшим слоям ремесленных цехов. Эти люди, в подавляющем большинстве своем, состояли из семейных кланов коломенских старожилов, связанных между собой кровным или духовным родством, а также взаимными деловыми интересами. На своих собраниях члены Градского Общества избирали городского голову, старост и других представителей административно-судебной власти городского самоуправления. То есть, Градское Общество фактически формировало органы самоуправления, а его лидеры имели большое влияние на все сферы общественной и хозяйственной жизни Коломны.

Вокзал «Голутвин»

Не получив от городских властей участка земли, как об этом улаивались прежде, Управление решило построить вокзал, выкупив участок между селом Боброво и Старо-Голутвиным монастырем, недалеко от берега Оки. Там уже была устроена пристань для перегрузки товаров с речных барок в грузовые вагоны³.

326

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

* * *

В своём письме члены коломенской Думы сетовали, что законами они связаны по рукам и ногам, не имея возможности распорядиться городским имуществом без дозволения губернских властей. А власть, плохо зная местные обстоятельства, прежде чем вынести окончательное решение, требовала огромное количество справок и объяснений.

Тем не менее, даже упустив возможность построить вокзал возле города сразу, городские власти не опустили руки. Они продолжили настойчиво бомбардировать губернское начальство просьбами о разрешении выстроить вблизи от города пассажирскую и товарные платформы.

Город соглашался на гораздо большие пожертвования, чем прежде. Кроме 4 десятин земли под постройку, Градское общество предлагало ещё капитал в 10 тысяч рублей! Больше того, коломенцы принимали на себя обязательство в течение 25 лет за каждый билет, купленный до Коломны или от Коломны, платить дополнительные 10 копеек с тем, чтобы эти деньги шли в пользу дороги.

Этот вариант пожертвования был одобрен осенью 1864 года, и в № 258 газеты «Московские ведомости» было опубликовано письмо купеческого сына Емельяна Добычина. Там описывалось, как 10 ноября 1864 года

³ Изначально этот участок дороги и затевался для создания перегрузочной станции с речных барок в железнодорожные составы.

известие о разрешении передать дороге землю и начать строительство было получено в городе.

В тот же день около пяти часов вечера всё коломенское купечество и мещанство было приглашено в городскую Думу. На общем собрании было зачитано разрешение строить пассажирскую и товарную платформы на условиях, предложенных городом. Тогда же единогласно решили собрать капитал по подписке среди присутствующих. Всего за два часа было собрано более 8788 рублей. Каждый дал, кто сколько мог: кто-то внес целую тысячу, а кто-то всего пятёрку мелочью. Так дело с вокзалом сдвинулось с места, и вскоре платформы, пакгаузы, вокзал и строения вокруг были готовы. Они и сейчас остались там же и большей частью теми же самыми какими их построили в XIX веке.

Новый уклад жизни

До построения железной дороги поездка в Москву из Коломны в почтовом дилижансе, ямщицкой тройке или тарантасе занимала 2-3 дня и обходилась пассажиру от 15 до 20 рублей. Поезд по железной дороге покрывал это же расстояние часов за 6-8, и билет на него стоил в несколько раз дешевле.

С появлением железной дороги в Москву стали ездить не только по делам и надолго, а и просто так, на денёк, «чтобы развеяться». Из Коломны уезжали ранним утренним поездом. К обеду прибывали в Первопрестольную. Гуляли, обедали в хорошем ресторане, совершали покупки в магазинах, а вечером шли в театр. После театра ехали на Рязанский вокзал⁴, немного кутили в тамошнем ресторане и полуночным поездом отправлялись домой, прибывая в Коломну рано утром.

Впрочем, чтобы как-то разнообразить пресноватую уездную жизнь, даже ездить куда-то стало не нужно. У коломенцев появилась забава, вроде той, что показана в популярном фильме «Безымянная звезда». Его персонажи — жители маленького румынского городка — каждый день собирались на вокзале к моменту прохода поезда, везшего богатую публику из столицы на модный морской курорт.

Посещение вокзала для коломенцев было своего рода приключением. Ведь до самых 20-х годов прошлого века город заканчивался около Петропавловского кладбища⁵. Между городом Коломной и селом Боброво, к которому примыкал привокзальный район, простиралось чистое поле, местами засаженное огородами. Через поля пролегало Рязанское шоссе, по которому надо было проехать на извозчике больше трех вёрст, но, как считали горожане, — «оно того стоило».

* * *

Паровозы брали на станции «Голутвин» воду, а потому остановка поездов получалась долгой. Пассажиры выходили из вагонов, гуляли по перрону, заходили в вокзал, где к их услугам был «буфет 1-го класса

⁴ Теперь это Казанский вокзал

⁵ Это нынешний Мемориальный парк

с подачей горячих блюд». Там можно было хлопнуть «по маленькой», закусить, а то и отобедать или отужинать. Время позволяло.

По железной дороге ездило много «чистой публики», людей с деньгами. Они были готовы платить, однако требовали не только хорошего качества еды и напитков, но и достойного обхождения, ловкого и скорого обслуживания. Содержатели буфетов и ресторанов, арендовавшие помещения в вокзалах, старались всё устроить как можно лучше, чтобы угодить требовательным посетителям.

Обычно ближе к вечеру, когда на станцию «Голутвин» прибывали «интересные поезда»⁶, туда из Коломны подъезжали компании для развлечения на свой лад. Платформы голутвинского вокзала играли для них ту же роль, что бульвары больших городов или набережные приморских курортов. Выходило даже интереснее! В то «жюльверновское» время технический прогресс был в большой моде, и где же ещё, как не на большой железнодорожной станции, можно было рассмотреть всякие технические новинки?! Ну, а вообще по вокзальному перрону просто приятно было фланировать туда-обратно. Гуляющие рассматривали поезда, пассажиров, заводили случайные знакомства, вступали в непринужденные разговоры. Общались. Смотрели на людей и себя показывали.

Люди серьёзные и солидные, озабоченные делами, зависевшими от игры биржевых курсов и решений властей, норовили обзавестись свежими московскими и питерскими газетами. На вокзале они появлялись раньше, чем в городе⁷.

Погуляв по платформе, вдоволь поглазев на проезжающих и проводив поезда, коломенцы заходили в буфет, который для них был аналогом московских «загородных ресторанов». Кутёж в этом заведении также был неотъемлемой частью программы развлечений.

По свидетельству очевидцев

В самом конце XIX столетия на деньги основателя Коломенского машиностроительного завода Аманда Струве и директора завода Антона Лессинга в Боброво выстроили театр⁸. Скоро он превратился в настоящий культурный центр для всей округи. При заводском театре открылась читальня с богатым выбором книг, газет и журналов. Из заводских рабочих и служащих сложилось два хора, любительская драматическая труппа и великолепный духовой оркестр, который летом играл на танцевальной площадке подле театра.

Поблизости от Бобровского театра было футбольное поле, которое зимой заливали под каток для игры в русский хоккей и массовых катаний на коньках.

Молодые спортсмены, самодеятельные артисты и просто досужая публика парочками и целыми компаниями прогуливались вокруг фут-

⁶ Составилась целая иерархия поездов, интерес к которым определялся дальностью маршрутов, классностью вагонов и направлением следования. Сейчас для нас многое из того, что привлекало в них людей, уже и не понять, но так было.

⁷ Прессу выгружали из почтовых вагонов поездов, прибывавших в «Голутвин».

⁸ На этом месте теперь детский сад в «Саду дворца».

Бобровский театр

больной площадки, раскланиваясь со знакомыми, делая круг за кругом несчётное количество раз.

При театре функционировал буфет с подачей чая, кваса, прохладительных напитков и пива — вина и водки там не держали. По этой причине после гулянья или спортивных состязаний публика отправлялась в Голутвин, где в буфете к их услугам было всевозможное гастрономическое и питейное изобилие.

После окончания театральных спектаклей в Бобровском театре обычно устраивались танцевальные вечера «под оркестр». Танцы заканчивались после 2 часов ночи, когда в городе всё уже было закрыто. Тем, кому хотелось продолжить праздник жизни, путь был один — до станции «Голутвин», где их поджидали всяческие благодати вокзального буфета, работавшего круглосуточно.

Мемуары философа

Нам дана возможность познакомиться с вокзальным буфетом весьма близко. Давайте заглянем в мемуары Фёдора Августовича Степуна — философа и общественного деятеля «первой волны русской эмиграции». В самом начале XX века, ещё до поступления в университет, Фёдор Степун попал в Коломну, отбывая воинскую повинность вольноопределяющимся. Служил он в мортирном полку, расквартированном тогда в городе. Полувеком позже, живя в Нью-Йорке, Фёдор Августович вспоминал, как вместе со своим сослуживцем, таким же вольноопределяющимся, как он сам, помощником присяжного поверенного Михаилом Дмитриевичем Благим, он посещал театр и буфет на вокзале.

«Как только выпал снег, наш гид по части развлечений Михаил Дмитриевич Благой организовал весёлую, на двух тройках, поездку в Голутвинский

театр. После театра мы вместе с актёрами шумно ужинали в вокзальном буфете. Не убожавшиеся такого открытого кутежа девицы — две бойкие купеческие дочки, француженка, гувернантка их младшего брата, и служившая в какой-то управе не очень молодая, но весьма развязная вдова (Михаил Дмитриевич называл их «Афродитами земными») — были без ума от вечера. Ещё бы: за ними, кроме нас, ухаживал сам Мурский, только что с подъёмом «отрыдавший» Незнамова⁹».

Отбыв срок службы, установленный вольноопределяющимся, Фёдор Степун поступил в знаменитый Гейдельбергский университет. С теплотой и нежностью вспоминая Коломну, он признавался, что в студенческой жизни его не раз посещали «видения станционного буфета». Вот ещё отрывок из его мемуаров.

«Поставив принесенные книги на новую полку, я снова лечу в город обедать. На Главной улице чуть ли не в каждом третьем доме рестораны. Можно завернуть и к «Рыцарю», и к «Золотому петуху», и к «Шуту Перкео», и к «Золотому ангелу»... Выбираю «Золотого ангела», не по пристрастию к пище небесной, а по экономическим соображениям. «Золотой ангел» предлагает обед из трёх блюд всего только за шестьдесят пфеннигов. Избалованный домашним столом и Голутвинским буфетом, я ем безо всякого удовольствия. От безвкусного супа пахнет химией, твёрдоватое мясо плавает в какой-то мучной гуще, сухой бисквит с одной малининой в центре и чашка жидкого кофе совершенно безрадостны».

Сохранились сведения и о том, кто привечал компанию Степуна, Благого, Мурского и коломенских «афродит», потчует их блюдами, вкус которых помнился и десятилетиями позже на другой стороне земного шара.

В списке владельцев торгово-промышленных предприятий Коломенского раскладочного присутствия¹⁰ на 1903 год под № 220 значится московский купец Пётр Алексеевич Иванов, содержатель буфета при станции «Голутвин» Московско-Казанской железной дороги с оборотом 6 тысяч рублей. Ему же принадлежал и другой буфет 3 класса с оборотом в тысячу рублей при той же станции, расположенный на платформе.

После смерти Петра Ивановича Иванова торговые заведения в Голутвине унаследовала его дочь, которая поручала ведение дела на месте приказчику. В декабре 1913 года промысловое свидетельство на занятие должности приказчика при буфете на станции «Голутвин», принадлежащего московской купчихе 3-й гильдии Юлии Петровне Ивановой, было выдано «Крестьянину Зарайского уезда Троснинской волости села Кисмина Петру Гавриловичу Пучкову»¹¹.

⁹ Мурский был звездой любительской труппы заводского театра. Судя по замечанию мемуариста, в тот день, когда их компания кутила в вокзальном буфете, в Бобровском театре «давали» пьесу Островского «Без вины виноватые».

¹⁰ ЦИАМ ЦХД до 1917 года фонд 1731 оп. Д. 129

¹¹ ЦИАМ ЦХД до 1917 года фонд 1731 оп.1 Д. 49

Император Николай II на станции «Коломна»

След страшных времён

Однако же не одно только веселье и удовольствия видел наш старый вокзал! В разгар революционных событий 1905 года именно на перронах «Голутвина» высадился десант лейб-гвардии Семёновского полка под командой полковника Н.К. Римана. У него был приказ утром 16 декабря выступить из Москвы и следовать до Коломны поездом, восстанавливая законность и порядок, налаживая работу железнодорожной линии, к тому моменту находившуюся под прямым управлением стачечного комитета.

В Москве командование военного округа полагало, что именно в Коломне концентрируются отряды революционеров, готовые прибыть для поддержки восставших в Москве по железной дороге. Оттого и силы под командой полковнику Риману были даны немалые. Его отряд составили 3-й батальон лейб-гвардии Семёновского полка¹², усиленные 14 и 15 ротами того же полка, полубатареей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и взводом пулемётчиков из состава пулемётной роты 5-й Туркестанской бригады. Всего 6 рот гвардейской пехоты при 2 орудиях и 5 пулемётах.

* * *

Когда поезд с гвардейцами подходил к станции «Голутвин», солдаты стали спрыгивать на тихом ходу в районе входного семафора. Вытягиваясь цепью, они окружили Боброво, прилегающее к железной дороге. Заняли переезд на Коломзавод и начали «прочёсывание местности», постепенно смыкая круг, двигаясь к вокзалу.

¹² Этот батальон под командой Римана 9 января 1905 года стоял у Полицейского моста в Санкт-Петербурге и принимал участие в расстреле толпы манифестантов на набережной Мойки.

Состав с основными силами отряда прибыл на станцию «Голутвин» в 12 часов 20 минут 18 декабря 1905 года. Как потом напишет в своем рапорте Риман: «немедленно были захвачены телеграф, телефон, оцеплен вокзал, произведена полная выгрузка эшелона. На телеграфе была задержана пачка полученных депеш, из которых видно было, что почти на всех станциях находятся местные революционные комитеты, сносящиеся между собой (по телеграфу) и фактически управляющие дорогой и станциями, терроризируя население и тех служащих железной дороги, которые желают служить правительству, призывающих к вооруженному сопротивлению. Из депеш было видно, что центральный Комитет железной дороги бежал на станцию Рузаевка Московско-Рязанской железной дороги».

Дежурный телеграфист Тупицын был арестован. Ему показали стенд, на который была наклеена служебная телеграмма: «Станция «Голутвин». Пропустить товарный поезд, подписанная «Стачечный комитет». Тупицына спросили, что за депеша, где находится стачечный комитет? Он ответил, что не знает.

В это время привели начальника станции Надеждина, который показал целую кипу подобных телеграмм, вынув их из кармана форменного пальто, и пояснил, что принимал эти телеграммы, которые ему рассылались со станции отправления эшелонов. Он пропускал поезда и сообщал об этом в Москву, по инстанции, но оттуда не было никакого ответа.

Приказав арестовать Надеждина, Риман вышел в дежурную комнату, куда как раз приволокли арестованного машиниста Варламова, которого взяли неподалеку от вокзала. При обыске у него нашли револьвер со сломанным курком. Это породило подозрение в причастности задержанного к местной боевой дружине, о которой в Москве были уже слышаны, и Варламова повели к Риману для допроса. Вернее, уже потащили, потому что тот дерзко пререкался и вёл себя вызывающе.

Когда господину полковнику доложили обстоятельства ареста, тот приказал машиниста расстрелять. Ситуация усугублялась тем, что никто толком ещё не осознал, насколько всё серьезно — услышав приказ о казни, Варламов, наверное, подумал, что его просто пугают¹³. Сквозь толпу в зале третьего класса он шёл сам, не сопротивляясь. Через кухню вокзального буфета машиниста вывели на двор и застрелили прямо у вокзальной стены, подле кухонного крыльца.

Следующим стал фельдфебель 2-го запасного стрелкового батальона Михаил Ильичёв, фронтовик, возвращавшийся с Дальнего Востока. Из-за забастовок на железной дороге и общей неразберихи революционной ситуации он «застрял» на станции «Голутвин» и коротал время в буфете, возле стойки которого на него и наткнулся Риман. По-видимому, пьянящий воздух свободы сыграл с господином фельдфебелем злую шутку. Позабыв всяческую субординацию, не отдав честь полковнику лейб-гвардии, Ильичёв высказал ему претензию из-за расправы над Варламовым. Когда же командир карателей сделал ему замечание, потребовав, чтобы

¹³ В Коломне ещё не знали о введении военного положения в Московской губернии и практики военно-полевых судов с укороченной процедурой рассмотрения дел. Непосредственно в боевой обстановке командирам было дано право решать вопросы наказания на месте.

тот привёл в порядок свой мундир. фельдфебель ответил ему так, что Риман разъярился и тут же в буфете убил Ильичёва, всадив в него четыре пули из револьвера.

* * *

С отрядом Римана прибыли чины Губернского Жандармского Управления и Московского Охранного Отделения, у которых имелись сведения информаторов, о присутствии которых в городе не знала и местная полиция. По их наводке взяли двух конторщиков железнодорожной станции и помощника начальника станции Шелухина. Позже, производя обыск в доме заведующего заводским театром Дорфа, который был внесён в список как человек, предоставивший помещения для антиправительственных сходок, агенты Охранки и солдаты накрыли всю головку Совета депутатов и руководства подполья РСДРП. Но вместе с ними нахватили и совершенно случайных «подозрительных» людей, просто подвернувшихся под руку в недобрый час.

Арестованных размещали в комнате телеграфистов голутвинского вокзала¹⁴. К вечеру там собралось 24 человека. Все они были уверены, что их защищают положения октябрьского манифеста о даровании свобод, а более того уповали на скорую победу революции в Москве, откуда никаких верных сведений не получали уже с неделю. Арестованные держались спокойно. Даже когда половине из них приказали выходить, никто ничего плохого не подумал, хотя к этому времени уже были расстреляны Варламов и Ильичёв, о чём им было известно. Никак не сопоставляя эти печальные происшествия со своим собственным положением, они были уверены, что их ведут к вагонам, чтобы везти в Москву для произведения дознания, а потому шли, не оказывая сопротивления, не проявляя явных признаков беспокойства.

По железнодорожным путям первых 12 человек отвели за станцию, к угольным складам и там расстреляли. Те, кто остался в комнате телеграфистов, либо не слышали выстрелов, либо не поняли, что это. Во всяком случае, когда повели их, они тоже пошли спокойно. Только споткнувшись в потёмках о трупы расстрелянных ранее, арестованные поняли, что к чему, но было уж поздно. Да и что, собственно, эти обречённые властью военного положения могли бы сделать? Протестовать?! Безоружными напасть на расстрельную команду?! Много бы это помогло им!

Сведения о количестве расстрелянных колеблются от 20 до 36-ти человек. Полковник Риман в своем рапорте докладывал, что по его приказам в «Голутвине» было расстреляно 24 человека¹⁵.

* * *

¹⁴ Сейчас это одно из помещений линейного отделения полиции.

¹⁵ Расправы над «левыми» продолжались ещё несколько дней после ухода отряда «семёновцев». Расстреливали в Голутвине, за семафорной будкой. Но кто убивал и по чьему приказу, так и осталось непонятно. Возможно, так сводили какие-то старые местные счеты. Копаться в этой истории никому не захотелось. Во всяком случае, официального расследования этих случаев не было.

Днём 19 декабря 1905 года по случаю победы над мятежниками собралось в Голутвине до 600 человек. Вокзал был украшен флагами. Из Коломны прибыла особая депутация городской Думы и горожан, принимавших участие в отражении попытки захвата власти, предпринятой социалистами 7 декабря 1905 года¹⁶.

Однако дело не обошлось без мрачного и очень показательного эпизода. Настоятель Всехсвятской церкви села Боброво о. Иоанн Виноградов служить молебен и провозглашать многолетие «освободителям» отказался. У него от рук семёновцев погиб сын — начальник станции «Ашитково», расстрелянный 17 декабря во время следования карателей в Коломну. Забастовавшего священника заменил о. Никифор из того же храма. Но потом уж всё пошло, «как полагается». Толпа пела гимн «Боже, Царя храни», провозглашала многолетия «православному воинству, одолевшему коварного супостата», и всячески проявляла лояльность законной власти. Отряд Римана уехал во вторник 20-го, оставив на станции небольшой гарнизон для поддержания порядка.

Картинки 1917 года

Спустя 12 лет после тех событий в России произошла революция, и власть в городе перешла в руки местного Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Сказать, чтобы после того небо над Коломной расцветилось радугами, а реки потекли молоком да мёдом, у берегов сгущаясь в кисели, будет изрядным преувеличением. Точнее сказать, ничего такого в помине не было. Вместо того были голод и нехватка всего, чего ни хватись.

Однако же и это время принесло совсем неожиданные плоды невиданной дотоле свободы слова. В Коломенском уезде после февральской революции разразился «издательский бум». За полгода в 1917 году появились сразу несколько городских газет и журналов. Среди прочих граждан-издателей Коломны некто Пётр Швецов выпускал и редактировал журнал «Свет и труд», несколько номеров которого каким-то чудом сохранились до нынешних дней.

* * *

Размером журнальчик был со школьную тетрадку, выходил на газетной бумаге, без обложки. Но нам важнее не убогий внешний вид, а содержание.

В ноябре 1917 года, через три недели после переворота, редактор Швецов предпринял вояж из Коломны в Озёры. Пётр Швецов начал с того, что записал свои переговоры с извозчиком, которого он подрядил от Конной площади¹⁷ в Коломне до голутвинского железнодорожного вокзала.

Езду в скучном осеннем поле извозчик пытался скрасить разговором, спросив у седока:

¹⁶ Так называемая «мирная демонстрация», которую в кровавой схватке со стрельбой едва рассеяли у городской заставы.

¹⁷ Это в районе перекрестка улиц Пионерской и Красногвардейской.

— А скажите-ка, барин, скоро это у нас конец будет?

На столь неопределённо поставленный вопрос гражданин Швецов ответил предельно честно, но осторожно, сказав, что он не знает, когда будет конец.

— Вот оно, горе-то какое! — меланхолично заметил извозчик. — Никто ничего не знает!

* * *

В теплушке было темно, грязно и дымно. Свободные граждане России яростно смолили махорку, попыхивая самодельными сигарками, огоньки которых освещали лица людей. Пассажиры поезда, словно бы продолжая разговор, начатый ещё извозчиком в поле, рассуждали о политической ситуации, жизненных неурядицах и прикидывали, к чему всё это может привести.

— Довоевались! — заводил один.

— И не говори! — подхватывал другой. — Довоевались до того, что и союзники будут скоро бить, и немцы. А как возьмут они власть, так будет нам восьмичасовой рабочий день и прибавка по четвертаку на рубль!

Последнее замечание было сделано с ироническим подтекстом «вот сейчас ждите, держите карман шире».

— Верно! — соглашались с ироничным пессимистом. — Как придут, так за полтинник часов по 15 работать будем!

— Что же за полтинник-то!? Мы, бывалыча, и за сорок копеек в день работали, так сыты бывали, одеты-обуты, да на руках больше, чем нынче, оставалось. Вот те и полтинник. Они и полтинники нынче не чета тем прежним.

— Ничего, при своём дураке-царе жили, не голодали и не горбились, а при умном Вильгельме поди не хуже будет...

— Умный тот Вильгельм или не умный, да только хорошим он для своих, для немчуры будет, а ты будешь работать сутками и с голоду сдохнешь!

Тема эта, что называется, «зацепила», в вагоне заговорили несколько человек разом:

— Верно...

— Пстой-пстой...

— Чего стоять-то?

— Ну иди, воюй, коли не навоевался!

— И пойду!

— Воевать! Эк сказанул! Ни пушек, ни снарядов, ни командиров, ничего нет. Навоюешь тут, пожалуй...

— Вон Красную гвардию надо послать, пушай красногвардейцы-большевики воюют...

— Большевиков спихнуть надо скорее. Ничего от них хорошего не дождешься!

— Цари лучше?

— Временное правительство плохое было, и эти не лучше. Одни слова, а дела нет.

— Да уж, теперь уж только что Бог даст. Погибла Россия...

— Будет нить-то, граждане свободные... Нечего ерунду городить. Уж такая ерунда, что ерундовее и не придумаешь.

— Какая-такая ерунда?! Чего придумывать-то? Эвон, давеча брат поехал за товаром, вчера приехал, пустой, сам без сапог. Говорит, возвращался, да дорогой напали, ограбили. К красногвардейцам попался: «Давай говорят, дядя, по пятёрке с пуда, тогда пропустим». У него столько при себе не было. Сговориться не сумел, так и отняли всё: и деньги, и товар. Жилетку сняли и сапоги. Всё как положено. В деревне брательник лаптями разжился, в них домой и вернулся.

* * *

Помолчали, сворачивая новые сигарки, прикурили. Слово за слово, снова завязался разговор, и опять речь пошла про войну, про то, что дальше будет.

— Революцию сделали — опозорились на весь свет. Теперь придут и возьмут голыми руками... Чего делать теперь? К чему или к кому приставать? К чему притыкаться?

— Известно к чему притыкаться, к Советам!

— К Советам? Да что в них, в Советах тех? Кто их слушает? Что они сделали? Они прежде много чего обещали, а что сделали теперь? Нынче стало хуже, чем при Николае было!

— То и горе, что вы ни делать ничего не хотите, ни понимать не желаете. Темень!

— Темень-то мы, оно конечно, но и там-то не больно светлее. Взяли власть и завертелись, не знают, куда стучать, с чего начать.

— Верно! Надо было Временное правительство поддерживать. Оно хоть и буржуйское было, а деловитое. За ними тянуться надо было, а потом, когда всё обустроилось бы, их бы можно было и поприжать.

— Вот их и поприжали, а теперь нас жмут немцы, а эти новые правители — комиссар Ян Грунт с компанией — в бега подались!

* * *

Последнее замечание относилось к позорному для советской власти моменту, случившемуся в первые дни ноября 1917 года. Тогда в одну из ночей кто-то прислал в местный Совдеп срочную телеграмму о том, что к Коломне со стороны Рязани движется отряд казаков, имеющих приказ ликвидировать Советы. Среди коломенских большевиков вспыхнула паника. Казаков и солдат-фронтовиков они боялись, как огня, а у страха, как известно, глаза велики. Не проверив сведения, Красная гвардия тою же ночью спешно реквизировала автомобили из коломзаводского гаража, на которых «товарищи» готовились драпать в Москву, к своим. В ночных потёмках патруль красногвардейцев, которому померещилась казачья разведка, обстрелял машину комиссара Грунта, тяжело ранив водителя — знаменитого матроса-«потёмкинца» Зиновьева, незадолго до того вернувшегося из Румынии, где он жил в эмиграции¹⁸.

¹⁸ История эта изложена в мемуарах уездного комиссара Яна Грунта «Годы борьбы» М. 1933 год, Издательство политкаторжан.

Потом оказалось, что тревога была ложной — никаких казаков не было. Кто именно посмел так дерзко пошутить над «товарищами», установить не удалось. Вот об этом и судачили люди в вагоне поезда, тащившегося от «Голутвина» к Озёрам.

* * *

После того, как помянули про готовность драпать комиссаров, в вагоне грянул тяжёлый нехороший смех. Отсмеявшись, снова заговорили.

— Вот, ты говоришь: «К кому пристать?». А тут думать нечего. Нам что беспокоиться — к нам самим пристанут. Вот придёт какой-нибудь Керенский, Корнилов или Каледин, порядок наведёт и так пристанет, что от него уже и не отстанешь.

— Ну, брат, за Каледина ты поставь свечку...

— Про него я к слову, к тому, что вообще у них дело пойдёт, а вот у большевиков нет.

— Кончилась у большевиков их минутка...

— Кончилась? Дурак! С вами чертями только дела делать... Только палку, видно, и понимаете. Чо ты Керенского съешь? Интеллигента проклятого... Они народу изменяли. Коли и впрямь народу добра желали бы, они бы власть Советам передали бы, приняли бы программу большевиков и стали бы с ними работать. Теперь же они преступники, враги перед народом, как и капиталисты. Вернее, они ихние лакеи. Да и плевать, без них справимся!

— Будя! Справились уже. Науправлялися... Дали в три дня хлеб, мир и порядок. Вона, хотя возами вози! Ха-ха-ха...

337

* * *

Молчание прервал какой-то старик, сказавший:

— Большевики думали правильно, да сделали немного. И что теперь?

— Теперь-то что? — отозвался чей-то насмешливый тенорок из потёмок, — Теперь, дедушка, гражданин Василий Фёдорович всё разберёт: кто что хотел, кто чего делал, а кто не делал!

— Какой такой «гражданин Василий Фёдорович», который всё разберёт?

— А Вильгельм германский? Слыхал про такого? Вот он самый и разберёт нас тут...

По вагону пошли остроты, снова слышался горький смех.

— Так, — сказал старик. — Вот оно дело: день за днём, всё дня не видно. Грех по миру пошёл. Веру с неба сняли, а к земле не прижили, надежду в море утопили, любовь сама умерла, правосудие у земного начальства на пуговицах повисло. Взяли власть, в рот нечего класть. Одно осталось — терпение. Что будет то и будет.

— Хуже не будет.

— Как знать, а может, до такого ещё дождёмся, что и нынешнее сейчас нам потом за счастье глянется...

Этой зарисовкой вагонной природы Швецов окончил своё повествование. Реакция уездного комиссара Яна Грунта не замедлила. Уже в апреле 1918 года, в № 23 «Известий Совета рабочих и крестьянских депутатов»

комиссар в пух разнёс швецовский «Свет и труд», попеняв на обилие матерщины в описаниях вагонных бесед, на пессимизм, и вообще выразился так: «В этом журнале очень мало пищи для ума и сердца. Лучше будет, если этот «Свет и труд» вообще перестанет светить и трудиться».

Журнал прихлопнули и на многие годы и о нём, и о его издателе забыли. Лишь сегодня выпал случай вспомнить.

Голутвинский бой

Зимой 1918 года коломенский Совдеп оказался перед лицом острейшего продовольственного кризиса. Исполнительный Комитет Совета в составе 9 человек под председательством Ивана Фёдоровича Астахова не нашёл никакого иного способа обеспечить население хоть каким-нибудь питанием, как только «промышлять» на железной дороге.

Сам товарищ Астахов вспоминал на страницах газеты «Голос труженика» (№ 17 за 1922 год): «Для того, чтобы выйти из положения, нам приходилось заниматься отцепкой вагонов, шедших в другие города через станцию «Голутвин».

Фокус был несложен. Ещё при Временном правительстве торговцы придерживали товары, отправляя их сами себе, на анонимный адрес «получателя». Грузёные вагоны простаивали на станции. Товар никто не получал до тех пор, пока не происходил скачок цен. Для борьбы с этим злом был издан особый закон, согласно которому товар, не востребованный на станции более трёх дней, переходил в собственность местных органов самоуправления.

Хотя само Временное правительство было уже низложено, законы, им принятые, не отменяли. Так как других законов ещё не приняли, то приходилось жить по тем, какие были. Вот и приспособился коломенский Исполком отцеплять вагоны с продовольствием от поездов, загонять их в тупик или по железнодорожной ветке на Коломзавод. Выдержав вагончики положенные законом три дня, исполкомовцы «обнаруживали» их, и «на законных основаниях» присваивали продукты, пуская их на выдачу пайков.

Непосредственно отцепками, угонами и охраной грузов занимались латыши-красногвардейцы, отряды, которыми командовали бывший земский землемер Румба¹⁹ и один из беженцев военного времени, товарищ Якобсон. Этот отряд с 26 октября 1917 года контролировал станцию «Голутвин», село Боброво и их ближайшие окрестности²⁰.

* * *

Как водится у воров, после нескольких удачных операций они «нарвались на неприятность». Всё началось с того, что 15 января 1918 года на стан-

¹⁹ Сведения о товарище Румба из автобиографии слесаря Коломзавода В.В. Безрукова.

²⁰ Из 500 латышских беженцев, работавших во время войны на Коломзаводе, 87 человек были социал-демократами. Они в октябре 1917 года получили от коломенского Совдепа оружие, создав свой красногвардейский отряд.

цию «Голутвин» прибыли два вагона пшеницы, которые были намечены для очередной «конфискации». Об этих вагонах в комиссариат, уездному комиссару Яну Грунту телефоновал командир отряда Красной гвардии, земляк и тёзка комиссара, Ян Якобсон, и дело с изъятием было решено.

Вскоре на станцию явились представители Продовольственного комитета Исполкома во главе с товарищем Ираидой Карасёвой, у которой имелся наряд на вагоны от продовольственной конторы. Их действия товарищ Астахов описывает с милой наивностью: «В нарядах не были указаны номера вагонов, мы решили, что эти вагоны наши, и просто взяли их».

Так вот — просто взяли — да не тут-то было! На защиту вагонов встал начальник станции, который объявил Карасёвой, что эта пшеница предназначена для железнодорожной лавки, в которой выдавались пайки рабочим дороги, снабжавшимся отдельно от горожан.

Карасёва предъявила ему бумаги Исполкома и наряды на вагоны. Начальник станции ответил ей, что он никаким городским организациям не подчинён. Когда же было пущено в ход «революционное насилие», стал кричать:

— Рабочие! Товарищи, смотрите, как отбирают ваш хлеб! Бросайте работу!

Всё это было, конечно, неприятно выслушивать, но у Карасёвой за спиной были 20 тысяч голодных горожан, а где ещё взять хлеба для их прокормления, ни она сама, ни её товарищи не знали. Поэтому, игнорируя протесты железнодорожников, исполкомовцы выставили у вагонов караулы латышей-красногвардейцев и убыли, считая вагоны реквизируемыми.

Но дело этим не кончилось! Когда отработавшие смену рабочие из окрестных сёл и посёлков вышли с завода и собирались ехать домой, начальник станции запретил подавать рабочий поезд, объявив, что «какая-то шайка растаскивает хлеб железнодорожников, и пока эту шайку не уберут, он рабочих домой не отправит». И указал на караул красногвардейцев у хлебных вагонов.

Рабочие поплёрли на латышей стеной, и уже тем с их винтовочками пришлось отступать перед громадной массой озлобленных людей. Вагоны пришлось вернуть хозяевам, поезд для рабочих подали, и они разъехались по домам.

Обо всём этом Ян Якобсон протелефоновал уездному комиссару Яну Грунту. Тот выслушал его, приказал начальника станции арестовать, возле вагонов снова выставить караул, а с утра начать разгрузку и вывоз хлеба.

* * *

Оставшийся за начальника дежурный по станции телеграфировал в управление дороги о том, что на станции «Голутвин» захвачен груз, принадлежавший железной дороге. Из Москвы экстренным поездом в бронированном вагоне выслали отряд из 25 красногвардейцев-железнодорожников. Прибыв на следующее утро, московские красногвардейцы захватили станцию и освободили её начальника. Караулы латышей сняли. Весь их отряд разоружили и заперли в один из станционных пакгаузов. Тех, кто пытался сопротивляться, москвичи били и разоружали силой.

Один из латышских красногвардейцев, пользуясь кутерьмой на станции, сбежал. Явившись в уездный комиссариат Коломны, он доложил Грунту, что станцию де захватил прибывший на бронепоезде какой-то отряд. Комиссар дал знать об этом в Исполком, и его председатель товарищ Астахов сам отправился на станцию «Голутвин», чтобы посмотреть, что там делается.

Никому ещё толком неизвестный, он смешался с людьми, ходил, высматривал. На станции шла обычная жизнь — люди ждали поезда на Москву. Приезжие красногвардейцы расселись на лавках в зале ожидания вокзала и закусывали привезёнными с собой харчами.

С места всех подбросили выстрелы, загремевшие на дальних подступах к станции.

Как потом оказалось, едва узнав об аресте земляков в «Голутвине», Ян Грунт немедленно позвонил в штаб коломенской Красной гвардии, приказав поднимать «в ружьё» все наличные силы и выдвигаться к «кем-то захваченному» голутвинскому вокзалу. Сам же Грунт, установив на автомобиль пулемёт, с пятью товарищами из комиссариата выехал следом.

Сводный отряд коломенский Красной гвардии действовал быстро и решительно. Наступая на голутвинскую станцию с трёх сторон, в коротком бою убив одного, ранив двоих противников, коломенские красногвардейцы отнесли железнодорожных красногвардейцев к вокзалу, в котором те забаррикадировались, изготовившись к обороне.

По зданию вокзала была произведена пристрелочная пулемётная очередь, и кто знает, к чему всё это дело пришло, кабы не товарищ Астахов. Выскочив из вокзала и крича, чтобы не стреляли, он побежал к автомобилю с пулемётом. К счастью, Грунт узнал его и не стал стрелять. Председатель Исполкома растолковал осадившим станцию, что люди, арестовавшие латышей, это московские красногвардейцы — если их перестрелять, то сами они все встанут к стенке.

При посредничестве Астахова начались переговоры, в результате которых виноватей всех оказался... начальник станции! Именно его обвинили в том, что он устроил неразбериху, приведшую к перестрелке между «своими». Теперь хлеб у железнодорожников отняли окончательно, а в качестве «компенсации» московскому отряду отдали на расправу начальника станции, которого те увезли в своём бронированном вагоне, и что стало с этим несчастным, неизвестно²¹.

Осенью 1941 года

И снова прошло... не время, а целые времена. Неполные четверть века вместили несколько эпох советского периода отечественной истории. От военного коммунизма и лозунгов мировой революции руководство коммунистической партии постепенно перешло к идее построения социализма в отдельно взятой стране. И пусть бы оно себе, но летом 1941 года

²¹ Известие об этом единственном бое времен Гражданской войны в Коломенском уезде, грянувшем в районе станции «Голутвин», нам сохранили в своих мемуарах «Годы борьбы» Я. Грунт М. 1933 года и Ян Якобсон в сборнике «10-ть лет» М. 1927-й год, а также публикации старых коломенских газет.

разразилась война. Та самая Война, что разделила жизнь страны на «до», «во время» и «после».

К осени немцы были уже близко к Коломне, которую объявили прифронтовым городом. Станция «Голутвин» превратилась в оборонный объект особой важности. Небо над ней, заводом и мостами защищал 257-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, которым командовали капитан Безруков и политрук Захаров.

Артиллерийские позиции зенитчиков располагались у мостов через Москву-реку и Оку, во дворе локомотивного депо и у вокзала «Голутвин». Расчёты крупнокалиберных зенитных пулемётов располагались на крышах цехов Коломенского машиностроительного завода.

Штаб дивизиона разместили возле вокзала «Голутвин» в деревянном двухэтажном здании, где прежде располагался родильный дом. Там сходились линии связи постов дальнего наблюдения, городской телефонной станции и заводского штаба обороны.

Начиная с сентября воздушные тревоги объявлялись ежедневно, а вернее, еженощно. В сентябре, октябре, ноябре немецкие бомбардировщики рвались к Москве и целям в Подмосковье. Но огонь зенитчиков не давал им прицельно бомбить завод и железную дорогу в районе «Голутвина». Большею частью немецким бомбовозам приходилось опорожняться от своего смертоносного груза в окрестностях Коломны, не добираясь до целей. Нескольким раз бомбили в районе хлебозавода и на железнодорожном переезде. На переезде под бомбы попала конная повозка, возница которой погиб, но больших разрушений бомбардировки осени 41-го в городе не наделали.

Помимо задач ПВО, зенитный дивизион контролировал территорию вдоль железной дороги, станцию и окрестности, проводя противодиверсионную работу. Так как артиллерийские расчёты и службы огневого обеспечения зенитчиков находились в боевой готовности, снимать их с позиции для патрулирования было нельзя. Эту задачу выполняли работники штаба, медики, личный состав хозяйственного взвода и политруки. Они проверяли документы и тех, кто без разрешения находился возле железной дороги, задерживали. Хорошо поставленная служба дала результат: патруль в составе лейтенанта Тетьмана, сержанта Науменко и младшего сержанта Трояна в ночное время на путях перегона между «Голутвиным» и «Щурово» задержал диверсанта. Он возился с рельсами, подсвечивая себе фонариком, и разбирал пути.

* * *

Накануне 24-й годовщины Октябрьской революции дивизион перешёл на режим повышенной боевой готовности. Нельзя было допустить немецкого налёта, чтобы не сорвать парад советских войск на Красной площади. Но причины объявления повышенной готовности держались в глубокой тайне. Никто из личного состава зенитного дивизиона о параде не знал «ни сном ни духом». Просто перед зенитчиками поставили боевую задачу, а они выполняли приказ.

Расчёты орудий и зенитных пулемётов находились на позициях по боевому расписанию, а тыловые службы проводили усиленное патрулирование территорий. Всё выяснилось, только когда радист дивизиона поймал радиотрансляцию о параде в Москве на Красной площади. Связисты

продублировали трансляцию по всем телефонным линиям, сходявшимся в штабе дивизиона, чтобы люди могли ощутить свою причастность к этому историческому событию, вселявшему в советских людей гордость за свою страну и уверенность в силах её армии.

Поздней осенью 1941 года 257-й зенитный дивизион вывели из Коломны в Москву и после доукомплектования направили на север области, в Яхрому, для защиты сооружений канала им. Москвы. Впоследствии зенитчики уходили от столицы всё дальше, двигаясь вместе с фронтом, а войну закончили в Восточной Пруссии²².

Наш старый коломенский вокзал

В послевоенное время вокзал продолжал исправно служить людям, а его ресторан все ещё «держал марку», оставаясь едва ли не последним уцелевшим «осколком старого мира». Собственного названия у ресторана не было, но в народе он был известен как «Омут». Возникло это прозвище из-за огромной фрески на стене, выполненной по мотивам картины Васнецова «Дурочка Алёнушка»²³.

В голутвинский «Омут» ходили не только коломенцы. Туда ездили гулять из Луховиц, Озёр, Воскресенска и даже Бронниц, где своих приличных ресторанов такого класса не было. В день полочки там делали остановку работавшие на коломенских предприятиях жители окрестных городков и сёл, стоявших вдоль железной дороги. Получив деньги, они заходили в «Омут» и сидели в ресторане допоздна, разъезжаясь по домам на последних поездах и электричках.

Сохранилось предание об одном из видов закуски, предлагавшейся тем посетителям «Омута», которые желали наскоро «остограммиться». Им подавали бутерброд с килькой, в народе слывший как «сёстры Фёдоровы». На рубеже 1950 и 1960 по всему Союзу был известен ансамбль народной песни, состоявший из четырех сестёр Фёдоровых, очень между собой похожих²⁴. Вот четыре одинаковые килечки на хлебце, подающиеся к «соточке», и прозвали в их честь.

* * *

Теперь уже всего этого нет... Поезда дальнего следования в «Голутвине» давно не останавливаются. Просто так на перрон не выйдешь. Ресторан закрылся. Каков был «Омут», можно увидеть лишь в кино — несколько сцен знаменитого фильма «Город Зеро» сняты в его интерьерах. Да ещё, пожалуй, вот эта публикация, может быть, кому-нибудь что-то напомним...

²² Воспоминания капитана Г. Розина.

²³ Васнецов изобразил сиротку-юродивую, виденную им на берегу пруда у деревни Ахтырки под Хотьково, близ Сергиева Посада. Это уже много позже картина стала ассоциироваться со сказкой про сестрицу Алёнушку и братца Иванушку.

²⁴ В 72-м году одна из сестриц сбежала «за бугор», после чего Фёдоровы исчезли из эфира, а вместе с ними улетучилось и оригинальное коломенское название бутерброда.

***Александр Александрович Сахаров** родился в городе Перми, с 1970 года живёт в Подмоскowie. По образованию – инженер. Ещё обучаясь в институте, начал педагогическую деятельность, которая продолжается и теперь. Со школьных времён увлекался отечественной историей (особенно XIX века) и литературой.*

Публиковался в журналах «Москва», «Московский журнал», «Сура», «Литература в школе», «Коломенский альманах», «Литературной газете» и др., научных сборниках.

Лауреат международного литературного форума «Золотой витязь», премии им. С.Н. Дурыллина, литературно-общественной премии «Герой нашего времени» им. М.Ю. Лермонтова и др. Председатель Московского лермонтовского общества.

Член Союза писателей России.

КОЛОМЕНСКАЯ ЗАГАДКА НИКОЛАЯ КРАСНОВА

На ялтинской набережной стоит памятник. Невысокий человек смотрит на город, в руке у него папка. Это Николай Петрович Краснов (1864-1939) — выдающийся русский и югославский архитектор, академик архитектуры.

Молодым ещё человеком он приехал в Ялту и стал работать помощником городского архитектора, а с 1887 по 1899 гг. он был главным архитектором города. В его обязанности входили планировка и прокладка новых улиц, строительство городских домов и санитарно-технических сооружений, архитектурный надзор за строительством частных зданий. Ялта в ту пору активно строилась и перестраивалась, забот у городского архитектора было много. Н.П. Краснов немало сделал для того, чтобы Ялта сделала значительный шаг вперед в деле благоустройства: с его участием были построены новейшая для того времени система сплавной канализации, дезинфекционная камера, мусоросжигательные печи, скотобойня, проведено благоустройство набережной и Пушкинского бульвара, припортовой и рыночной территорий. Далее ему было поручено строительство женской и мужской гимназий, а также церкви для гимназистов. Затем последовало строительство собора Александра Невского, церкви святой Нины, горного клуба и ряда административных зданий. Брал он и частные заказы. Его деятельность по об-

*Памятник Н.П. Краснову в Ялте
(скульптор Сергей Никитин)*

Николай Петрович Краснов

344 устройству Южного берега Крыма принесла ему широкую известность и множество заказов, в том числе по строительству дворцов для членов императорской фамилии и дачных домов для представителей высшей аристократии.

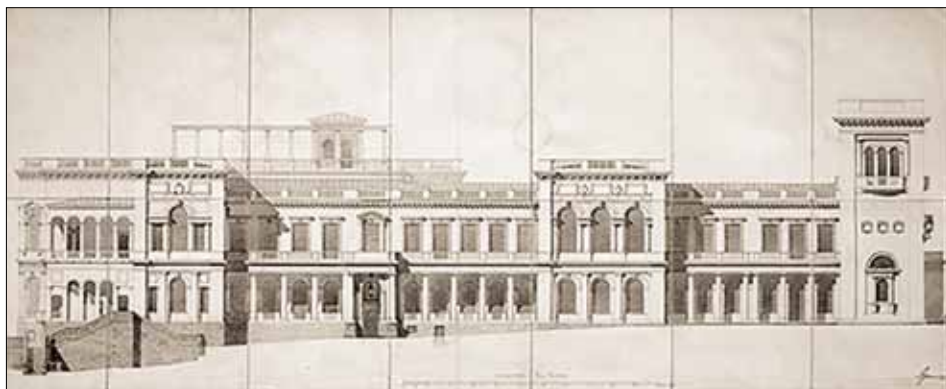
Первым великокняжеским заказом был дворец «Дюльбер» для Великого князя Петра Николаевича, затем дворцы в Гаспре для Великих князей Николая Николаевича «Чаир» и Михаила Николаевича «Харакс», дворцы Юсуповых в Кореизе и Коккозах, дачный дом графа Апраксина в Балаклаве. Каждый из этих ансамблей несет свой неповторимый архитектурный образ.

Особенно знаменит созданный им для Николая II Ливадийский дворец, известный и тем, что именно здесь в феврале 1945 г. проходила Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав, посвящённая установлению послевоенного мирового порядка. Дворец этот воспел в своём стихотворении «Ливадия» коломенский поэт Роман Славатский:

И вот — Дворец из мрамора резного —
творение коломенца — Краснова,
мерцает, словно гряда светлых роз...

За эти работы Краснов был удостоен звания архитектора Высочайшего двора.

Большое внимание Краснов уделял работе в Комиссии по реставрации Бахчисарайского дворца. В течение 10 лет он безвозмездно проводил все необходимые обмеры, чертежи, снимал планы, исполнял проекты ремонта, делал фотографии дворца и старинных домов Бахчисарая, собирал по го-

Н.П. Краснов. Чертёж фасада Ливадийского дворца

*Дворец в имени Харакс.
Акварель Н.П. Краснова*

*Охотничий дом Юсупова в дер. Коккозы.
Акварель Н.П. Краснова*

роду предметы старинной дворцовой утвари и старинного татарского быта. Результатом этой работы стали пять альбомов фотографий, рисунков, акварелей и чертежей.

В 1919 году вместе с женой Анной Михайловной и дочерью эмигрировал в Константинополь. В 1920-1922 годах проживал с семьей на Мальте. С 1922 года — в Белграде. В Белграде Краснов до самой смерти в 1939 году руководил проектной группой в отделе по монументальным строениям. Николай Краснов оставил после себя самый значительный след в архитектуре Белграда.

В Белграде по проектам и под наблюдением Краснова построены здания двух министерств, государственного архива, театра, жилые дома, отреставрированы и построены церкви, часовни, памятники.

Работал Н.П. Краснов буквально до последних дней жизни. Он скончался 8 декабря 1939 года, скоропостижно, от рака легких. Извещение об этом было опубликовано в белградской газете «Политика» от 10 декабря: «Николай П. Краснов, архитектор Русского Царского Двора и член Русской академии архитектуры, скончался 8 сего месяца в 14 часов пополудни после тяжелой болезни». Извещение подписали дочь зодчего Ольга Хорват, внук Владимир Хорват и другие родственники. Н.П. Крас-

*Галерея Итальянского дворика. Ливадия.
Акварель Н.П. Краснова*

нов был похоронен в русском секторе Белградского Нового кладбища рядом с женой, скончавшейся в 1930 году. На могиле — большой каменный крест с надписью: «Николай Петрович Краснов, академик архитектуры. 1864-1939». Поставлен в Белграде и памятник зодчему.

Ну, а желающим познакомиться с ранним периодом творчества Н.П. Краснова не обязательно ехать в Крым. В Москве, по адресу Денежный пер., 11, стоит деревянный дом, построенный в 1815 году для участника Отечественной войны 1812 года и зарубеж-

ных походов русской армии корнета Александра Васильевича Толстого (1770-1823 гг.). В 1880-х годах новым собственником дома становится Потомственный почётный гражданин Михаил Грачёв. В 1884 году по его заказу была проведена реконструкция здания. Усадьба приобрела более пафосный облик, соответствующий социальному статусу владельца и модным архитектурным тенденциям того времени. Фасад был оштукатурен и дополнен множеством декоративных элементов, характерных для московского ампира. Центр фасада был украшен сложным орнаментальным карнизом, поддерживаемым шестью кариатидами. В тимпане фронтона помещён щит с монограммой «МГ», который держат в лапах два грифона. В этот же период появились лепные наличники и барельефы в виде львиных голов над центральными окнами. Были обновлены и интерьеры здания.

Однако, что же связывает выдающегося архитектора двух братских народов с подмосковной Коломной? Конечно, многие коломенцы, посетившие выставку, посвящённую творчеству зодчего, уверенно ответят: Краснов по происхождению коломенец. Об этом говорят и архивные документы.

Обратившись к биографиям зодчего, в том числе в широко доступной Википедии, мы увидим, что Николай Петрович Краснов родился 23 ноября (5 декабря) 1864 г. в селе Хонятино Глебовской волости Коломенского уезда. Среди известных уроженцев села Хонятина (ныне в составе г.о. Ступино Московской области) в той же Википедии первым назван именно Николай Краснов.

Сайт села Хонятино в исторической справке подтверждает и уточняет эти сведения: «В селе Хонятино Коломенского уезда родился Краснов Николай Петрович (1864-1939), архитектор Высочайшего Двора, академик, градостроитель. В настоящее время село относится

Москва. Денежный пер., 11. Дом М. Грачёва

к Ступинскому району (сейчас г.о. Ступино — А. С.) Московской области. Предположительно, влияние на судьбу крестьянского мальчика оказал попечитель всех учебных заведений Коломенского уезда Сергей Михайлович Третьяков. В 1876 году Николай Краснов поступает в МУЖВЗ — Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где учится 10 лет. В 1882 году Н. Краснов оканчивает курс наук и переходит в старший проектный класс...». В селе установлен памятный стенд, посвящённый выдающемуся земляку, с его фотографией и видами наиболее известных его творений.

Кстати, существует версия, что с поступлением на учёбу в училище помог будущему архитектору ещё один выдающийся коломенец — Пётр Губонин.

Однако, дальнейшее прочтение биографической статьи в Википедии, посвящённой зодчему, вызывает недоумение: «29 ноября 1864 года Николай был крещён во Введенской церкви Новинского монастыря».

Новинский Введенский Богородицкий монастырь был основан на высоком холме при впадении реки Пресни в Москву-реку митрополитом Фотием между 1425 и 1431 годами. Вокруг монастыря со временем образовалась слобода, в которой жили монастырские слуги, крестьяне и ремесленники. Приходская церковь этой слободы была освящена во имя св. Иисуса Навина. Возможно, отсюда образовалось как имя окружающей местности (Новинское), так и название монастыря. По другой версии, имя местности связано с характером местности — «новых», едва освоенных окраинных земель, «выселок»; неподалёку существовало и местное село Новинки, которое значится в духовной грамоте Василия III от 1462 года.

В 1764 году Екатерина II упразднила Новинский монастырь, превратив его Введенский Храм в приходской. Остальные церкви не ремонтировались и были за ветхостью упразднены в 1780, 1789

Введенская церковь быв. Новинского монастыря (Москва), в ней был крещён Н.П. Краснов

и 1870 годах. Монастырь находился в середине квартала между современными Новинским и Девятинским переулками, неподалёку от нынешнего здания правительства г. Москвы (бывшее здание СЭВ).

Невольно возникает вопрос: зачем было везти новорожденного мальчика в Москву зимой (вспомним, родился он в ноябре), ведь в селе с XVI века существовала церковь Георгия Победоносца, современное здание которой построено в 1819-

1823 годах (т.е. за сорок лет до рождения Краснова) из кирпича: однокупольный храм в стиле классицизма с трапезной и колокольней. Ответ на этот вопрос могли бы дать церковные книги с записью о крещении младенца или метрическое свидетельство. Однако очень долго не удалось найти эти документы, хотя специалисты искали их в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), и в личном деле Н.П. Краснова, хранящемся в фонде Московского училища живописи, ваяния и зодчества (ведь именно там Краснов получил художественное образование) в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, Москва).

Разыскать необходимые документы, проливающие свет на рождение выдающегося зодчего, удалось заместителю директора Ялтинского историко-литературного музея по научной работе Зинаиде Георгиевне Ливицкой. Исследовав личное дело Н.П. Краснова в фонде Московского училища живописи, ваяния и зодчества, она обратила внимание на то, что в прошении о поступлении в училище от 31 августа 1876 года указаны прилагаемые при нём документы: метрическое свидетельство за № 115 и увольнительное свидетельство № 104, однако самих документов там нет. Есть лишь более поздняя запись о том, что 28 апреля 1884 года Краснов получил их обратно.

В ЦГИА СПб сохранилось прошение Н.П. Краснова, архитектора Высочайшего Двора, от 12 января 1912 года о причислении его к главному Управлению Уделов. Для этого необходимо было представить метрические выписки о крещении и бракосочетании. В прошении Николай Петрович сообщал, что вместо метрической выписки о крещении он представил «аттестат, выданный из Таврического губернского правления, — метрическая же выпись из Губернского правления мне не возвращена за потерей ее в правлении». Из этого документа З.Г. Ливицкая поняла, что метри-

*Церковь Георгия Победоносца
с. Хонятино г.о. Ступино*

ческую выписку Краснова нужно искать в Крыму.

И вот, спустя почти сто лет после потери, в фонде Таврического губернского правления архива Республики Крым была найдена та самая метрическая выписка за № 115, которая была сдана в канцелярию Московского училища живописи, ваяния и зодчества, затем получена обратно и сдана в Таврическое губернское правление.

Вот этот документ: «Выписка из копии с метрической книги г. Москвы, Пречистенского Сорока, Введенской, что в бывшем Новинском монастыре, церкви, за 1864-й год. Тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года ноября 23 дня в доме Г. Костылева, Московской губернии, Коломенского уезда, Федосынской волости села Хонятина у крестьянина Государственных имуществ Петра Алексеява и законной его жены Феодосии Александровой родился сын Николай и двадцать девятого дня того же месяца крещен означенной Введенской церкви Протоиереем Феодором Васильевым Флоринским с причтом. Восприемниками были: Московский купеческий сын Александр Александров Брызгалов и Коломенского уезда села Хонятина Государственных имуществ крестьянка вдова Ирина Захарова.

В верности выписки с приложением церковной печати свидетельствует означенной Введенской церкви протоиерей Феодор Флоринский.

Дьякон Федор Румянцев

Дьячок Дмитрий [фамилия неразб.]

Пономарь Александр [фамилия неразб.]

№ 115

августа 30 дня 1867 года»

Метрическая выписка находилась среди других документов Краснова: диплома, справки о прохождении воинской повинности. Из этого документа следует, что Н.П. Краснов родился 23 ноября 1864 года по ст. ст. у крестьянина села Хонятино Краснова П.А. в Москве, а не в селе Хонятино.

Так что же, архитектор Николай Петрович Краснов не имеет к Коломне никакого отношения? И в течение ряда лет коломенцы, а позже и ступинцы (напомним, что ныне с. Хонятино входит в г.о. Ступино Московской области) напрасно считают его своим земляком? Думаю, что нет. Свой социальный статус в прошении о приёме в Училище живописи, ваяния и зодчества собственноручно написанном будущим зодчим обозначен так: «Крестьянский сын Московской губернии Коломенского уезда села Хонятино Николай Петров

Краснов» (эта подпись-то и послужила ложным следом для исследователей жизни Краснова). И ещё следует отметить, что воинскую повинность после окончания МУЖВЗ (1885) Николай Краснов в течение нескольких месяцев отбывал именно в Коломне, что, вероятно, также связано с его коломенским происхождением (как сейчас бы сказали — с припиской). Думаю, что можно узнать, какие воинские части стояли в Коломне или в Коломенском уезде в 1885-1886 гг. и, может быть, отыскать в архивах записи о прохождении воинской службы Николаем Красновым в одной из них.

БИБЛИОТЕКА

ЛЕТОПИСЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Одним из самых заметных событий прошлого года стала презентация книги Вероники Ушаковой «Шавырин».

Выдающийся конструктор Борис Иванович Шавырин — настоящая легенда отечественной и коломенской истории, «отец-основатель» славного КБМ, один из создателей оружия Победы и первых образцов высокоточного управляемого ракетного вооружения для нашей армии. Его конструкторский подвиг отмечен множеством высочайших государственных наград, премий, почётных званий.

Но Коломне он особенно дорог как строитель ледового центра и ДК, который в городе и не называли иначе, как «Шавыринский». На его основе позднее развился стяжавший всероссийскую и мировую славу Конькобежный центр «Коломна».

Символично, что выпуск этой книги, написанной доступным и прозрачным слогом, совпал с юбилеем автора — Вероники Вячеславовны Ушаковой. Для «Коломенского альманаха» это особенно важно, ибо она входит в редколлегию ежегодника и её редакторский и писательский труд поистине бесценен.

Дорогая Вероника! Мы от всего сердца поздравляем Вас со знаменательной творческой вехой и уверены, что благодаря Вам не раз станем свидетелями новых исторических и литературных открытий.

Многая Вам лета!

Издание выходит при поддержке
администрации Коломенского городского округа
и коломенских меценатов

БЛАГОДАРИМ

Дениса Юрьевича ЛЕБЕДЕВА —

главу Коломенского городского округа;

Николая Тимофеевича ВОРОНИНА —

генерального директора ООО ПКФ «ДОММ»;

Сергея Семёновича ТУБОЛЕВА —

генерального директора ООО «Колнаг»;

Валерия Семёновича КОССОВА —

генерального директора ОАО «ВНИКТИ»

Любовь Афанасьевну ЧЕРНОВУ —

доктора филологических наук, профессора
кафедры русского языка ГСГУ;

Игоря Викторовича ЧИРКОВА —

индивидуального предпринимателя;

Сергея Сергеевича СЕРГЕЕВА —

председателя Правления
группы компаний «ТЕХНО-АС»;

Юрия Михайловича УГОЛЕВА —

генерального директора ООО «Экологическая
научно-производственная фирма «Новатор»;

Юлию Владимировну ДРАНЕЕВУ —

директора НОУ ДПО «Научно-учебный центр
“Знание-Коломна”»;

Дмитрия Владимировича КОВАЛЁВА —

доктора исторических наук,
профессора, зав. кафедрой истории ГСГУ;

Евгения Владимировича ЗАХАРЧЕНКО —

генерального директора ООО «Прогресс»;

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
«КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. С. МЕЛЬНИКОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Р. В. СЛАВАЦКИЙ
А. А. САХАРОВ
В. В. УШАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Т. Ф. Башкирова (редактор отдела поэзии), **Н. В. Бредихин**, **Л. Л. Бойцова**,
И. Ю. Зимнухова, **Т. И. Кондратова** (шеф-редактор гуманитарных проектов),
Е. С. Гринин (художник), **О. В. Кочетков** (референт главного редактора),
В. В. Королёва (главный художник), **А. И. Кузовкин**, **Т. С. Лаптева**,
Н. К. Лисогорская, **С. И. Патрикеев**, **И. Е. Ракша** (шеф-редактор аналитических
проектов), **М. М. Сигал**, **М. А. Сериков**

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕДАКЦИИ

В. В. Артёмов — главный редактор журнала «Москва»
Н. Ф. Иванов — председатель правления Союза писателей России
Ю. В. Козлов — главный редактор журнала «Роман-газета»
В. Н. Крупин — писатель
С. Ю. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»
Д. Ю. Лебедев — глава Коломенского городского округа
В. В. Личутин — писатель
А. Б. Мазуров — доктор исторических наук, профессор ГСГУ, депутат
Московской областной Думы
Е. Ю. Юшин — секретарь Союза писателей России

Информационная поддержка —
газеты «Московский литератор» и «День литературы»

В оформлении обложки использован фотоэтиюд Юрия Колесникова.
На стр. 2 помещены награды альманаха — медаль имени И. А. Ильина,
медаль И. И. Лажечникова и медаль И. А. Бунина

Художники: **Е. С. Гринин**, **В. В. Королёва**.
Компьютерная вёрстка **Т. А. Титова**.
Корректоры: **А. Г. Васильева**, **В. В. Ушакова**, **Н. А. Гераскина**.

Адрес редакции: 140402, Московская область, г. Коломна,
ул. Красногвардейская, д. 2 (подъезд №2). Тел. 8 (916) 919-35-04;
e-mail: melnikov-vs@yandex.ru

Электронная версия альманаха: <http://mkuorck.ru/>

Подписано в печать 08.04.2021. Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,75. Тираж 700 экз. Заказ 1022.

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а